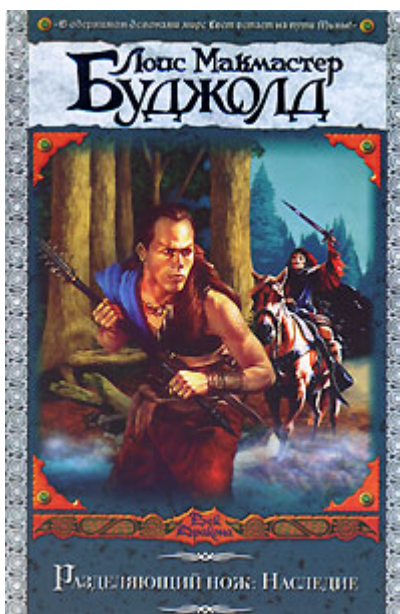

Лоис Макмастер Буджолд Наследие

Разделяющий нож – 2

Сергей <http://www.olmaglib.com>

«Разделяющий нож. Наследие»: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; Москва; 2007
ISBN 978-5-17-041512-0, 978-5-9713-4957-0, 978-5-9762-3218-1

Аннотация

Судьба одержимого демонами мира, задыхающегося в паутине древнего Зла, висит на волоске.

Свет впервые за многие века встал на пути Тьмы.

Но неужели хранителями этого Света, коим предстоит сразиться со всей мощью демонов, станут лихой и циничный искатель приключений Даг и его возлюбленная, простая крестьянка Фаун?

Какой путь предстоит проделать им, чтобы лицом к лицу встретиться с противником?

Лоис Макмастер Буджолд Разделяющий нож: Наследие

1

Даг был женат уже целых два часа и все еще не мог прийти в себя от изумления. Тяжелые концы свадебной тесьмы, обернутой вокруг предплечья, качались в такт с ленивой рысью его коня. Едущая рядом Фаун – его новобрачная, от одной мысли о чем ум его начинал таять, – ответила на его улыбку счастливым взглядом.

«Моя крестьянская женошечка». Такого просто не могло быть. Впереди ждали неприятности...

Неприятности вчера, неприятности завтра. Но никаких неприятностей сейчас. Сейчас, когда стоял самый чудесный летний день, какой только Дагу случалось видеть, он испытывал только безграничное удовлетворение.

Когда первые шесть миль пути остались позади, Даг почувствовал, что настоящая

потребность удрать со свадебного пиршества, которую испытывали они с Фаун, постепенно отпускает их. Они проехали через последнюю деревню у идущей на север вдоль реки дороги, которая теперь превратилась в две колеи, по которым, похоже, не ездили тяжело груженные фургоны; фермы стали встречаться реже, их отделял друг от друга все более густой лес. Еще несколько миль, и Даг почувствовал уверенность, что им не грозит больше ни преследование, ни грубый розыгрыш, и стал высматривать местечко для привала. Уж если Страж Озера, дозорный, не сможет в этих обширных лесах скрыться от крестьян, значит, в мире что-то пошло не так... Уединение, решил Даг, – вот самый подходящий для них с Фаун пароль.

Наконец они добрались до каменистого брода, потом проехали по берегу вверх по течению до того места, где в реку впадал чистый ручей, сбегаящий с восточных холмов. Даг повернул Копперхеда прочь от реки, и через четверть мили нашлась уютная мшистая поляна, окруженная со всех сторон высокими деревьями. Благодаря Дару Даг был уверен, что на милю вокруг поблизости нет ни единого человека. Из-за увечья ему пришлось позволить Фаун расседлать коней и разбить лагерь. Это дело было достаточно простым: только расстелить одеяла и развести костер, на котором можно было бы вскипятить воду для чая. Впрочем, от наблюдательного взгляда Фаун не укрылось, что Даг, растянувшийся на земле, опираясь на толстый ствол упавшего бука, раздраженно теребит крючком протеза перевязь, на которой лежит правая сломанная рука.

– Для тебя есть работа, – утешила она Дага. – Ты должен защищать нас от moskitov, клещей и мошек.

– И белок, – деловито добавил Даг.

– Мы с ними разделаемся, – подтвердила Фаун.

Им не пришлось ни охотиться на дичь, ни свежевать ее, ни жарить; достаточно было просто развернуть свертки, полученные на ферме Блуфилдов. Фаун и Даг ели, пока не почувствовали, что больше не в состоянии, хоть Фаун и попыталась всунуть в Дага еще кусочек. Даг начал гадать, не является ли эта новая мания кормить его традицией Блуфилдов, о которой его не предупредили, или просто следствием волнений этого дня, и Фаун пытается выполнить долг жены-крестьянки, не имеющей фермы, где можно было бы применить ее дарования. Когда Даг сравнивал все это с холодными мокрыми ночлегами во время некоторых походов, голодом, одиночеством и усталостью, он начинал думать, что по какому-то странному стечению обстоятельств забрел в легендарный рай, и вот-вот из леса появятся танцующие медведи, чтобы у костра вместе с ним и Фаун отпраздновать их свадьбу.

Подняв глаза, Даг обнаружил, что Фаун подобралась к нему поближе, и в руках ее на этот раз нет никакого угощения.

– Когда же наконец стемнеет, – вздохнула она. Даг подмигнул ей, чтобы подразнить.

– И для чего же тебе нужна темнота?

– Чтобы лечь спать!

– Ну что ж, признаю, темнота помогает уснуть. Неужели ты настолько сонная? День, правда, был утомительный. Мы можем просто завернуться в одеяла и...

Фаун вспыхнула и укоризненно ткнула Дага локтем.

– Ха! А ты разве сонный?

– И не мечтай! – Несмотря на руку на перевязи, Даг сумел посадить Фаун себе на колени. Жертва не особенно сопротивлялась, хотя соблазнительно повертелась. Как только она оказалась в досягаемости для поцелуев, пара на некоторое время нашла себе занятие. Однако потом Фаун набралась смелости, выпрямилась и коснулась тесьмы, обвивающей ее левое запястье.

– Как странно: теперь она почему-то кажется более тяжелой.

Даг поцеловал волосы Фаун, щекодавшие его подбородок.

– Это – вес ожиданий, которых раньше не было, я думаю. Я не... – Даг заколебался.

– А?

– На прошлой неделе я въехал в Вест-Блу, на ферму вашей семьи, думая... Не знаю точно, о чем я думал. Может быть, что окажусь умным Стражем Озера, который добьется своего. Я рассчитывал изменить жизни твоих родственников. Я никак не ожидал, что они обратят мою вспять. Я не привык к тому, чтобы быть «дозорным Фаун» и уж тем более мужем Фаун, но теперь я им стал. Не знаю, поняла ли ты, но это меняет мой Дар. То, что произошло, отражается не только на тесьме, – изменение касается нашей глубинной сути. – Даг кивнул на рукав, под которым скрывался его браслет. – Может быть, ощущение тяжести – просто растерянность из-за того, что мы стали новыми людьми.

– Хм-м... – Фаун откинулась, на некоторое время успокоившись, но тут же опять выпрямилась и закусила губу, как обычно делала перед тем, как коснуться какого-то трудного вопроса – коснуться, как правило, очертя голову.

– Даг... Насчет моего Дара...

– Я обожаю твой Дар.

Губы Фаун тронула улыбка, но серьезность сразу же вернулась.

– Прошло четыре недели с тех пор, как... как на меня напал Злой. Думаю, что внутри у меня все уже зажило.

– Я тоже так думаю.

– Так не могли бы мы... Я хочу сказать, не могли бы мы сегодня ночью... мы ведь никогда еще... Я не жалею, ты не думай! Ты... э-э... ты говорил, что в Даре женщины появляется особый рисунок, когда она может зачать ребенка. Сегодня у меня такой рисунок есть?

– Еще нет. Впрочем, не думаю, что пройдет много времени до того, как твое тело вернется к своему обычному состоянию.

– Значит, мы могли бы... Я хочу сказать – сделать все обычным способом... сегодня ночью.

– Сегодня ночью, Искорка, мы можем делать все так, как ты захочешь. То есть в пределах физически возможного, – предусмотрительно добавил Даг.

Фаун хихикнула.

– Никак не пойму, как это ты научился всяким штучкам.

– Ну, не всем сразу, да защитят меня отсутствующие боги. За долгие годы узнаешь тут одно, там другое... Подозреваю, что люди все время заново изобретают основные вещи. Со своим телом можно делать не все на свете – с успехом и с удовольствием я хочу сказать. А трюки лучше вообще забыть.

– Трюки? – с любопытством переспросила Фаун.

– О трюках мы забудем, – решительно сказал Даг. – Одной сломанной руки достаточно.

– Даже чересчур много, по-моему. – Новое беспокойство заставило Фаун нахмурить брови. – Э-э... Я представляла себе, что ты будешь опираться на локти, но, пожалуй, не стоит. Это не так уж удобно, и я вовсе не хотела бы, чтобы ты повредил руку, так что ей пришлось бы срастаться заново. Да и если рука у тебя соскользнет, ты в самом деле раздавишь меня, как гусеницу.

Дагу потребовалось несколько мгновений, чтобы разгадать, что смущает Фаун.

– Ах, никаких проблем. Мы просто поменяемся местами – кто сверху, а кто снизу. Раз ты можешь ехать верхом на лошади – а это, как я знаю, получается у тебя хорошо, – ты сможешь и меня оседлать. А уж раздавливать меня ты можешь сколько душе угодно.

Фаун обдумала услышанное.

– Не уверена, что сумею делать это правильно.

– Если ты сделаешь что-нибудь действительно неправильное, обещаю: я начну вопить от боли, так что ты сразу все поймешь.

Фаун ухмыльнулась, хоть и не без некоторого беспокойства.

Поцелуи постепенно перешли в раздевание, и снова, к сожалению и удовольствию Дага, большую часть работы пришлось делать Фаун. Даг нашел, что она слишком быстро и деловито снимает собственную одежду, хотя результат показался ему замечательным.

Закатное солнце золотыми пальцами дотянулось между ветвями деревьев до Фаун, лаская ее тело, по которому при движениях скользили тени листьев; Фаун вполне могла сойти за сказочную лесную деву, которые, если верить легендам, появлялись из древесных стволов и соблазняли неосторожных путников. То, как ее прелестные грудки колыхались в собственном ритме, не следуя за остальным телом, представлялось Дагу захватывающим зрелищем. Фаун сложила и убрала его потрясающую свадебную рубашку со всей заботой, которой она заслуживала; Даг растянулся на одеяле и позволил стянуть с себя штаны и трусы, одобрив целеустремленность Фаун. Остальную одежду Фаун тоже аккуратно сложила, потом села – нет, плюхнулась – на одеяло рядом с Дагом. Мгновение наступившего покоя было восхитительным.

– Протез. Оставить или снять?

– Хм-м... Снять, я думаю. Ни к чему рисковать тем, чтобы ткнуть тебя крюком по рассеянности. – Ему на ум пришло тревожное воспоминание об окровавленных пальцах Фаун, сплетающих браслет, и Даг заново ощутил тихое пение живого Дара в обвивающей его руку тесьме. Ее живого Дара...

Умелыми руками Фаун расстегнула ремни и положила протез поверх стопки одежды; Даг заново поразился тому, как легко все у него получается с ее помощью.

За одним исключением: проклятие, ни одной действующей руки он так и не имел. Перевязь Фаун сняла одновременно с рубашкой, и Даг попытался поднять правую руку и пошевелить пальцами. Ох... Нет. Пока еще движения вредны. Кожа, вспотевшая в жаркий день, чесалась под лубком и бинтами. Касаться Фаун рукой он не мог. Что ж, было кое-что, что он сумеет сделать языком – особенно сейчас, когда Фаун вернулась, закончив раздевание, и прижалась к нему, – хотя добраться до нужного места в нужный момент в этой позиции было бы нелегко.

Фаун оторвала губы от губ Дага и начала передвигаться ниже. Это было замечательно, но казалось почти излишним; в конце концов, прошло больше недели...

«Раньше проходили годы, а я их едва замечал».

Даг попытался расслабиться и позволить Фаун любить себя. Из расслабления ничего не получилось. Бедрa Дага резко дернулись, когда внимание Фаун сосредоточилось на нижних частях тела. Фаун перекинула ногу через Дага, повернулась к нему лицом и попыталась найти нужную позицию. Потом замерла.

– Э-э?... – Даг попытался вежливо задать вопрос, но издал только какой-то неразборчивый звук.

Лицо Фаун было напряженным.

– У меня должно было получиться лучше.

– Масло? – прокаркал Даг.

– Разве мне для этого должно быть нужно масло? «Нет, будь у меня рука, чтобы подготовить тебя...»

– К черту «должно», делай то, что помогает. У тебя на лице не должно было бы быть такой растерянности.

– Хм-м... – Фаун поднялась, дотянулась до седельной сумки и стала в ней рыться. Сзади, когда она наклонялась, открывался тоже очень приятный вид... Раздалось победное восклицание, потом Фаун ойкнула и остановилась, потирая одну ногу о другую: наступила на камешек. Да разве сейчас время обращать внимание на какой-то камешек?

Наконец она вернулась и скользнула по Дагу. Маленькие руки стали втирать масло, что заставило Дага подпрыгнуть, хоть он тут же взял себя в руки. Пусть она делает что хочет и не спешит... Так Фаун и попыталась сделать.

На ее лице снова появилось целеустремленное выражение.

– Девственность ведь не может восстановиться, верно?

– Не думаю, что такое возможно.

– Я не думала, что во второй раз будет больно.

– Наверное, просто мышцы не привыкли. Еще не научились... требуется практика. –

Невозможность обхватить руками бедра Фаун и направить куда нужно сводила Дага с ума.

Фаун моргнула, обдумывая услышанное.

– Это правда или еще одна хитрая выдумка дозорных?

– А разве не может быть одновременно и того, и другого?

Фаун усмехнулась, поерзала и расцвела.

– Ах! Дело пошло!

«И в самом деле пошло».

Даг охнул, а Фаун медленно и очень, очень тесно прильнула к нему.

– Да... очень... здорово.

– Ведь ребенок целиком вылезает оттуда, – пробормотала Фаун. – Наверняка должно было бы растянуться посильнее.

– Дай... себе... время. – Проклятие, при нормальном развитии событий это она сейчас не могла бы найти слов. Сегодня у них не совпадал ритм... Даг терял рассудок, а Фаун вдруг стала болтливой. – Вот теперь хорошо..

Фаун озадаченно свела брови.

– Разве мы не должны бы получать удовольствие по очереди?

– Д-думаю, – Дагу пришлось сглотнуть, чтобы суметь выдавить из себя хоть слово, – надеюсь, тебе хорошо. Подозреваю, что мне приятнее... Мне просто замечательно.

– Ну, тогда все в порядке. – Фаун замерла, потом переменяла позу. Сейчас никак не годилось бы завопить, задергаться и умолять ее не останавливаться... Это просто испугало бы Фаун. Даг совсем не хотел ее пугать. Она могла бы вскочить и убежать, а такое было бы трагедией. Даг хотел, чтобы Фаун успокоилась и обрела уверенность... Ну вот, она снова улыбнулась.

– Какое у тебя забавное сейчас лицо, – заметила Фаун.

– Еще бы.

Улыбка Фаун стала шире. Слишком нежно и робко, но все же она начала двигаться.

«Благодарение отсутствующим богам!»

– В конце концов, – Фаун продолжала развивать мысль, которую Даг давно потерял, – мама ведь родила близнецов, а она ненамного выше меня. Правда, тетушка Нетти говорила, что под конец она их напугала...

– Что? – непонимающе спросил Даг.

– Близнецы. В маминной семье рождались близнецы, так что несправедливо с ее стороны было винить папу, говорила тетушка Нетти, да только тогда мама была не особенно рассудительна.

Это замечание заставило затуманенный разум Дага переключиться на не возникавшую у него раньше мысль о том, что Искорка может родить близнецов – его детей, – и голова у него закружилась. Потом... Он на самом деле еще и об одном ребенке не думал.

«Учитывая, чем ты сейчас занят, старый дозорный, может быть, уже и пора подумать».

Эти глубоко личные размышления оказали на них своеобразное действие: Даг стал казаться себе слишком натянутым – так что тетива вот-вот лопнет – луком, а Фаун расслабилась. Ее глаза потемнели, и раскачиваться она стала с большей уверенностью. Ее Дар, связанный раньше неудобством и неуверенностью, снова начал свободно струиться.

«Наконец!»

Однако при таком темпе Даг долго не выдержал бы... Он позволил своим бедрам начать колебаться в том же ритме, что и Фаун.

– Если бы моя рука могла действовать, нам не пришлось бы думать о том, чья сейчас очередь получить удовольствие... – Пальцы Дага бессильно дернулись.

– Еще одна причина оставить ее в покое, чтобы все скорее зажило, – выдохнула Фаун. – Опустить свою бедную сломанную руку на одеяло.

– Ах... – Как же ему хотелось прикоснуться к ней! Воспользоваться Даром? Того, что было достаточно для москита, здесь не хватит. А если Дар левой руки?.. Даг вспомнил стеклянную чашу, разбившуюся и вновь соединившуюся. Это уже был не москит... Если так

коснуться Фаун, не найдет ли она это извращением, пугающим и отвратительным? И сможет ли он... Но ведь сейчас – свадебная ночь Фаун. Фаун не должна вспоминать о ней с разочарованием. Даг положил левую руку себе на живот – туда, где их тела соприкасались.

«Считай это упражнением для развития силы призрачной руки. Такое не сравнится с обработкой шкур скребком».

Еще немного... Вот!

– Ох! – Глаза Фаун широко распахнулись, она наклонилась вперед, всматриваясь в лицо Дага. – Что ты сделал?

– Поэкспериментировал, – выдавил он сквозь стиснутые зубы. Наверняка его глаза сейчас были такими же широко раскрытыми и безумными, как и ее. – Думаю, перелом правой руки разбудил Дар левой. Нравится, нет?

– Не уверена... Еще!

– Ох...

– Ох... да... Вот оно...

– Так хорошо?

Ее единственным ответом был громкий вздох... и неистовые движения, которые вдруг замерли. Это было прекрасно: натянутая тетива наконец лопнула, и все поглотило белое пламя.

Даг не думал, что потерял сознание, но когда он пришел в себя, Фаун лежала у него на груди, тяжело дыша и смеясь одновременно.

– Даг! Это было... это было... Может, ты всегда был способен на такое? Или ты берег это как свадебный подарок?

– Понятия не имею, – признался Даг. – Никогда раньше ничего подобного не делал. Я даже не очень представляю себе, что сделал.

– Ну, это было просто... просто замечательно. – Фаун села и откинула волосы, пытаясь сохранить рассудительный тон, но не выдержала и беспомощно рассмеялась.

– У меня голова кружится. Ощущение такое, словно я сейчас упаду.

– Ты же и так лежишь!

– Очень удачно...

Фаун свернулась калачиком и позволила Дагу обнять себя левой рукой. Некоторое время они оба молчали. Даг не то чтобы заснул, но и назвать свое состояние бодрствованием не мог бы. Словно его огрели по голове дубинкой... Наконец Фаун поднялась, обмыла себя и Дага и натянула на них обоих ночную одежду – голубые тени сумерек сменились ночной темнотой, которая принесла с собой прохладу. К тому времени, когда Фаун снова улеглась с ним рядом – на этот раз под одеялом, – Даг окончательно проснулся и теперь смотрел сквозь ветви на первые звезды.

Тонкие пальчики Фаун коснулись морщин у него на лбу.

– Ты в порядке? Я-то в полном порядке.

Даг сумел улыбнуться и поцеловал ее пальцы.

– Должен признаться, что немного не в себе. Ты же помнишь, как я... как меня трясло после того случая со стеклянной чашей.

– Ох, тебя же не будет тошнить, как тогда?

– Нет, конечно. Да на сей раз я и не затратил так много сил. Скорее это меня взбодрило. Дело в том... когда я восстановил чашу, я впервые воспользовался... как бы ее назвать... призрачной рукой. Потом я втайне пробовал еще несколько раз заставить ее появиться, но ничего не получалось. Я не мог разобраться... Тогда, в гостинной, ты была огорчена, я тоже, и я хотел... ну, не знаю – наверное, исправить... А сейчас я не был огорчен, хотя, конечно, был... э-э... взволнован. Взлетел, как сказала бы твоя тетушка Нетти. Только теперь я снова упал на землю, и призрачная рука исчезла.

Взглянув на Фаун, Даг обнаружил, что она, опираясь на локоть, смотрит на него со своим обычным заинтересованным выражением – смотрит счастливыми глазами, без страха или отвращения.

– Ты не возражаешь против всех этих... этих странностей? – сказал он. – Ты ведь считаешь, что тут нет отличия от всех прочих вещей, которые я делаю, верно?

Фаун в задумчивости подняла брови.

– Что ж, ты зовешь к себе коней, отгоняешь moskitов, освещаешь кусты светлячками и убиваешь Злых, а еще знаешь, где кто на расстоянии мили в окружности, и что-то сделал с Ридом и Рашем – эффект оказался просто волшебным. А уж что ты делаешь со мной, я и описать не могу – по крайней мере приличными словами. Так откуда ты знаешь, что и тут не то же самое?

Даг открыл рот, потом закрыл, озадаченный тем поворотом, который придала его вопросу Фаун.

Она склонила голову к плечу и продолжала:

– Ты говорил, что у Стражей Озера Дар просыпается не сразу, а дети его и вовсе не чувствуют. Может быть, эта твоя способность просто проявилась с задержкой, хоть и была у тебя всегда. А может быть, она возникает со временем и сейчас подошел нужный момент.

– Такая мысль для меня нова. – Даг вытянулся на спине, глядя в безоблачное ночное небо. В последнее время его жизнь была полна новых открытий. Некоторые из них представляли собой проблемы, но Даг должен был признать: были и такие – старые, надоевшие, вызывающие отвращение, – которые полностью отпали. Даг начал подозревать, что не только перелом правой руки оказался причиной этих странных изменений. Крестьянская девушка словно вспахала его Дар... Как это говорится? Открыла новый путь. Очень точное описание того, что происходило с его Даром. Даг заморгал, чтобы прогнать далеко заводящие мысли и не позволить своей голове разболеться.

– Видишь, это случилось уже дважды, – продолжала размышлять Фаун. – Значит, такое может происходить... э-э... во всяком случае, больше чем один раз. И мне кажется, у тебя нет причин огорчаться. Очень многообещающее событие...

– Не уверен, что смогу снова это повторить.

– Было бы досадно, – задумчиво сказала Фаун, но ее глаза смеялись. – Что ж, попробуй в следующий раз, и посмотрим, что получится. А если не получится, ты, похоже, очень изобретателен в постели: мы просто попробуем что-нибудь другое, и получится не хуже. – Фаун решительно кивнула.

– Хорошо, – смущенно ответил Даг. – Так и порешим.

Фаун снова улеглась, прижавшись к Дагу, и крепко обняла его.

– Уж ты не сомневайся.

На радость Фаун, следующим утром они не торопились покидать полянку, попытавшись повторить некоторые из достижений прошлой ночи; одни попытки были успешными, другие – нет. Дагу не удалось снова вызвать свою призрачную руку – возможно, из-за того, что он слишком расслабился; это вызвало у него смешанные чувства – и разочарование, и облегчение. Как и предположила Фаун, он нашел другие способы доставить ей удовольствие; правда, ей показалось, что он слишком уж старается, и она снова стала за него тревожиться, что не помогло расслабиться ей самой.

Фаун накормила Дата замечательным завтраком, потом оседлала коней, и к полудню они снова выехали на тянущуюся вдоль реки дорогу. В середине дня долина наконец кончилась, и Даг свернул на ведущую на запад неприметную тропу. Теперь они ехали по лесистой местности – иногда друг за другом по извилистым дорожкам, иногда рядом, когда тропа расширялась. Фаун скоро перестала ориентироваться – конечно, если свернуть на восток, рано или поздно доберешься до реки, так что, как она решила, она не знала только дороги вперед, похоже, хорошо известной Дагу.

Два дня они спешили через лес... спешили, может быть, было бы чересчур сильно сказано – останавливались на ночлег они рано, а отправлялись в дорогу поздно. Дважды Дагу удалось заставить свою призрачную руку появиться, дважды – не удалось; явной причины ни для того, ни для другого он не нашел, что его глубоко озадачило. Фаун немного

Удивило выбранное им жутковатое название для вновь обнаруженной способности Дара. Даг продолжал тревожиться независимо от удачи или неудачи, и Фаун в конце концов решила: Даг так давно не обращает внимания на совершаемые им постоянно чудеса, что позабыл, каково это – блуждать в потемках; такое заключение заставило ее фыркнуть без особой симпатии.

Фаун постепенно стала замечать, что Даг не торопится добраться до цели, несмотря на опасения разминуться со своим отрядом, и причина этого не только в очевидном желании продлить пребывание под одеялом. Саму Фаун все больше снедало любопытство по поводу того, что ждет их впереди, и она была бы не прочь ехать побыстрее, но Даг пустил коней галопом только на третье утро, да и то только потому, что погода стала портиться. Ветер с запада принес высокие тонкие облака, которые и Стражи Озера, и крестьяне называли «конскими перьями», и они сделали закат замечательно красивым – розовые полосы на вечерней синеве неба, – но воздух стал туманным и душным, предвещая надвигающуюся грозу. После грозы день обычно бывал ясным и свежим, однако сначала нужно было пережить непогоду. Даг сказал, что к концу дня они могли бы добраться до лагеря, если поторопятся.

К полудню путники выехали из леса и оказались на равнине, по которой бежал ручей; вдоль него шла накатанная дорога, и Фаун снова смогла ехать рядом с Дагом.

– Ты как-то обещал мне рассказать историю Утау и Рази, если будешь более пьяным или более трезвым. Сейчас ты выглядишь совсем трезвым.

Даг слегка улыбнулся.

– Правда? Ну что ж...

– Когда мне удастся заставить тебя говорить о своем народе, это помогает мне лучше представить себе то, что меня ждет.

– Сомневаюсь, что в этом отношении история Утау тебе поможет.

– Может быть, и нет, но по крайней мере я по незнанию не лягну какую-нибудь глупость.

Даг пожал плечами, хотя и поправил Фаун:

– По незнанию – может быть, но это никогда не будет глупостью.

– В любом случае мне придется краснеть.

– Ты краснеешь очень мило, но я понимаю, что ты имеешь в виду. Ну так вот... Утау был не меньше десяти лет связан узами с Сарри Оттер, но детей у них не было. Так иногда случается, и даже при помощи Дара Стражам Озера не удается понять, в чем тут дело. Обе семьи – и его, и ее – требовали, чтобы они разорвали узы и попробовали счастья с другими супругами...

– погоди! Что ты сказал? Люди могут разорвать свои брачные узы? Что это значит и как такое происходит? – Фаун оберегающим жестом положила правую руку на левое запястье, потом поспешно вернула ее на бедро. Фаун пришлось ударить пятками в бока Грейс, чтобы кобыла не отставала от длинноногого Копперхеда.

– У разных пар причины разрыва уз бывают самыми разными, но отсутствие детей после долгих попыток ими обзавестись считается уважительной причиной, не позорящей ни одну из сторон. Трудности возникают, если только один из супругов соглашается на разрыв; тогда споры охватывают оба семейных шатра и могут привести к вражде... или стать очень нудными, ведь приходится выслушивать всех снова и снова. Но если оба супруга согласны, обряд бывает похож на наложение уз, только наоборот. Свадебные браслеты снимаются, и тесьма обертывается вокруг рук, только в обратном направлении, и связывается узлом, а потом тот, кто благословлял союз, берет нож и рассекает узел, и каждый супруг забирает свою часть тесьмы.

Не костяным ли ножом рассекается узел, подумала Фаун.

– Дар каждого супруга возвращается к своему источнику, вот и все. Люди обычно потом сжигают мертвую тесьму. – Даг искоса взглянул на насупившуюся Фаун. – А разве у крестьян браки никогда не распадаются?

– Думаю, такое случается, но нечасто. Земля и дети держат супругов вместе. И еще неудачный брак считается позором. Бывает, что мужчина или женщина покидает семью, но это больше похоже на попытку отгрызть себе ногу, чтобы выбраться из капкана. Приходится оставлять так много, так много несделанной работы... И так много надежд, мне кажется. Однажды я слышала, – добавила Фаун, – о паре в одной из деревень к югу от нашей фермы, которая рассталась через две недели после свадьбы. Новобрачная со всем своим имуществом просто вернулась в родительский дом – она еще не успела устроиться на новом месте, – а запись в семейной книге стерли. Никто не пожелал объяснить мне, что там случилось, а Флетч и близнецы посмеивались... так что я думаю, дело было в каких-то постельных проблемах, хоть девица и не понесла от кого-то другого или что-то в этом роде. Все отменили быстро и без споров, так что, должно быть, у кого-то были веские причины извиняться.

– На то похоже. – Даг поднял брови, с любопытством, хотя и праздным, обдумывая услышанное. – Ладно, возвращаясь к моему рассказу... Утау и Сарри любили друг друга, несмотря на свои горести, и не хотели расставаться. И оба они были в дружеских отношениях с двоюродным братом Утау Рази. Не уверен, кто кого на что уговорил, только в один прекрасный день Рази взял и перенес свои вещички в шатер Сарри и поселился вместе с теми двумя. А через несколько месяцев Сарри оказалась беременной. И в довершение всего не только Рази соединился узами с Сарри, они с Утау тоже соединились узами, так что круг замкнулся и каждый стал носить браслеты двух других. Все они теперь Оттеры. Члены всех семей некоторое время выглядели так, словно постоянно страдают от головной боли, но только тут родилась замечательная девчушка, а потом и мальчуган, которых все трое обожают. На этом беспокойство и закончилось, хотя, естественно, не закончились игривые догадки. Фаун рассмеялась.

– Естественно. – Ей на ум пришли некоторые собственные игривые догадки, но тут же пришлось сосредоточиться на другом.

Даг глубокомысленно продолжал:

– Я сам никогда не зачинал ребенка. Я всегда был очень осторожен, хотя не всегда по одной и той же причине. Очень многие мужчины попадают в беду, когда перестают стараться не попасть в цель и переключаются на то, чтобы в нее попасть. Все их прошлые усилия неожиданно начинают казаться такой ужасной ненужной тратой... Вот об этом часто и думаешь, когда ночью не спишь.

Не об этом ли думал Даг, глядя на звезды?

– Казалось бы, – сказала Фаун, – раз Дар женщины показывает определенный рисунок, должно быть легче, а не труднее зачать ребенка именно тогда, когда хочешь. – Она все еще испытывала изумление перед тем, с какой легкостью это произошло с ней самой.

– Казалось бы. И все-таки люди так часто промахиваются, и никто не знает почему. Мы с Каунео... – Голос Дага резко оборвался – это стало уже хорошо знакомо Фаун.

Фаун, затаив дыхание, молчала.

– Я никогда об этом никому не говорил...

– Ты и не должен, – тихо сказала Фаун. – Иногда хорошо бывает раскрыть сердце, но если в него слишком сильно тыкать, оно не заживет.

– Это терзает мою память уже очень, очень давно. Может быть, воспоминания обретут другой размер, если будут храниться не только у меня в голове.

– Тогда я слушаю... – Не собирается ли Даг выпустить на волю еще один кошмар?

– Так вот... – Даг смотрел прямо вперед между ушами Копперхеда. – Мы были связаны узами уже почти год, я начал чувствовать, что освоился с обязанностями командира эскадрона, и мы решили, что пора завести ребенка. Это было как раз перед тем, как разразилась война с волками. Мы пытались добиться зачатия два месяца подряд и потерпели неудачу. На третий месяц в нужный момент я отсутствовал; теперь я уж и вспомнить не могу, какое дело показалось мне таким важным. Я даже не помню, в чем тогда заключались мои обязанности. Проверка готовности воинов или что-то в этом роде... А на четвертый

месяц началась война, и мы оба оказались заняты по горло. Если бы к тому времени Каунео была беременна, она осталась бы в лагере и не повела свой отряд на Волчий перевал. И что бы потом ни случилось, и она, и ребенок остались бы в живых. Если бы мы не потеряли тот месяц...

Фаун ощутила странный жар в сердце, как если бы боль от старой раны Дага через Дар передалась и ей.

«Это не такой секрет, который было бы легко нести с собой всю жизнь».

Фаун попробовала пойти по очевидному пути:

– Ты не можешь знать этого наверняка.

– Я знаю, что не могу. Не думаю, что найдется еще какая-нибудь мысль, которую я бы настолько же протер до дыр. Может быть, отряд Каунео и был тем последним оплотом, который удержал перевал после того, как я потерял сознание. Может быть. У меня есть друг, первая жена которого умерла при родах. Я знаю, что он мучается сожалениями не меньше меня, хоть и по прямо противоположной причине. Ничего нельзя знать... Наверное, нужно просто привыкнуть к тому, что не знаешь.

Даг некоторое время молчал, и приунывшая Фаун тоже ничего не говорила. Впрочем, может быть, ему только и нужно было, чтобы его выслушали? Неожиданно Фаун подумала о том, не сомневается ли Даг в своей способности иметь детей. Пятьдесят пять лет – долгое время для мужчины, чтобы оставаться бездетным, хотя у Фаун и не сложилось впечатления, чтобы он имел дело со многими женщинами до или после Каунео; а уж когда имел, то был очень осторожен... Ее собственная история была такова, что, если ребенка не появится, когда они его наконец захотят, не возникнет сомнений в том, кто несет за это ответственность. Может быть, Даг боялся ее разочаровать?

Мысли Дага, по-видимому, текли теперь по другому руслу, потому что он сказал:

– У меня не так много близких родственников, как у тебя – в живых теперь только мать, брат и его жена. Все мои племянники уже покинули шатер: кто-то – в дозоре, кто-то – в подмастерьях. Пока только один из них связан узами.

Племянники и племянницы Дага были, по его рассказам, примерно того же возраста, что Фаун и ее братья. Фаун кивнула.

– Я рассчитываю незаметно проскользнуть в лагерь, – продолжал Даг. – Никак не могу решить: кому первому доложить о своем прибытии – Громовержцу или моей семье. Наверное, слухи о расправе со Злым в окрестностях Глассфорджа дошли до лагеря еще до прибытия Мари; в этом случае Громовержец захочет получить полный отчет. И о ноже я должен ему сообщить. Однако я хотел бы представить тебя своим матери и брату так, как мне хочется, прежде чем они узнают новости от кого-то еще.

– Ну а кто меньше обидится, оказавшись вторым? – спросила Фаун.

– Трудно сказать, – сухо улыбнулся Даг. – Мама дольше будет испытывать неудовольствие, но и Громовержец таких промахов не забывает.

– Мне не следовало бы начинать с того, чтобы обидеть свою свекровь.

– Искорка, боюсь, что некоторые люди обидятся, что бы мы с тобой ни делали. То, что мы совершили, не принято, хоть мы и действовали со всей честностью.

– Ну, среди крестьян тоже есть такие, – сказала Фаун, стараясь сохранить оптимизм. – Им ничем не угодишь. Остается только пытаться... по крайней мере пытаться не сломаться первым. – Фаун обдумала проблему и сказала: – Лучше начать с того, от кого ожидаешь самого худшего. Тогда, если уж придется, можно сбежать, сославшись на необходимость повидаться с другим.

Даг рассмеялся.

– Хороший совет. Может быть, я так и сделаю. – Однако кого он считает самой большой угрозой, он так и не сказал.

Весь этот день они ехали, не останавливаясь. Фаун подумала, что могла бы определить, когда до озера останется недалеко: небо становилось все светлее, а настроение Дага – все сумрачнее. Как бы то ни было, он делался все молчаливее, хотя взгляды, которые он бросал

вперед, становились все более острыми. Наконец он поднял голову и сообщил:

– Дар часового на мосту и мой только что соприкоснулись. Остается всего миля.

Путники свернули с тропы, по которой ехали, на более торную дорогу, описывающую широкую дугу. Равнина тут была совсем плоской; леса, где росли дубы, буки, орешник, уступили место широким лугам. На дальнем конце дуга кто-то, растянувшийся на спине пасущейся лошади, так что ноги свешивались с обеих сторон брюха, выпрямился, помахал рукой, потом ударил лошадь пятками и поскакал навстречу.

Лошадь не имела ни седла, ни узды, да и всадник немногим уступал ей по части отсутствия одежды. Кроме сапог, довольно мятых полотняных трусов и пояса с ножнами на нем не было ничего, кроме загорелой кожи. Оказавшись рядом, он выплюнул травинку, которую жевал, и воскликнул:

– Даг! Так ты жив!

Остановив своего коня, он вытаращил глаза на руку Дага в лубке и на застенчиво отставшую от Дага Фаун.

– Ну и вид у тебя! Никто не говорил, что у тебя сломана кость. Да еще и правая рука... Отсутствующие боги, как же ты вообще справляешься?

Даг ответил на приветствие ничего не говорящим кивком, хоть и улыбнулся.

– Мне кое в чем оказывается помощь.

– Это и есть твоя крестьяночка? – Часовой смотрел на Фаун так, словно крестьянские девушки были такой же легендой, как танцующие медведи. – Мари Редвинг решила, что тебя оскопила толпа разъяренных фермеров. Громовержец кипит, твоя мама считает тебя мертвым и обвиняет в этом Мари, а брат жалуется, что в таком гвалте не может работать.

– Ах, – глухим голосом сказал Даг, – значит, отряд Мари добрался быстро?

– Прибыл вчера днем.

– У всех было время побывать дома и посплетничать, как я вижу.

– У озера только о тебе и говорят. Опять. – Часовой прищурился и направил своего коня ближе к путникам, что заставило Копперхеда предостерегающе взвизгнуть, демонстрируя свои плохие манеры. Часовой, как поняла Фаун, пытался получше разглядеть ее левое запястье. – Люди целый день передавали тебе срочные сообщения на случай, если я тебя увижу. Громовержец, Мари, твоя мама, хоть и твердит, что ты погиб, и твой брат – все хотят сразу же тебя видеть. – Парень ухмыльнулся, сообщив об этих невозможных требованиях.

Даг был очень близок, подумала Фаун, к тому, чтобы просто опустить голову на гриву коня и не двигаться.

– Добро пожаловать домой, Даг, – пробормотал он, но тут же выпрямился и направил Копперхеда так, чтобы ехать рядом с Фаун. Наклонившись к ней, он попросил: – Закатай мой рукав, Искорка. Похоже на то, что денек сегодня будет жаркий.

2

Мост, сделанный из грубо оструганных досок, у которого нес дозор парень, был низким и длинным, достаточно широким, чтобы по нему могли проехать рядом два всадника. Фаун заинтересованно вертела головой. Мутная вода под мостом была покрыта листьями кувшинок и водорослями; неподалеку утки с зелеными головами сновали в зарослях рогоза, тянувшихся вдоль берега.

– Это река или залив озера?

– Понемножку и того, и другого, – ответил Даг. – Тут как раз впадает один из ручьев-притоков, но вода разливается в обе стороны. Добро пожаловать на остров Двух Мостов.

– Мостов и в самом деле два?

– На самом деле три, но третий ведет на остров Кобылы. Второй мост на берег озера расположен в западном конце острова, примерно в двух милях отсюда. А здесь – самый узкий пролив.

– Вроде рва?

– Летом очень даже похоже на ров. Все остальные острова можно защищать прямо здесь, если потребуется защита. После сильных морозов пролив становится чем-то вроде ледяной дамбы, но к этому времени большая часть народа уже перебирается в зимний лагерь у Медвежьего Брода. Брод там действительно есть, а вот медведи по большей части отсутствуют. Лагерь расположен на низком холме, если, конечно, возвышенности в этих краях можно так назвать. Те, кто не бывал в округах, удаленных от берега, считают их холмами.

– Ты родился здесь или там?

– Здесь. Поздней осенью. Мы должны были уже переселиться в зимний лагерь, но мое появление вызвало задержку. Это была первая из моих многочисленных провинностей. – Улыбка, которая сопровождала эти слова, была еле заметной.

Редкий лес на равнине не позволял многого увидеть впереди; у поворота дороги Копперхед притворился испуганным, когда перед ним оказалась дюжина диких индеек. Птицы посмотрели на мерина с явным пренебрежением и не спеша скрылись в кустах. У следующего поворота Даг съехал на обочину, и Фаун последовала его примеру: нужно было пропустить караван. Впереди ехал седой мужчина, ведя дюжину вьючных лошадей, нагруженных тяжелыми корзинами с какими-то темными круглыми комками; чтобы они не рассыпались, сверху крепились грубые веревочные сетки. Замыкал вереницу подросток верхом на смиренной лошадке. Фаун вытаращила на них глаза.

– Не думаю, что так перевозят отрубленные головы, но издали очень похоже. Неудивительно, что вас считают людоедами.

: Даг рассмеялся, оглянувшись на удаляющийся караван.

– Знаешь, а ведь ты права! Это, любовь моя, кидальники, которые отвозят на зимнее хранение. Сейчас как раз их сезон. В конце лета долг каждого Стража Озера – наесться до отвала свежих кидальников. Ты еще все о них узнаешь.

По его тону Фаун не смогла понять, было ли это угрозой или обещанием, но ей приятно было видеть лукавую улыбку Дага.

– Я рассчитываю узнать все обо всем.

Даг тепло и ободряюще кивнул ей и снова направил коня вперед. Фаун гадала, когда же она наконец увидит шатры – и особенно шатер Дага.

Яркие солнечные блики на воде, которые не скрывала редкая поросль деревьев – росли здесь в основном карий, – говорили о близости берега. Фаун привстала на стременах, пытаясь разглядеть озеро.

– Хижины! – удивленно воскликнула она.

– Шатры, – поправил ее Даг.

– Хижины с навесами... – Фаун жадно рассматривала приближающиеся строения. К берегу озера теснилось с полдюжины бревенчатых домов; в большинстве, судя по трубам из дикого камня, имелись единственные очаги, хотя, возможно, и выходящие на две стороны. Окон было немного, а дверей не имелось вовсе: одна стена у домов отсутствовала, замененная широким навесом из шкур на шестах, так что образовывалось что-то вроде длинной галереи. Фаун заметила внутри несколько движущихся фигур; какая-то женщина в юбке пересекала двор, держа за руку только начинающего ходить малыша. Может быть, штаны носят только женщины-дозорные?

– Если в доме нет одной стены, это шатер, а не постоянно существующее здание, и поэтому его не нужно сжигать каждые десять лет. – Даг говорил так, словно отвечает выученный наизусть урок.

Фаун изумленно сморщила нос.

– Как это?

– Ты можешь считать это религиозным верованием, хотя обычно на этот счет идут споры. В теории Стражам Озера не полагается строить постоянные здания. Города представляют собой мишени, так же как и фермы. Мишенью является все большое и тяжелое

или настолько для тебя ценное, что ты не можешь бросить это и бежать, если приходится. Фермеры, защищают свой дом ценой жизни, Стражи Озера отступают, и перегруппировываются. То есть так было бы, если бы мы жили в теории, а не на острове Двух Мостов. На деле при каждом десятилетнем Освящении сжигаются только те постройки, до которых добрались термиты. Некоторые зануды, предрекают тяжкие наказания за подобное вероотступничество. Мой опыт говорит, что тяжкие наказания выпадают нам сами по себе, независимо от вероотступничества, так что я не особенно об этом беспокоюсь.

Фаун покачала головой.

«Может быть, мне предстоит усвоить больше, чем я думала».

Они с Дагом миновали еще несколько групп таких же строений. У каждого из них имелся причал, выступающий в воды озера, или плот, привязанный к шесту на берегу; у одного из таких причалов Фаун заметила странную лодку, длинную и узкую. Из труб поднимался дым, на веревках совсем по-домашнему сушилось белье. На солнечных участках виднелись огороды, по границам расчищенных полей росли фруктовые деревья, между которыми были расставлены ульи.

– Сколько же Стражей Озера живет на этом острове?

– В разгар лета около трех тысяч. Есть еще две группы островов, слишком удаленные отсюда, чтобы острова можно было соединить мостами; на них живут еще тысячи четыре Стражей Озера. Если мы хотим их посетить, можно или проплыть две мили на лодке, или проехать по берегу двадцать миль. Еще около тысячи человек присматривают за Медвежьим Бродом, так же как тысяча человек остается на зиму тут. Лагерь Хикори – один из самых больших в Олеане. Наш успех включает в себе и наказание: мы несем дозор на самой большой территории и посылаем по обмену в другие лагеря вдвое больше дозорных, чем получаем сами. – В голосе Дага прозвучала гордость, хотя последние слова скорее можно было бы принять за жалобу, чем за хвастовство. Даг показал на что-то впереди, чего Фаун еще не видела, и жестом велел ей съехать с дороги, направив на обочину и Копперхеда.

Под звон сбруи и стук копыт мимо них колонной по двое проехал отряд – очень похожий на тот, который Фаун впервые увидела у дома с колодцем, что теперь начинало ей казаться событием какой-то прошлой жизни. Эти дозорные выглядели свежими и отдохнувшими и необычно опрятными, так что Фаун предположила, что они еще только направляются в тот округ, который должны объезжать в поисках своей кошмарной добычи. Большинство воинов узнали Дага и принялись выкрикивать удивленные приветствия; поскольку поводья были обмотаны вокруг крюка, а другая рука Дага лежала на перевязи, он не мог помахать им в ответ, но кивнул и улыбнулся. Отряд не задержался, но многие дозорные повернулись в седлах и еще долго глазели на странную пару.

– Ребята Бари, – сказал Даг, глядя им вслед. – Двадцать два человека.

Так он их пересчитал?

– Двадцать два – это хорошо или плохо?

– Для этого времени года совсем не плохо. Сезон сейчас горячий. – Даг дернул за поводья, и они снова выехали на дорогу.

Фаун снова принялась размышлять о том, какой окажется ее жизнь, зависящая от жизни Дага. На ферме супруги могли работать вместе или порознь, и какими бы долгими и тяжелыми ни были труды, они все равно трижды в день встречались за столом и каждую ночь спали вместе. Даг не смог бы, конечно, брать ее в дозор. Так что ей предстояло оставаться здесь, и их долгие и пугающие разлуки перемежались бы короткими встречами, по крайней мере до тех пор, пока Даг не сделается слишком стар для несения воинской службы или слишком изранен. Или вообще не вернется... Фаун отказалась задерживаться на такой мысли. Если ей придется оставаться с этими людьми в отсутствие Дага, лучше постараться приладиться к ним. Трудолюбивые руки нужны всегда и везде; наверняка ей удастся найти себе место.

Даг остановил Копперхеда на развилке дорог. Он явно колебался, на какую свернуть. Правая, идущая на восток, следовала берегу, и Фаун с интересом посмотрела в том

направлении: над водой далеко разносились голоса – веселые крики и пение; расстояние было слишком велико, чтобы разобрать слова. Даг расправил плечи, поморщился и выбрал левую дорогу. Через полмили лес поредел, и между шершавыми стволами появились серебристые отблески воды. Дорога слилась с другой, идущей вдоль северного берега; возможно, это была часть кольцевой тропы, охватывающей весь остров по периметру. Даг снова повернул налево.

Проехав еще немного, они оказались на просторной вырубке с несколькими длинными бревенчатыми строениями, большинство которых имели все четыре стены и дощатые галереи; всюду виднелись коновязи. Здесь не было ни огородов, ни вывешенного для просушки белья, хотя тут и там виднелись фруктовые деревья – старые яблони и высокие изящные груши. У леса стоял низкий амбар – первый, который здесь заметила Фаун, и виднелись обнесенные жердями загоны, хотя сейчас в них паслось всего несколько лошадей. Три небольшие тощие черные свиньи рылись под фруктовыми деревьями в поисках падалицы или орехов. На берегу далеко в воду уходил большой причал.

Даг направил Копперхеда к коновязи рядом с одним из бревенчатых строений, бросил поводья и потянулся. Вспомнив о присутствии Фаун, он улыбнулся ей.

– Ну вот мы и на месте.

Фаун нашла, что даже и для Дага в плохом настроении он сообщил ей слишком мало.

– Это ведь не твой дом, верно?

– Ах нет. Это штаб дозорных.

– Значит, мы сначала повидаемся с Громовержцем?

– Если он на месте. Вдруг мне повезет и выяснится, что он куда-то отлучился. – Даг спешился, и Фаун последовала его примеру, потом привязала обоих коней к коновязи и следом за Дагом поднялась на крыльцо.

Через дощатую дверь они вошли в длинную комнату, вдоль стен которой тянулись полки, забитые бумагами, свитками пергамента и толстыми книгами, что напомнило Фаун дом Шепа Сойера. За столом в дальнем конце комнаты сидела женщина с седыми волосами, заплетенными в косы, и в юбке; она что-то записывала в большой грессбух. Она была такой же высокой, как Мари, но более ширококостной и довольно сутулой. Женщина подняла голову и отложила перо, как только услышала шаги. При виде Дага ее лицо осветилось радостью.

– Ух! Посмотрите только, кто явился!

Даг неуклюже ей кивнул.

– Привет, Массап. Э-э... Громовержец у себя?

– Ага.

– Он не занят? – спросил Даг небрежным тоном.

– Он разговаривает с Мари. Про тебя, сказала бы я – судя по крикам. Громовержец уговаривает ее не паниковать, а она отвечает, что предпочитает впасть в панику сразу же, как только ты скроешься у нее с глаз, просто чтобы быть готовой. Похоже, они оба правы. Что ты сотворил с собой на этот раз? – Женщина кивнула на лубок, потом резко выпрямилась, когда ее сузившиеся глаза заметили браслет на левой руке Дага. Она повторила ту же фразу, но совсем другим тоном: – Даг, что ты сотворил на этот раз?

Фаун, захлестнутая этим потоком слов, толкнула Дага локтем и послала ему отчаянный вопросительный взгляд.

– Ах, – сказал Даг, – Фаун, познакомься с Массап, командиром третьего эскадрона – отряд Бари, который мы повстречали, как и еще несколько, под ее командой. Она также жена Громовержца. Массап, это миссис Фаун Блуфилд. Моя жена. – Выставленный вперед подбородок Дага говорил не столько о вызове, сколько об упрямстве.

Фаун любезно улыбнулась, стиснула руки так, чтобы была видна тесьма на левом запястье, и вежливо присела.

– Как поживаешь, мэм.

Массап вытаращила глаза и закусила нижнюю губу.

– Вы... – Она неуверенно подняла палец, не нашлась, что сказать, потом повернулась и показала на дверь, расположенную рядом с очагом. – Идите-ка к Громовержцу.

Даг сухо кивнул ей и открыл перед Фаун дверь. Из внутренней комнаты донесся голос Мари, говорившей:

– Если он застрял по пути, его нужно искать где-то вдоль этой линии.

Раскатистый мужской голос ответил:

– Если он застрял по пути, неужели он опаздывал бы уже на три недели? И ты показываешь не линию, а огромный круг, выходящий за пределы этой проклятой карты.

– Если ты никого не можешь выделить, я отправлюсь сама.

– Ты же только что вернулась. Каттагус будет ругаться со мной до посинения и тебя не пустит, а ты начнешь беситься. Послушай, мы ведь предупредили всех, кто покидает лагерь, чтобы держали настороже Дар, да и глаза держали открытыми...

Оба Стража Озера, поняла Фаун, в пылу спора приглушили собственный Дар, поэтому до сих пор и не бросились к двери. Нет... Фаун заметила, какое каменное лицо у Дага – Дар приглушили они все трое. Фаун уцепилась за пояс Дага, втокнула его в комнату, а сама осторожно выглянула из-за его спины.

Эта комната ничем не отличалась от первой – по крайней мере, что касалось полок, до потолка забитых бумагами. Дощатый стол посередине с расстеленными на нем картами, несколько отодвинутых к стене стульев... Посередине комнаты стоял, скрестив на груди руки и хмурясь, коренастый мужчина. Подернутые сединой волосы, далеко отступившие ото лба, были заплетены в косу; одет мужчина был как дозорный – в штаны и рубашку, но без кожаного жилета. На поясе виднелся единственный нож, однако Фаун заметила, что у погасшего очага висят большой лук со спущенной тетивой и колчан со стрелами.

Мари, одетая точно так же, стояла спиной к двери и что-то показывала на карте, опершись на стол. Седой мужчина поднял глаза, и его брови поползли вверх. Тонкие губы растянулись в полуулыбке.

– Есть у тебя монетка, Мари?

Мари взглянула на него; вся ее поза говорила о раздражении.

– Какая еще монетка?

– Та самая, которую ты предложила кинуть, чтобы решить, кто из нас первым спустит с него шкуру.

Заметив наконец выражение его лица, Мари резко повернулась.

– Даг! Ты! Наконец! Где ты был? – Ее взгляд, конечно, первым делом остановился на руке на перевязи. – О боги!

Даг коротко и виновато поклонился обоим офицерам.

– Меня немного задержали. – Он качнул рукой на перевязи, предъявив ее как уважительную причину. – Прошу прощения, что доставил беспокойство.

– Я оставила тебя в Глассфордже почти четыре недели назад! – выдохнула Мари. – Предполагалось, что ты прямиком отправишься домой. Дорога не могла занять больше недели.

– Нет, – рассудительно поправил ее Даг. – Я говорил тебе, что мы по дороге остановимся на ферме Блуфилдов, чтобы успокоить их насчет Фаун. Признаю, что это заняло больше времени, чем я планировал. Правда, когда мне сломали руку, я решил, что спешки нет: все равно я не смог бы отправиться в дозор недель шесть.

Этот сомнительный довод заставил Громовержца нахмуриться.

– Мари говорила, что, если тебе не изменит удача, ты опомнишься и спровадишь крестьянскую девчонку обратно ее семейству; только если дело пойдет у тебя как обычно, тебя изобьют до смерти и спрячут тело. Это ее родичи сломали тебе руку?

– На их месте я сломала бы ему больше, чем одну кость, – пробормотала Мари. – Остальные части тела у тебя уцелели, парень?

Улыбка Дага стала более напряженной.

– На самом деле я погнался за воров в Ламптоне. Свое имущество получил обратно

ценой сломанной руки. Мое посещение Вест-Блу прошло очень приятно.

Фаун решила не вносить поправок в это бессовестное преувеличение. Ей совсем не нравилось, что все трое Стражей Озера, глядя на нее в упор, разговаривали так, словно ее тут нет; однако она была на земле Дага и ждала от него указаний или хотя бы намека. В этом отношении он мог бы и поторопиться, подумала Фаун. Заметив, что Громовержец даже немного наклонился, чтобы разглядеть ее за спиной Дага,

Фаун выбралась из-за супруга. Мари она дружески помахала рукой, а перед Громовержцем почтительно присела.

– Привет, Мари. Как поживаете, сэр...

Даг сделал глубокий вдох и повторил свое отчаянное представление:

– Громовержец, познакомься с миссис Фаун Блуфилд, моей женой.

Громовержец прищурился и потер шею. Молчание затянулось; и старый воин, и Мари, чувствовала Фаун, смотрят на свадебные браслеты не только глазами. Оба офицера, закатавшие рукава по случаю жары, носили на левых запястьях подобную же тесьму, потрепанную и выцветшую. Их с Дагом браслеты выглядели яркими и плотными в сравнении с браслетами старших дозорных, золотые бусины на концах придавали им массивность.

Громовержец искоса взглянул на Мари и прищурился еще сильнее.

– Ты подозревала, что этим кончится?

– Этим? Нет! Ведь это... Как я могла... Только я же сказала тебе, что он, похоже, наделает глупостей, которых никто и предвидеть не может.

– Говорила, – признал Громовержец. – А я не поверил. Я думал, он просто... – Он посмотрел на Дага, и Фаун съежилась, хоть и не была объектом его внимания. – Не стану говорить, что такое невозможно: ты явно нашел способ. Спрошу я о другом: кто из Стражей Озера тебе помогал?

– Никто, сэр, – твердо ответил Даг. – Никто не участвовал, кроме меня, Фаун и тетушки Фаун, старой девы и мастерицы от природы. Мы все вместе...

Хотя Громовержец был не так высок, как Даг, все же он был устрашающе велик, и когда он, хмурясь, посмотрел на Фаун сверху вниз, ей пришлось усилием воли заставить себя держаться прямо.

– Стражи Озера не признают браков с крестьянами. Говорил тебе Даг об этом?

Фаун показала на свое запястье.

– Поэтому и потребовался браслет, как я понимаю. – Она крепко стиснула тесьму, чтобы набраться мужества. Если они не берут на себя труд быть с ней вежливыми, то и ей нечего беспокоиться. – А теперь вы можете посмотреть на тесьму при помощи этого вашего Дара и сказать, женаты мы или нет. Только ведь вы солжете, с вас станется.

Громовержец попятился. Даг не дрогнул; скорее он казался довольным, хоть и несколько потрясенным. Мари потеряла лоб.

– Рассказала тебе Мари о моем втором ноже? – тихо спросил Даг.

Громовержец повернулся к нему – не то чтобы с облегчением, но молча согласившись с переменной темы. На какое-то время он отступил; Фаун не могла понять почему.

– Она рассказала о том, что ты ей сообщил, как я понимаю, – сказал Громовержец. – Поздравляю с убийством Злого, кстати. Это был который? И не говори мне, что ты не считаешь.

Даг согласно кивнул.

– Был бы двадцать седьмой, если бы его убил я. Это заслуга Фаун.

– Нет, нас обоих, – возразила Фаун. – У Дага был нож, у меня – возможность его использовать. Каждый из нас проиграл бы, если бы не другой.

– Ха! – Громовержец медленно обошел Фаун кругом, словно глядя на нее – по-настоящему глядя – впервые. – Прости меня... – Он протянул руку, приподнял ее голову и стал рассматривать глубокие красные отпечатки на шее, потом сделал шаг назад и вздохнул. – Что ж, давайте посмотрим на этот второй нож.

Фаун порылась у себя под рубашкой. После ужаса, пережитого в Ламптоне, она сшила новый мешочек для ножа, меньший и из более мягкой кожи, и носила его на шнуре вокруг шеи, как это делали Стражи Озера. Мешочек ничем не был украшен, но сшила Фаун его заботливо. Фаун неуверенно стащила шнур через голову, взглянула на Дага, который ободряюще кивнул ей, и передала мешочек командиру дозорных.

Громовержец взял мешочек, сел на стул у окна и вытащил костяной клинок. Он обследовал его так же, как это делали Даг и Мари, – даже поднес к губам. Несколько мгновений он сидел, хмурясь, сжимая нож в своих сильных руках.

– Кто делал его для тебя, Даг? Не Дор?

– Нет. Мастер в Лутлии, через несколько месяцев после событий на Волчьем перевале.

– Это кость Каунео, да?

– Да.

– У тебя раньше не появлялись основания думать, что работа может быть дефектной?

– Нет. И я не думаю, что что-то было не в порядке.

– Но если все было сделано как надо, никто, кроме тебя, не смог бы его зарядить.

– Я очень хорошо это понимаю. Если бы мастер сделал работу плохо, зарядить нож не смог бы никто. Но нож-то заряжен.

– Это верно. Так что расскажи мне в точности, что произошло в той пещере.

Сначала Дагу, а потом Фаун пришлось повторить свой рассказ для Громовержца – каждому по-своему. Они коротко упомянули о том, как Даг нашел Фаун, похищенную на дороге служащими Злому разбойниками, и о том, как Даг пришел по ее следам к пещере Злого. И как – тут Даг закусил губу – Даг опоздал помешать Злому вырвать из ее лона Дар ее дочери. Фаун не стала рассказывать, а Громовержец не спросил, как случилось, что она оказалась на дороге одна, беременная – и незамужняя; возможно, Мари, которая обо всем узнала в Глассфордже, уже сообщила ему об этом.

Внимание Громовержца обострилось, вопросы стали более детальными, когда дело дошло до описания путаницы с разделяющими ножами Дага: как Даг, на которого навалились глиняные люди Злого, кинул мешочек с ножами Фаун, как она сначала ударила чудовище незаряженным ножом, а потом тем, которым нужно, и как тот при этом сломался. Как кошмарное создание развалилось, оставив первый нож так странно заряженным смертностью нерожденной дочери Фаун.

К тому времени, когда они добрались до середины рассказа, Мари придвинула себе стул и уселась, а Даг прислонился к столу. Фаун предпочла стоять, хоть ей трудно было заставить свои колени не дрожать предательски. Громовержец, к ее облегчению, не стал расспрашивать о том, что произошло после схватки; его интерес, похоже, ограничивался разделяющими ножами.

– Ты собираешься показать его Дору, – сказал Громовержец, когда рассказ был окончен, и Фаун не поняла, был ли это вопрос или распоряжение.

– Да.

– Сообщи мне, что он скажет. – Громовержец поколебался. – Будем надеяться, что на его мнению не отразится это. – Он кивнул на левую руку Дага.

– Понятия не имею, что подумает Дор о моей женитьбе, – По тону Дага ясно можно было понять, что он хотел бы добавить «да это мне и безразлично», однако вслух он этого не сказал. – Однако я ожидаю, что независимо ни от чего он скажет все, что ему известно как мастеру. Если у меня останутся сомнения, я всегда могу узнать мнение кого-то еще. Вокруг озера живет с полдюжины изготавливающих разделяющие ножи мастеров.

– Все они менее умелые, – сказал Громовержец, пристально глядя на Дага.

– Поэтому-то я и собираюсь пойти к Дору к первому. Или ни к кому не ходить.

Громовержец собрался было отдать нож Дагу, но тот жестом показал на Фаун. Она снова надела шнур на шею и спрятала мешочек на груди.

Громовержец, стоя с ней лицом к лицу, холодно следил за ее действиями.

– Этот нож, девочка, не делает тебя кем-то вроде почетного Стража Озера.

Даг нахмурился. Однако прежде чем он успел что-нибудь сказать, Фаун, вспыхнув, спокойно ответила:

– Я знаю, сэр. – Она наклонилась вперед и глубоким голосом продолжала: – Я девушка с фермы и горжусь этим, и если я достаточно хороша для Дага, вы, остальные, можете хоть в свое озеро прыгнуть! Я только хочу, чтобы вы знали: предмет, который я ношу на шее, почетной смертью не был. – Она коротко кивнула и выпрямилась.

К ее изумлению, Громовержец не обиделся, а только задумался, судя по тому, как потер губы пальцем. Он с кряхтением, напомнившим Фаун усталого Дага, поднялся и пересек комнату, направляясь к стене рядом с очагом.

Все пространство между трубой и наружной стеной почти до пола занимала доска из какого-то очень мягкого дерева. Она была расчерчена на крупные ячейки, в каждой из которых значилось название какой-нибудь местности. Глядя на нее, Фаун поняла, что это что-то вроде схематической карты, на которой округа – все округа, как заподозрила Фаун, – были изображены в виде квадратов. Слева виднелась отдельная колонка с надписями «Остров Двух Мостов», «Остров Цапли», «Бивер Сай», «Медвежий Брод» и «Список больных». Выше их всех в нарисованном красным кружке значилось: «Пропавшие без вести».

Примерно в трети квадратов торчали колышки из твердого дерева. По большей части они образовывали группы – от шестнадцати до двадцати пяти штук, и Фаун поняла, что у нее перед глазами изображения отрядов; в некоторых квадратах виднелись только дырочки – колышки из них, по-видимому, недавно вынули. На каждом колышке маленькими буквами было написано имя и номер. К некоторым колышкам крепились деревянные кружочки, похожие на монетки с отверстием в середине на тонких проволочках, – по одной или по две. Кружочки тоже были пронумерованы.

– Ох! – удивленно воскликнула Фаун. – Тут же все ваши дозорные! – Всего колышков было пять или шесть сотен. Фаун наклонилась поближе, чтобы разобрать знакомые имена.

Громовержец поднял брови.

– Верно. Командир отряда может держать всех своих дозорных в голове, но если ты – командир эскадрона или всех дозорных лагеря, в голове их уже не удержишь – по крайней мере в моей голове они не умещаются.

– Как умно! Ты можешь охватить все одним взглядом. – Фаун подумала, что ей стоит поближе присмотреться к квадрату с надписью «Остров Двух Мостов» – может быть, встретятся знакомые имена. – Ах, вон Мари! И Рази, и Утау – они вернулись домой к Сарри, здорово. А где Дирла?

– На Бивер Сае, – ответил Даг, глядя, как Фаун присматривается к схеме. – Это другой остров.

– М-м?... Ах да, вон она. Надеюсь, у нее все хорошо. У нее есть возлюбленный? Или возлюбленные? А для чего эти маленькие кружочки?

– Так отмечены дозорные, у которых есть разделяющие ножи, – ответила Мари. – Не у каждого они есть, но когда отряд отправляется в дозор, он должен включать не менее двух воинов с ножами.

– Ну да, в этом есть смысл. Никак не годится найти Злого и не иметь при этом ножа. Да и еще одного Злого потом можно встретить... И несчастный случай может произойти. – Даг с содроганием говорил о том позоре, который ложится на дозорного, случайно сломавшего разделяющий нож, и теперь Фаун поняла почему. Она вспомнила о собственном впечатляющем, хоть и странном опыте применения такого оружия. – А почему они пронумерованы?

– Военачальник в лагере ведет записи того, кто владелец использованного ножа и кто его даровал, – сказал Даг. – Это нужно, чтобы сообщить родственникам и чтобы знать, куда послать остатки ножа, если их удастся сохранить.

– Поэтому и дозорные имеют номера? – хмурясь, спросила Фаун.

– Именно так. Есть еще одна книга, куда вносятся сведения о ближайших родичах и

другие данные о дозорном, которые могут срочно понадобиться... или когда необходимость минует.

– М-м... – промычала Фаун, хмурясь еще сильнее. Она уперла руки в бедра, глядя на доску и представляя себе все эти жизни – и смерти, – передвигающиеся по огромным пространствам. – Вы что, связываете колышек с Даром каждого дозорного, как это бывает со свадебным браслетом? Такое возможно?

– Нет, – ответил Даг.

– Она всегда так себя ведет? – спросил Громовержец. Подняв глаза, Фаун обнаружила, что он смотрит на нее так же пристально, как она сама – на схему распределения дозоров.

– Более или менее, – ответил Даг.

– Прошу прощения! – Фаун виновато прижала руку к губам. – Я задаю слишком много вопросов?

Громовержец бросил на нее странный взгляд.

– Нет. – Он протянул руку и вынул один колышек из кружка с надписью «Пропавшие без вести» – один из двух, которые там торчали. Держа колышек в вытянутой руке, Громовержец, прищурившись, посмотрел на мелкие букочки на нем и удовлетворенно хмыкнул. – Что ж, этот можно убрать. – С удивительной ловкостью его сильные пальцы размотали проволочку и сняли один из пронумерованных кружочков. На второй он посмотрел с нерешительностью, потом прикрепил его обратно. – Я никогда не встречался с ребятами из Лутлии – просто никогда туда не попадал. Ты позаботишься, Даг, чтобы обломкам были возданы должные почести?

– Да.

– Хорошо. Спасибо. – Громовержец все еще держал колышек в ладони, словно взвешивая его.

Даг протянул руку и коснулся единственного остающегося в красном кружке колышка.

– От Тела так и не было известий. – В этих словах не было вопроса.

– Нет, – вздохнул Громовержец.

– Уже почти два года, Громовержец, – бесстрастно проговорила Мари. – Ты мог бы его вынуть.

– Разве на доске уже не хватает места? – фыркнул Громовержец, с непонятым выражением глядя на Дага; потом он подбросил колышек, который держал в руке, и решительно воткнул его в квадрат с надписью «Список больных».

Выпрямившись, Громовержец повернулся к Дагу.

– Загляни в шатер целителей и дай мне знать, что они скажут насчет твоей руки. И зайди ко мне после того, как поговоришь с Дором. – Он махнул рукой, отпуская Дага, но тут же добавил: – Куда ты отправишься теперь?

– К Дору, – ответил Даг и неохотно буркнул: – И к матери.

Мари фыркнула.

– И что же ты собираешься сказать Камбии насчет этого? – Она показала на тесьму у Дага на руке.

Даг пожал плечами.

– А что тут говорить? Я не стыжусь и не жалею, а потому на попятный не пойду.

– Она будет брызгать слюной.

– Наверняка. – Даг мрачно улыбнулся. – Хочешь пойти полюбоваться?

Мари закатила глаза.

– Пожалуй, я хотела бы отправиться в дозор. Громовержец, тебе добровольцы не нужны?

– Всегда нужны, но сегодня ты не годишься. Отправляйся домой к Каттагусу. Твой потерявшийся дозорный вернулся, и у тебя больше нет оправданий тому, чтобы околачиваться здесь и тянуть из меня душу.

– Эх... – буркнула Мари, то ли соглашаясь с этим, то ли нет – Фаун так и не поняла. Мари небрежно отсалютовала Громовержцу и Дагу, довольно насмешливо бросила Фаун: –

Удачи, дитя, – и ушла.

Даг было тоже двинулся следом, но остановился и вопросительно посмотрел на Громовержца, когда тот пробормотал:

– Даг...

– Да, сэр?

– Восемнадцать лет назад, – сказал Громовержец, – ты уговорил меня поставить на тебя. У меня никогда не было оснований об этом жалеть. – Не хочет ли он добавить «До сих пор», подумала Фаун. – Мне вовсе не хочется защищать тебя перед советом лагеря. Постарайся, чтобы до этого не дошло, хорошо?

– Постараюсь, – ответил Даг.

Громовержец изобразил что-то вроде прощального поклона, и Фаун следом за Дагом вышла из комнаты.

Жены-командирши за столом не было. Небо за окном стало серым и низко нависло, вода озера казалась оловянной, влажность и духота давили на грудь. По дороге к коновязи Даг пробормотал:

– Что ж... Могло оказаться и хуже.

Фаун узнала собственные слова, сказанные раньше, и вспомнила ответ Дага.

– В самом деле?

Губы Дага дрогнули. Улыбка получилась невеселой, и все-таки это была улыбка, а не одна из его мрачных гримас.

– В самом деле. Громовержец мог просто кинуть мой колышек в огонь. Тогда мои проблемы его больше не касались бы.

– Как, он мог выгнать тебя из дозорных?

– Именно.

– Ох, нет! – ахнула Фаун. – А я еще наговорила ему всякого! Ты должен был меня предупредить. Только он меня разозлил, когда стал разговаривать так, словно меня рядом нет. – Немножко подумав, Фаун добавила: – Вы все трое так разговаривали.

– М-м... – Даг обнял Фаун левой рукой и на мгновение зарылся лицом в ее кудри. – Думаю, так и было. Уж очень быстро все там происходило.

Фаун подумала о том, не обменивались ли дозорные мыслями при помощи Дара, что было ей недоступно. Она и в самом деле чувствовала, что многого в той комнате не уловила.

– Что касается Громовержца, его нельзя обидеть, возражая ему, даже если ты не прав. А уж если прав, то у него достаточно крепкие плечи, чтобы вынести выговор. Громовержец не слишком любит людей, которые ползают перед ним на брюхе, а потом за его спиной жалуются.

– Это представляется разумным.

– Конечно. Ты произвела на него не такое уж плохое впечатление, Искорка. Более того, судя по результатам, ты произвела очень хорошее впечатление.

– Ну, это снимает с моей души камень. – Фаун помолчала и озадаченно спросила: – Каким результатам?

– Он воткнул мой колышек в «список больных». Я все еще остаюсь дозорным. Совет лагеря вмешивается в споры, которые семьи не могут разрешить сами, или в споры между главами кланов. Но если дело касается дозорного, совет должен действовать через военачальника лагеря. Он как бы глава клана для нас. Не скажу, что Громовержец захочет или сможет защитить меня от последствий этого, – Даг поднял левую руку, показывая свадебный браслет, – но по крайней мере он оставляет вопрос открытым.

Фаун принялась отвязывать коней, обдумывая слова Дага. Заключение нужно было сделать такое: работа Дага – и ее тоже – позаботиться о том, чтобы последствия не вышли из-под контроля. Сядя на Грейс, Фаун заметила под грушевым деревом дощатый стол, за которым, болтая ногами, расположилась Мари, Массап, сидевшая рядом, зачарованно слушала ее. Фаун решила, что ей не требуется Дар, чтобы догадаться о теме разговора, даже если бы женщины и не бросали любопытные взгляды в их сторону.

Даг обернул поводья Копперхеда вокруг крюка, подвел коня к крыльцу и с усталым кряхтением сел в седло. Жестом предложив Фаун следовать за собой, он выехал на идущую вдоль берега дорогу и повернул на восток.

3

Фаун обернулась в седле, чтобы посмотреть на выходящую через лес дорогу, по которой они приехали, потом снова повернулась лицом к озеру; впереди показался деревянный мост, перекинутый через протоку шириной футов шестьдесят. Находящийся за ней остров тянулся на запад, прикрывая со стороны озера тот, на котором располагался штаб дозорных. За мостом дорога поворачивала на север, и с нее на несколько миль открывался вид на озеро. Вдали Фаун могла видеть несколько узких лодок; часть из них были гребными, другие имели небольшие треугольные паруса. На втором острове росло совсем немного деревьев; между ними паслись кони, козы и овцы, а в тени дремали черные свиньи.

– Это и есть остров Кобылы? – предположила Фаун.

– Ага. Есть еще и остров Жеребенка, только его отсюда не видно. – Даг махнул рукой куда-то на северо-восток. – Это наши основные пастбища. Их даже нет нужды огораживать, как видишь.

– Вижу. Здорово! А есть остров Жеребца?

– Более или менее, – улыбнулся Даг. – Большинство жеребцов мы держим на Ореховом острове. – Он показал на низкую зеленую выпуклость, поднимающуюся из вод озера. – Все получается очень хорошо, пока какой-нибудь красавчик не возбудится и не попытается ночью переплыть на другой берег. Тогда приходится улаживать проблемы.

Дорога свернула под деревья, минуя группу бревенчатых строений на берегу. Через четверть мили Даг натянул поводья и, хмурясь, оглядел лужайку, на которой располагалось всего два жилища. Озеро тускло блестело в свете пасмурного, но жаркого дня.

– Шатер Редвингов, – сказал Даг.

– Ну вот. – Фаун сделала глубокий вдох. – Сейчас все и начнется, как я понимаю.

– Не совсем. Похоже, дома никого нет. Ну, по крайней мере мы можем оставить тут седла и сумки, а коней отпустить пастись.

Они выехали на лужайку. Два строения были расположены так, чтобы смотреть и друг на друга, и на озеро своими открытыми сторонами под навесами из оленьих шкур. Другие шкуры, скатанные и укрепленные на скате крыши, могли, похоже, в случае надобности служить дополнительной защитой стен. И в домах, и под навесами пол был дощатым, а не земляным. Фаун попыталась оценивать увиденное просто, без предвзятости. Обложенный камнями очаг между двумя домами – Фаун все еще не могла заставить себя думать о них как о шатрах – в добавление к печам, которые обогревали внутренние помещения. Разбросанные повсюду сиденья, сделанные из пней или чурбаков, говорили о том, что по крайней мере летом большая часть работ производилась на воздухе.

Фаун спрыгнула на землю и помогла расседлать коней, взяась с пряжками; Даг своим крюком снял поклажу и сложил ее на крыльце правого дома, потом задумчиво почесал в затылке.

– Не знаю, куда могла отправиться мама. Дор скорее всего в хижине, где хранятся кости. А Омба, если не уехала с острова, явится первой. Поройся на дне седельной сумки, Искорка, поищи связку подков.

Фаун так и сделала; в сумке обнаружили две связки подков, по дюжине в каждой.

– Клянусь, теперь понятно, почему твои сумки были такими тяжелыми! И сколько же времени ты возишь с собой такую тяжесть?

– С тех пор, как мы уехали из Глассфорджа. Это подарок для Омбы. Хикори – богатый лагерь, но в здешних краях мало металла, если не считать небольших залежей меди у Медвежьего Брода. Все железо приходится покупать в других лагерях, в основном тех, что в окрестностях Трипойнта. Правда, в последнее время мы начали получать его и от фермеров,

которые добывают руду в холмах за Глассфорджем. – Даг быстро улыбнулся. – Когда один молодой дозорный из Трипойнта по обмену попал в отряд Массап и заявил: «Ну, наконец-то я добрался!», ему намекнули, что было бы хорошо, если бы кони, которых он собирался подарить своей невесте – местной девушке, – прибыли с грузом железа. Такая хитрость сделала семейство Массап богатым, а Громовержец прославился изобретательностью.

Фаун подвела Грейс к сколоченной из бревен скамье и взобралась на неоседланную лошадь; Даг подцепил своим крюком обе связки подков и передал Фаун. Сам он тоже сел на Копперхеда, и они вернулись на дорогу, к мосту.

У дальнего конца пастбища Даг снова спешился, снял веревочную петлю со столбика ворот, открыл их для Фаун и закрыл за собой. Садиться на Копперхеда он не стал, а пешком направился к длинному сараю в сотне шагов от ворот. Фаун соскользнула с Грейс, не уронив при этом подковы, и Даг, подцепив их своим крюком, перекинул груз через плечо. Копперхед тут же начал щипать траву; Грейс, после мгновения нерешительности, последовала его примеру.

Из всех своих родственников Даг чаще всего упоминал жену брата, сменившую имя ради свекрови. За ней – в порядке все нараставшей сдержанности – шли дед Дага, которого тот вспоминал с любовью, Дор, к которому Даг относился с холодным уважением, их отец, о котором Даг говорил с отстраненностью и сожалением, и наконец – в омуте молчания – мать. Каждый раз, когда Фаун поворачивала разговор на нее, Даг уклонялся. С Омбой – объездчицей, лошадиной повитухой, шорником и, как выяснилось, кузнецом, подковывающим лошадей, – такой проблемы не возникало.

Обойдя сарай и заглянув под деревянный навес, Фаун легко узнала Омбу – та вышла из двери, восклицая:

– Даг! Наконец!

Омба была не такой худой, как Мари, и гораздо ниже той ростом, хотя все равно оказалась бы выше любого мужчины из семьи Фаун. Фаун дала бы ей лет пятьдесят; это означало, что на самом деле ей скорее всего лет на пятнадцать больше. Одета она была примерно так же, как одевались женщины-дозорные, и Фаун решила, что штаны носят все Стражи Озера, которым приходится ездить верхом. Кожа Омбы, хоть и загорелая и обветренная, была более светлой, чем у Дага, а глаза имели красивый серебристо-голубой оттенок. Заплетенные в косу темные волосы, тронутые сединой, ничем не были украшены. Заметив лубок на руке Дага, Омба уперлась руками в бедра и воскликнула:

– Отсутствующие боги! Братец, что ты сделал со своей правой рукой? – После мгновенной паузы она добавила: – Отсутствующие боги, Даг, что ты сделал со своей левой рукой?

Даг с кривой улыбкой поздоровался с невесткой.

– Привет, Омба. Мы привезли тебе кое-что. – Он жестом предложил Фаун выйти вперед; она протянула Омбе связки подков.

Лицо Омбы озарилось радостью, и она схватила подарок.

– Как же они мне нужны! – Однако она замерла на месте, увидев тесьму на запястье Фаун; дыхание словно застряло у нее в горле. Омба посмотрела в лицо Фаун расширившимися глазами, разрываясь между недоверием и смятением. – Ты же крестьянка! Значит, ты та самая крестьянка...

На мгновение Фаун показалось, что для Стражей Озера есть какое-то тайное значение в том, что Даг исхитрился заставить Омбу принять подарок из рук Фаун, но ни времени, ни возможности для того, чтобы задать вопрос, у нее не было. Она сделала книксен и выдохнула:

– Привет, Омба. Я Фаун, жена Дага. – Она не стала претендовать на большую близость, говоря «Я твоя новая сестра»; это должна была решить сама Омба.

Омба повернулась к Дагу, и ее брови полезли вверх.

– И кем же это делает тебя, Даг Редвинг Хикори? Не считая того, что ты свалился в яму вниз головой?

– Мужем Фаун. Дагом Блуфилдом... это еще предстоит уточнить.

А может быть, случившееся делало Дага больше не братом для Омбы? Обычай Стражей Озера все еще были для Фаун загадкой.

– Ты уже виделся с Громовержцем? – спросила Омба.

– Мы как раз от него. Видели там Мари...

– Ты ему сказал об этом? – Омба кивком указала на Фаун.

– Конечно.

– И что он с тобой сделал?

– Включил в список больных. – Даг качнул лубком. – Это тоже предстояло уточнить, по крайней мере я так понял.

Омба шумно выдохнула воздух; ее удивление было совсем не лестным. Однако не было в нем, подумала Фаун, и враждебности. Она изо всех сил ухватилась за это открытие. Похоже, Даг не воспользовался ее советом начать с наиболее трудных случаев. Что ж, учитывая все, что могло ожидать их позже, отсутствие враждебности казалось, пожалуй, хорошим знаком.

– Что Мари прошлым вечером рассказала вам всем? – спросил Даг.

– Ох, Мари и закатали сцену! Сначала она, как пришла, спросила, не получали ли мы от тебя известий – нас это потрясло, ведь предполагалось, что ты с ней. Потом она сказала, что отправила тебя домой из Глассфорджа несколько недель назад. Мы перепутались: не ранен ли ты, но она сказала «нет». Это верно? – Омба посмотрела на лубок.

– В то время так и было. Перелом я заработал по дороге. Рассказывай дальше.

– Потом Мари выдала нам дикую историю про какую-то милашку – деревенскую девчонку, каким-то образом замешанную в твоей последней расправе со Злым, – Омба бросила на Фаун любопытный взгляд, – которой я не очень-то верила... до сих пор. Еще Мари сказала, что ты с крестьянкой вместе бросился со скалы, – и твоя мама стала горячо отрицать возможность такого, одновременно упрекая Мари в том, что она это допустила. Ну, тут я помалкивала, хоть и желала, чтобы ты выпутался.

– Спасибо, – мягко сказал Даг.

– Ха! Я и подумать не могла... никак не могла вообразить... Мари сказала, что ты отправился вместе с крестьянской девушкой, предполагалось, что ты доставишь ее домой. Мари опасалась, что ты пострадал от рук ее родичей – она говорила, что опасается, как бы тебя не охолостили. Это, должно быть, и означало, что ты бросился со скалы. Когда Мари и твоя мама принялись упрекать друг друга в грехах двадцатипятилетней давности, я смылась. Только потом Мари отозвала Дора на причал, чтобы поговорить с ним наедине. Он не сказал, о чем шла речь, только буркнул, что это касается его работы по кости, а даже твоя мама теперь уже знает, что ничего больше из него не вытянет.

По-видимому, Мари сохранила в секрете рассказ Дата о том, что случилось со вторым разделяющим ножом, как и признание Фаун в беременности и выкидыше – по крайней мере в присутствии матери Дага. Фаун неожиданно почувствовала, что относится к Мари лучше, чем раньше.

– Ох, Даг, – вздохнула Омба, – эта твоя выходка превосходит все, что ты вытворял до сих пор.

– Подумай о преимуществах: теперь, что бы ты ни сделала, превзойти меня ты не сможешь. Даже прошлые твои приключения могут казаться теперь безобидными.

Омба смущенно кивнула.

– Уж это точно. – Она повесила связки подков на крюк на столбе и вскинула руки, словно защищаясь. – Думаю, мне лучше держаться от всего этого подальше, если ты не возражаешь.

– Конечно, попробуй, – дружески кивнул Даг. – Мы заглянули в шатер, чтобы оставить там вещи, но там никого не оказалось. Где все?

– Дор ушел в свою хижину – то ли работать, то ли просто чтобы не мозолить глаза. Мари ужасно тревожилась о тебе, и это его, я думаю, поразило сильнее, чем он желал

признаваться. Мари ведь даже сказала вчера твоей матери «Мне очень жаль».

– А мама?

– Сегодня ее очередь развозить на плоту и распределять кидальники.

– Ну как же, – фыркнул Даг.

– Ее пытались убедить остаться на берегу из-за больной спины, но она махнула рукой на спину и отправилась. Сегодня ни один кидальник не похлопает ушами.

Фаун растерялась.

– Распределяет кидальники? Разве их не хватает?

– Нет, – ответил Даг. – В это время года кидальники не просто в достатке – они в излишке.

Омба ухмыльнулась.

– Даг все не может пережить, как она берегла свои запасы в лагере у Медвежьего Брода, словно за это была обещана награда, и к весне сохранила их в неприкосновенности, а потом заставляла всех есть кидальники прошлогоднего урожая, когда уже появились свежие.

Уголки губ Дага поползли вверх.

– Ага.

– Ей что, приходилось голодать? – спросила Фаун. – Это, как я слышала, заставляет людей относиться к еде по-особому.

– Насколько мне известно, такого с ней не бывало, – сказала Омба.

«Она разговаривает со мной, замечательно!» Впрочем, люди охотно перемывают косточки своей благоприобретенной родне и не побрезгуют разговаривать со всеми, кто готов слушать, так что это, может быть, ничего особенного и не значит...

– Не то чтобы в конце зимы у кого-нибудь был большой выбор, – продолжала Омба, – а моя свекровь прижимистая и всегда была такой. Я хорошо помню то лето, когда мы с Дором влюбились друг в друга... ты как раз тогда сделался таким длинным и тощим, Даг. Мы думали, что тебя морят голодом. Половина лагеря тайком таскала тебе еду.

Даг рассмеялся.

– Я тогда был готов отнимать корм у коз. Их ведь кормят кидальниками, – пояснил он Фаун. – Не знаю, почему я так не поступил. Теперь я был бы не таким нерешительным.

– Все знают, что дозорные всеядны. – Омба задумчиво взглянула на Фаун, подняв бровь, и та подумала: не следовало ли ей покраснеть?

Чтобы прогнать эту мысль, Фаун спросила:

– А кидальники хлопают ушами?

– Когда кидальники извлекают со дна озера, – объяснил Даг, – у них по бокам растет несколько долек размером с половину ладони. Их обламывают и кидают снова в ил, чтобы получить урожай на следующий год, – отсюда, кстати, и их название. Ушей всегда бывает больше, чем нужно для посадки, так что излишки скармливают козам и свиньям. Подростки обожают плескаться вокруг плотов, с которых идет сбор кидальников, – из ушей получают замечательные снаряды, не особенно смертоносные... особенно если у тебя хорошая рогатка, – добавил Даг, голос которого неожиданно согрело воспоминание. Он помолчал и откашлялся. – Взрослые, конечно, не одобряют такое расточительство.

– Ну, не все, – сказала Омба. – Некоторые еще не забыли собственные рогатки. Наверное, кому-нибудь следовало подарить твоей матери рогатку, когда она была девчонкой.

– Теперь она в таком возрасте, когда люди не меняются.

– Ты же изменился.

Даг пожал плечами и только спросил:

– Как поживают Ласточка и Черныш?

Лицо Омбы просветлело.

– Замечательно. Этот вороной будет прекрасным производителем, когда вырастет. Ты получишь за него хорошую цену. Или, если наконец решишь отправить своего Безмозглого собакам на корм, сможешь ездить на нем сам. Я его для тебя обьезжу. Вы с ним в дозоре будете чудесно выглядеть.

– М-м... Спасибо, но нет. Завтра или послезавтра – как только у меня появится время – я заберу их из табуна: Ласточку можно навьючить, а Черныш станет заводным конем. Отправлю их в Вест-Блу как свадебный подарок матери Фаун – я и так ужасно опоздал с этим.

– Твоих лучших коней! – в растерянности воскликнула Омба.

– Почему бы и нет? – лениво улыбнулся Даг. – Они отдали мне свою лучшую дочь.

– Но я – единственная дочь, – возразила Фаун.

– Так тогда и соперничать с тобой некому, – сказал Даг.

Омба поймала свою косу и стала теревить кончик.

– Отправить крестьянам! Что они смыслят в конях Стражей Озера? Что, если они вздумают пахать на Ласточке! Или охолостят Черныша? Или... – Омба сморщилась, явно представив себе еще худшую участь, которая ждет ее драгоценных коней в руках крестьян.

– Моя семья хорошо заботится о своих конях, – чопорно сказала Фаун, – и обо всех своих животных вообще.

– Они не поймут... – продолжала сокрушаться Омба.

– Ну я-то пойму, – возразил Даг. – Увидимся за ужином. Кто сегодня готовит?

– Камбия. Вы можете по дороге стащить кидальник – другой у коз, чтобы подкрепить силы.

– Спасибо, но мы, по-моему, доживем до ужина. – Даг знаком поманил Фаун прочь. Она на прощание сделала Омбе книксен; та, покачав головой, только насмешливо помахала рукой. Однако женщина не проявила враждебности, напомнила себе Фаун.

Когда они снова подошли к мосту, Даг придержал ворота, пропуская девушку с двумя лошадьми, навьюченными корзинами с кидальником. Девушка благодарно кивнула. Эти кидальники, заметила Фаун, были разломаны или покрыты пятнами, и, оглянувшись, она увидела, что девушка разбрасывает их по бокам дорожки; козы и свиньи сразу начали сбегаться к такому угощению.

– Животные Стражей Озера тоже едят кидальники, да?

– Кони, коровы и овцы не могут их есть, а вот свиньи и козы охотно хрупают. Собаки тоже.

– Я что-то собак не заметила. Я думала, вы держите их много – для охоты и прочего... даже для выслеживания Злых.

– Много собак мы не держим. Они скорее помеха, чем помощь в дозоре. Злые сразу на них накидываются, а защищаться собакам нечем. Так что если ты пытаешься разделаться со Злым, не следует отвлекаться, пытаюсь спасти свою собаку, особенно если Злой набрасывается на тебя самого.

Они шли обратно по идущей вдоль озера дороге, и Фаун с любопытством спросила:

– А твоя мать когда-нибудь была дозорной?

– Думаю, что необходимую подготовку в молодости она получила. Все молодые Стражи Озера совершают хотя бы короткие рейды вокруг лагеря. Дозорных отбирают главным образом по двум признакам: здоровью и силе и дальности, на которую достает их Дар. Не каждый может озирать окрестности с помощью Дара так, как это требуется в дозоре. Небольшая дальность не воспринимается как недостаток: многие очень искусные мастера не могут распространить Дар больше, чем на длину руки.

– Дор тоже такой?

– Нет, у него дальность почти такая же, как у меня. Ему просто еще лучше удается работать с костями. А вот чего всегда хотела моя мать... – Даг умолк.

Уж не собрался ли он поделиться полезной информацией? Нет, похоже, нет. Фаун вздохнула и попыталась разговорить его.

– Хотела чего?

– Иметь больше детей. У нее не получилось – то ли потому, что отец слишком часто отсутствовал, то ли просто не везло – не знаю. Я должен был родиться девочкой. Это был мой следующий промах после того, что я и родился поздно. До меня должно было родиться

еще восемь детей... или в крайнем случае я сам должен был ими обзавестись, и не в Лутлии или где-то еще, а здесь, в лагере Хикори. Вторая попытка у матери была с Дором и Омбой: она вроде как принудительно заставляла Омбу рожать, что сначала вызвало некоторые трения – пока Омба не смирилась и не занялась лошадьми. Все уже утряслось к тому времени, когда я, лишившись руки, вернулся из Лутлии. Правда, все еще сохраняется некоторая... не сказал бы, что напряженность, но чувствительность в этом вопросе.

Разногласия свекрови и невестки были обычным делом в мире Фаун; ей нетрудно было следить за рассказом Дага. Интересно, не заставит ли Камбию неудовлетворенная жажда иметь дочерей принять под свое крыло крестьянскую девчонку, которую, как какой-то неуклюжий сувенир, притащил из дозора Даг... Приняла же она, в конце концов, одну невестку – что тоже шло вразрез с обычаем. Может быть, у них есть какая-то надежда?

– Даг, – неожиданно спросила Фаун, – а где я буду жить?

Даг оглянулся на нее и поднял брови.

– Со мной.

– Да, но когда ты будешь отсутствовать – отправишься в дозор?

Молчание, которое было ответом, затянулось слишком надолго.

– Даг!

Он вздохнул.

– Посмотрим, Искорка.

Они уже почти дошли до семейного жилища, когда Даг помедлил у начала тропы, уходящей в лес. Обнаружил ли он что-то при помощи своего Дара, Фаун определить не могла, но Даг сделал приглашающий жест и свернул направо. Листья прямых высоких деревьев – тут росли по большей части карий – пропускали зеленоватый свет, так что казалось, будто Даг и Фаун путешествуют в подводном царстве. На этой плоской равнине кустарник почти не рос; однако Фаун заметила ядовитый сумах и постаралась держаться середины проторенной тропы, кое-где окаймленной побеленными камнями.

Примерно через сотню шагов они вышли на полянку. Посередине ее виднелась небольшая хижина – на этот раз самая настоящая, с четырьмя стенами и, к удивлению Фаун, с застекленными окнами: даже в здании штаба дозорных рамы были затянуты пергаментом. Еще больше смутили Фаун подвешенные к карнизу крыши человеческие кости – по одной или парами; ветерок, вздыхавший в шуршащих листьях карий, слегка колыхал их. Фаун с трудом удалось заставить себя не слышать в этом шелесте призрачный шепот.

Даг проследил за взглядом широко раскрытых глаз Фаун.

– Так их готовят...

– По-моему, этих людей уже ни к чему не подготовишь, – пробормотала Фаун, и губы Дага дрогнули в улыбке.

– Если Дор работает, не заговаривай с ним, пока он сам не обратится к нам, – тихо предупредил Фаун Даг. – Впрочем, так же следует себя вести, даже если кажется, что он ничем не занят. – Фаун закивала. Собрав вместе все, что могла почерпнуть из туманных рассказов Дага, она решила, что Дор ближе всего соответствует представлениям о настоящем некроманте – Страже Озера. Ей и в голову не пришла бы такая глупость – прервать какое-нибудь его колдовство. Орех, сорвавшийся с ветки, щелкнул и со стуком покатился по дранке крыши, и Фаун подпрыгнула и вцепилась Дагу в руку. Он ободряюще улыбнулся и повел ее вокруг хижины. У южной стены виднелось крыльцо; выходящая на него дверь была распахнута и подперта чурбаком. Однако хозяин хижины, которого они искали, оказался на окраине полянки: он просто обтачивал деревяшку; это было такое обыкновенное и совсем не колдовское занятие, что Фаун даже заморгала.

Дор был более коренастым, чем Даг, – солидным мужчиной среднего возраста с квадратным лицом и решительным подбородком. Работая, он снял рубашку; его кожа оказалась такой же медной, как у Дага, хотя более равномерно загоревшей. Темные волосы были стянуты в траурный пучок, и это заставило Фаун гадать, по ком он скорбит, раз Омба, его жена, траура не носит. Если в волосах Дора и была седина, на расстоянии разглядеть

этого Фаун не могла. Одной ногой Дор натягивал привязанную к шкиву веревку; шкив вращал заготовку из мягкого дерева. Дор обеими руками держал изогнутый нож, из-под которого вилась светло-желтая стружка, падая на скопившуюся внизу кучу. Две уже выточенные чаши стояли на чурбаке рядом. В куче стружек виднелись треснувшая заготовка и уже законченная чаша, которая показалась Фаун вполне исправной.

Взгляд Фаун привлекли руки Дора: сильные, с длинными пальцами, как у Дага, быстрые и уверенные. Как странно, что это представилось ей таким необычным: видеть две вместе работающие руки...

Дор поднял глаза. Они оказались ясными и более темными чем у Дага. Потом Дор снова опустил взгляд, по-видимому не желая прерывать работу, но после еще одного поворота заготовки пробормотал что-то себе под нос, нахмурился, вынул из зажима заготовку и бросил ее на кучу стружек. Кинув нож к чурбаку, на котором стояли готовые чаши, Дор повернулся к Дагу.

– Прости, что отвлекаю, – сказал Даг, кивнув на незаконченную чашу. – Мне сказали, что ты хочешь видеть меня немедленно.

– Да! Даг, где ты был?

– Добирался сюда. Случилось несколько задержек. – Даг показал на свой лубок.

На этот раз внимание собеседника переключить не удалось. Голос Дора зазвучал более резко, когда взгляд его упал на браслет на левой руке брата.

– Что за глупость ты совершил? Или, может быть, ты наконец что-то сделал правильно? – Дор с шипением выдохнул воздух, пристально оглядев Фаун. – Нет. На такое надеяться нельзя. – Сведя брови, Дор уставился на левое запястье Фаун. – Как вы это сделали?

– Вполне успешно, – ответил Даг, заработав за это раздраженный взгляд брата.

Дор подошел ближе, продолжая с ужасом глядеть на Фаун.

– Так, значит, и в самом деле имеется крестьянская свинка.

– В самом деле, – голос Дага внезапно стал сухим, – это моя жена. Миссис Фаун Блуфилд. Фаун, познакомься с Дором Редвингом.

Фаун выдавила из себя дрожащую улыбку. Колени держали ее слишком плохо, чтобы она рискнула сделать книксен.

Дор попятился назад.

– О боги, ты ведь всерьез это затеял!

Голос Дага стал еще более холодным.

– Абсолютно всерьез.

Какое-то мгновение они смотрели друг другу в глаза, и у Фаун возникло сводящее с ума ощущение, что они обменялись какими-то посланиями, которых она снова не уловила, хотя дело явно касалось довольно оскорбительного названия «свинка». Судя по тому, как вспыхнули глаза Дага, это было очень оскорбительное название; правда, Фаун не могла понять почему: «цыпленок», «жеребенок», «свинка» – все это были, по ее опыту, ласковые обращения. Может быть, разницу составляло то, каким тоном они произносятся... Как бы то ни было, уступил Дор; он хоть и не извинился, но поспешно переменял тему.

– Громовержец лопнет от злости.

– Я виделся с Громовержцем. Когда мы расставались, он был цел. И Мари тоже.

– Только не говори мне, что он счастлив от того, что случилось.

– Я и не говорю. Но и глупостей делать он не стал. – Еще один намек на предостережение? Может быть – Дор перестал протестовать, хоть и махнул безнадежно рукой. Даг продолжал: – Омба сказала, что Мари говорила вчера с тобой наедине, после того как увиделась с остальными.

– Ох и крика же было! Мама всегда воображает, что ты валяешься мертвый в канаве, и не то чтобы она была далека от истины на этот раз... но от Мари я такого не ожидал.

– Она рассказала тебе, что случилось с моим разделяющим ножом?

– Да. Только я и половине не поверил.

– Которой половине?

– Ну, это трудно определить, пожалуй. – Дор пристально взглянул на Дага. – Ты его принес?

– Именно поэтому мы явились сюда.

В рабочую хижину Дора? Или вообще в лагерь Хикори? Слова Дага можно было истолковать и так, и иначе.

– С мамой ты уже виделся?

– Это следующий пункт программы.

– Думаю, – вздохнул Дор, – что будет лучше, если я взгляну на нож здесь. Прежде чем начнется настоящий переполох.

– Я тоже так подумал.

Дор жестом предложил Дагу и Фаун пройти к крыльцу. Даг опустился на ступеньку, Фаун села рядом, рассчитывая на его поддержку, а Дор уселся на чурбак рядом с крыльцом.

– Дай Дору нож, – – сказал Даг и подбадривающе чмокнул Фаун в макушку; это заставило Дору скривиться, как будто от дурного запаха. Фаун нахмурилась, но снова выудила мешочек из-за пазухи. Она предпочла бы отдать его в руки Дага, чтобы уже тот передал его брату, но такое оказалось невозможно. Она неохотно протянула мешочек Дору, который взял его у нее почти столь же неохотно.

Дор не стал немедленно вынимать клинок; несколько мгновений он просто сидел, держа мешочек на коленях. Потом он сделал глубокий вдох, словно сосредоточиваясь, всякое выражение сбежало с его лица. Поскольку раньше лицо его выражало неудовольствие и неодобрение, Фаун не возражала против такой перемены. Теперь Дор казался далеким, лишенным всяких чувств.

Обследовал он нож примерно так же, как и другие Стражи Озера: сжал в ладонях, потом поднес к губам; однако Дор коснулся ножа и щекой, и лбом, то открывая, то закрывая глаза; все это тянулось довольно долго.

Наконец Дор поднял глаза и бесцветным голосом попросил Дага еще раз описать ему точную последовательность событий в пещере Злого, указывая примерную длительность каждого движения. Фаун Дор ни о чем не спрашивал. Он посидел еще некоторое время, потом отсутствующее выражение исчезло и он снова поднял глаза.

– Так что же ты можешь сказать обо всем этом? – спросил Даг. – Что случилось?

– Даг, не можешь же ты ожидать, что я стану обсуждать тонкие вопросы своего ремесла в присутствии какой-то крестьянки.

– Нет, я ожидаю, что ты будешь обсуждать их – и в полном объеме – в присутствии матери зарядившей нож девочки.

Дор поморщился, но тут же контратаковал, впервые обратившись прямо к Фаун:

– Да, и как же ты оказалась беременна?

Неужели ей нужно было исповедоваться во всем глупом эпизоде с идиотом Санни? Фаун вопросительно посмотрела на Дага; тот слегка покачал головой. Собравшись с мужеством, Фаун холодно ответила:

– Обычным образом, насколько я могу судить.

Дор раздраженно заворчал, но дальше не расспрашивал.

Вместо этого он обратился к Дагу:

– Она не поймет.

– Тогда ты не выдашь никаких секретов, верно? Начни сначала. Она знает, что такое Дар.

– Сомневаюсь, – кисло протянул Дор.

Даг рукой в лубке коснулся свадебного браслета.

– Дор, она сделала его. И другой тоже.

– Она не могла... – Некоторое время Дор молчал, нахмурив брови. – Ну хорошо, бывает иногда везение... И все-таки я думаю, она не поймет.

– А ты попробуй. Фаун может тебя удивить. – Даг еле заметно улыбнулся. – Вдруг ты окажешься лучшим учителем, чем думаешь.

– Хорошо, хорошо... Хорошо! – Дор недовольно посмотрел на Фаун. – Нож... то есть умирающее тело, которое... ах... Нужно начать с самого начала. Дар есть во всем, ты это понимаешь?

Фаун взволнованно закивала.

– Живые существа создают Дар и меняют его сущность. Накапливают его. Они всегда творят, но творят они себя. Когда человек поедает пищу, ее Дар не исчезает, он переходит человеку и меняется. Когда человек – или любое живое существо – умирает, Дар высвобождается. Та его часть, что связана с материальными частями, медленно распадается одновременно с разложением тела, но нематериальная часть, самая сложная внутренняя суть, улетучивается вся разом. Ты следишь за моей мыслью? – отрывисто спросил Дор.

Фаун кивнула.

Дор пренебрежительно посмотрел на нее, словно хотел сказать «Не думаю, что это так», но продолжал:

– Так и происходит упадок живых существ: они медленно наращивают Дар по краям и одновременно постоянно теряют его. Болезнь убивает потому, что высасывает Дар слишком быстро, чтобы рост на краях это восполнил. Злой пожирает Дар, вырывая его из живых существ так же, как волк разрывает на части свою добычу.

Услышав такое сравнение, Дор не поморщился, хотя и напрягся. Он даже еле заметно согласно кивнул, решила Фаун. Она поежилась и сосредоточилась на том, что говорил Дор, поскольку не ожидала от него снисходительности, если его начнут прерывать вопросами, – по крайней мере, если вопросы начнет задавать она.

– Разделяющие ножи... – Дор коснулся ее клинка. – Внутренняя поверхность бедренной кости от природы в родстве с кровью, и эта близость может быть усилена, когда мастер придает ножу форму. Именно это я и делаю в добавление к... к внушению ножу предназначенной ему судьбы. Я действую в согласии с дарителем смерти, и кровь его или ее сердца участвует в создании ножа, потому что живая кровь несет его или ее Дар.

– Ох! – выдохнула Фаун изумленно, но тут же поспешно закрыла рот.

– Что еще? – недовольно спросил Дор.

Фаун оглянулась на Дага; тот только поднял брови.

– Следует ли мне рассказать?..

– Несомненно.

Фаун искоса взглянула на нахмурившегося и грозного – несмотря на отсутствие рубашки – мастера.

– Может быть, лучше, если ты все объяснишь, Даг.

Даг насмешливо улыбнулся брату.

– Фаун заново изобрела эту технику, чтобы заставить свой Дар проникнуть в мой свадебный браслет. Это оказалось для меня полной неожиданностью. Более того, когда я понял, что она делает, я чуть не свалился со скамьи. Так что, сказал бы я, она понимает тебя всей душой.

– Вы использовали прием создания ножа для изготовления свадебной тесьмы? – растерянно переспросил Дор.

Даг поднял левое плечо.

– Это сработало. Единственный намек, который она получила от меня, – это упоминание за несколько дней до того и по совсем другому поводу, что кровь содержит Дар человека некоторое время после того, как покинет тело.

– Везение, – пробормотал Дор, хотя уже не так уверенно, и снова пристально взглянул на свадебный браслет.

– Ага, такова жизнь с Фаун – одно везение за другим, и так без конца. Ты объяснял процесс изготовления ножа. Продолжай.

Даг, поняла Фаун, уже по крайней мере один раз наблюдал изготовление ножа в положении восприемника, хоть мастер в Лутлии был не Дором. Кроме того, что-то он узнал и от брата, пусть и урывками.

Дор сделал глубокий вдох и стал рассказывать дальше:

– Таким образом, к моменту окончания изготовления мы имеем некоторое количество Дара дарителя в ноже, и этот Дар... можно сказать, что он испытывает голод по остальному. Он жаждет воссоединиться со своим источником. И наоборот. И теперь дело доходит до заряжения как такового. – Лицо Дора было сурово, и это не имело к ней лично никакого отношения, подумала Фаун.

– Когда нож... – Дор заколебался, потом выбрал простое и жесткое слово, – вонзается в сердце заряжающего, убивая его, исходный Дар умирающего начинает распадаться, и именно в этот момент он входит в нож... и удерживается там.

– Почему он просто не распадается весь? – не удержалась от вопроса Фаун и тут же мысленно выругала себя за то, что перебила Дора.

– Это еще один аспект работы мастера. Если твое везение позволит тебе и это скопировать, желаю удачи. Я ведь не просто резчик по кости. – Улыбка Дора была холодной. – Когда кому-нибудь – например, Дагу – удается вонзить заряженный нож в Злого, Злой, который питается Даром и не может остановиться, пожирает распадающийся Дар, освобожденный сломавшимся ножом. Можно сказать, что Дар смертного отравляет Дар Злого или оказывается чем-то вроде удара молнии в дерево или... существует много способов описать это, и все они слегка неверны. Однако Дар Злого включается в распад смертного Дара, и поскольку Злой состоит из одного Дара, все материальные элементы, которые он удерживает, делаются ему неподвластны.

Фаун коснулась отметин на шее.

– Это я видела.

Дор нахмурил брови.

– Насколько близко к нему ты была?

Фаун вытянула руку и прищурилась.

– Примерно на половину длины руки, наверное. – А руки у нее не были особенно длинными...

– Дор, – сказал Даг мягко, – если ты еще не понял, повторяю: Фаун вонзила мой заряженный нож в Злого в окрестностях Глассфорджа, и я могу утверждать на основании богатого личного опыта, что она была намного, намного ближе к твари, чем рискнул бы любой разумный человек.

Дор смущенно откашлялся, не отрывая глаз от лежащего у него на коленях ножа.

– Почему вы не можете использовать Дар умирающих животных, чтобы отравить Злого? – вырвалось у Фаун прежде, чем она сумела себя остановить.

Даг слегка улыбнулся, но Дор нахмурился, глубоко оскорбленный, и сухо ответил:

– Они не обладают силой. Только Дар Стража Озера, добровольно им пожертвованный, убивает Злого.

– А нельзя ли было бы использовать многих животных?

– Нет.

– А такие попытки делались?

Дор нахмурился еще сильнее.

– Животные не годятся. Крестьяне не годятся тоже. – Губы Дора искривила злобная улыбка. – Сама найдешь тут связь.

Фаун стиснула зубы: до нее начало доходить, насколько оскорбительно высказался Дор, назвав ее свинкой.

Даг сурово и предостерегающе взглянул на брата, но сказал только:

– Это не только вопрос силы, хотя отчасти и силы тоже. Дело еще и в сходстве.

– В сходстве? – Фаун сморщила нос. – Ладно, не важно. Что произошло с моей... со вторым ножом Дага? – Она кивком указала на клинок.

Дор вздохнул, словно был не особенно уверен в том, что собирается сказать.

– Ты должна понять: Злой – колдун. Его рождает земля, до первой линьки он неподвижен, но все равно остается более могущественным колдуном, чем любой человек в

отдельности, и со временем делается все сильнее. И так... Во-первых, Злой похитил Дар твоей нерожденной дочери.

Воспоминание родило печаль.

– Да. Мари сказала, что никому не было известно, будто Злые способны разделять мать и дитя. Это важно? – Было бы некоторым утешением, если бы пережитый кошмар дал знание, способное в будущем кому-то помочь.

Дор пожал плечами.

– Мне пока неясно, имеет ли это какое-то практическое значение.

– Зачем Злым младенцы?

Дор вытянул вперед руку и перевернул ее ладонью вверх.

– Тут происходит обратное тому, что делает разделяющий нож. Нерожденные и в меньшей степени совсем маленькие дети наиболее активно творят самую сложную часть своего Дара. Злой, готовящийся к линьке – к главной части своего самосоздания или воссоздания, – жаждет такой пищи.

– А не может он воровать Дар беременных животных?

Дор поднял бровь.

– Возможно, и мог бы, если бы стремился обрести тело животного, а не человека.

– Злые на такое способны и делают это, – вмешался Даг. – Злой на Волчьем перевале не мог раздобыть достаточное количество людей, так что он отчасти использовал для своей цели волков. Я слышал от тех дозорных, кто участвовал в уничтожении того Злого, что его форма была весьма... весьма странной, а он уже давно пережил свою первую линьку.

Фаун позволила своему беспокойству отразиться на лице; то же, как она заметила, сделал Дор.

– Во-вторых, – продолжал Дор, – ты вонзила в тварь незаряженный нож Дага.

– В бедро, – кивнула Фаун. – Он сказал – «куда угодно». Я не знала...

– А потом так и оставила нож, верно?

– Да. Это случилось, когда привидение... когда Злой схватил меня во второй раз, за шею. Я думала, он разорвет меня на части, как цыпленка.

Дор взглянул на отметины на шее Фаун и отвел глаза.

– И тогда ты вонзила уже заряженный нож.

– Я подумала, что нужно торопиться. Нож сломался... – Фаун поежилась, вспомнив пережитый ужас, и левая рука Дага крепче ее обняла. – Я решила, что испортила его. Но тут Злой выронил меня и... и вроде как растаял. От него воняло.

– Тут годится простейшее объяснение, – сказал Дор решительно. – Человек, который несет что-то драгоценное для себя, если спотыкается и падает, старается уберечь свое сокровище, даже ценой увечья. Злой получил драгоценный для него Дар, и тут же, через несколько секунд, оказался приобщен к смерти. В момент падения он слепо попытался спрятать этот Дар в безопасное место: в незаряженный нож. Злой, несомненно, обладал достаточной для этого силой, он не был вынужден... Конечный результат оказался таким: Злой был уничтожен, а в незаряженный нож ненамеренно помещен Дар. – Дор задумчиво пососал губу. – Возможно, существует и более сложное объяснение, но я не услышал ничего, что говорило бы о его необходимости.

– Хм-м... – протянул Даг. – Так все-таки будет этот нож работать как разделяющий или нет?

– Дар, который в нем, – странный. Он был пойман и связан в момент наиболее интенсивного самосоздания и в то же время самого абсолютного распада. Что ж, это, в конце концов, всего лишь Дар крестьянки. – Он бросил на Фаун пристальный взгляд. – Если только в ребенке было что-то, о чем мне не сказали... Смешанная кровь, например. – Вопросительный взгляд, который Дор устремил на брата, был холоден и не особенно почтителен.

– Это был крестьянский ребенок, – тихо сказала Фаун, глядя в землю. Перед крыльцом в грязь было втоптанно несколько древесных стволов... Рука Дага снова обвила Фаун.

– Тогда Дар не имеет сходства со Злым, и нож бесполезен. Незаряженный нож, оказавшийся оскверненным, иногда может быть очищен и посвящен заново, но не в этом случае. Моя рекомендация такая: сломай нож, чтобы освободить бесполезный крестьянский Дар, и сожги или отправь родичам Каунео, придумав пристойное объяснение, – а потом начни все сначала с новым ножом. – Голос Дора стал более мягким. – Мне жаль, Даг. Я знаю, что ты носил этот нож с собой на протяжении двадцати лет не для того, чтобы ему выпал такой бесславный конец. Но, знаешь ли, такое иногда случается.

Фаун оглянулась на Дага.

– Верни мне его, – сказала она Дору упрямо и протянула руку.

Дор вопросительно посмотрел на Дага, не получил поддержки и неохотно отдал ножны с клинком Фаун.

– Очень многие ножи так никогда и не используются, – сказал Даг, притворяясь незаинтересованным. – Не вижу особой необходимости спешно уничтожить этот. Если он не служит никакой цели целым, то уж тем более не послужит сломанным.

Дор поморщился.

– Для чего тогда ты будешь его хранить? Как украшение на стене? Как устрашающее напоминание о твоём маленьком приключении?

Даг улыбнулся Фаун, и она подумала, что выглядит сейчас, должно быть, унылой. Ей было холодно.

– Одной цели он по крайней мере послужил, – сказал Даг. – Он свел нас вместе.

– Тем больше оснований его сломать, – мрачно проговорил Дор.

Фаун вспомнила такое же предложение Дага, сделанное им давно, еще на ферме Хорефордов. «Мы могли бы сэкономить много сил». Как могли два одинаковых предложения восприниматься как полные противоположности? Доверие и недоверие... Она надеялась, что скоро сможет остаться с Дагом наедине, спросить его, принимает ли он суждение брата полностью или отчасти или не принимает совсем и им нужно будет искать совета другого мастера. На лице Дага ничего нельзя было прочесть. Фаун снова спрятала мешочек с ножом за пазуху.

Даг встал и потянулся.

– По-моему, наступает время ужина. Ты пойдешь и посмотришь на представление, Дор, или спрячешься здесь?

Фаун начинала мечтать о том, чтобы они с Дагом могли спрятаться, потом, взглянув на колеблемые ветерком кости, решила, что лучше не здесь. Но хоть где-нибудь...

– О, я пойду, – сказал Дор, поднимаясь, чтобы отнести внутрь хижины резец и готовые чаши. – Можно разделаться с этим раз и навсегда.

– Оптимист, – усмехнулся Даг, уступая дорогу поднимающемуся на крыльцо брату.

Фаун увидела сквозь дверь опрятную рабочую комнату, стол с аккуратно разложенными инструментами и маленький очаг у противоположной стены. Дор снова вышел наружу, поправляя надетую рубашку и не обращая никакого внимания на ту легкость, с которой его пальцы застегивали пуговицы... запер дверь и расторопно закрыл ставни на окнах.

Зеленый свет в лесу приобрел более угрюмый оттенок – пришедшие с северо-запада облака заполнили все небо. Стакато падающих на землю орехов напомнило Фаун треск суставов Дага ненастным утром. Фаун прильнула к левой руке мужа; мускулы его были все такими же твердыми. Фаун стала шире шагать, чтобы идти с ним в ногу, и, к своему удивлению, обнаружила, что особенно стараться нет необходимости.

4

За поляной, где располагались хижины-шатры, по потемневшей воде озера бежали волны с белыми пенными гребнями. Фаун слышала, как они плещут о берег; рогоз шуршал под усиливающимся ветром. Только одна узкая лодка еще виднелась вдалеке; двое гребцов в

ней отчаянно гребли к дальнему берегу. На севере воздух стал серым, как графит, и сверкающие вилки молний вонзались с небес в землю; гром еще не долетал до острова. Похожее на крупную жемчужину из-за затянувших небо облаков солнце, клонящееся к западу, на глазах Фаун скрылось за темной тучей, и на окрестности опустился сумрак.

Под навесом правой хижины рядом с грудой сумок и седел стояла худая, прямая, непреклонная женщина в юбке, тревожно глядя на дорожку, по которой спускались Дат и Фаун. Позади нее в хижине, прислонившись к столбу и скрестив руки на груди, виднелась Омба в своих штанах для верховой езды.

– Что ты собираешься сказать? – взволнованно прошептала Дагу Фаун.

– Ну, в зависимости...

– От чего?

– От того, что скажет она. Если слухи дошли до нее давно, она уже успела переключиться с радости по поводу моего спасения на другие вещи. И еще многое зависит от того, кто, помимо Омбы, напел ей в уши: она может быть уже на взводе.

– Ты же оставил наши вещи на виду – она поняла, что ты вернулся, даже без рассказа Омбы.

– Конечно.

Да есть ли у него какой-нибудь план? Фаун начала сомневаться в этом.

По мере того как они приближались, женщина выпрямлялась все сильнее; ее руки только один раз протянулись к Дагу, потом она решительно уперла их в бедра. Камбия Редвинг носила свои седые волосы свернутыми в простой траурный пучок. Ее сухая кожа была темной, хоть и не такой загорелой до цвета меди, как у Дага, и производила впечатление яркого контраста с серебристыми волосами. Фаун могла бы счесть её здоровой семидесятилетней женщиной, если бы не знала, что ей на два десятка лет больше. Глаза Камбии были цвета чая; они пристально смотрели на Фаун из-под грозно насупленных серебряных бровей. Фаун подумала, что на ярком свете глаза Камбии были бы такими же золотыми, как у Дага.

Когда прибывшие подошли к навесу, Камбия выпятила подбородок и рывкнула:

– Даг Редвинг Хикори, у меня нет слов!

Позади Дага и Фаун Дор пробормотал:

– Ну еще бы! – В ответ брови Дага только чуть заметно дрогнули.

Камбия тут же доказала, что Дор был прав, воинственно продолжая:

– Правила известны: что бы вы, дозорные, ни подобрали на дороге, домой вы это не тащите. Ты не можешь притащить свою крестьянскую шлюшку в мой шатер.

Словно не слыша этих слов, Даг подтолкнул вперед смущенную Фаун и сказал:

– Мама, это моя жена, Фаун Блуфилд.

– Как поживаете, мэм. – Фаун сделала книксен, отчаянно пытаясь вспомнить хоть что-нибудь из тех сотен отрететированных слов, которые она готовила к встрече. Она не рассчитывала, что ей придется знакомиться в грозу. Она вообще ни на что подобное не рассчитывала.

Даг опередил ее. Он протянул из-за спины Фаун свой крюк, предусмотрительно повернутый вниз острием, и поднял ее левую руку.

– Видишь? Жена. – Он и свое левое предплечье приподнял, показывая свадебный браслет.

Глаза Камбии расширились в ужасе.

– Ты не мог... – Давясь словами, она выдохнула: – Срежь их немедленно!

– Нет, мэм, – странно любезным тоном сказал Даг. Улетел, подумала Фаун. Улетел в то место, куда он отправляется, когда ситуация смертельно опасна, когда все происходит слишком быстро: он обращается к той части себя, которая способна справиться... или нет.

– Даг, если ты не сожжешь эту гадость и не вернешь девчонку туда, откуда ты ее взял, ты никогда больше не войдешь в мой шатер. – Может быть, Камбия тоже рететировала? Ее подзуживали взволнованные сплетники? Камбия явно испытывала глубокое неудобство, как

будто ее глаза и губы одновременно пытались сказать совершенно разные вещи. Даг, наверное, мог определить это своим Даром, если только не закрылся, как скорлупа ореха.

Даг улыбнулся – по крайней мере губы его весело изогнулись, хотя глаза выдавали напряжение; это делало его странно похожим на мать.

– Прекрасно, мэм. – Он повернулся к пораженным слушателям. – Омба, Дор, рад был снова повидаться. Фаун, собирай сумки. За седлами мы кого-нибудь пришлем завтра. Омба, если она выбросит седла под дождь, ты не могла бы их убрать?

Омба, безмолвно вытаращив глаза, только кивнула.

Как это?

– Но, Даг...

Даг наклонился, подцепил крюком сумки Фаун и вручил ей, потом перекинул через плечо свои сумки. Фаун неловко прижала к себе тяжелый груз; Даг обнял ее за талию и развернул прочь от дома. Упали первые крупные капли дождя, громко стуча по листьям деревьев и сухой земле.

– Но, Даг, никто... ей не нужно... я не... – Резко оборвав себя, Камбия сказала: – Даг, ты же не можешь уйти, начинается гроза!

– Пошли, Искорка, – поторопил ее Даг. Несколько тяжелых капель, как чьи-то жесткие пальцы, стукнули Фаун по голове, холодные струйки потекли по ее волосам.

– Но, Даг, она же не... у меня даже не было возможности... – Фаун обернулась через плечо, снова сделала книксен и отчаянно пискнула: – Было приятно познакомиться, мэм.

– Куда вы пойдете? – воскликнула Камбия, словно подслушав мысли Фаун. – Спрячься от дождя, дурак!

– Продолжай двигаться, – уголком губ пробормотал Даг. – Не оглядывайся, иначе все начнется сначала. – Проходя мимо большой корзины, он вонзил свой крюк в крупный темный кругляш и прихватил его с собой. Шаги Дага стали длиннее. Фаун пустилась вприпрыжку, чтобы не отстать.

Дойдя до дороги, Даг помедлил, и Фаун пропыхтела:

– В самом деле, куда мы идем?

Даг оглянулся через плечо. В просветы между деревьями было видно, что дальний берег озера скрылся за непроницаемой серой пеленой дождя; Фаун слышала его приближающийся шум.

– Есть несколько человек, которые передо мной в долгу, но этим мы, пожалуй, воспользуемся завтра. Сейчас нам нужно убежище. Сюда.

К полному смятению Фаун, он свернул на тропинку, ведущую к хижине, в которой хранились кости. Фаун поправила седельные сумки на плече и потрусила следом. Редкие крупные капли сменились градинами, пролетающими в просветы ветвей и больно бившими их с Дагом. Ледышки размером с гальку и ветер заставили деревья пугающе раскачиваться, и Фаун уже представила себе, как тяжелые ветви обрушиваются на них, подобно огромным молотам. Они с Дагом пригнулись и кинулись бежать сквозь мрачные тени.

Фаун ловила ртом воздух, и даже Даг запыхался, когда наконец они добрались до рабочей хижины Дора. Подвешенные под навесом крыши кости раскачивались и бились друг о друга, как устрашающие колокольчики. Градины и падающие с деревьев орехи стучали по дранке кровли и иногда снова отскакивали высоко вверх, чтобы наконец упасть на землю, которая быстро превращалась в грязь. Фаун и Даг взбежали по ступеням крыльца и спрятались под навесом.

Мокрые волосы прилипли ко лбу Дага; он с решительным видом принялся высвободить свой крюк из кидальника, который прихватил по дороге, зажав его под лубком; при этом седельные сумки соскользнули с плеча Дага и упали ему на ногу. Даг выругался.

– Ох, – забеспокоилась Фаун, – позволь лучше мне.

Она опустила на крыльцо собственные сумки, освободила крюк Дага от кидальника, отодвинула задвижку и распахнула дверь в хижину. Из-за того, что окна были закрыты

ставнями, внутри было темно, и Фаун заглянула в комнату с нерешительностью.

Даг наклонился и попытался расшнуровать сапоги крючком, но не сумел.

– Будь добра, Искорка, расшнуруй их... Дор не любит, когда пачкают пол.

Фаун отвела крюк в сторону прежде, чем Даг затянул им мокрые шнурки в неподдающиеся усилиям узлы, расшнуровала сначала его, а потом свои сапоги, стащила их с ног и поставила обе пары на крыльце. Огорченно вытерев руки о собственные штаны, она последовала за Дагом внутрь помещения. Даг наклонился над рабочим столом и зажег восковую свечу в глиняном подсвечнике; Фаун порадовал веселый блеск огня. Когда оказалась зажжена и вторая свеча, ее сияние вместе с тусклым светом, проникавшим сквозь открытую дверь, позволило наконец Фаун отчетливо разглядеть комнату.

Помещение едва достигало двенадцати футов в длину и десяти в ширину; вдоль стен тянулись полки. Имелось также два рабочих стола с исцарапанной поверхностью, но чисто выскобленных, и несколько стульев разной высоты, вырезанных из чурбаков так, что нижние части образовывали ножки, а сверху выступало что-то вроде спинок. В хижине пахло деревом – и старым, и свежеструганным, травами, медовой теплотой воска, маслом, кожей и временем. В основе всего ощущалось что-то неопределимое... как ни старалась Фаун отогнать такую мысль, она не могла не думать о том, что это ощущается смерть.

Даг втащил сумки и поставил их у входа; ногой он вкатил в хижину кидальник и закрыл дверь. Если бы не стук костей, удары градин и орехов по крыше, пугающий скрип древесных ветвей, завывания бури и тяжелый день с его только что пережитой ими сценой, не говоря уже о подавленном настроении, можно было бы считать, что устроились Фаун с Дагом уютно. Учитывая же все случившееся, Фаун чувствовала, что разрыдалась бы, если бы не была так готова взорваться.

– Так что же, – сквозь зубы сказала она, – случилось со всем твоим замечательным умением убеждать?

Даг вздохнул и потянулся.

– Есть всего два пути, Искорка: медленный и мучительный и быстрый и тоже мучительный. Я предпочитаю сразу выдрать зуб – чтобы боль скорее прошла.

– Ты даже не дал ей шанса сказать все, что она хотела!

Даг посмотрел на Фаун, подняв брови.

– Чем меньше непростительных вещей мы сказали бы друг другу, тем лучше, по-моему.

– Я тоже не успела ни слова сказать! Я не имела никакой возможности даже попытаться ее уговорить! Не хочу сказать, будто мне это наверняка удалось бы, но по крайней мере я знала бы, что попыталась.

– Ну, я-то о твоём желании попытаться знаю. Искорка, мое сердце было бы разбито, если бы мне пришлось смотреть, как ты выворачиваешься наизнанку. Я бы этого не вынес.

Даг повернулся и попытался своим крючком развязать их одеяла; мрачно понаблюдав за ним мгновение, Фаун взялась за дело сама, а потом помогла Дату расстелить одеяла на полу. Даг с усталым кряхтением опустился на свое, а Фаун, скрестив ноги, уселась перед ним и запустила руки в мокрые растрепанные кудри.

– Бывает, что, когда люди выпустят пар, они успокаиваются и разговаривают более разумно. – Камбия даже за то короткое время, что имела, уже прошла достаточно далекий путь: от «крестьянской шлюшки» до «этой девчонки», а это было ненамного хуже «того парня», как называли Дага в Вест-Блу. Кто знает, чем все могло бы кончиться, если бы они подождали еще немножко?

Даг пожал плечами.

– Она выиграла. Говорить больше не о чем.

– Если она выиграла, то каков ее выигрыш? – резко спросила Фаун. – Не вижу, чтобы там хоть кто-то что-то выиграл.

– Понимаешь, это не я ушел – она меня выгнала. Или она сдержит слово и никогда больше со мной не заговорит, или ей придется извиниться.

– Другими словами, ты хочешь сказать, что выиграл на самом деле ты. Ну и тактика,

Даг!

Даг поморщился.

– Я впитал ее с молоком матери.

– И что на тебя нашло? Я видела тебя во всяких настроениях, но такого до сих пор не бывало! Не могу сказать, что мне это особенно нравится.

Даг откинулся на спину и уставился на обтесанный коньковый брус. Крыша хижины была сделана просто из очищенных от веток тонких стволов, сколоченных треугольниками.

– Мне тоже не особенно нравится то, как я сюда вернулся. Похоже, что я теряю самообладание, как только начинаю иметь дело со своими ближайшими родственниками. В основном это касается мамы и Дора – хотя так, пусть и в меньшей мере, бывало и с отцом, пока он был жив. Мари я могу выносить. Отчасти поэтому я бываю здесь недолго или совсем не бываю, если это от меня зависит. Стоит удалиться на мило, а еще лучше на сто, и я снова делаюсь самим собой.

– Эх... – вздохнула Фаун, обдумывая услышанное. Теперь она не находила случившееся таким необъяснимым, как могла бы найти раньше: ей достаточно было вспомнить огромные новые возможности, открывшиеся перед ней в Глассфордже, и то, каким удушающе тесным стал ее мир, когда она вернулась в Вест-Блу. Правда, Фаун казалось, что в возрасте Дага люди должны уже давно преодолеть подобные чувства... или просто смириться с привычной колеей. Глубокой, глубокой колеей. – Забавное получилось изгнание.

– Так и есть. – Однако смеяться Даг и не думал.

Чем дольше длилась гроза, тем холоднее становился воздух. Маленький каменный очаг в хижине, судя по всему, был более приспособлен для того, чтобы разогревать в горшках снадобья, а не отапливать хлипкое строение, которое зимой явно не использовалось, но Даг все же решил развести огонь.

– Нужно будет пополнить запас утром, – пробормотал он, перетаскивая к очагу охапку сушняка, приготовленную на крыльце. Однако когда огонь разгорелся – а Даг, похоже, обладал удивительным счастливым умением разжигать дрова, – желтый свет, запах дыма, взлетающие вверх оранжевые искры придали комнате веселый вид, которого ей так не хватало. Волосы и одежда начали высухать, и кожа Фаун перестала быть ледяной.

Фаун повесила котелок с водой из дождевой бочки на крюк над углями, чтобы приготовить чай.

– Так что же, – спросила она, надеясь, что в ее голосе не слишком явно прозвучит отчаяние, – мы будем делать завтра?

– Я собираюсь забрать со склада наш шатер.

У них имеется шатер?

– А где мы его установим?

– У меня есть некоторые мысли на этот счет. Если не получится, придумаю что-то другое.

Похоже, рассчитывать добиться от Дага большего сейчас не приходилось. Закончилась стычка с его семейством или нет? Фаун не думала, что Даг ее обманывает, но начинала думать, что их представления о том, что является благополучным исходом, сильно различаются. Если Стражи Озера не женятся на крестьянках – или по крайней мере не привозят их к себе в лагерь, – нельзя было ожидать, что недоброжелательство будет мимолетным и от него легко будет отмахнуться. Если Даг затеял то, что никому еще не удавалось, ее вера в то, что Даг знает, что делает... была не то чтобы беспочвенной, скорее оказывалась надеждой, а не уверенностью. Фаун не боялась трудностей, но что, если трудности окажутся непреодолимыми?

В животе у Фаун забурчало. Если Даг был хоть наполовину так измучен, как она, неудивительно, что ни один из них не способен мыслить ясно. Пища все исправит. Фаун прикатила поближе к очагу загадочный кидальник и стала его рассматривать. Он все еще казался ей пугающе похожим на отрубленную голову.

– Что с этим можно сделать?

Даг сел, скрестив ноги, и улыбнулся. Улыбка вышла довольно кривая, но все-таки...

– Выбор богатый. Чего только не делают из кидальника! Его можно есть сырым, нарезав ломтиками, можно мелко покрошить и сварить похлебку, можно сварить целиком, можно завернуть в листья и испечь в углях костра или нанизать на меч и поворачивать над огнем как на шампуре. Самый популярный способ – скормить кидальник свиньям и потом лакомиться свиной. Очень питательно. Говорят, можно вечно жить на кидальнике и дождевой воде. Другие говорят, что такая жизнь потому и покажется вечностью. – Даг показал на нож, который висел у Фаун на поясе, – один из его запасных ножей, который по его настоянию Фаун носила с тех пор, как они выехали из Вест-Блу. – Попробуй кусочек.

Фаун с сомнением зажала кругляш между коленями и воткнула в него кож. Коричневая шкурка была довольно жесткой, но под ней оказалась плотная желтоватая мякоть, не имеющая ни кочерыжки, ни семян. Фаун откусила от ломтика, как от ломтика дыни.

Овощ оказался хрустящим, не таким сладким, как яблоко, и не таким мучнистым, как картошка.

– Похоже на пастернак. Нет, гораздо вкуснее, чем пастернак. – Проблема, похоже, заключалась не в качестве, а в количестве.

Для простоты, а также потому, что Фаун испытывала неловкость при мысли о том, чтобы готовить на очаге Дора, который мог использоваться бог знает для каких колдовских манипуляций, они стали есть кидальник сырым. Фаун воспротивилась попытке Дага просто насадить свою порцию на крюк и откусывать от нее; она почистила кидальник и настояла, чтобы Даг воспользовался своей ложко-вилкой. Овощ оказался удивительно сытным. Какими бы голодными Фаун с Дагом ни были, они съели только половину... кочана, корня или чем там был кидальник.

– Почему у крестьян нет такого овоща? – удивилась Фаун. – Это же готовая еда. Да и животных можно откармливать. Мы могли бы выращивать кидальник в прудах.

Даг помахал ломтем, насаженным на ложко-вилку. Что ж, пусть это приспособление и не выглядит особенно изящным, все же с ним прием пищи выглядит более пристойно...

– Уши кидальников нужно немножко пощекотать Даром, чтобы они укоренились. Если их станут сажать фермеры, они просто упадут в грязь и сгниют. Нужную уловку знает каждый Страж Озера. Когда я был мальчишкой, я ненавидел работу на плоту, считая ее ужасно скучной. Теперь я понимаю, почему старые дозорные не возражали против такого занятия и смеялись надо мной. Очень успокаивает, знаешь ли.

Фаун доблестно вгрызалась в мякоть кидальника, пытаясь вообразить себе молодого нетерпеливого Дага на плоту, раздетого, с блестящей на солнце загорелой кожей, недовольно касающегося ушей кидальника – одного за другим, одного за другим... Она не сдержала улыбки. С двумя руками, без шрамов... Улыбка Фаун увяла.

– Рассказывают, что древние лорды-волшебники, повелители озер, создавали всякие чудесные растения и животных, – задумчиво сказал Даг. – Немногие из них пережили катастрофу. Вот и кидальники требуют для своего выращивания хитрых условий. Не слишком глубоко, не слишком мелко, и чтобы на дне была тина. Они не выживают в чистой воде глубоких озер с каменистым дном на востоке или на севере. Это делает их местным, так сказать, деликатесом. И, конечно, нужно, чтобы каждый год рядом оказывались Стражи Озера. Я иногда думаю: сколько же времени существует этот лагерь?

Фаун представила себе, сколько потребовалось усилий, чтобы сохранить кидальники. Когда весь мир рушился, какой-то Страж Озера, должно быть, постарался, несмотря ни на что, продолжать посевы. Была ли в этом надежда? Или просто привычка? А может быть, чистое упорство? Глядя на Дага, Фаун склонялась в пользу последнего.

Они бросили кожуру в огонь, и оставшуюся половину Фаун отложила на завтрак. Снаружи грозовая зеленая тьма сменилась темной синевой ночи, а ливень превратился в унылую изморось. Даг придвинул их постели поближе друг к другу.

Устраиваясь на одеяле, Фаун почувствовала, как мешочек с ножом скользит по ее груди, и прикоснулась к нему рукой.

– Как ты думаешь, Дор правду сказал насчет ножа?

Даг оперся спиной о седельные сумки и протянул к огню босые ноги, задумчиво хмурясь.

– Я думаю, что все сказанное Дором было правдой. В той мере, в какой это возможно.

– Что это значит? Ты думаешь, он что-то утаил?

– Не уверен... Дело не в том... Я бы сказал так: нож представляет собой проблему, исследовать которую он не хочет и предпочел бы, чтобы она исчезла.

– Если он такой хороший мастер, как ты говоришь, он должен бы проявить больше любопытства.

Даг пожал плечами.

– Сначала все люди любопытны – как Саун-Ягненок или как я сам был в его возрасте: все кругом ново и интересно. Но потом делаешь все одно и то же, и новое встречается редко. Начинаешь ли ты видеть в новизне нечто возбуждающее или досадную помеху... Понимаешь, Дор больше трех десятков лет каждый день занят тем, что делает оружие для родных и друзей – то самое оружие, которым они себя убивают. Какие бы меры Дор ни принимал для того, чтобы быть в силах продолжать такую жизнь, шутить с этим я не стал бы.

– Может быть, нам следовало бы найти молодого мастера. – Фаун поправила собственные седельные сумки, чтобы расположиться поудобнее, и улеглась рядом с Дагом. – Так что он... и ты... имели в виду, когда говорили, что Дар должен иметь сходство? Ты два или три раза употребил это слово, как будто оно имеет какое-то особое значение.

– Хм-м... – Даг потер нос своим крюком. Черты его лица четко очерчивались оранжевым сиянием огня, а все остальное оставалось в тени. Стены хижины словно отступили в бездонную тьму.

– Ну, просто дело в том, что Злой хорошо воспринимает смертность Стража Озера, так же как Дар кости воспринимает Дар крови.

Фаун нахмурила брови.

– Можно предположить, что кости хорошо воспринимают кровь, потому что они когда-то были единым целым.

– Правильно.

– Значит... – Фаун внезапно почувствовала, что ей не нравится, куда ее заводят эти рассуждения. – Значит...

– Как гласит легенда... знаешь, легенда ведь – то же самое, что слухи, только более высохшие...

Фаун осторожно кивнула.

– На самом деле никто теперь уже не знает ничего наверняка. Те, кто знал, умерли вместе со своим знанием тысячу, а то и две тысячи лет назад. Летописи пропали, время ушло – выпало то ли два столетия, то ли пять; кто знает, сколько поколений кануло во тьму...

– Как бы то ни было, культура кидальников сохранилась.

Губы Дага дрогнули.

– Это верно.

– Так что же это такое – что то ли известно, то ли неизвестно?

– Ну, существуют разные версии того, как в мире появились Злые. Мы только знаем, что раньше их не было.

– Ты видел... сколько? Двадцать семь тварей? Совсем близко? Мне не нужно знать, что говорят другие люди. Во что веришь ты?

Даг вздохнул.

– Я могу опираться только на то, о чем слышал. Говорят, древние лорды озерной лиги творили чудеса, объединяясь в большие группы. Они склонялись перед властью великих королей. И один король, самый последний, был могущественнее и мудрее всех прочих и возглавлял собрание самых могущественных магов, когда-либо существовавших. Он захотел протянуть руку за пределы мира ради... чего-то. Одни говорят – бессмертия. Другие говорят

– власти. Легенды по большей части говорят о греховном намерении из-за того, какие ужасные результаты последовали – раз есть наказание, должно было быть и преступление. Люди винят гордыню и эгоизм... да вообще любой грех, который им особенно отвратителен. Я ни в чем не уверен. Может быть, древний король пытался завладеть каким-то желанным благом для всех, но все получилось ужасно неправильно.

Я говорил тебе, что лорды-волшебники использовали свою магию для того, чтобы изменять растения, животных и себя. И своих детей... – Даг похлопал себя по виску обратной стороной крюка, и Фаун догадалась, что он приписывает цвет своих глаз таким попыткам. – Продлевали жизнь, улучшали Дар и совершенствовали умение менять мир с помощью Дара. – Даг бросил быстрый смущенный взгляд на свою поднятую левую руку; Фаун решила, что он опять думает о своей призрачной руке. – Мы, Стражи Озера, как предполагается, потомки мелких лордов, живших далеко от берега... так каковы же были великие древние владыки?

Так или иначе, в попытках увеличить собственное могущество лорды-волшебники извлекли что-то из-за пределов мира. Бога, демона, нечто чуждое... Если они похитили бога, это объяснило бы, почему боги нас покинули. И король соединился с этим существом... или оно с ним. И стал чем-то, что не было ни тем, ни другим, совсем не тем, что было задумано, – огромным, исковерканным, могущественным, безумным, пожирающим Дар...

– Подожди! Не хочешь ли ты сказать, что ваш собственный родич стал первым Злым? – Фаун приподнялась на локте и в изумлении вытаращила глаза.

Даг с сомнением покачал головой.

– Он стал чем-то... Некоторые лорды пали от его руки, гласит легенда, другие бежали. Последовала война, в которой сражались и оружием, и магией. В результате озера исчезли, на их месте образовалось Мертвое озеро и Западные уровни. То ли противники короля-Злого открыли способ уничтожить его, то ли погибли при попытке это узнать, – неизвестно. Все же кто-то тогда открыл, как делиться смертностью. То должно было быть великое открытие – это все, что я могу сказать. Наши Злые возникли в результате какого-то катаклизма – перерождения земли, – когда он или оно было наконец уничтожено и разлетелось на десять тысяч или сколько-то осколков, семян или яиц. Но с тех пор все Злые, как мы думаем, только одно и пытаются сделать – снова стать королями.

Поэтому – если вернуться к твоему первому вопросу – так важно сходство. Злые воспринимают смертность Стражей Озера, потому что они являются – или были – отчасти нами.

Под навесом крыши кости стучали под порывами ночного ветра. Фаун обнаружила, что пытается съежиться под одеялом, которым за время рассказа укрылась до самого носа. Слова Дага были страшнее любых мрачных рассказов, которыми ее мучили братья.

– Ты хочешь сказать, что все Злые – твои родичи?

Даг откинулся на спину и, к возмущению Фаун, рассмеялся.

– Ну зачем тебе эти семейные дразни? Отсутствующие боги... – Смех затих раньше, чем Фаун набралась смелости в наказание ткнуть Дага локтем в бок. – Самое большее – какая-то побочная линия, Искорка. Только советую тебе не распространяться о подобных вещах. Кое-кто может обидеться.

«В какую семейку я вошла?» Новые родственники лишали Фаун мужества. Она вспомнила страдальческие и безжалостные глаза Злого. Они, кажется, были цвета чая, с таким знакомым теперь блеском...

Черный юмор заставил Дага вздохнуть еще раз.

– Если и не родичи, то уж что Злые наше наследие – это точно. Наше общее наследие. Не уверен только, какая часть приходится на меня. – Крюк коснулся сердца Дага. – Изрядная, я думаю.

Фаун охватил озноб при мысли о том, что ждет Дага после смерти.

– А вы еще такие гордецы! Ездите мимо нас, как лорды... – И все же Стражи Озера у себя дома жили в большей нищете, чем большинство фермеров, если только другие лагеря не

более богаты, чем Хикори. Фаун начинала думать, что не более богаты... Благородного величия что-то нигде не заметно. Скорее их жизнь можно было бы назвать нищенской борьбой за существование. Даг пожал плечами.

– Мы должны рассказывать себе лестные сказки, чтобы продолжать делать то, что делаем. День, год, десятилетие... Что остается? Лечь и умереть от отчаяния?

Фаун улеглась на спину и стала, как и Даг, смотреть на скользящие по потолку тени.

– Будет ли когда-нибудь конец?

– Может быть. Если мы выдержим. Мы думаем, что посеяно не бесконечное число Злых. Они не появляются под водой, в снегу, там, где нет деревьев или на старых пустошах. По картам, на которых мы отмечаем уничтоженные логова, видно, что их больше вблизи Мертвого озера, а чем дальше от берега, тем они встречаются реже. Мы говорим, что они бессмертны, но на самом деле мы уничтожаем всех тварей, которые выводятся. Так что, может быть, они и не будут существовать всегда, хотя того, что они успевают осквернить, более чем достаточно. А может быть, они перестанут выводиться просто от возраста... только на это лучше не надеяться. Подобные мысли делают людей нетерпеливыми, а это не та война, которую нетерпеливые могут выиграть. Однако раз все на свете кончается, должно кончиться и отчаяние, – пусть я до такого не доживу, но хоть когда-нибудь. – Даг прищурился, глядя в темноту. – Я не во многое верю, но в это верю.

Во что он верит – что отчаяние когда-нибудь кончится? Или что не при его жизни? Скорее всего и в то, и в другое.

Даг сел, морщась, потянулся, беспомощно потыкался в пряжки своего протеза пальцами сломанной руки и в конце концов протянул левую руку Фаун, чтобы она на ночь освободила его от деревяшки. Фаун, как обычно, расстегнула ремни и отложила протез в сторону, потом, поколебавшись, решила, что им лучше будет спать не раздеваясь, и свернулась калачиком на привычном месте – под левой рукой Дага, где могла прижаться ухом к его сердцу. Когда она натянула одеяло на них обоих, Даг ни словом, ни жестом не выразил желания этой ночью заняться любовью, и Фаун с облегчением последовала его примеру. Угли в очаге подернулись золой прежде, чем кто-нибудь из них уснул.

5

Даг ушел сразу же, как рассвело, пробормотав какое-то оправдание и оставив Фаун укладывать вещи. Она сложила седельные сумки и одеяла на крыльце, подмела хижину и даже угли из очага выгребла и разбросала по влажной земле под деревьями, а Даг все не возвращался. Фаун собрала новый запас дров взамен израсходованного накануне – гроза наломала много веток – и в конце концов просто уселась на ступеньке крыльца, опершись подбородком на руку, и стала ждать. Стая диких индеек – скорее всего не та, которую они повстречали раньше, потому что теперь птиц было явно больше, – прошествовала по поляне, и они с Фаун обменялись мрачными взглядами.

На дорожке показался человек, и индейки разбежались. Фаун радостно подпрыгнула, но тут же ее плечи разочарованно поникли – это был Дор, а не Даг.

Дор неприязненно, но без удивления посмотрел на Фаун; наверняка его Дар сообщил ему, где они с Дагом нашли убежище накануне вечером.

– Доброе утро, – осторожно сказала Фаун.

В ответ Дор что-то проворчал и неохотно кивнул.

– Где Даг? – спросил Дор.

– Ушел. Он велел мне, – настороженно добавила Фаун, – ждать здесь, пока он не вернется.

Новое ворчание. Дор осмотрел свои тиски – мокрые, но не пострадавшие от грозы – и принялся открывать ставни в хижине. Поднявшись на крыльцо, он неприязненно глянул на Фаун, снял грязные башмаки и прошел внутрь. Через несколько минут он вышел снова с несколько разочарованным видом – должно быть, потому, что Фаун не оставила ничего, к

чему можно было бы придаться.

– Вы не совокуплялись здесь прошлой ночью? – отрывисто спросил Дор.

Фаун бросила на него оскорбленный взгляд.

– Нет. Только какое тебе дело до этого?

– Иначе мне пришлось бы заняться очищением Дара. – Дор посмотрел на приготовленные на крыльце дрова. – Их собрала ты или Даг?

– Я, конечно.

Судя по выражению его лица, Дор пытался найти причину отвергнуть собранные ветки, но не смог. К счастью, в этот момент на дорожке показался Даг. Выглядел он довольным; может быть, его дело закончилось успешно?

– Ах... – Даг помедлил, увидев брата; они обменялись одинаково невыразительными кивками.

Дор мгновение помолчал, ожидая, что первым заговорит Даг, но потом проворчал:

– Умно было с твоей стороны вчера смяться. Тебе не пришлось выслушивать все жалобы.

– Ты мог отправиться на прогулку.

– Под дождем? Да и вообще – это, по-моему, уловка дозорных.

Даг опустил веки.

– Ты прав. – Он кивнул Фаун и вскинул на плечо свои и ее сумки. – Пошли, Искорка. Пока, Дор.

Фаун двинулась за Дагом, кивнув на прощание Дору; судя по тому, как тот открыл и закрыл рот, он явно хотел сказать что-то еще.

– С тобой все было в порядке? – спросил Даг, как только они отошли достаточно далеко, чтобы Дор их не слышал. – Со стороны Дора, я имею в виду.

– Пожалуй. Только один грубый вопрос он все-таки задал.

– Какой?

Фаун покраснела.

– Он спросил, не занимались ли мы любовью в его хижине.

– Ах... Ну, он правда имел законное основание этим поинтересоваться, только должен был спросить у меня... если уж думает, что в этом мне нельзя доверять.

– Я еще не успела спросить его, не смягчилась ли вчера ваша мама. Разве тебе не хотелось это узнать?

– Если и смягчилась, – рассеянно ответил Даг, – то не сомневаюсь: Дор сумел бы снова ее ожесточить.

Фаун тихо спросила, глядя себе под ноги на усеявшие грязную дорожку листья и ветки:

– Не испортило ли... не испортила ли твоя женитьба на мне твоих отношений с братом?

– Нет.

– Мне показалось, что он сердится на тебя... на нас.

– Я всегда его чем-то раздражаю. Такая уж у нас привычка. Не беспокойся на этот счет, Искорка.

Они вышли на дорогу и свернули направо. Даг не оглянулся, когда они шли мимо поляны с его семейными шатрами, и не сделал попытки к ним свернуть. Дорога шла вдоль озера, поворачивала к югу и тянулась между лесом и несколькими группами шатров на берегу. Лучи утреннего солнца блестели на каплях воды на деревьях и ложились золотыми дорожками между стволов; прохладный влажный воздух пах дождем и мхом.

Не пройдя и четверти мили, Даг свернул налево на лужайку с тремя шатрами и таким же причалом, как и у остальных жилищ. Их отделяли от соседей ряд высоких орехов с севера и кряжистые фруктовые деревья с юга; под ними Фаун разглядела несколько ульев. На чурбаке перед одним из шатров сидел старик, одетый в обрезанные выше колен штаны, подвязанные веревкой, и кожаные сандалии, с седыми волосами, собранными в узел. Он резкими движениями выстругивал что-то, похожее на весло, и приветливо помахал ножом в воздухе, увидев приближающихся Дага и Фаун.

Даг опустил седельные сумки на другой чурбак и подвел Фаун к старику. Судя по его покрытым шрамами ногам, тот в прошлом тоже был дозорным. Когда-то могучий воин теперь высох от возраста, сохранив только – что было необычно для Стража Озера – кругленький животик. На Фаун он смотрел с таким же любопытством, как и она на него.

– Фаун, это Каттагус Редвинг, – сказал Даг. – Муж Мари.

Значит, это дядя Дага... и женитьба не вызвала враждебности всех его родичей. Фаун сделала книксен и робко улыбнулась, незаметно высматривая, нет ли поблизости Мари. Было бы так приятно увидеть знакомое лицо! Однако она никого не заметила, хоть с берега доносились веселые голоса.

Каттагус сухо с ней поздоровался.

– Так вот из-за кого весь переполох! Миленький котенок, надо признать. – Голос у Каттагуса был сиплый, с резким присвистом. Он оглядел Фаун с ног до головы, с кривой улыбкой покачал головой, втянул воздух и добавил: – Отсутствующие боги, парень! Мне никогда не удавалось отмочить подобный фокус, даже когда я был на тридцать лет моложе.

Даг фыркнул – весело и без обиды.

– Ясное дело! Тетушка Мари сделала бы из твоей шкуры навес для шатра.

Каттагус засмеялся и тут же закашлялся.

– Уж это точно. – Он помахал в воздухе ножом. – Девчонки со склада принесли твой шатер.

– Уже? – переспросил Даг. – Вот это расторопность!

Фаун проследила за взглядами мужчин: у стены одного из строений стояла большая ручная тележка, нагруженная старыми шкурами; с одного края торчали длинные шесты.

– Они велели тебе вернуть тележку сразу же, как ты ее разгрузишь.

– Так я и сделаю. Где Мари и Сарри хотят, чтобы я поставил шатер?

– Лучше спроси их сам. – Каттагус показал в сторону берега.

Фаун следом за Дагом подошла к причалу с привязанными к нему двумя узкими лодками. Слева на воде лежала деревянная рама футов десяти в длину и шести в ширину. Женщина, укутанная до бедер длинными черными волосами – и ничем больше – и черноволосая девочка-подросток энергично что-то на ней топтали. С ними вместе, тоже голый, находился Рази; он хлопал в ладоши и звал к себе маленькую, лет четырех, девочку: «Прыгай, Тези, прыгай!» Девочка заливалась смехом и прыгала, как лягушка, брызгая водой на женщину, которая с улыбкой уворачивалась. Рама явно предназначалась для замачивания какого-то растения с длинными стеблями, и топтальщицы освобождали волокна от сгнившей кожуры. Неподалеку Утау, стоя по пояс в озере, поддерживал мальчика лет двух, толстенькие ножки которого колотили по воде, вздымая фонтан пены. На причале, уперев руки в бедра и улыбаясь, стояла Мари, одетая в простое короткое платье и такие же, как у мужа, кожаные сандалии. Она только что то ли вынимала из лодки, то ли грузила в нее свернутую в кольца грубую веревку, похожую на ту, которой, как видела Фаун, были привязаны корзины с кидальником.

– Эй, Мари! – крикнул Даг с берега. – Мы вернулись.

Значит, он уже был здесь сегодня – скорее всего, чтобы договориться насчет шатра. Фаун гадала, пришла ли ему такая мысль сразу же и как он объяснил родичам свою просьбу. Похоже, умение уговаривать не совсем ему изменило.

Мари помахала рукой.

– Сейчас приду!

От причала вниз по крутому берегу вело что-то вроде лестницы из плоских камней. Через несколько мгновений Фаун получила возможность полюбоваться целым семейством голых и мокрых Стражей Озера, карабкающихся на берег. Они выглядели ничуть не смущенными своей наготой. Фаун, которая никогда не отваживалась на большее, чем побродить по мелководью, закатав юбку, решила, что так и надо, раз им приходится по разным надобностям десятков раз на дню лазить в воду. Впрочем, она испытала облегчение, когда семейство лишь с краткими приветствиями пробежало мимо и через несколько минут

появилось из шатра уже одетым, хоть и легко: Рази и Утау в таких же обрезанных штанах, как и Каттагус, а женщины – в коротких платьях. Маленький мальчик, все еще голышом, снова устремился к воде, но его перехватил и рассмешил, пощекотав, Утау.

Следом за остальными по ступеням поднялась Мари и встала рядом с Дагом.

– Доброе утро, Фаун. – Выражение ее насмешливого лица было не лишено симпатии. – Даг, Сарри предлагает тебе разбить шатер под яблонями. Там пригорок, хоть его и трудно разглядеть, и самое сухое место.

Утау, на плечах которого теперь сидел мальчуган, вцепившись ручонками в волосы отца, подошел вместе с длинноволосой женщиной; на взгляд Фаун, той было лет тридцать, но теперь уже Фаун знала, что нужно лет пятнадцать прибавлять.

– Привет, Фаун, – приветствовал ее Утау без всякого удивления; он наверняка был уже в курсе дела. – Это наша жена, Сарри Отгер. – Кивок в сторону Рази, который, оглядев тележку, подошел к ним, пояснил значение слова «наша».

Фаун к этому времени догадалась, что находится на территории Сарри и, может быть, Мари. Сделав книксен, она сказала:

– Спасибо, что приютили нас.

Сарри, скрестив руки на груди, только коротко кивнула; смотрела она на Фаун доброжелательно, хоть и не скрывала любопытства.

– Даг... ну, понимаешь, Даг, – проговорила она, как будто этим все объяснялось.

Даг, Рази, Утау и Мари под одышливые советы Каттагуса занялись шатром. Мужчины отвезли тележку под яблони и быстро разгрузили. Непонятная путаница шестов и веревок с удивительной быстротой превратилась в квадратный каркас, потом на полукруглую крышу легли шкуры; другие шкуры, аккуратно прикрепленные кольшками к земле, образовали стены. К шатру пристроили небольшое крыльцо, а часть шкур подняли на шестах, так что со стороны озера получился навес. Стену под навесом скатали и подвязали так, чтобы прямые лучи встающего солнца не попали внутрь, но при этом в маленькое помещение свободно проходил бы воздух – совсем как в более основательных строениях.

– Ну вот, – удовлетворенно воскликнул Даг, отступая на шаг и оглядывая результат своих трудов, – шатер Блуфилд!

Фаун подумала, что скорее это можно было бы назвать «конура Блуфилд»; другие шатры по сравнению с их жилищем выглядели настоящими дворцами. Она подошла поближе и с сомнением заглянула внутрь. «Все в порядке, я просто временное пристанище», – как будто говорил о себе шатер. Только что сменил такое временное пристанище?

Даг присоединился к Фаун, глядя на нее несколько обеспокоенно.

– Многие молодые пары начинают жизнь, имея не больше нашего.

«Похоже на то, но ты-то немолод...»

– М-м... – кивнула Фаун, добросовестно изображая одобрение. Внутри было место для двуспальной постели и немногих вещей, но и только. Что ж, по крайней мере кряжистая яблоня едва ли уронит на них тяжелую ветку...

– Ничего пока не раскладывай, – сказал Даг. – Пусть земля еще немного подсохнет. Мы раздобудем тростник для постели и камни для очага, а может быть, и доски для пола. – Даг нашел на лужайке пару чурбаков – один он зацепил своим крюком, другой прикатил ногой, – и поставил их на попа под навесом. – Вот и сиденья.

Малышка Тези обрадовалась новому шатру, проскользнула внутрь и принялась прыгать, напевая что-то себе под нос. Действительно, это сооружение больше подходило по размеру для ребенка, чем для Дага, хотя он и мог выпрямиться во весь рост под полукруглой крышей. Сарри попыталась позвать дочку прочь, но Фаун остановила ее:

– Не надо – пусть попрыгает. Это своего рода благословение для шатра, мне кажется, – заслужив этим благодарный и весьма проникательный взгляд Сарри.

– Если я могу еще на некоторое время позаимствовать твоих мужей, – сказал Сарри Даг, – то мы могли бы привезти мои вещи, прежде чем я верну тележку.

– Конечно, Даг.

– Мари, – Даг посмотрел на свою тетушку-командиршу, оценивая ее готовность пойти навстречу, – может быть, ты покажешь Фаун окрестности, пока мы будем перевозить вещи?

Понятно: в эту экспедицию Фаун не приглашена... Однако Мари с готовностью закивала. Похоже, эта часть семейства Дага готова была принять Фаун, по крайней мере временно – как и согласиться на установку шатра. Трое мужчин отправились по дороге с тележкой – вовсе не пустой, поскольку оба малыша немедленно в нее залезли; точнее, залезла Тези, а ее маленький братишка отчаянно запищал, так что Рази пришлось его посадить.

– Обычно здесь более оживленно, – сообщила Мари Фаун, которая оглядывалась вокруг. – Как только я вернулась из дозора и взяла на себя Каттагуса, моя дочь с семейством отправилась на остров Цапли к родным мужа. Они делают для нее новую лодку. – Мари показала на третью хижину; это явно было жилище отсутствующей семьи. Предстояло ли дочери унаследовать родовое имя Мари? И что еще наследуют Стражи Озера, если землей они не владеют? Ну, конечно, не считая их доли Злых... Отводится ли семьям место на берегу так же, как выделяются шатры и кони из общей собственности лагеря?

Мари в сопровождении молчаливой, но явно полной любопытства Сарри провела Фаун вокруг шатров, показала ей, где среди деревьев прячется уборная – не будочка, а узкая яма за загородкой, похожей на навес шатра. Воду нужно было брать из озера, а на очаге постоянно кипятился чайник. Внутри шатра Мари Фаун заметила очаг с настоящей плитой и позавидовала старшей женщине. Стражи Озера явно не были вынуждены ограничиваться лепешками, испеченными на открытом огне. Впрочем, было бесполезно просить разрешения испечь хлеб, не имея ни муки, ни посуды, ни масла, ни яиц, ни молока или сыворотки...

У стены хижины Сарри стоял простой вертикальный ткацкий станок, на котором виднелась неоконченная работа – какая-то грубая ткань, которую Фаун узнала как употребляемую на штаны для верховой езды. Фаун поинтересовалась, из чего изготавливается пряжа, и Сарри объяснила, что на нее идут стебли все того же кидальника: хорошо вымоченные, они дают прочное и длинное волокно – этим и объяснялось наличие деревянной рамы у берега. Прялки Фаун не заметила. Вообще в помещении мебели было мало – только столы на козлах и перевернутые чурбаки в качестве сидений. Кроватей не было вовсе; свернутые одеяла у стен говорили о том, что Стражи Озера, похоже, и дома спят, как в походе. Теперь Фаун поняла, почему Даг так охотно расположился на полу рабочей комнаты тетушки Нетти.

Снова выйдя наружу, женщины обнаружили, что Даг с тележкой уже вернулся. Помимо седел и сбруи, меча в потертых ножнах и пики, он привез всего один сундучок.

– Это все, что у тебя есть? – спросила его Фаун, когда Даг выложил все рядом с шатром для последующего размещения. В сундучке едва ли могли обнаружиться неожиданные кухонные принадлежности – в него даже запасные сапоги вряд ли поместились бы.

Даг потер спину и поморщился.

– Мои зимние вещи хранятся в лагере у Медвежьего Брода.

Фаун заподозрила, что и там найдется ненамного больше.

– У меня еще есть кредит, – добавил Даг. – Завтра увидишь, как им пользоваться. – С этими словами Даг снова ушел, волоча за собой пустую тележку.

– Что мне делать? – отчаянно крикнула вслед ему Фаун.

– Отдыхай! – не слишком любезно бросил Даг через плечо и свернул на дорогу.

Отдыхать? Она и так отдыхала... или по крайней мере путешествовала, а это если и не было отдыхом, то полезной работой точно не было. Рука Фаун коснулась ее свадебного браслета, она посмотрела на двух женщин, которые, в свою очередь, с сомнением смотрели на нее. Браслет Сарри, заметила Фаун, состоял из двух перевитых друг с другом частей.

– Я собираюсь быть Дагу хорошей женой, – решительно сказала Фаун, но потом ее голос дрогнул. – Только я не знаю, что это значит здесь. Мама многому меня научила – будь здесь ферма, я управлялась бы. Я умею делать мыло и свечи, но у меня нет сала и щелока. Я умею готовить и делать заготовки, но здесь нет ни горшков, ни погребца. Будь у меня корова,

я могла бы ее доить и делать масло и сыр, если бы нашлась маслобойка. Тетушка Нетти дала мне с собой веретено, спицы, ножницы, иголки... Никогда еще я не видела мужчину, который больше нуждался бы в носках, чем Даг, и я могла бы связать хорошую пару, но у меня нет шерсти. Я умею вести счета и делать хорошие чернила, но здесь нет бумаги, да и переписывать нечего. – Правда, у тех диких индеек, пожалуй, можно было бы раздобыть перья. – У меня умелые руки, но нет инструментов. Должно же для меня найтись дело – не только мне сидеть и жевать кидальник!

Мари улынулась.

– Должна сказать тебе, крестьяночка, что, когда ты возвращаешься после недель в дозоре, очень даже приятно посидеть и пожевать кидальник. Даже Даг этому радуется. – Подумав немножко, она добавила: – Дня три радуется, а потом снова начинает приставать к Громовержцу, чтобы он отправил его со следующим отрядом. Громовержец говорит, что он убивает втрое больше Злых, чем кто-нибудь другой, потому что проводит в дозоре вдвое больше времени.

– А чем объясняется остальное? – серьезно спросила Сарри.

– Хотел бы Громовержец это знать. – Мари почесала голову, растерянно глядя на Фаун. – Да, Даг говорил, что ты делаешься беспокойной, если кто-то пытается заставить тебя сидеть смирно. У вас больше общего, чем кажется.

– Можете вы показать мне, чем заняться? – жалобно спросила Фаун. – Пожалуйста! Я готова делать что угодно. Я готова даже орехи колоть. – Дома Фаун ненавидела такое однообразное занятие больше всего.

– Сейчас это делать не время, – с кривой улыбкой ответила Сарри. – Орехи старого урожая – гнилые, а нового – еще зеленые. В этом сезоне мы оставляем то, что упало, свиньям. Вот через месяц, когда поспеет бузина и фрукты, у нас начнется горячая пора. Каттагус станет делать вино, и орехов будет много. Сейчас можно плести корзины и вить веревки.

– Я умею плести корзины, – горячо подхватила Фаун, – если только есть из чего.

– Когда вымокнет следующая порция волокна, я буду рада помощи с прядением, – задумчиво проговорила Сарри.

– Прекрасно! Когда?

– На будущей неделе.

Фаун вздохнула. Рази и Утау как раз заканчивали рыть яму для очага перед шатром Дага, а Тези и ее братишка с пользой проводили время, собирая камни, чтобы обложить очаг. Может быть, Фаун по крайней мере могла бы пока собрать хворост? Пока она осматривала окрестности, заметила Фаун, под навесом их шатра появилась корзина с тремя свежими кидальниками.

– Да ладно тебе, непоседа, – весело сказала Мари. – Отдыхай, пока Даг не вернется от лекарей. Пойди поплавай.

Фаун заколебалась.

– В этом огромном озере? Голой?

Мари и Сарри переглянулись.

– Где же еще? – сказала Сарри. – Хорошо нырять с причала: там достаточно глубоко.

Такая перспектива вовсе не казалась Фаун безопасной.

– Только не ныряй сбоку от него, – добавила Мари, – а то нам придется вытаскивать твою голову из тины, как кидальник.

– Э-э... – Фаун сглотнула и прошептала: – Я плавать не умею.

Брови Мари поползли вверх, а Сарри надула губы. Обе они смотрели на Фаун, как если бы она была чудом природы вроде двухголового теленка. Обычно Стражи Озера смотрели на нее с меньшим изумлением... Фаун покраснела.

– Дагу об этом известно? – спросила Сарри.

– Я... я не знаю. – Может быть, вероятность того, что она утонет, делает ее неподходящей женой для Стража Озера? Когда Фаун сказала, что хотела бы, чтобы ей

показали, чем заняться, она не имела в виду уроки плавания.

– Дагу, – неожиданно решительным голосом сказала Мари, – следует об этом узнать. – И к все возрастающему ужасу Фаун добавила: – Немедленно!

Шатер целителей на острове Двух Мостов представлял собой на самом деле три строения с собственным причалом, расположенные в нескольких сотнях шагов от штаба дозорных. Особо большого числа больных этим утром, как обнаружил Даг, явившись туда после возврата тележки на склад, не наблюдалось. К коновязи было привязано всего два коня. Это хорошо: ни поветрия в лагере, ни множества раненых дозорных...

Поднимаясь на крыльцо основного строения, Даг столкнулся с выходящим оттуда Сауном. Ах, все-таки один раненый дозорный есть – хоть и явно на пути к выздоровлению. Юноша выглядел хорошо и только двигался немного неуклюже и иногда ощупывал свою грудь. Лицо Сауна озарилось радостью, когда, подняв глаза, он увидел Дага; однако радость тут же сменилась озабоченностью при виде правой руки на перевязи.

– Даг, друг! Сначала мне сказали, что ты пропал без вести, а потом прошел безумный слух о том, что ты вернулся с этой крестьянской девчушкой – женившись на ней, можешь ты такое представить! Ну и болтуны! – Саун вдруг умолк и только тихо охнул, увидев свадебную тесьму, обвивающую левое предплечье Дага как раз над протезом.

– Мы вернулись вчера под конец дня, – сказал Даг, не обращая внимания на последнее высказывание Сауна. – А ты как? В последний раз, когда я тебя видел, ты пластом лежал в фургоне, выезжавшем из Глассфорджа.

– Когда я снова смог сесть в седло, один из дозорных Чато проводил меня до встречи с отрядом Мари, а уже со своими ребятами я вернулся домой. Мастер-целительница говорит, что я смогу отправиться со своим отрядом, когда они снова выступят в поход, если хорошенько отдохну следующие пару недель. Я все еще иногда охаю, но ничего такого уж страшного. – Взгляд Сауна снова устремился к левой руке Дага. – Но как ты... Я хочу сказать, Фаун милашка и все такое и она здорово тебя веселила, но... Ладно, вы столкнулись со Злым, и, может быть, она... Даг, твоя семья примет ее?

– Нет.

– Ох... – Саун а растерянности умолк. – Если... Куда же вы отправитесь?

– Будет видно. Пока что мы разбили шатер рядом с жилищем Мари.

– Что ж, это разумно. Мари должна защищать своих... – Саун с настороженным и смущенным видом покачал головой. – Никогда не слышал ни о чем подобном. Правда, в Лог-Холлоу мне говорили об одном парне. Он попал в большую беду несколько лет назад – тайком передавал товары и деньги своей любовнице-крестьянке и ее ребенку-полукровке... или нескольким детям – все тянулось довольно долго, пока его не разоблачили. Парень твердил, что добро было его собственное, но совет лагеря счел, что оно принадлежит лагерю, а значит, произошло воровство. Парень не пошел на попятный, и его изгнали.

Даг склонил голову к плечу.

– Это не шутка, – сказал Саун убедительно. – У него все отобрали, прежде чем выгнали. И это в середине зимы! Никто не знает, что с ним потом случилось, – добрался ли он до своей любовницы или...

Саун смотрел на Дага в глубокой тревоге, как будто представлял своего наставника в такой же ситуации. Подвергнет ли теперь Саун сомнению свое преклонение перед Дагом? Даг счел бы, что это хорошо, но только не по такой причине.

– Сходства не так уж много, Саун. Во-первых, сейчас лето... В любом случае я справлюсь.

Такой прямой намек подействовал – более тонкий не был бы понят, решил Даг, – и Саун смущенно рассмеялся.

– Ага, конечно. – Через мгновение он добавил более жизнерадостным тоном, несколько сменив тему: – Я и сам... Ну, ясное дело не с... Я подумываю попросить Громовержца о переводе в Лог-Холлоу этой осенью. Рила сказала, – в голосе Сауна неожиданно прозвучала робость, – что будет меня ждать.

Даг узнал глупое выражение лица – он в последнее время часто видел его в зеркале, когда брился, – и сказал:

– Поздравляю.

– Ничего еще окончательно не решено, понимаешь ли, – поспешно сказал Саун. – Некоторые считают, что я слишком молод, чтобы... ну, чтобы думать о чем-то постоянном. Но как можно ждать, когда...

Даг с симпатией кивнул – и насмешка, и жалость были бы с его стороны сейчас лицемерием. «Неужели и я был когда-то таким же беспомощным?» Даг весьма опасался, что ответ должен был бы быть утвердительным... и не обязательно с оговоркой «в его возрасте».

Саун просиял еще сильнее.

– Ладно. Похоже, тебе целители нужнее, чем мне. Не буду тебя задерживать. Может, я попозже загляну и поздороваюсь с Фаун.

– Думаю, она будет рада увидеть знакомое лицо, – согласился Даг. – Ее, бедняжку, приняли не слишком гостеприимно.

Саун коротко кивнул и ушел. Бывая в лагере, Саун останавливался в семье, жившей дальше по берегу, двое детей из которой находились по обмену в других лагерях, и Даг знал, что юноша, впервые покинувший родной дом, не чувствует отсутствия материнской заботы.

Даг толкнул дверь и вошел в приемную. Знакомый запах трав – резкий и сильный – был особенно заметен сегодня, и заглянув в открытую дверь соседней комнаты, Даг увидел двоих подмастерьев, готовящих лекарства. На огне булькало варево в горшках, на большом столе в центре комнаты лежали груды трав, а одна из девушек что-то усердно растирала в ступке. Подмастерья готовили упаковки снадобий – и для отрядов дозорных, и для фермеров, которые расплачивались монетами или припасами. Даг не сомневался, что некоторые лекарства, запах которых он чувствовал, попадут в лавку в Ламптоне, где будут стоить вдвое дороже, чем получают за них Стражи Озера.

Еще один подмастерье поднял глаза от бумаг, которые заполнял за столом у окна, и улыбнулся Дагу, глядя на лубок на его руке с профессиональным интересом. Однако прежде чем он заговорил, дверь в соседнюю комнату отворилась и оттуда вышла худая пожилая женщина; на поясе ее легкого летнего платья висело с полдюжины медицинских инструментов. Она растирала себе грудь и хмурилась.

Потом она взглянула на Дага и воскликнула:

– Вот и ты, Даг! Я тебя ждала.

– Привет, Хохария. Я встретил Сауна, который выходил отсюда. С ним все будет в порядке?

– Да, он быстро поправляется. Благодаря тебе, по его словам. Как я поняла, ты здорово над ним поработал своим Даром. – Хохария с интересом смотрела на Дага, но от замечаний по поводу его свадебной тесьмы воздержалась.

– Ничего особенного – в нужный момент туда и тут же обратно, только и всего.

Женщина нахмурила брови, но больше ничего уточнять не стала.

– Ладно, заходи. Давай-ка посмотрим на твою руку. – Хохария показала на лубок. – Как же ты справлялся?

– Мне помогали.

Даг последовал за целительницей в ее рабочую комнату и закрыл за собой дверь. Посреди комнаты стояла высокая кровать, на которую за прошедшие годы он не раз укладывал своих раненых товарищей, однако Хохария указала Дагу на стул у стола и сама уселась на соседний. Даг высвободил руку из перевязи и положил на стол, а Хохария сняла с пояса острые ножницы и принялась разрезать бинты. В ответ на расспросы целительницы Даг коротко рассказал о случившемся в Ламптоне. Женщина провела ладонью по его руке, и он ощутил давление ее Дара на собственный – более заметное, чем нажим длинных сильных пальцев.

– Ну, перелом чистый, и вправили кость умело, – заключила Хохария. – Все идет хорошо. Сколько времени минуло – недели две?

– Ближе к трем. – Казалось, прошло гораздо больше времени.

– Если бы не это, – Хохария показала на крюк, – я бы отправила тебя домой выздоравливать естественным путем, но ты, как я понимаю, хотел бы избавиться от лубка поскорее.

– О да!

Хохария улыбнулась в ответ на его прочувствованное восклицание.

– Я сегодня потратила все силы своего Дара на твоего молодого приятеля Сауна, но мой подмастерье будет рад испробовать на тебе свое умение. – Это предложение вызвало у Дага гримасу, которой и заслуживало, но Хохария только усмехнулась. – Ладно тебе, должны же они на ком-то практиковаться. Опыт – молодым. – Она постучала по протезу. – Как культя? Не беспокоит?

– Нет... Скорее нет.

Хохария откинулась на спинку стула, проницательно глядя на Дага.

– Другими словами, беспокоит. Ну-ка, снимем протез и посмотрим.

– С культей все в порядке, – сказал Даг, но все же позволил расстегнуть пряжки и снять протез; умелые пальцы Хохарии пробежали по огрубевшим шрамам. – Иногда она немного побаливает, но сегодня все хорошо.

– Я видела ее и в худшем состоянии. Так что выкладывай, в чем дело.

– Приходилось ли тебе сталкиваться с таким, – осторожно начал Даг, – чтобы отсутствующая конечность все же обладала... Даром?

Целительница потерла свой костлявый нос.

– Фантомные боли?

– Да, что-то вроде, – горячо закивал Даг.

– Чешется и болит? Я о таком слышала. Это, конечно, ужасно раздражает: чешется, а почесать нельзя.

– Нет, не так. О подобном мне говорили. Я однажды повстречал в Лутлии человека... лет двадцать пять назад. Он потерял обе ноги – отморозил их. Бедняга ужасно жаловался на зуд, но при помощи Дара удавалось избавиться от зуда, и от судорог в отсутствующих ногах. Я имею в виду другое: Дар той конечности, которой нет.

– То, чего не существует, не может иметь и Дар. Не знаю, может ли возникнуть иллюзия Дара, подобно иллюзии зуда. Впрочем, каких только странных галлюцинаций не бывает у людей, так что почему бы и нет?

– Галлюцинация не может выполнять работы.

– Конечно, не может.

– Ну а моя выполнила... точнее, я с помощью призрачного Дара.

– Что еще за чудо? – вытаращила на Дага глаза целительница.

Даг сделал глубокий вдох и описал ей происшествие со стеклянной чашей в гостиной Блуффилдов, ничего не говоря о причине ссоры и уделив все внимание самому восстановлению чаши.

– Большая часть работы – могу поклясться – пришлась на Дар моей левой кисти, – Даг постучал культей по столу, – которой не существует. Потом меня ужасно тошнило и еще час я не мог согреться.

Хохария задумчиво нахмурилась.

– Похоже на то, что ты использовал Дар всего тела. Такое предположение кажется разумным. Почему он проявился в такой форме... что ж, твоя теория о том, что беспомощность правой руки вызвала... – целительница помахала руками, – своего рода компенсацию, представляется справедливой, хотя, признаюсь, и довольно драматической. А потом такое случилось?

– Пару раз. – Объяснять, при каких обстоятельствах, Даг не стал. – Но я не могу вызвать это по желанию. Даже нельзя сказать, что напряжение непременно вызывает подобный эффект. Тут дело случая – по крайней мере мне так кажется.

– А сейчас ты смог бы?..

Даг попытался, сосредоточившись изо всех сил. Ничего. Он разочарованно покачал головой. Хохария закусила губу.

– Какая-то странная форма проекции Дара – может быть. Дар без плоти – нет, такое невозможно.

Даг неохотно признался в том, чего он даже себе не хотел говорить:

– Злые – это ведь чистый Дар, Дар без плоти.

Целительница пристально посмотрела на него.

– Ты знаешь об этом больше, чем я. Я никогда в жизни не видела Злого.

– Вся материальность Злого – чистой воды воровство. Они захватывают Дар и через него – плоть, придавая ей форму по своей воле. Любую жуткую форму...

– Не знаю, Даг, – покачала головой Хохария. – Мне нужно хорошенько подумать.

– Пожалуйста, придумай что-нибудь. Я... – Даг проглотил слово, которое чуть не сорвалось с языка: «испуган», – и заменил его на «очень озадачен».

Целительница коротко кивнула, поднялась и позвала подмастерье, которого представила как Отана. Паренек выглядел взволнованным – то ли из-за знакомства со знаменитым дозорным, то ли потому, что ему позволили прибегнуть к лечению Даром, – Даг не мог определить. Хохария уступила свое место Отану и встала рядом, скрестив руки на груди. Подмастерье уселся и стал сосредоточенно водить руками над правой рукой Дага.

– Хохария, – сказал он через несколько мгновений, – я не могу пробиться – дозорный закрыл свой Дар.

– Расслабься, Даг, – посоветовала Хохария.

Даг наглухо закрылся сразу же, как накануне пересек мост, ведущий на остров. Ему совсем не хотелось открываться и теперь. Однако это ведь необходимо... Даг постарался.

Отан покачал головой.

– Все еще не могу пробиться. – Паренек выглядел расстроенным, как если бы считал неудачу своей виной. Подняв глаза на Хохарию, он сказал: – Может, лучше ты попробуешь, мэм?

– Я совсем выдохлась. Ничего не смогу по крайней мере до завтра. Да расслабься же, Даг!

– Не могу...

– Ну и настроение у тебя сегодня! – Целительница обошла стол и, хмурясь, посмотрела на них обоих; подмастерье поежился. – Вот что, попробуйте поменяться ролями. Потянись ты, Даг. Это должно заставить тебя открыться.

Он кивнул и попытался проникнуть в Дар подмастерья. Напряжение, вызванное отвращением к такому заданию, боролось со страстным желанием избавиться от надоевшего лубка – ведь возможность была такой дразняще близкой. Подмастерье смотрел на него, как побитый щенок, растерянный, но жаждущий угодить. Его рука легко лежала на руке Дата, лицо было серьезным, Дар открытым во всю ширь.

Повинуясь порыву, Даг придвинул культию к их сомкнутым рукам. Его Дар сильно и резко вспыхнул... Отан вскрикнул и отшатнулся.

– Ох! – выдохнула Хохария.

– Призрачная рука, – мрачно сказал Даг. – Отсутствующая кисть проявила свой Дар. Вот так. – Правое предплечье Дата было переполнено Даром, похищенным у подмастерья. Призрачная рука, появившаяся всего на мгновение, снова исчезла. Даг дрожал, но если спрятать руки под стол, это только привлечет к этому большее внимание. Он заставил себя сидеть смирно.

Подмастерье прижимал к груди собственную правую руку, растирая ее и глядя на Дага широко раскрытыми глазами.

– Ой, – прошептал он, – что это было? Я хочу сказать – я ничего... Разве я что-нибудь сделал?

– Прости. Прости меня, – промямлил Даг. – Мне не следовало... – Случившееся было чем-то новым – новым и слишком похожим на магию Злого, чтобы Даг не почувствовал

беспокойства. А впрочем, может быть, существует только один вид действия Дара. Разве это было воровство – взять то, что кто-то от всей души тебе предлагает?

– Моя рука совсем холодная, – пожаловался Отан. – Только... тебе-то помогло? Хохария, я и в самом деле совершил исцеление?

Хохария провела пальцами по руке подмастерья и по руке Дага; ее лицо стало странно невыразительным.

– Да. Дар руки Дага получил надежное подкрепление.

Отан явно приободрился, хотя и продолжал нянчить свою руку.

Даг пошевелил пальцами – рука уже совсем не болела.

– Я теперь чувствую в руке тепло.

Хохария, глядя на них обоих с одинаковым вниманием, велела подмастерью наложить Дагу легкий лубок. Отан сначала обмыл шелушащуюся, неприятно пахнущую кожу, к огромной благодарности Дага. Собственная правая рука паренька явно оставалась слабой; он дважды ронял бинт, и Хохарии пришлось помочь ему завязать узел.

– С ним все будет хорошо? – заботливо поинтересовался Даг, кивнув на подмастерье.

– Думаю, через несколько дней все придет в норму, – ответила Хохария. – Он осуществил... гораздо более сильное подкрепление Даром, чем я обычно позволяю делать подмастерьям.

Отан с гордостью улыбнулся, хотя глаза его все еще оставались встревоженными. Хохария поблагодарила его и отпустила, потом снова села напротив Дага.

– Хохария, – жалобно сказал Даг, – что со мной творится?

– Я не уверена. – Целительница поколебалась. – Тебя когда-нибудь испытывали – чтобы сделать мастером?

– Да, давным-давно. У меня не оказалось ни умения, ни терпения, хотя Дар распространялся на милую, так что меня определили в дозорные – именно этого я ужасно хотел.

– Когда это было – лет сорок назад? А в последнее время тебя не испытывали?

– Не было смысла. Такие таланты не меняются, когда человек уже взрослый... ведь верно?

– Ничто живое не остается неизменным. – Глаза Хохарии заинтересованно блеснули – или это была жадность? – Это был не призрак, сказала бы я. Проявление Дара было самым живым, какое я только видела. Интересно, смог бы ты придавать форму лечебному воздействию?

Уж не думает ли она обучить его искусству целителя, тому тонкому применению Дара, которым владеет сама? Даг был растерян.

– В нашей семье мастер – Дор.

– Ну и что? – Проницательный взгляд женщины заставил Дага смущенно поерзать.

– Я ведь не контролирую... эти проявления. Скорее призрачная рука делает что хочет.

– Да брось, разве ты не помнишь, каким дрожащим был, когда у тебя впервые проявился Дар? Бывают дни, когда мои подмастерья совсем расклеиваются. Если уж говорить по правде, иногда такое случается и со мной.

– В пятьдесят пять немножко поздно становиться подмастерьем, тебе не кажется? – Хохария была на десять лет моложе Дага; он помнил, когда она сама была еще подмастерьем. – И как бы то ни было – мастеру нужны две руки. – Даг помахал культией, чтобы напомнить о препятствии.

Хохария начала было возражать, но умолкла, обдумывая сказанное Дагом.

– Я – дозорный и всегда им был. Это у меня хорошо получается. – Дрожь страха пробежала по телу Дага при мысли о том, что он может перестать быть дозорным – странное чувство, если учесть, что охота на Злых – самое пугающее занятие. Однако Даг помнил собственные слова, сказанные в Глассфордже: «Ни один из нас не мог бы справиться в одиночку, так что горожане в долгу перед всеми нами». И мастера, и дозорные – все необходимы.

«Все необходимы, и всеми можно пожертвовать». Хохария пожала плечами, признавая поражение, и сказала:

– В любом случае покажись мне завтра. Я хочу еще раз посмотреть на твою руку. – После мгновенной запинки она добавила: – На обе руки.

– Буду рад. – Даг подвигал рукой. – А нужен ли теперь лубок?

– Нужен – чтобы напоминать тебе, что не следует делать глупостей. Знаю я вас. Вы, дозорные, все одинаковы. Дай подкрепленному Дару время оказать действие, а там посмотрим.

Даг кивнул, встал и вышел из комнаты, отчетливо осознавая, с каким любопытством Хохария смотрит ему вслед.

6

Даг, вернувшись из шатра целителей, совсем не хотел рассказывать о пугающем происшествии с подмастерьем, но никто его ни о чем и не спросил; зато пять человек воспользовались возможностью сообщить ему о необходимости научить жену плавать. Даг нашел идею превосходной, однако Фаун с облегчением восприняла тот факт, что рука его все еще оставалась в лубке.

– Ну не можешь же ты отправиться плавать с рукой на перевязи, – твердо сказала она. – Тебе сказали, когда можно будет ее снять?

– Скоро.

Фаун восприняла это с облегчением, и Даг не стал уточнять, что «скоро» вполне могло означать «завтра».

Маленький сын Сарри, которого его отцы раньше уговорили носить камни для очага и похвалили за это, снова взялся за это дело, ковыляя по лужайке с такими большими камнями, какие только его пальчики могли ухватить, и увлеченно кидая их в очаг. Когда излишки его добычи были удалены из очага, это привело к небольшому скандалу. Оскорбленный рев удалось предотвратить только лакомством из скудных еще сохранившихся деревенских запасов Фаун, и Даг, усмехаясь, отнес малыша к его многочисленным родителям. Тем вечером Фаун и Даг кипятили воду для чая на впервые разведенном домашнем огне, хотя на ужин им снова пришлось ограничиться холодным кидальником. Судя по выражению лица Фаун, она начинала понимать все связанные с кидальником шутки...

Они кинули в огонь шкурку и сидели рядом у потрескивающих поленьев, глядя, как за деревьями на дальнем берегу угасает свет заката. Несмотря на всю свою усталость и тревогу, Даг все еще находил удовольствие в том, чтобы следить, как свет и тени играют на лице Фаун, на ее блестящих упругих волосах, зажигают искры в темных глазах. Даг думал о том, что, сколько бы времени ни прошло, смотреть на лицо Фаун будет для него тем же, что наблюдать закат – никогда не повторяющийся и всегда дарящий радость.

Тени сгустились, и древесные лягушки начали свою хриплую распевку под аккомпанемент гулко-кваканья лягушек-быков в камышах. Наконец наступило время помахать рукой, прощаясь на ночь, обитателям соседних шатров, и опустить полотнище, служившее навесом. При свете восковой свечи – подарка Сарри – Даг и Фаун разделись и улеглись. Часы, проведенные в обществе Фаун, успокоили нервы Дага, но он, должно быть, все еще выглядел напряженным и отстраненным, потому что Фаун провела пальцами по его лицу и прошептала:

– Ты, наверное, устал. Ты... ты хочешь?..

– Я мог бы взбодриться. – Даг поцеловал упавшие на лицо Фаун кудри и позволил своему Дару обрести свободу. – Хм-м...

– Ты о чем?

– Твой Дар выглядит сегодня очень привлекательно... сияет. Думаю, наступают дни твоей плодовитости.

– Ох! – Фаун приподнялась, опершись на локоть. – Значит, я выздоравливаю?

– Да, но... – Даг тоже приподнялся. – Мари говорила, что ты внутри должна выздоравливать с такой же скоростью, как снаружи. Судя по этим... – он коснулся губами лиловых отметин на шее Фаун, – я предположил бы, что твое лоно еще не готово рискнуть зачать ребенка, и так будет еще несколько месяцев.

– Нет. И вообще я еще не готова. – Фаун откинулась на спину и стала смотреть на сделанную из шкур крышу. – Никогда не думала, что буду рожать в шатре, хотя, конечно, у Стражей Озера так принято. И мы не готовы к зиме. У нас недостаточно... – Фаун неопределенно помахала рукой, – всяких вещей.

– Мы путешествуем налегке, не как фермеры.

– Я видела, что находится внутри хижины... шатра Сарри. Она-то не путешествует налегке – у нее же дети.

– Ну да... Пока дети Дора и Омбы были малы и еще не разъехались, переезд из одного лагеря в другой оказывался большой морокой. Я обычно старался в это время отсутствовать – быть вместе с отрядом в дозоре, – виновато признался Даг.

Фаун неуверенно вздохнула и продолжала:

– Середина лета миновала. Сейчас время делать запасы и готовиться к зиме, темноте и холоду.

– Поверь, прямо сейчас к Медвежьему Броду движутся караваны с запасами кидальников на зиму. Когда я был мальчишкой и еще не стал дозорным, я обычно сопровождал их. Только сейчас такой сезон, когда легче отправить людей к пище, чем пищу к людям.

– Речь идет только о кидальниках?

– Фрукты и орехи тоже скоро созреют. Большинство свиней мы съедим прямо здесь. Обычно в сезон приходится по одной туше на шатер; раз здесь четыре шатра, предстоят четыре пиршества. И еще рыба... ну и, конечно, индейки. Охотники привозят оленину из лесов. Я подростком часто охотился, да и теперь иногда занимаюсь этим в промежутках между походами. Завтра я тебе покажу, как работает наш склад.

Фаун посмотрела на Дату, закусив белыми зубами нижнюю губу.

– Даг... Каковы наши планы на будущее? – Ее маленькая рука коснулась его лубка. – Что будет со мной, когда ты снова отправишься в дозор? Ведь Мари, и Рази, и Утау – вообще все, кого я знаю, – уедут тоже.

Дагу не требовалось прибегать к Дару, чтобы ощутить ее опасения.

– К тому времени, я думаю, ты будешь лучше знакома с Сарри, Каттагусом и дочерью Мари и ее семейством. Каттагус, кстати, дядя Сарри – он по рождению Оттер. Я планирую вести себя тихо и позволить всем к тебе привыкнуть – привыкнуть к мысли о том, что моя жена – крестьянка; привыкли же люди к тому, что у Сарри два мужа.

И все же... обычно, когда дозорные отправлялись в поход, они могли быть уверены, что за их семейством в их отсутствие присмотрят родичи и товарищи по дозору, да и вся община в целом. Даг всегда считал такую заботу несомненной, такой же надежной, как скала, и теперь сомнение пугало, как треск предательского льда под ногами.

Даг небрежно продолжал:

– Думаю, я смог бы пропустить следующий поход и воспользоваться невостробованным отпуском. В лагере тоже найдется много работы. Иногда в свободное время я помогаю Омбе объезжать молодых лошадей, приучать их к тому, чтобы на них ездил высокий мужчина. У нее, понимаешь ли, в подмастерьях по большей части девушки.

Фаун все еще смотрела на него с сомнением.

– Ты думаешь, к тому времени Дор и твоя мама снова начнут с тобой разговаривать?

Даг пожал плечами.

– Следующий ход – за ними. Ясно, что Дор не одобряет мою женитьбу, но скандалов он не любит. Он не даст себе волю, если только его не заставят действовать. Что касается мамы... предостережение она получила. Она умеет приводить меня в ярость, и, наверное, я ее тоже, но матушка не глупа. К тому же она последний человек в лагере, который захочет,

чтобы совет диктовал ей, как себя вести. Она не станет выносить сор из избы. Все, что нам нужно, – это дать время сгладить вражду и не нарываться на неприятности.

Слова Дага ободрили Фаун, но в ее Даре оставались темные пятна, хоть и перемежающиеся со свежим сиянием выздоравливающего тела. Даг подозревал, что к тревогам Фаун добавляло свою тяжесть незнакомое окружение. Он наблюдал, как тоска по дому терзает молодых дозорных, гораздо менее Фаун оторванных от привычной жизни, и решил про себя непременно завтра найти знакомые дела для ее трудолюбивых рук. Да, нужно сделать ее жизнь наиболее похожей на привычную, пока она не найдет равновесия.

Тем временем – здесь, в шатре Блуфилд – предстоящие занятия были не такими уж отчаянными и вполне знакомыми, хотя от этого не менее заманчивыми. «Снова дарить наслаждение по очереди...» Даг нашел нежные губы Фаун и открыл свое сердце ее Дару – во всей его сложности лабиринта света и тьмы.

На следующее утро Даг исчез на несколько часов, но к обеду вернулся – на обед у них снова был кидальник, но Даг, похоже, не возражал. Затем, как и было обещано, он повел Фаун на таинственный склад. Склад оказался рядом длинных сараев, скрытых в чаще леса, тянувшегося за штабом дозорных. Внутри одного из сараев находилась женщина-распорядительница; она сидела за столом с пером в руке, обложенная многочисленными амбарными книгами. Рядом с ней в деревянной люльке спал грудной ребенок. Во всю длину строения тянулись высокие – до потолка – полки. В полутемном помещении пахло кожей, травами и какими-то незнакомыми Фаун веществами.

Пока Фаун ходила между рядами полок, разглядывая товары, которыми они были забиты, Даг вполголоса советовался с распорядительницей; потом та достала несколько амбарных книг, что-то в них нашла и сделала какие-то новые записи. В одном случае Даг удивленно переспросил: «Они все еще тут?», засмеялся и окунул перо в чернила, чтобы что-то отметить в книге. Лубок, как заметила Фаун, сегодня ему почти не мешал, и Даг постоянно вынимал правую руку из перевязи.

Потом Даг повел Фаун в дальний угол и с ее помощью отобрал меха и кожаные изделия по какой-то собственной схеме – в том числе полдюжины прекрасных темных шкурок, напоминавших мех каких-то похожих на хорьков зверей; это были, как он сказал, шкурки норки, мелкого хищника, живущего в лесах к северу от Мертвого озера. Еще он выбрал чудесный белый мех, мягкий, как взбитые сливки, – шкурку снежной лисицы; ничего подобного Фаун никогда не видела и не касалась. Все это, сказал Даг, будет его свадебным даром маме Блуфилд и тетушке Нетти, и Фаун не могла не признать, что они неизмеримо превосходили те меха, что продавались на рынке Ламптона.

– Каждый отряд обычно привозит что-нибудь, – объяснил Даг. – Это зависит от того, где дозорные были и какие возможности подвернулись. Та часть добычи, которую воин не может или не хочет использовать сам, попадает на склад, и дозорный получает за нее кредит и может или воспользоваться чем-то аналогичным позже, или обменять на что-то другое. Излишки накапливаются, а потом их отвозят крестьянам, продают, а мы покупаем на эти деньги то, что нам нужно. После всех лет, которые я провел в дозоре, у меня большой кредит. Ты подумай о том, в чем нуждаешься, Искорка, и есть шанс, что мы все это найдем на складе.

– Как насчет кухонной утвари? – с надеждой спросила Фаун.

– В следующем сарае что-нибудь подберем, – пообещал Даг.

Он по одной вытащил еще три свернутых шкуры из дальнего угла, и Фаун с трудом отнесла их к столу смотрительницы, чтобы сделать соответствующую запись. Потом Даг, внимательно рассмотрев имеющуюся сбрую, выбрал поношенное, но крепкое вьючное седло, и они вынесли все выбранное через двойные двери склада на крыльцо.

Вернувшись, Даг потыкал носком сапога три большие тюка.

– А вот это, – сказал он, – мое собственное имущество. Я несколько удивлен, что оно еще тут хранится. Две шкуры прибыли из Лутлии, когда я вернулся домой, а третью я добыл зимой три года назад, когда нес дозор далеко на юге. Я предназначаю кое-что твоему отцу.

Давай-ка разверни.

Фаун с трудом распутала высохшие сыромятные ремни и развернула невероятного размера волчью шкуру.

– Клянусь богами! Эта тварь, должно быть, была размером с лошадь!

– Примерно так.

Фаун нахмурилась.

– Только не говори мне, что это был обычный зверь!

– Нет. Это глиняный волк. Тот самый, под тушей которого, как мне рассказывали, меня нашли на Волчьем перевале. Оставшиеся в живых мои братья по шатру – ты назвала бы их шуринами – выделали ее для меня. Мне так и не хватило духа сказать им, что шкура мне не нужна. Я отнес ее на склад, рассчитывая, что кому-нибудь она пригодится, но так она тут и осталась.

Фаун подумала, что именно этот волк, наверное, и изувечил Дага.

– Из нее получится ковер на всю гостиную. Только уж очень страшно будет на нее смотреть, зная, как ты ее заполучил.

– Признаю, желания смотреть на эту Шкуру я не испытываю. Не знаю, какие чувства твой папа питает ко мне теперь, – может быть, он и пожалеет, что волку не дали пожевать меня еще. Правда, рассказывать историю этого зверя я, пожалуй, не стану. Две другие шкуры заслуживают, чтобы ты на них тоже взглянула.

Фаун развернула второй огромный сверток и отшатнулась. Толстая черная кожа, кое-где покрытая длинными жесткими серыми волосами, слишком напоминала по форме кожу человека. Морда, похожая на человеческое лицо, все еще сохраняла страшные клыки.

– Еще один глиняный зверь, только другая разновидность. Быстрые и смертоносные, они двигались в темноте, как тени. Это будет, пожалуй, подходящий подарок для Рида и Раша.

– Ох, Даг, до чего он страшен! – Фаун задумчиво кивнула. – Хороший выбор подарка.

Даг усмехнулся.

– Будет им о чем подумать.

– Тварь станет им сниться по ночам, мне кажется. – Или на самом деле следовало бы сказать не «кажется», а «надеюсь»? – Ты сам убил зверюгу? Милосердные боги, как это тебе удалось?

– Наверное, убил. Если не именно эту, то очень многих таких же.

Фаун снова свернула и перевязала ремнями обе шкуры, потом взялась за третью. Она была тоньше и мягче и лишена волос. Шкура все разворачивалась и разворачивалась, пока под изумленным взглядом Фаун не растянулась на крыльце на целых девять футов. Тонкая кожа несла на себе прекрасный рисунок, напоминающий увеличенную шкуру змеи, переливающийся под рукой Фаун бронзово-зеленым и рыже-коричневым. В длину животное не уступало лошади, лапы у него были короткими и толстыми, кончающимися загнутыми черными когтями. При выделке челюсти сохранили, и выглядели они неправдоподобно страшными: как раскрытый медвежий капкан, полный острых как бритва зубов.

– Какой Злой сотворил такое чудовище? И из какого зверя?

– Это вовсе не глиняное существо. Это аллигатор – ящерица, живущая в южных болотах. Самый обычный настоящий зверь... мы так думаем. Разве что кто-то из наших предков-магов как-то изрядно напился. Злые не так уж часто, благодарение отсутствующим богам, появляются далеко к югу от Мертвого озера, хотя трудно даже вообразить, что получается, когда они там все-таки вылупляются. В южные болота лучше отправляться в дозор зимой, потому что холод делает аллигаторов и тех глиняных людей, в которых их превращают Злые, малоподвижными. Эту тварь мы, впрочем, поймали просто во время обычной охоты.

– Обычной охоты? Он выглядит так, как будто мог бы разделаться с человеком в два укуса!

– На берегах проток они очень опасны. Аллигаторы лежат в воде, как бревна, но

двигаться при желании могут очень быстро. Они хватают добычу зубами и утаскивают под воду, чтобы она утонула, а потом рвут на части и пожирают, когда она немного протухнет. – Даг наклонился и провел пальцами по блестящей шкуре. – Думаю, что тут получатся сапоги для твоего папы и Вита, да еще и пояса и кошельки для мамы и тетушки Нетти.

– Даг, – с любопытством спросила Фаун, – а море ты когда-нибудь видел?

– Ага, раза два. Южный берег, в окрестностях Серой реки. Восточного моря я не видел.

– На что оно похоже?

Даг уселся на крыльце, скрестив ноги, и стал гладить шкуру болотного ящера, задумчиво глядя на ее узоры.

– В первый раз я попал туда почти тридцать лет назад. Никогда этого не забуду. К западу от Серой реки, между ее руслом и Уровнями, земля плоская и по большей части безлесная. В ту широкую, как небо, степь отправляются только конные дозоры. Командир отряда велел нам рассредоточиться, так что между дозорными было по полмили, и цепь протянулась миль на пятьдесят. Мы день за днем ехали на юг. Стояла весна, воздух был мягким и голубым, всюду вокруг еще только появлялась свежая зелень и расцветали цветы. Это был самый приятный дозор в моей жизни. Мы тогда нашли еще неподвижного Злого и разделались с ним, почти не замедляя движения. В остальном мы просто нежились на солнце, болтали ногами, вынув их из стремян, и едва поддерживали связь с другими дозорными справа и слева. К концу недели цвет неба переменялся, сделался серебристым, мы выехали к дюнам, и вот там-то... – Голос Дата стих, и он сглотнул. – Прибой выплескивал пену на песок, шумел и шумел, никогда не прекращаясь. Я и представить себе не мог, что существует столько оттенков синего, серого и зеленого. Море было таким же просторным и ровным, как Уровни, но оно было живым. Дар говорил мне, насколько оно живое, как если бы море породило весь белый свет. Я мог только сидеть и смотреть. Мы все спешили, сняли сапоги и дурачились, прыгая и выскакивая из этой соленой воды, теплой, как молоко.

– А что случилось потом? – спросила Фаун и стала ждать ответа, затаив дыхание.

Даг пожал плечами.

– Мы разбили на ночь лагерь на пляже, потом переместились еще на пятьдесят миль и двинулись на север. На обратном пути было холодно и дождливо, и мы напрасно страдали – Злых мы больше не нашли. – Помолчав мгновение, Даг добавил: – Дерево, которое волны выносят на берег, горит странным и прекрасным разноцветным огнем. Никогда ничего подобного не видел.

Его слова были простыми и понятными, как всегда бывали его рассказы, и Фаун сама не могла понять, почему ей казалось, будто она подслушивает молитву, и почему слезы затуманили ее глаза.

– Даг, – прошептала она, – а что за морем?

Брови Дага сошлись к переносице.

– Никто этого точно не знает.

– А могут там быть другие земли?

– Ах, это... Да. По крайней мере раньше были. На старинных картах изображены другие континенты – целых три. Оригинальные карты не сохранились, так что можно только гадать, насколько точны копии. Но если какие-нибудь корабли и отправлялись, чтобы узнать, что там находится, я не слышал о том, чтобы они возвращались. Некоторые говорят, что боги наложили запрет, и всякого, кто осмеливается удалиться слишком далеко, уничтожает божественное проклятие. Некоторые же предполагают, что другие земли захвачены Злыми и теперь мертвы от берега до берега, так что ни одного человека там нет. Мне не слишком нравится такая картина. Только можно предполагать, что, если бы за морем жили люди и у них были бы корабли, за последнюю тысячу лет кого-нибудь занесло бы бурей к нашим берегам, а о таком я никогда не слышал. Может быть, тамошние жители наложили запрет на контакты с нами, пока мы не выполним свой долг и общаться снова не станет безопасно. Это было бы разумно.

Даг помолчал, глядя в даль времени или пространства, недоступного Фаун, и

продолжал:

– Легенда гласит, что существует или существовало когда-то другое поселение выживших на нашем континенте, к западу от Уровней и великих гор, которые будто бы стоят за ними. Может быть, мы когда-нибудь узнаем, правда ли это, если кто-то – мы или они – попробует проплыть вдоль берега. Для каботажного плавания не нужны такие уж большие корабли...

– С серебряными парусами, – вставила Фаун.

Даг улыбнулся.

– Думаю, такое когда-нибудь случится. Не знаю, доживу ли. Если...

– Если?

– Если мы сможем достаточно долго прижимать Злых, чтобы люди взялись за такое... Речники достаточно смелы, чтобы попробовать, только такая затея потребует очень больших ресурсов и людских жизней. Потребовался бы принц или великий лорд, чтобы снарядить подобную экспедицию, а их теперь нет.

– Или компания богачей, – предположила Фаун. – Или очень большая компания самых обыкновенных людей.

– И один болтливый лунатик, который уговорил бы их раскошелиться. Кто знает, может быть... – Даг задумчиво улыбнулся, представив себе такую картину, потом покачал головой и поднялся. Фаун тщательно свернула потрясающую шкуру болотного ящера.

Даг вернулся к хранильнице, чтобы позаимствовать бумагу, чернильницу и перья, и они с Фаун уселись за ближайшим дощатым столом в кружевной тени деревьев, чтобы написать письма в Вест-Блу. Фаун не скучала по родной деревне – она рвалась оттуда и мнения не переменяла, – но сообщить родителям, что уже пустила корни в новой почве, не могла. Учитывая, какую кочевую жизнь ведут Стражи Озера, может быть, ее дом никогда и не будет каким-то определенным местом. Дом для нее – это Даг. Она смотрела, как он пишет, стиснув перо пальцами правой руки и придерживая бумагу, которую норовит унести теплый ветерок, крючком, потом склонила голову и занялась собственным письмом.

«Дорогие мама, папа и тетушка Нетти! Мы добрались до места позавчера. – Неужели прошло всего два дня? – Со мной все в порядке. Озеро очень... – Фаун пощекотала пером подбородок, решила, что не должна ограничиваться словом «мокрое» и написала «большое». – Мы снова встретились с тетушкой Дага Мари. Мне нравится ее... – Фаун вычеркнула «хижина» и написала «шатер». – С рукой у Дага лучше...» – Она продолжала в том же духе, пока не заполнила полстраницы столь же содержательными высказываниями. Свободного места все еще оставалось слишком много. Фаун решила описать детишек Сарри и место, где они разбили свой шатер, так что под конец жизнерадостные описания едва уместились на странице. Ну вот...

Было столько всего, о чем она не написала! Штаб дозорных, разграфленная доска Громовержца, Дор, его пугающая хижина и подвешенные к крыше кости, бесполезность разделяющего ножа после такого далекого пути... Унылое настроение Дага. Угроза уроков плавания, и притом голышом. Нет, о некоторых вещах лучше умолчать.

Даг закончил свое письмо и протянул его Фаун, чтобы та прочла. Оно было очень вежливым и ясным, почти как список с уточнениями, кому какой подарок причитается. Обе лошади и вьючное седло, а также прекрасные меха предназначались маме, шкура глиняного человека для близнецов описывалась без пояснений. Фаун усмехнулась, представив себе переполох, который возникнет в Вест-Блу, когда там развернут три устрашающие шкуры.

Даг заглянул в сарай, вернул чернильницу и перья и вышел, держа в руках запечатанные письма, как раз когда к крыльцу подъехала девушка на неоседланной красавице-кобыле, серой в яблоках. За ней бежал вороной жеребенок месяцев четырех; Фаун решила, что никогда еще не видела такой изящной головы и прекрасных темных глаз. Пока Даг и девушка навьючивали поклажу, Фаун попыталась с ним подружиться. Жеребенок был не прочь поиграть и в конце концов позволил почесать себе ухо. Фаун не могла себе представить, чтобы ее мать или кто-то другой из семьи ездил верхом на чудесной кобыле;

может быть, ее удастся запрягать в легкую тележку для поездок в деревню. Ну и будут же на нее глазеть!

Со стороны штаба показался всадник, одетый как дозорный. Это оказался курьер, отправляющийся на юг, – старый приятель Дага. На какую старую услугу сослался Даг, Фаун не поняла, но несмотря на сомнение, с которым дозорный смотрел на крестьянскую жену Дага, доставить свадебные дары он взялся. Курьер задержался ровно на столько времени, сколько было нужно для подробного описания фермы родителей Фаун и дороги к ней, и отбыл, ведя в поводу покладистую кобылу; жеребенок вприпрыжку припустил следом. Девушка, приведшая лошадей, смотрела им вслед с совершенно безутешным выражением.

После этого Даг отвел Фаун в соседний сарай, где они нашли почти новую кухонную утварь – конечно, не то, что нужно для оборудования настоящей кухни, но по крайней мере некоторую посуду, с помощью которой можно приготовить более приличную еду, чем сырой нарезанный ломтями кидальник и чай. К радости Фаун, на складе нашлось несколько фунтов хлопка с берегов реки Грейс, чистого и вычесанного, большой куль чесаной шерсти и три пучка хорошего льна. Инструменты, полученные Фаун в качестве свадебного подарка от тетушки Нетти, теперь найдут применение. Несмотря на поклажу, возвращалась Фаун к своему шатру более легкими шагами; она уже планировала, как заставить Дага посидеть смирно, пока она будет снимать мерку с его ног, чтобы связать носки.

На следующий день Даг вернулся из шатра целителей без перевязи и лубка; улыбка не покидала его лица. Он радостно сгибал и вытягивал руку, сообщив, что Хохария велела ему еще неделю беречь ее; это указание он интерпретировал как запрет только на упражнения с оружием. Всем остальным – включая Фаун – он начал заниматься незамедлительно...

К молчаливому ужасу Фаун, Даг первым делом заставил ее отложить веретено и отправиться на первый урок плавания. Ее страх перед водой заглушался только смущением из-за необходимости снять одежду, но Дату каким-то образом удалось заставить ее забыть и о том, и о другом. Они миновали колышущиеся под ветром камыши и остановились там, где вода доходила Дагу до пояса, а Фаун – до груди. Мутная вода озера давала им вполне достаточное прикрытие: зеленовато-золотистая глубина почти от поверхности делалась непрозрачной. Верхний слой воды, нагретый солнцем, был теплый, как в ванне, хотя ниже чувствовался холод, Фаун поджимала пальцы, ступая в мягкую тину. Их сопровождало головокружительное движение водяных жуков – маленьких черных овалов, которые весело суетились вокруг, похожие на бусинки, и проворных водяных пауков, чьи тонкие ножки оставляли вмятинки на коричневой поверхности воды. Даг сразу же привел жуков-бусинок в пример Фаун: предложил ей устраивать маленькие водовороты рукой и смотреть, как жучки выныривают на поверхность.

Даг объяснил Фаун, что она от природы более плавуча, чем он сам, и воспользовался возможностью похлопать ее по наиболее плавучим частям. Фаун сочла его жизнерадостное заявление «не важно, насколько глубока вода, Искорка, ты все равно будешь иметь дело только с верхними двумя футами» излишне оптимистичным, но под влиянием его уверенности и неизменного хорошего настроения постепенно начала чувствовать себя в воде более свободно. На второй день, к собственному изумлению, она впервые в жизни поплыла; на третий день она по-собачьи преодолела несколько ярдов.

Даже Даг был вынужден признать, что из-за постоянно цветущей воды озера Хикори все обитатели его берегов к концу лета (гораздо раньше, подумала Фаун, хоть и не сказала этого вслух) начинали пахнуть ряской, но Сарри показала Фаун родник в лесу, где можно было не только прополоскать выстиранную в озере одежду, но и набрать воды для питья, которую не обязательно кипятить. Фаун впервые в своей замужней жизни занялась стиркой и потом с удовлетворением от хорошо сделанной работы понюхала развешанное на веревке белье.

Вечером Даг принес небольшую индейку, Фаун ощипала ее и радостно сложила перья в мешочек, предвкушая будущие подушки и перины. Птицу они зажарили на своем очаге и позвали Мари и Каттагуса помочь с ней справиться. Фаун закончила вечер, накинув

первую хлопчатобумажную нить на спицу, чтобы связать Дагу носки; у нее возникло чувство, что, может быть, в конце концов лагерь и станет ей домом.

Через два дня Даг заменил урок плавания поездкой на лодке. У него был специальный крюк, крепящийся к протезу, позволявший ему управляться с веслом. Фаун после короткого обучения на причале Даг позволил устроиться на носу с собственным веслом. Сначала она нервничала и чувствовала себя неуклюжей; огромное пространство воды впереди пугало – ведь Даг был сзади и вне ее поля зрения, – но скоро Фаун уловила ритм движения. Когда они обогнули Ореховый остров, покрытая гребешками волн поверхность озера сменилась зеркальной гладью, и Фаун совсем успокоилась. Они помедлили у берега, любясь отражением в воде засохшего дерева, голые белые ветви которого ярко выделялись на фоне зелени леса. На дереве гнездились ширококрылые канюки; несколько птиц грациозно кружились в воздухе или сидели на ветвях, и Фаун улыбнулась, вспомнив, как испугал их краснохвостый сарыч в окрестностях Глассфорджа. Более крупных хищников, насколько было известно Фаун, отпугивала от островов магия Стражей Озера.

Потом они свернули в протоку с удивительно чистой водой; воздух над ней был неподвижным и жарким. Над протокой склонялись огромные кусты бузины, ветви которых усеивали тяжелые грозди зеленых ягод, медленно начинавших приобретать многообещающий красный оттенок. Через месяц ягоды созреют и станут черными, и Фаун отчетливо представила себе, как подросток Даг собирал их с лодки. Блеснувший на солнце окунь выскочил из воды и упал в лодку прямо к ногам Дага; смеясь над испугавшейся Фаун, Даг осторожно поднял трепыхающуюся рыбку и отправил обратно в воду. Он категорически отверг обвинение в том, что приманил окуня своей магией: «Слишком мелкая добыча, Искорка!»

Обогнув заросли водорослей и рогоза, в которых хрипло чирикали и свистели красноплечие трупялы, они наконец выбрались на широкий плес, заросший круглыми плоскими листьями лилий, широко раскрывших белые цветки, подставляя их солнечным лучам. Тонкие синие стрекозы с радужными крылышками и более массивные алые летуны прошивали воздух над заводью, а на корягах грелись многочисленные черепахи; их коричневые спинки блестели, как полированный камень. Вдоль дальнего берега медленно вышагивала голубая цапля; замерев на мгновение, она вдруг нанесла удар своим длинным желтым клювом. Серебристый гольян блеснул в воздухе, когда цапля изогнула шею, запрокинула голову и проглотила добычу. Птица с самодовольным видом постояла на месте, потом возобновила охоту. Фаун не знала, что ее больше порадовало: красота цветов или умиротворенное выражение лица Дага. Даг с удовлетворением вздохнул, но тут же нахмурился.

– Мне казалось, что это то самое место, но теперь заводь выглядит меньше, да и гораздо мельче. Я помню, что уходил тут под воду с головой. Неужели я не там свернул?

– Мне заводь представляется очень даже глубокой. Э-э... сколько тебе было лет, когда ты впервые сюда попал?

– Восемь.

– И какого же ты тогда был роста?

Даг открыл было рот, чтобы ответить, но только смущенно улыбнулся.

– Ниже тебя, Искорка.

– Вот видишь!

– Ну да... – Даг отложил весло и стал смотреть вокруг.

Водяные лилии, как ни были прекрасны, ничем не отличались от обычной разновидности, которую Фаун иногда встречала в тихих старицах реки в окрестностях Вест-Блу. И рогоз, и стрекоз, и трупялов, и цапель она видела и раньше. Здесь не было ничего нового, и все же... это место было волшебным. Безмолвие жаркого влажного воздуха, нарушаемое лишь тихими голосами жителей болотистых берегов, казалось ей священным, как будто она слышала звук, лежащий в глубине всех звуков. «Должно быть, так ощущается Дар». Эта мысль вызвала у Фаун благоговение.

Они молча сидели в узкой лодке, не ощущая никакой потребности в словах, пока солнце не начало припекать слишком сильно. Даг со вздохом снова взялся за весло и развернул суденышко. Движение весла создало зеркальный водоворот, уходящий глубоко в чистую воду, и Фаун заглянула в самую глубину. «Здесь стоит на якоре сердце Дага, и я понимаю почему».

Они почти уже обогнули мыс, отделявший их от основного озера, когда Даг снова перестал грести. Фаун обернулась к нему и увидела, что он, улыбаясь, прижимает к губам палец. Даг сидел, полуприкрыв глаза, с отсутствующим, сонным выражением лица, и это смутило Фаун. Только настороженность помешала ей вывалиться из лодки, когда с неожиданным громким всплеском в воздух взвился огромный черный окунь, извиваясь и разбрасывая россыпь сверкающих капель. Рыбина упала на дно лодки с громким шлепком, яростно побилась и, наконец, затихла, шевеля яркими жабрами.

– Рыба такого размера лучше подходит на обед, – с удовлетворением сказал Даг и снова погрузил весло в воду.

– Ну тут-то без магии не обошлось. Так вот как вы ловите рыбу? – с изумлением спросила Фаун. – А я еще удивлялась, почему не видно сушащихся на шестах сетей.

– Вроде того. На самом деле мы обычно пользуемся ручными сетками. Если увидишь, как старый Каттагус лежит на причале и дремлет, погрузив одну руку в воду, то так и знай – он ловит рыбу.

– Это выглядит почти как жульничество. Как это в озере еще остается хоть какая-то рыба?

– Ну, не каждый обладает таким умением.

Когда они добрались до причала, обгоревшие на солнце и счастливые, Фаун решила, что выпросит у Сарри некоторые травы из ее огорода, чтобы приготовить рыбу как следует. Она сумела выбраться на потрескавшиеся серые доски качающегося причала, не получив незапланированного урока плавания, и забрала у Дага его добычу, предоставив ему привязывать лодку. Прижимая к себе окуня, она обернулась на каменных ступенях, ведущих на крутой берег, и они обменялись быстрым поцелуем.

Рука Дага обвила талию Фаун, но тут же упала. Подняв глаза, Фаун проследила за его взглядом.

В тени на берегу ждал Дор, хмурясь, как темное зимнее облако, набухшее дождем. Когда Даг и Фаун приблизились, он сказал Дагу:

– Мне нужно поговорить с тобой.

– Вот как? Зачем? – поинтересовался Дат, но жестом пригласил брата к своему шатру и показал на сиденья вокруг очага.

– Наедине, будь добр, – сухо сказал Дор.

– М-м... – протянул Дат с сомнением, но все же коротко кивнул. Он проводил Фаун в шатер и оставил ее там возиться с рыбиной. Фаун с беспокойством следила, как братья миновали шатры Мари и Сарри и свернули на дорогу, держась поодаль друг от друга.

7

Они свернули налево по тенистой дороге между берегом озера и лесом. Даг слишком устал, так что ему не было необходимости в том, чтобы укорачивать шаг, принаровляясь к брату, и не был еще настолько раздражен, чтобы пуститься с обычной для дозорного скоростью и заставить Дора себя догонять. Впрочем, он не стал бы биться об заклад, что это так и останется дальше.

«Что ему нужно?»

Не требовалось прибегать к Дару, чтобы понять: хоть Дор и пришел к Дагу первым, на уме у него не было ни примирения, ни извинений.

– Ну так что? – поторопил брата Даг, хотя и понимал, что лучшей тактикой было бы подождать и заставить того заговорить первым.

«В конце концов, не ведем же мы друг с другом войну».

– На озере только о тебе и говорят, знаешь ли, – резко бросил Дор.

– Разговоры рано или поздно кончаются. Скоро появится какая-нибудь новая тема для пересудов. – Даг стиснул зубы, чтобы не дать себе спросить: «А что говорят?» Он испытывал мрачную уверенность: Дор и так ему об этом сообщит.

– Твой брак отвратителен. Ты не только притащил сюда крестьянку, так она еще и почти ребенок.

Даг пожал плечами.

– В некоторых отношениях Фаун ребенок, в других – нет. Если говорить о горе и чувстве вины, то она вполне взрослая. – «Уж я-то могу об этом судить». – Что касается практических навыков, я назвал бы ее подмастерьем. Обычные дела еще не стали для нее рутиной, но когда вся ее энергия и внимание высвободятся, ты удивишься! Она необыкновенно сообразительна и быстро учится. Главное в различии возрастов, на мой взгляд, – это то, что на мне лежит особый долг: не обмануть ее доверия. – Даг нахмурил брови. – Впрочем, то же верно для любого человека в любом возрасте, так что, может быть, тут и нет ничего особого.

– Не обмануть доверия? Ты опозорил наш шатер! Мама стала посмешищем для всех своих недоброжелателей, и ей это ужасно тяжело. Ты же знаешь, как она ценит свое достоинство.

Даг склонил голову к плечу.

– Ах... Мне жаль это слышать, но я подозреваю, что она сама виновата. Боюсь, она называет достоинством то, в чем другие видят тщеславие. – С другой стороны, может быть, невезение, в результате которого Камбия имела так мало детей, и заставляло ее так настаивать на их особой ценности, чтобы она могла не склонять голову перед женщинами, имеющими более многочисленное потомство. Впрочем, никто не спорил с тем, что Дор обладает редким и драгоценным даром. Вспомнив о том, что следовало бы умиротворить брата, Даг добавил: – По справедливости говоря, отчасти тут дело в гордости за тебя.

– Она могла бы гордиться и тобой тоже, если бы ты приложил усилия, – проворчал Дор. – Ты все еще простой дозорный после сорока лет службы! Тебе давно следовало бы быть командиром. Мама и Мари в этом единодушны, и они совершенно правы.

Даг стиснул зубы и ничего не ответил. Амбиции семьи были его проклятием с тех пор, как он вернулся из Лутлии и поправился достаточно, чтобы снова отправиться в дозор. Может быть, он сам виноват, раз позволил им узнать, что отклонил назначение командиром отряда, которое, как прозрачно намекали ему, скоро привело бы к повышению. Это повторялось много раз, пока Громовержец не перестал предлагать... Или об этом проговорилась Массап, которой было известно о планах мужа? Теперь Даг уже не мог вспомнить.

Дор сжал губы, потом продолжал:

– Высказывается предположение – не стану называть имен, – что если мы подождем год, проблема разрешится сама собой. Эта крестьянская девчонка слишком мала, чтобы выносить ребенка Стража Озера, и умрет при родах. Ты об этом подумал?

Даг поморщился.

– Мать Фаун тоже маленькая, но прекрасно справилась. – «Правда, и ее отец – не великан». Даг ощутил озноб, но утешил себя мыслью о том, что размер ребенка и взрослого человека не обязательно жестко связаны: старший сын Каттагуса и Мари, ставший настоящим медведем, доставил много беспокойства семье, родившись маленьким и слабым.

– Примерно об этом я и говорю – не особенно рассчитывай на ее здоровье: крестьяне просто плодовиты. Но хорошо ли ты обо всем подумал, Даг? Если ваши дети выживут, не говоря уже об их матери, какая судьба ждет здесь полукровок? Они не станут мастерами, они не станут дозорными. Все, на что они будут способны, – это есть и размножаться. Их станут презирать.

Даг выставил вперед подбородок.

– В лагере хватает других необходимых занятий, как мне постоянно твердили. Чтобы содержать одного дозорного, в лагере должны работать десять человек, – так говорит Громовержец. Мои дети могли бы оказаться в числе этих десяти. А может быть, ты втайне презираешь всех вокруг, а я об этом и не знал?

Дор отмахнулся от этой шпильки.

– Так ты хочешь сказать, что твои дети, когда вырастут, станут слугами моим? И ты будешь этим удовлетворен?

– Мы найдем свою дорогу.

– Мы? – скривился Дор. – Значит, ты уже ставишь интересы своего крестьянского потомства выше интересов Стражей Озера в целом?

– Если такое случится, то не по моему выбору. – Способен ли Дор услышать предостережение в его словах? Даг продолжал: – На самом деле неизвестно, действительно ли полукровки лишены Дара. Скорее дело обстоит наоборот: я встречал таких, кто почти не уступает нам. Я путешествовал больше тебя и видел больше. Среди крестьян попадаются настоящие таланты, и я не думаю, что это наследие какого-нибудь случайно спутавшегося с крестьянкой Стража Озера предыдущих поколений. – Даг нахмурился. – По-настоящему нам следовало бы обследовать крестьян, выявляя обладающих Даром, – как это делали маги в древности.

– А пока мы будем этим заниматься, кто станет истреблять Злых? – возразил Дор. – Почти подходящий дозорный с этим не справится. Мы нуждаемся в концентрации наследственных линий, чтобы добиться наилучших возможных результатов. Нас и так настолько мало, что мы трудимся из последних сил, и все это знают. Позволь тебе сказать: не только мама в ярости от того, что ты зря тратишь талант, который мог бы передать со своей кровью.

Даг поморщился.

– Угу, я это уже слышал от тетушки Мари. – Он вспомнил собственный ответ на ее слова. – А ведь я мог быть убит в любой момент за эти сорок лет, и моя кровь точно так же пропала бы. Притворись, что я мертв, если тебе так легче.

Дор фыркнул, не обратив внимания на такую приманку. Они дошли до развилки: одна дорожка вела от моста через лес к северному берегу острова. Дор указал на нее, и братья свернули туда. Вечернее солнце бросало на землю пятна зеленовато-золотого света, листья почти не шевелились в теплом воздухе. Сандалии поднимали легкие облачка пыли: лужи, оставшиеся от недавнего дождя, быстро высыхали.

Дор собрался с мыслями и продолжал:

– И ты опозорил не только свою семью. Этот твой трюк нарушает порядок и подает дурной пример другим дозорным. Не отрицаю: ты пользуешься у воинов уважением, молодежь вроде Сауна смотрит на тебя снизу вверх. Как теперь командирам предотвращать неуместные связи своих подчиненных? Клянусь, ты думаешь только о себе.

– Да, – согласился Даг и задумчиво добавил: – Это для меня новое ощущение. – Медленная улыбка тронула его губы. – И мне, пожалуй, нравится.

– Глупые шутки неуместны, – рявкнул Дор.

«Я не шутил. Да помогут мне отсутствующие боги!» На самом деле, чем больше он думал обо всем, тем меньше находил забавного. Даг сделал глубокий вдох и спросил:

– Чего ты добиваешься, Дор? Я женился на Фаун по-настоящему – в этом участвуют мой разум, тело и Дар. Тут ничто не переменится. Рано или поздно тебе придется иметь с этим дело.

– Я как раз и пытаюсь такого избежать. – Дор нахмурился еще сильнее. – Совет лагеря может все переменить. Он и раньше принимал решения о разрыве уз.

– Только когда пара рассталась и семьи не могли примирить супругов. Никто не может заставить разорвать узы без согласия обоих партнеров. И никто в здравом уме не потерпит прецедента, если совет попытается такое провернуть. Это поставило бы под угрозу все браки и опровергло бы сам смысл наложения уз.

Голос Дора стал более жестким.

– Тогда придется просто принудить тебя этого пожелать, а?

Даг сделал десять шагов, прежде чем ответил:

– Я упрям. Моя жена полна решимости. Ты сломаешь свой нож об этот камень, Дор.

– Ты понимаешь, чем рискуешь? Станешь отверженным! Будешь изгнан! Перестанешь быть дозорным!

– Я еще много лет смогу нести дозор. Ты сам говоришь – мы напрягаем последние силы, и тем не менее ты готов пустить меня под откос? Из простого тщеславия?

– Я пытаюсь добиться как раз обратного. – Дор сердито провел рукой по лбу. – Это ты слепо устремляешься к обрыву и готов скатиться под откос.

– Не по своей воле. И не по желанию Громовержца. Он меня поддержит. – На самом деле Громовержец только сказал, что не станет поднимать вопрос перед советом лагеря, он все не обещал забыть о своем понятном неодобрении женитьбы Дата, однако Даг не собирался сообщать о своих сомнениях по этому поводу Дору.

– Что? – фыркнул тот. – Несмотря на весь вред, который твой пример принесет дисциплине? Подумай хорошенько.

Может быть, Громовержец и Дор договорились? Даг начал жалеть, что в последние дни не прислушивался к сплетням, хоть ему и казалось более разумным не подставлять лоб под щелчки и не позволять втягивать себя в споры.

– Фаун – особый случай, – возразил он Дору. – Она не просто какая-то крестьянка, она крестьянская девушка, которая убила Злого. Это, кстати, отличается от твоих успехов в этом отношении. Сколько там было убитых тобой Злых? Ах, кажется, ни одного?

Губы Дора растянулись в принужденной улыбке.

– Если угодно, братец. А может быть, счет совсем другой: каждый Злой, убитый изготовленным мной ножом. Без разделяющего ножа ни один дозорный не станет убийцей Злого. Вы были бы просто ходячей, пищей для тварей.

Даг втянул воздух, стараясь совладать с раздражением.

– Верно. Только без руки, которая нанесла бы удар, твои ножи... как ты их назвал? – просто настенные украшения. Думаю, нам стоит признать счет ничейным.

Дор коротко кивнул. Некоторое время они шли рядом молча.

Когда Даг счел, что может говорить спокойно, он произнес:

– Без Фаун я был бы теперь мертв, да и значительная часть отряда, наверное, тоже. И ты провел бы последние недели, совершая поминальные обряды и произнося прочувствованные речи о том, каким замечательным парнем я был.

– Это было бы почти что лучше, – вздохнул Дор. – По крайней мере проще.

– Я оценил твое «почти». Да, почти... – Даг постарался собраться с мыслями. – В любом случае ты не заставишь эту птичку летать. Громовержец ясно дал понять, что ради дела стерпит мою женитьбу и не станет привлекать совет лагеря. Мама тоже не станет. Так что постарайся привыкнуть к нам, Дор. – Он заставил свой голос звучать мягче и убедительнее, почти умоляюще. – Фаун обладает собственной ценностью. Ты это увидишь, если позволишь себе смотреть непредвзято. Предоставь ей возможность показать себя, и ты не пожалеешь.

– Ты одурманен.

Даг пожал плечами.

– А солнце встает на востоке. Ты не сможешь изменить ни того, ни другого. Перестань злиться и взгляни на вещи более открыто.

– Тетушка Мари повела себя как безнадежная дура, когда позволила такому случиться.

– Она привела все те же аргументы, что и ты только что. – Лучше сформулированные, но из Дора никогда не получился бы дипломат. – Дор, брось. Время все сгладит. Люди к нам привыкнут. Мы с Фаун, возможно, всегда будем казаться диковинкой, но никто не кинется подражать нам, как не кинулись подражать Сарри с ее двумя мужьями. Озеро Хикори останется все тем же. Жизнь будет продолжаться.

Дор сделал глубокий вдох, глядя прямо перед собой.

– Я обращусь к совету лагеря.

Даг ощутил холод в животе и медленно моргнул.

– Вот как? А что скажет мама? Я думал, ты терпеть не можешь скандалы.

– Это так. Но у меня нет выхода. Кто-то должен действовать. Мама только плачет, знаешь ли. Меры принять необходимо, и необходимо сделать это быстро. – Дор поморщился. – Омба говорит, что если мы дождемся, пока ты обрюхатишь свою крестьянку, тебя уже не свернешь с пути.

– Она права, – сказал Даг с гораздо большим спокойствием, чем испытывал.

У Дора был вид человека, решившегося исполнить свой долг, каким бы неприятным он ни был. Да, Дор будет настраивать Камбию на скандал, даже против ее желания. Неужели оба они думают, что Даг испугается угроз? Или оба понимают, что на это нечего рассчитывать? А может быть, один думает так, а другой – иначе?

– Значит, – сказал Даг, – ты готов принести меня в жертву? Мама тоже к такому готова?

– Мама знает – мы все знаем, – с какой страстью ты относишься к истреблению Злых. Мы помним, как ты боролся за то, чтобы вернуться в дозор после того, как потерял руку. Стоит ли совокупление с этой крестьянской девкой того, чтобы зачеркнуть всю твою жизнь?

Дор помнит, каким был брат много лет назад, подумал Даг. Измученный, обессиленный, ищущий только смерти, которая уравновесила бы то, что сделало его тем ходячим трупом, каким он себя чувствовал. И тогда, если бы повезло, он воссоединился в смерти со всем, что потерял, потому что ничто другое не казалось ему возможным или даже воображимым. Что-то новое и странное случилось с тем, прежним Дагом в пещере Злого в окрестностях Глассфорджа. Или... вышло на свет что-то, что уже давно совершалось в глубине.

«Я больше не тот, кем ты меня считаешь, Дор. Ты смотришь на меня, но ты меня не видишь».

Дор в этом отношении казался удивительно похожим на родичей Фаун...

«Так кто же я?»

Впервые за очень долгое время Даг не был уверен, что знает ответ на этот вопрос, и это тревожило его гораздо сильнее, чем устаревшие предположения Дора.

Дор неверно истолковал смущенный вид Дага.

– Ага, это заставило тебя задуматься! Да и пора! Я не пойду на попятный. Считаю мои слова предупреждением.

Даг коснулся тесьмы под закатанным левым рукавом.

– Я тоже не пойду на попятный. Считаю это предупреждением.

Оба хранили каменное молчание, повернув по береговой дороге обратно. Дор сумел заставить себя кивнуть Дагу, сворачивая к шатрам Редвингов, но ни слова прощания не произнес, не предложил новой встречи и никак не выказал свои намерения. Разъяренный Даг так же молча кивнул брату и ушел.

В физическом отношении, думал Даг, он может не бояться ни за себя, ни за Фаун. Дор не стал бы собирать компанию горячих голов вроде Санни и его дружков, чтобы учинить насилие. Формальное обвинение перед советом лагеря – именно то, что он предпримет, тут нет сомнений. Дор не был склонен к пустым угрозам. Даг ощущал странную пустоту внутри, немного похожую на то, что чувствовал в момент, предшествующий нападению на логово Злого.

Он стал вспоминать, кто сейчас входит в совет лагеря. Обычно совет состоял из представителей от каждого острова и их заместителей, каждый год избираемых из глав кланов и старейшин, плюс командующий дозорными в качестве их постоянного представителя. Камбия однажды входила в совет, и дед Дага, пока не стал слишком немощным, дважды бывал заместителем представителя своего острова. Даг не особенно обращал внимание на то, кто в этом (да и в любом другом) году избран в совет; теперь же это внезапно приобрело значение.

Для разрешения большинства конфликтов совет прибегал к открытому обсуждению и обязательным медитациям; только когда речь шла об изгнании или смертном приговоре, голосование бывало тайным, и тогда решение принималось не обычными пятью голосами из семи, а требовало полного единодушия. На протяжении жизни Дага в лагере Хикори было всего два убийства, и в более сомнительном случае совет вынес решение о плате за кровь между семьями; лишь один убийца был казнен. Дагу никогда не случилось быть свидетелем такого изгнания, о котором он узнал из рассказа Сауна. Даг не мог прогнать мысль, что за тем случаем скрывались более неприятные обстоятельства, чем это следовало из краткого описания юноши.

«Как у меня? Наверное, нет».

Даг намеренно держался подальше от гуляющих по лагерю сплетен, чтобы не ухудшать ситуацию, проводя время с Фаун – и выздоравливая, этого тоже не следовало забывать; в любом случае едва ли кто-нибудь из его друзей стал бы пересказывать при нем самые критические высказывания. Даг знал только одного* человека, который сделал бы это, сохраняя полное беспристрастие, и поэтому решил после ужина повидаться с Громовержцем.

Фаун подняла глаза от дошедших до нужной кондиции углей в очаге, когда на лужайку вернулся Даг, мрачный, как ночь. Она еще никогда не видела такой спокойной радости на его лице, как этим днем на поросшей лилиями заводи, и теперь стиснула зубы от ярости: Дор потрудился отравить это счастье. Фаун также молча попрощалась со своей надеждой, пусть и слабой, что Дор явился как миротворец; она уже начала фантазировать о том, что, может быть, тот принес приглашение на ужин от мамы Дага, и планировать, что она могла бы приготовить, чтобы показать свои хозяйственные умения этой ветви семьи Редвингов.

В ответ на ее безмолвный вопрос Даг покачал головой и принужденно улыбнулся, показывая, что его плохое настроение с ней не связано. Он уселся у очага, поднял палочку и задумчиво стал водить ею по земле.

– Так чего хотел Дор? – спросила Фаун. – Он готов примириться с нами? – Она занялась окуном, выпотрошенным, почищенным-; начиненным травами, которые Фаун позаимствовала с огорода Сарри. Рыба зашипела, когда Фаун выложила ее на решетку над углями. Фаун принялась мешать тушеный в горшке кидальник с луком, который приготовила на гарнир. Аппетитные запахи сделали выражение лица Дага не таким тоскливым, но все же ответил он Фаун не сразу.

– Нет, пока нет.

Фаун надула губы.

– Если произошли неприятности, не кажется ли тебе, что мне следует о них знать?

– Да, – вздохнул Даг. – Но сначала мне нужно поговорить с Громовержцем. Тогда я смогу сообщить тебе новости с большей уверенностью.

«Какие новости?»

– Звучит довольно зловеще.

– Может быть, и не так уж, Искорка. – Привлеченный вкусным ужином, Даг придвинулся поближе и рассеянно поцеловал в шею переворачивавшую окуня Фаун.

Фаун улыбнулась ему в ответ, чтобы показать свою поддержку, но подумала: «А может быть, и так». Если что-то было пустяком, он обычно так и говорил, прямо и решительно. Если бы проблема имела ясное решение, он с оптимизмом обсудил бы его, подробно, если бы понадобилось. Подобная молчаливость, как постепенно стала понимать Фаун, свидетельствовала о необычной для Дага неуверенности. Смутная вера Фаун в то, что Даг знает все обо всем – ну, может быть, за исключением жизни на ферме, – не выдерживала трезвого рассмотрения.

Как и надеялась Фаун, вкусная еда существенно улучшила настроение Дага. Он еще больше просветлел, когда Фаун после ужина вышла из шатра, держа что-то за спиной, и с гордостью вручила ему новые хлопчатобумажные носки.

– Ты их уже закончила!

– Я обычно помогала снабжать носками своих братьев, так что научилась вязать

быстро, – довольно сообщила Фаун. – Примерь, посмотрим, будут ли они удобны.

Даг тут же так и сделал и для пробы прошелся вокруг угасающего огня; он выглядел довольным, хотя несколько смешным в сапогах и обрезанных штанах, которые, похоже, все Стражи Озера носили в жаркую погоду, когда им не нужно было ездить верхом.

– Такие лучше годятся для лета, чем те ужасные свалывшиеся шерстяные носки, которые ты носил раньше – на них, клянусь, было больше штопки, чем целых мест. В них у тебя ноги будут сухими, а мозоли станут меньше болеть.

– Какие тонкие! И такие маленькие ровные петли! Держу пари: в таких носках мозоли не будут кровоточить.

– Твои ноги кровоточат? – в ужасе воскликнула Фаун. – Ох!

– Ну, не так уж часто. Только в самую жару или в зимние морозы.

– Я перепряду шерсть для зимних носков потом. Я решила, что такие тебе будут нужны раньше.

– Конечно. – Даг снова уселся и снял сапоги, после чего бережно стянул носки и благодарно поцеловал руки Фаун. Та просияла.

– Я собираюсь помочь Сарри завтра прясть волокно из стеблей кидальника, раз отмачивание уже закончилось, – сказала она. – Вашим женщинам нужна самопрялка, чтобы ускорить дело. Небольшую самопрялку не будет так уж трудно возить с собой, и мы могли бы все ею пользоваться. Я могла бы этому научить ваших женщин – отплатить Сарри и Мари за ту помощь, которую они мне оказывают. Как ты думаешь, ты смог бы привезти самопрялку, когда твой отряд в следующий раз окажется в окрестностях Ламптона, или Глассфорджа, или Вест-Блу? Мама и Нетти наверняка снабдили бы тебя самой лучшей, – с предусмотрительностью стала размышлять Фаун.

– Попытаться я во всяком случае смогу, Искорка. – Фаун испытала новый прилив нежности: Даг и не подумал пожаловаться на то, каким посмешищем будет выглядеть, нагрузив Копперхеда подобным предметом.

Она заключила его в многообещающие объятия, но через некоторое время Даг вспомнил о сложностях, о которых говорил Дор, и со вздохом высвободился.

– Ты уйдешь надолго? – спросила Фаун.

– Зависит от того, куда отправился Громовержец.

Фаун кивнула, стараясь удовлетвориться этим неопределенным ответом и тем, что осталось невысказанным. Тревожное настроение, похоже, снова окутало Дага, как темный плащ; он двинулся к дороге и исчез за деревьями.

Даг наконец обнаружил Громовержца в одном из шатров его многочисленного клана на западной оконечности острова. Громовержец бросил на него единственный взгляд и тут же повел прочь от шумной толпы их с Массап детей и внуков, собравшейся перед шатрами, на безлюдный причал. Мужчины, скрестив ноги, уселись на досках. Мелкие волны, набегавшие на берег, сияли шелковистым оранжевым отблеском. Задубелая кожа Громовержца в лучах заката выглядела бронзовой; в его темных глазах прочесть ничего не удавалось.

Даг побарабанил пальцами по дереву причала и начал:

– Я только что говорил с Дором... точнее, он говорил со мной. Он грозит обратиться к совету лагеря. Что, по его мнению, они могут со мной сделать, я себе не представляю. Они не могут приказывать разорвать узы. – Голос Дага дрогнул. – Еще он говорил об изгнании. – Громовержец никак не прореагировал, и Даг продолжал: – Ты – член совета. Он к тебе обращался?

– Да. Я сказал ему, что его план плох. Впрочем, пожалуй, можно придумать и худший.

Даг приготовился услышать неприятные новости.

– Что говорят за моей спиной?

Громовержец заколебался: то ли его смущала перспектива повторять сплетни, то ли он просто подбирал слова – Даг не мог определить; скорее последнее, потому что когда Громовержец заговорил, его слова прозвучали достаточно жестко:

– Массап говорит, что некоторые злорадствуют: гордость Камбии получила щелчок.

– Болтовня, – пробормотал Даг.

– Может быть. Я бы вообще не обращал на это внимания однако чем больше такие разговоры заставляют твою мать корчиться, тем больше она опирается на Дора.

– Ах... А еще что говорят? Конечно, не называя имен...

– Многое. – Громовержец пожал плечами, словно хотел сказать: «А чего ты ждал?» – Хочешь получить полный список? Не называя, конечно, имен.

– Да... нет, но... да.

Громовержец глубоко втянул воздух.

– Во-первых, среди твоих недоброжелателей те, кто ходил в дозор и пострадал из-за того, что полагался на помощь крестьян. Или испытал их неблагодарность: ведь часто из-за паники, в которую впадают эти деревенщины, дозорные напрасно гибнут или получают увечья.

Даг склонил голову, наполовину соглашаясь, наполовину возражая:

– Крестьяне невежественны. Решение вопроса в том, чтобы их обучать, а не отвергать.

Громовержец в ответ только скривил губы и продолжал, загибая пальцы:

– Еще те, чьи друзья или родичи пострадали, были избиты, а то и убиты крестьянами из-за их необоснованного страха перед колдовством Стражей Озера.

– Если бы мы держались менее отстраненно, такого непонимания не возникало бы. Люди не были бы такими невежественными.

На это возражение Громовержец тоже не обратил внимания.

– Еще болезненнее переживают дозорные или бывшие Дозорные, которым самим пришлось отказаться от любви к крестьянке. Тут очень большая горечь... Некоторые желают тебе удачи, но по большей части все-таки люди гадают, сойдет ли тебе это с рук. Те, кому выпала тяжелая обязанность обеспечивать соблюдение правил, тоже тобой недовольны. Они приносили настоящие жертвы и теперь чувствуют себя преданными, что вполне справедливо.

Даг погладил дерево причала, отполированное многими ногами.

– Фаун убила Злого. Она поделилась смертью. Она... она отличается от обычных крестьянок.

– Я знаю, что ты так думаешь. Только дело в том, что каждый человек считает свою ситуацию особенной. Так оно для него и есть. Если правила существуют не для всех, то споры делаются бесконечными. А у нас нет на это времени.

Даг отвел взгляд от сурового лица Громовержца и стал смотреть на оранжевый диск солнца, частично закрытый уже черными силуэтами растущих по берегам деревьев.

– Не знаю, к чему, по мнению Дора, он может меня принудить. Я дал супружеский обет своим Даром.

– Угу, – сухо кивнул Громовержец. – Вразрез со своим прежним долгом и обязанностями. Именно это ты и сделал. Клянусь: ты похож на человека, который пытается скакать одновременно на двух лошадях, стоя одной ногой на каждой. Все хорошо, если ему удастся удерживать их рядом, но если они поскачут по разным дорожкам, ему придется выбирать, иначе он упадет или будет разорван на части.

– Я хотел – и хочу – сочетать свои обязанности. Если смогу.

– А если не сможешь? Куда ты свалишься?

Даг только покачал головой.

Громовержец, хмурясь, смотрел на мерцающую воду, ставшую в сумеречном свете такой же светящейся, как небо. Несколько припозднившихся ласточек еще кружились над озером, прежде чем скрыться в гнездах.

– Впрочем, соблюдение правил имеет и еще одно значение. Если все увидят, что даже такой выдающийся дозорный, как Даг Редвинг, должен подчиняться дисциплине, это облегчит дело, когда придется одергивать следующего одержимого идиота.

– Разве я выдающийся?

Громовержец посмотрел на него со странным выражением.

– Да.

– Даг Блуфилд, – с опозданием поправил его Даг.

– М-м...

Даг вздохнул и переменял тему.

– Ты знаешь членов совета. Поддержат они Дора? Насколько он уже их обработал? Была ли его сегодняшняя угроза первой пробой или он предоставил мне последний шанс?

Громовержец пожал плечами.

– Я знаю, что разговоры он вел. Как ты думаешь, насколько быстро он стал бы действовать?

Даг снова покачал головой.

– Он ненавидит споры, ненавидит, когда его отрывают от работы над ножами. Я знаю: для дела ему требуется полная концентрация. По доброй воле он вообще не стал бы со мной связываться, но если уж он вынужден, он постарается закончить все как можно скорее, чтобы иметь возможность вернуться к работе. Он злится – не на меня, а на отвлечение. Он станет давить.

– Я воспринимаю его так же.

– Он с тобой говорил? Громовержец, не позволяй нанести мне удар исподтишка.

В ответ Громовержец бросил на Дага еще один странный взгляд.

– А ты хотел бы, чтобы я пересказал ему наш с тобой конфиденциальный разговор?

Даг понадеялся, что угасающий свет не позволит Громовержцу разглядеть, как он покраснел. Он прислонился начавшей болеть спиной к причальному столбу.

– Тогда другой вопрос. Есть ли вероятность, что бучу поднимет кто-то другой, помимо Дора?

– В совете, на формальных основаниях? Я могу представить себе несколько возможностей. Твои противники предпочли бы предоставить это твоей семье, но если клан Редвинг свой долг не выполнит, могут найтись другие желающие.

– Так что если даже я умиротворю Дора, дело не кончится. Будут появляться все новые и новые обвинения... совсем как Злые.

При этом сравнении Громовержец поднял брови, но промолчал.

Даг медленно продолжал:

– Отсюда следует, что единственный способ решить проблему – добиться решения, скорого и публичного. Как только совет примет решение, снова поднять тот же вопрос будет нельзя. Это всех остановит. – «Так или иначе».

Даг с отвращением поморщился.

– Вы с братом больше похожи друг на друга, чем думаете, – искоса взглянув на Дага, сказал Громовержец.

– Дор так не считает, – коротко бросил Даг и добавил после задумчивой паузы: – Он не путешествовал так много, как я. Может быть, поэтому изгнание кажется ему особенно пугающим.

Громовержец потер пальцем губы.

– Как твоя рука?

– Гораздо лучше. – Даг пошевелил пальцами. – Лубок сняли уже неделю назад. Хохария говорит, что я могу снова упражняться с оружием.

Громовержец откинулся назад.

– Я собираюсь скоро послать в дозор отряд Мари. Нужно наверстать время, потерянное в окрестностях Глассфорджа, да и другие отряды в этом сезоне припозднились. Когда ты будешь готов отправиться в дозор?

Даг переменял позу, распрямив ноги, пытаясь скрыть неловкость.

– Вообще-то я подумывал о том, чтобы воспользоваться причитающимся мне свободным временем – побыть в лагере, пока Фаун не освоится.

– И когда же это будет? Даже если не принимать во внимание проблему с советом.

Даг пожал плечами.

– Если бы дело было только в ней, много времени не потребовалось бы. Не думаю, что есть обязанности, с которыми она не справилась бы, если ее научить. В Фаун я не сомневаюсь. – На этот раз он дольше колебался, прежде чем продолжить: – Я сомневаюсь в нас.

– О, вот как?

– Предательство разрывает связи двойко, – тихо сказал Даг. – Конечно, отправляясь в дозор, беспокоишься о своей семье – болезни, несчастные случаи, может быть, даже нападение Злого – всегда есть место опасности, но не... не недоверию. Однако стоит начать сомневаться, и это расплывается, как грязное пятно. На кого я могу положиться? Кто поможет моей жене в случае нужды, а кто отстранится и предоставит ей бороться в одиночку? Моя мать, мой брат? На них надежды нет. Каттагус, Сарри? Каттагус слаб и болен, а у Сарри хватает своих забот. Ты? – Даг пристально посмотрел на Громовержца, и тот, к своей чести, не отвел глаза.

– Думаю, единственный способ узнать это – попробовать на практике.

– Угу, только для Фаун это будет не проба, а вопрос жизни или смерти.

– Все равно рано или поздно тебе придется на такое решиться, если ты не собираешься расстаться с дозором. – Взгляд, которым сопровождалась эта фраза, напомнил Дагу хирургический нож Хохарии.

Даг вздохнул.

– Есть «скоро» и «слишком скоро». Можно искалечить молодую лошадь, слишком рано начав ее нагружать, хотя через год ее кости окрепли бы. То же происходит и с молодыми дозорными. – «А с молодыми женами?»

Громовержец после долгой паузы кивнул в ответ.

– Так когда же будет «не слишком скоро», Даг? Мне нужно знать, куда воткнуть твой колышек... и когда.

– Конечно, – согласился Даг. – Можешь ты дать мне немного времени, чтобы обдумать ответ? Сомневаюсь, что могу не обращать внимания на совет.

Громовержец снова кивнул.

– И имей в виду: я могу отвечать только за себя и за Фаун. Я не контролирую поступки кого-то еще.

– Ты можешь убеждать, – сказал Громовержец. – Ты можешь склонять на свою сторону. Ты можешь, позволь мне сказать, не быть упрямым дураком.

«Для этого слишком поздно».

Этот человек, напомнил себе Даг, должен присматривать за шестью сотнями других дозорных.

«Ладно, на сегодня достаточно».

Лягушки уже начали свою серенаду, отряды москитов вышли на тропу войны, стрекозы, летающих над озером, сменили ночные дозорные – летучие мыши. Даг поднялся на ноги, вежливо попрощался с Громовержцем и ушел в сгущающуюся темноту.

8

Они уже собирались укладываться, когда наконец Даг рассказал о своих разговорах с братом и с Громовержцем. Судя по краткости изложения по сравнению с тем временем, которое он отсутствовал, Фаун заподозрила, что он о многом умалчивает; сказанное его собеседниками, если верить такому сокращенному варианту, не могло бы погрузить его в такую черную тоску.

«От братьев всего можно ожидать...»

Однако новость о совете лагеря была достаточно пугающей.

Освещенная светом огарка, укрепленного на сундучке Дага, который служил им ночным столиком, Фаун уселась на постели, скрестив ноги, и сказала:

– Семеро членов совета могут приговорить тебя – нас – к изгнанию? Это так просто?

– Ну, не совсем. Они должны собраться и выслушать доводы обеих сторон. И каждый член совета должен поговорить с людьми на своих островах и узнать их мнение, прежде чем примет решение такой... такой важности.

– Ну... – Фаун нахмурилась. – Я почему-то думала, что неприязнь твоих соплеменников ко мне примет форму... чего-то такого... Бросить дохлого протухшего зверька у нашего порога, чтобы мы наступили на него утром, или еще сделать какую-то гадость. Поджечь наш шатер или выскочить из кустов и избить тебя, обрить мне голову или что-то в этом роде.

Даг насмешливо поднял брови.

– Именно так все происходит в крестьянских землях?

– Иногда. – А иногда и хуже, судя по рассказам, которые Фаун приходилось слышать.

– Маска не спрячет тебя от человека, обладающего Даром. Если кому-нибудь здесь придет в голову сделать что-то настолько отвратительное, все знают, что секретом это не останется.

– Ну, наверное, это охлаждает горячие головы, – признала Фаун.

– Да, и к тому же... дело слишком серьезное, чтобы все ограничилось мальчишескими проделками. Наши свадебные браслеты, если уж на то пошло, придают всему совсем другое значение. Серьезные проблемы требуют серьезных размышлений серьезных людей.

– Не следовало бы нам со своей стороны поговорить с этими серьезными людьми? Мне кажется, Дор не должен получить возможность повернуть все по-своему.

– Да... нет... Проклятый Дор! – воскликнул Даг в раздражении. – Он заставляет меня совершать как раз то, чего не следует делать, чтобы беспрепятственно ввести тебя в жизнь лагеря. Привлекать внимание, заставлять людей принимать чью-то сторону... Я хотел затаиться, и пока все ждали бы, чтобы кто-то что-то предпринял, время принимать чью-то сторону и ушло бы. Мне казалось, что года на это хватит.

Фаун удивленно заморгала, услышав о таком его взгляде на время. Может быть, год кажется Дагу не таким уж долгим сроком?

– Это не твой любимый образ действий, верно?

Даг фыркнул.

– Ни капельки. Неподходящее занятие в неподходящее время... да я и не слишком ловок в таких вещах. Вот Громовержец – другое дело. Поговоришь с ним минут двадцать, и меняешь мнение на противоположное. Замечательный командир дозорных. Только он ясно дал понять: я сам постелил себе постель, мне в ней и спать. – Даг тихо добавил: – А я терпеть не могу просить об одолжениях. На мой взгляд, я уже израсходовал все такие просьбы, отпущенные на целую жизнь. – Легкое похлопывание по левой руке показало, какого рода одолжения он имеет в виду, и Фаун в ответ вздохнула. Какое бы особое отношение ни требовалось, чтобы снабдить Дага протезом и позволить ему оставаться в дозоре, на взгляд Фаун, Даг давно и с лихвой расплатился со всеми долгами.

Тем не менее на следующее утро Даг начал демонстрировать свое присутствие более открыто: взялся вместе с Фаун доставлять в лодке собранные кидальники. Сначала они подгребали к плоту, с которого велся сбор урожая и который успел проплыть уже вдоль всего берега залива и скоро должен был повернуть обратно. Дюжина Стражей Озера разного возраста и пола и в разной степени раздетости трудились на бревенчатой платформе десяти квадратных футов размером, пропахивавшей канал сквозь заросли водяных лилии. Эта разновидность отличалась большими кожистыми листьями на длинных стеблях, похожими на сложенные веера, и мелкими невзрачными желтыми цветами, тоже высоко поднимавшимися над водой. Команда плота трудолюбиво выкапывала кидальники, обрывала стебли и корни и сажала «уши». За плотом оставался грязный след взбаламученной тины и растительных остатков.

Даг приветствовал пожилую женщину, которая, похоже, всем тут заправляла. Двое голых подростков загрузили в лодку кучу кидальников, в результате чего она пугающе осела, и после вежливого прощания Даг и Фаун направили лодку к берегу; управлять ею теперь было гораздо труднее. Фаун мучительно остро чувствовала взгляды, которыми их

проводили.

Доставка кидальников заключалась в продвижении вдоль берега от одного шатра к другому и выгрузке части урожая в корзины, укрепленные на каждом причале; теперь Фаун наконец поняла, откуда каждый день появлялся их рацион. Ее ужасно пугала качка лодки в момент разгрузки и перспектива уронить тяжелый кидальник за борт и нырять за ним, особенно на глубоком месте, но все обошлось, и в конце концов лодка опустела. Такой рейс они с Дагом повторили еще дважды.

Даг махал рукой или здоровался с людьми в других лодках или на берегу – таков был, по-видимому, местный обычай, – и заговаривал с теми, кто оказывался на причале; он познакомил Фаун с таким множеством народа, что она быстро начала путаться в именах. Никто не был недоброжелателен, хотя некоторые собеседники Дага казались смущенными, однако и по-настоящему теплых приветствий было немного. Через некоторое время Фаун стала думать, что предпочла бы грубые, но по крайней мере откровенные вопросы этой молчаливой оценке. Однако к полудню испытание закончилось, и они с Дагом устало выбрались на берег перед шатром Блуфилд. На обед, мрачно подумала Фаун, их ждет кидальник...

То же самое они повторяли еще четыре дня, пока работники на плоту и жители шатров не перестали встречать их удивленными взглядами. Во второй половине дня Фаун помогала Сарри прясть волокна кидальника и вместе с Каттагусом плела веревки – это было одно из занятий, которыми старик мог заниматься сидя и не напрягая дыхания. Его немощь, как объяснил Каттагус между хриплыми вздохами, была следствием тяжелой легочной лихорадки, которая почти заставила его оросить кровью сердца разделяющий нож, вынудила отказаться от участия в дозорах и сделала, как он утверждал, толстым.

Фаун обнаружила, что работать вместе со стариком ей нравится больше, чем с другими жителями лагеря. Сарри оставалась настороженной, да и постоянно занятой детьми, Мари – насмешливой, а вот Каттагус смотрел на крестьяночку Дага с мрачным удовольствием. Фаун огорчала мысль, что его беспристрастность может быть следствием близости смерти – Мари, например, очень беспокоилась, что будет с ним, когда начнется непогода, – но в конце концов Фаун пришла к выводу, что он, наверное, всегда обладал чувством едкого юмора. Кроме того, хоть Каттагус и не отличался таким же терпением, как Даг, учил он Фаун охотно и даже стал посвящать ее в секреты изготовления стрел. Он пополнял колчаны не только своей жены, но и Рази, и Утау. Поскольку это ремесло требовало двух рук, для Дага стрелы в свободное время раньше делал Дор. Было ясно – и Каттагус это никак не комментировал, – что Дагу теперь требуется другой помощник. Скоро обнаружилось, что Фаун одарена умением добиваться равновесия стрелы при ее оперении, и Каттагус быстро научил ее разбираться в достоинствах и недостатках перьев индейки, сокола или ворона.

Даг несколько раз надолго уходил, по его словам, разведать территорию и возвращался то встревоженным, то довольным, а иногда в гневе. Однажды, когда Фаун и Каттагус сидели под орехом, обсуждая оперение стрел, Даг вернулся настолько разъяренным, что, не говоря ни слова, нырнул в шатер, вышел с луком и колчаном, схватил кидальник из корзины, поставил на пень в лесу и за пятнадцать минут превратил его в нечто похожее на раздавленного камнем дикобраза. Только после этого дыхание его стало нормальным, и он отправился выдергивать стрелы, застрявшие в расположенном рядом с пнем дереве – даже когда он промахивался, дальше стрелы не улетали.

– Ну, этот уже не сбежит, – заметил Каттагус, кивнув на остатки кидальника. – Стрелы причитались кому-нибудь, кого я знаю?

Подошедший к ним Даг смущенно улыбнулся.

– Да теперь уже не имеет значения. – Он со вздохом уселся рядом, отстегнул и отложил лук, потом взял одну из новых стрел и принялся задумчиво разглядывать. – Ты справляешься все лучше и лучше, Искорка.

Фаун решила, что он намеренно меняет тему.

– Знаешь, ты все твердишь, что мне не следует ходить с тобой, потому что так люди

будут высказываться откровеннее, только мне кажется, что от некоторых ты добился бы большего, если бы им приходилось быть не такими откровенными.

– В этом что-то есть, – согласился Даг. – Может быть, завтра...

Однако на следующее утро Дагу пришлось больше времени посвятить дополнительным занятиям с оружием, поскольку отряд Мари вскоре должен был выступить в поход. К тому же заглянул Саун, которого позвал в гости Рази; Фаун впервые обратила внимание на то, как мало бывало у них посетителей. Если они с Дагом и в самом деле были такой уж новостью для обитателей берегов озера, можно было бы ожидать, что любопытство, если не дружеские чувства, должно было бы побудить соседей под разными предлогами заглядывать, чтобы посмотреть на новобрачную. Фаун не могла решить, в чем причина – то ли в вежливости, то ли в том, что их отвергают... Однако Саун был с ней мил, как и раньше.

Дружеская встреча началась со стрельбы в цель, и Фаун охотно бегала в рощу за стрелами или подкидывала в воздух кожуру кидальника, чтобы мужчины могли стрелять в движущуюся мишень. Она с удовлетворением обнаружила, что ее стрелы не уступают сделанным ее учителем. Каттагус сидел на чурбаке и хвалил стрелков за меткость или ругал за промахи, насколько позволяла ему одышка. Саун явно побаивался старика, но Мари отвечала мужу, не стесняясь в выражениях; Даг только улыбался. Потом пятеро дозорных начали тренироваться на лужайке с деревянными мечами и кинжалами. Мари двигалась ловко и быстро, но ее молодые подчиненные скоро начали превосходить ее в силе и выносливости – недаром ей было семьдесят пять, – так что в конце концов Мари уселась рядом с Каттагусом и ограничилась замечаниями.

Схватка была жаркой, и Фаун сочла, что противники всю прибегают к грязным приемам, так что она даже не всегда могла понять, видит ли бой на мечах или просто потасовку. Стук и треск деревянных мечей перемежался криками и проклятиями или, к удовольствию Сауна, редкой похвалой. Даг загонял остальных до полного изнеможения – на том основании, что в настоящей схватке не бывает перерывов на отдых, так что боец должен уметь двигаться даже тогда, когда уже не в силах пошевелиться.

Потом покрытые потом и грязью противники нырнули в озеро; на берег они вылезли более чистыми, хоть и пахнувшими тинной, и расположились на отдых, жуя кидальник и безуспешно пытаясь уговорить Каттагуса откупорить один из бережно хранимых кувшинов с вином из бузины, приготовленным еще прошлой осенью. Даг, растянувшийся на траве и с улыбкой слушавший препирательства, вдруг нахмурился и сел, глядя в сторону дороги.

– Что случилось? – тихо спросила его сидевшая рядом Фаун.

– Громовержец... чем-то очень расстроены.

Фаун понизила голос еще больше.

– Ты думаешь, нас вызывают на совет лагеря? – Фаун жила в постоянном боязливом ожидании этой неприятности.

– Может быть... нет... я не уверен. – Глаза Дага сузились.

К тому времени, когда конь Громовержца появился на поляне, все дозорные умолкли, насторожились и встревоженно смотрели навстречу приближающемуся командиру. Громовержец ехал без седла, и таким мрачным Фаун его еще не видела. Хоть она и продолжала сидеть неподвижно, сердце ее отчаянно заколотилось.

Громовержец остановил коня и мрачно поздоровался.

– Вы все здесь, это хорошо. Я первым делом искал Сауна.

Удивленный Саун поднялся с чурбака, на котором сидел.

– Меня, сэр?

– Угу. Только что прискакал вестник из Рейнтри.

Рейнтри – родной округ Сауна... Там что-то случилось? Лицо Сауна вытянулось, и Фаун представила себе, как юноша торопливо перебирает в уме членов своей семьи и друзей.

– У них беда – нападение Злого к северу от Крестьянской равнины, и они просят о помощи.

Для всех эта новость оказалась шоком. Даже Фаун знала, что просьба о помощи к

дозорным за пределами собственного округа означает, что неприятности очень велики.

– Похоже на то, что тварь появилась совсем рядом с крестьянским поселением и очень быстро росла, прежде чем ее обнаружили, – сказал Громовержец.

Надкушенный ломоть кидальника выпал из руки Сауна.

– Я поеду сразу же – мне нужно как можно скорее добраться до дому, – рванулся вперед молодой дозорный, но тут же сдержался. Умоляюще глядя на Громовержеца, он выдохнул: – Ты позволишь мне уехать, сэръ?

– Нет. – Саун вспыхнул, но прежде чем смог сказать еще что-нибудь, Громовержец продолжал: – Я хочу, чтобы ты отправился с остальными завтра утром как проводник.

– Ох... Да, конечно. – Саун приуныл, но продолжал стоять в напряженной позе, как собака, натягивающая цепь.

– Поскольку сейчас самое время для объездов, почти три четверти наших воинов находятся в дозоре, – продолжал Громовержец, оглядывая стоящих перед ним внезапно ставших очень серьезными дозорных. – В качестве первой меры, я думаю, я соберу те три отряда, которые должны были бы выступить следующими, – в том числе твой, Мари.

Мари кивнула; Каттагус огорченно поморщился, но ничего не сказал, только потер правое колено.

– Поскольку речь идет о действиях вне нашего округа, это, как всегда, дело добровольное – вы, ребята, конечно, все вызовитесь?

– Конечно, – буркнула Мари. Рази и Утау, переглянувшись, тоже кивнули. Фаун не смела и пошевелиться, ей стало трудно дышать. Даг молчал, и его лицо сделалось странно невыразительным.

Саун резко повернулся к нему.

– Ты ведь поедешь с нами, Даг, правда? Я знаю, что ты хотел побыть в лагере и заслужил отдых, но... но...

– Я хочу поговорить с Дагом отдельно, – сказал Громовержец, пристально глядя на Сауна. – Вы, остальные, начинайте собираться. Я намереваюсь отправить первый отряд на рассвете.

– А не могли бы мы выехать сегодня вечером? – горячо заговорил Саун. – Если поторопимся? Время... никогда не знаешь, какую разницу составит даже небольшой выигрыш во времени.

Даг в ответ поморщился, соглашаясь, как подумала Фаун, с юношей.

Громовержец покачал головой, хоть и бросил на Сауна сочувственный взгляд.

– Воины разъехались по всем островам. Мне придется потратить весь вечер, только чтобы всех оповестить. Ты не должен опередить тот отряд, которому собираешься показывать дорогу, проводник.

Саун сглотнул и понурил голову.

Громовержец жестом отпустил воинов, и те поспешно разошлись – Утау и Рази в свой шатер, у входа в который стояла, держа на руках сынишку, Сарри, молча наблюдавшая за происходящим, Мари и Каттагус – в свой. Саун, помахав рукой, бегом припустился на другой конец острова, где жили приютившие его Стражи Озера.

Громовержец спешил, бросил поводья и отпустил коня пастись. Даг знаком пригласил его в шатер Блуфилд, уединенно расположенный среди деревьев. Фаун поспешила следом за широко шагавшими дозорными. Громовержец бросил на нее взгляд, не означавший ни запрета, ни приглашения, так что когда мужчины уселись у входа в шатер, Фаун расположилась рядом. Даг ободряюще кивнул ей, потом полностью сосредоточился на том, что говорил ему его командир.

– Раз в поход отправляются три отряда вместе, необходим опытный командир эскадрона, – начал Громовержец.

– Риг Кроу или Ивасса Маскрет, – предложил Даг, настороженно глядя на старшего воина.

– Именно таков и был бы мой выбор, – ответил Громовержец, – если бы оба они не

были сейчас в ста пятидесяти милях от лагеря.

– Ах... Ты же наверняка не хочешь использовать в этой роли меня, – нерешительно протянул Даг.

– Ты бывал командиром эскадрона. Более того, ты сейчас единственный воин в лагере, который участвовал в по-настоящему крупной операции.

– И уж так успешно, – кисло пробормотал Даг. – Спроси выживших... Ах да – ведь выживших не было. Так что воины, ясное дело, будут уверены в таком командире.

Громовержец нетерпеливо отмахнулся от возражений.

– Твоя привычка находить себе дополнительные обязанности привела к тому, что ты в то или иное время работал почти с каждым из дозорных в лагере. У тебя не будет трудностей в опознании незнакомого Дара, да и людей ты знаешь как облупленных. Знаешь, какие у кого слабости и на кого в чем можно положиться.

Даг только прикрыл глаза, соглашаясь с этим.

Громовержец понизил голос.

– Есть и еще одно. Я не должен бы этого говорить, но тебе следует ожидать вызова на совет лагеря в самые ближайшие дни. Однако разбирательство не сможет начаться, если тебя здесь не окажется. Ты хотел отсрочки? Так вот твой шанс. Если успешно справишься с делом, то даже если тебя и вызовут на совет, ты будешь обладать гораздо большим влиянием.

– А если не справлюсь? – сухо поинтересовался Даг.

Громовержец почесал нос и невесело улыбнулся.

– Тогда у всех нас будут гораздо более неотложные проблемы, чем личные промахи какого-то дозорного.

– И если меня убьют, проблема сама собой исчезнет, – с фальшивым добродушием сказал Даг.

– Вот теперь ты рассуждаешь как настоящий командир эскадрона, – одобрительно усмехнулся Громовержец. – Я знал, что так и будет.

Даг только хмыкнул.

Такой уж у дозорных юмор, подумала Фаун. Ух...

Громовержец заговорил более серьезно.

– Это не самое первое решение, которое пришло мне на ум. Все знают, Даг, что когда дело касается Злых, ты всегда первый вызываешься добровольцем. Теперь у тебя есть возможность показать, что в этом отношении ничего не изменилось.

Даг покачал головой.

– Не знаю, что изменилось. Иногда мне кажется, что меняется более чем... – Даг коснулся своей левой руки, и хотя Громовержец мог предположить, что он имеет в виду свой свадебный браслет, Фаун подумала, не подразумевает ли Даг свою призрачную руку.

Громовержец посмотрел на Фаун.

– Да при любых обстоятельствах трудно просить дозорного, только что соединенного узами, отправиться в поход. Однако дела обстоят плохо, Даг. Я не хотел сообщать подробности при Сауне, но вестник говорит, что они уже потеряли сотни людей, и крестьян, и Стражей Озера. Злой переместился от своего первоначального логова рядом с тем несчастным городком и напал на лагерь Боунмарш. Большинство жителей спаслось, но нет сомнений: многих Злой захватил. Как только я отправлю первый эскадрон, начну наскребать людей во второй – хотя только отсутствующие боги знают, откуда я их возьму. У меня такое мерзкое подозрение, что потребуются все наши силы.

Даг потер лоб.

– Значит, люди в Рейнтри окажутся в растерянности. Будут заниматься не тем, что важнее всего, а обороной, беглецами, ранеными. Впадут в панику, испугаются за близких и упустят главный шанс – вогнать нож в Злого. Все остальное только отвлекает от этого.

– Чужаку, возможно, будет легче сохранить трезвую голову на плечах, – предположил Громовержец.

– Не обязательно. Прошло тридцать лет с тех пор, как я нес дозор с ребятами из Рейнтри, но я все еще помню друзей.

– А местность?

– Более или менее, – неохотно признал Даг.

– Вот видишь! Я-то сам никогда там не бывал. Вот я и решил, кстати, что хорошо будет дать командиру эскадрона в проводники Сауна.

Даг на эти слова напрямую не откликнулся, только коснулся рукой горла.

– У меня сейчас нет заряженного ножа – впервые за десятки лет. Обычно я носил с собой два, иногда три ножа. Ты еще удивлялся, как это я справился со столь многими Злыми, если не считать постоянного участия в дозорах. Люди отдавали мне свои ножи – вот и все.

– Не дело командира вонзать нож. Его работа – сделать так, чтобы воин, вооруженный ножом, оказался в нужном месте.

– Я знаю, – вздохнул Даг.

– А я знаю, что ты знаешь. Ладно. – Громовержец поднялся. – Я отправляюсь собирать воинов с этой стороны острова и возвращаться буду здесь же. Тогда и сообщишь мне свой ответ. – Громовержец не сказал «Обсудите это между собой», но его невысказанный совет был ясен. Мгновение он смотрел на Фаун, как будто собираясь ее о чем-то попросить, но в конце концов просто покачал головой. Его конь как раз в этот момент приблизился, что явно не было случайностью, и Громовержец, встав на чурбак, ловко запрыгнул на спину животному. Еще мгновение – и Громовержец пустил коня рысью по дороге.

Даг поднялся на ноги одновременно с Громовержецем; он смотрел ему вслед, но лицо его было напряженным и сосредоточенным, как будто его глазам представала совсем другая картина. Собственное лицо казалось Фаун таким же застывшим и невыразительным, как холодное тесто; Фаун поднялась и подошла к Дагу. Они обнялись и крепко прижались друг к другу.

– Слишком скоро, – прошептал Даг, слегка отстраняя Фаун и с тревогой глядя ей в лицо. Фаун подумала, что бесполезно притворяться мужественной, когда Даг способен ясно видеть, в каком безумном смятении пребывает ее Дар. Тем не менее она не позволила себе сникнуть и изо всех сил старалась дышать ровно и не позволить губам дрожать.

– Громовержец прав, когда говорит о необходимости поставить во главе отряда опытного человека, – продолжал Даг, и голос его постепенно обрел твердость. – Ситуация сильно отличается от охоты на сидячих Злых и даже от того кошмара, с которым мы столкнулись вблизи Глассфорджа. Я мысленно пролистал списки дозорных и понял: они не знают, что это такое, особенно молодежь. Да, и насколько далеко от Крестьянской равнины находится пострадавшее поселение? Считается, что фермерам не разрешается селиться за старой границей безопасных земель... – Даг резко встряхнул головой и сжал руку Фаун. В его золотых глазах блеснуло что-то, чего Фаун раньше никогда не видела; она подумала, что это могла быть паника.

Фаун сглотнула и сказала:

– Однажды ты такое уже проделал, так что вопрос не в том, сможешь ли ты справиться, а в том, сможешь ли ты справиться лучше, чем тот, кто взялся бы за дело впервые.

– Нет... да... может быть. Прошло много времени. И все же... если не я, то кого я обреку на это вместо себя? Кто-то же должен...

Фаун протянула руку и прижала пальцы к губам Дага, заставив его умолкнуть.

– С кем ты споришь, Даг? – просто спросила она.

Он молчал на протяжении нескольких ударов сердца, хотя на его губах мелькнула еле заметная кривая улыбка. Фаун сделала глубокий вдох.

– Когда я выбирала в мужья дозорного вместо фермера, я понимала, на что соглашаюсь. Тебя ждали отъезды, меня – ожидание. – Рука Дага легла на плечо Фаун и стиснула его. – Расставание наступает раньше, чем мы ожидали, но... но ведь всегда все бывает в первый раз. – Фаун подняла руки, крепко сжала в ладонях любимое лицо и решительно встряхнула. – Только позаботься о том, чтобы это не был последний раз,

слышишь?

Даг прижал ее к себе. Она услышала, как сердце его стало биться не так отчаянно. Фаун, уткнувшись лицом в рубашку Дага, охватил его запах: пота, лета, солнца... и просто Дага. Фаун приоткрыла рот, как будто могла вдохнуть весь этот запах и сохранить его на будущее. Навсегда... и еще на один день.

«Что ж, что не существует никакого «навсегда»... тогда я согласна на день».

– Ты не боишься остаться тут одна? – пробормотал Даг, уткнувшись лицом в ее кудри.

– В списке вещей, которых я боюсь, это отправилось куда-то в конец. В самый, самый конец.

Фаун почувствовала, что Даг улыбнулся.

– Признай: до сих пор я всегда возвращался.

– Ага, дозорные в Глассфордже говорили, что ты как кошка: всегда падаешь на лапы. – «Да только все равно отправились тебя разыскивать». – А папа обычно успокаивал меня, когда я волновалась за глупую кошку, которая влезла на дерево и жалобно мяукала, боясь спускаться: «Дорогуша, ты разве видела когда-нибудь на дереве кошачий скелет?»

Тот внутренний смех, который она так любила и так редко слышала в последнее время, всколыхнул его грудь. Они стояли, обнявшись, до тех пор, пока с дороги не донесся нежеланный стук копыт.

– Что ж, ладно, – пробормотал Даг.

Фаун отодвинулась от него и подняла глаза.

Даг смотрел на нее со странной улыбкой. Он еще раз прижал ее к себе и отпустил, хоть и продолжал держать за руку. Они оба повернулись к Громовержцу, который смотрел на них с высоты своего коня. Он ничего не сказал, только вопросительно поднял брови.

– Я хотел бы поговорить с посланцем, – сказал Даг. – И взглянуть на те крупномасштабные карты окрестностей Рейнтри, которые у нас есть.

Громовержец только коротко кивнул в ответ.

– Садись позади меня. Я подвезу тебя до штаба. – Он развернул коня, Даг встал на чурбак и уселся за спиной Громовержца. Тяжело нагруженный конь тем не менее быстро двинулся по дороге.

Глаза Фаун горели, но оставались сухими... почти. Сморгнув слезы, Фаун нырнула в шатер, чтобы начать собирать седельные сумки Дага.

9

Уже наступила полночь, когда Даг вернулся в шатер Блуфилд. Фаун при звуке его шагов, в темноте более медленных, чем обычно, подняла голову, пошевелила палкой угли в очаге и зажгла от них огарок свечи. В слабом золотом свете она увидела улыбку на губах Дага, но взгляд его оставался рассеянным.

– Я уж гадала, будет ли у тебя возможность поспать, – тихо сказала Фаун, поднимаясь.

– Немножко поспать удастся, хотя коней нам нужно седлать перед рассветом.

– Не годится пускаться в путь усталыми. Мне не ложиться, чтобы вовремя тебя разбудить? – До этого момента оставалось не так уж много часов.

– Нет. Кто-нибудь за мной придет. Я постараюсь не шуметь, уезжая.

– Только попробуй улизнуть, не разбудив меня! – сурово заявила Фаун и повела Дага в шатер, где аккуратными стопками было разложено содержимое его седельных сумок. Рядом лежали лук Дага и полный стрел колчан. – Я хотела упаковать твои вещи, но потом подумала, что будет лучше, если ты сначала проверишь, все ли, что нужно, я приготовила.

Даг кивнул, опустил на колени и стал передавать Фаун стопки, быстро их просмотрев; Фаун, насколько могла сноровисто, укладывала их в сумки. Единственным, что Даг отложил, оказался его тамбурин в кожаном чехле. Фаун хотела было спросить: «Разве он тебе не понадобится, чтобы отпраздновать уничтожение Злого?» – но потом подумала, что Даг, возможно, хочет поберечь инструмент, поскольку поход ожидается трудный. Другие

возможности она и представлять себе не захотела. Фаун затянула ремешки, застегнула пряжки и повернулась к освещенному мигающим светом свечи сундучку, на который положила ножны.

– У тебя нет разделяющего ножа. Этот ты возьмешь с собой? – Она нерешительно протянула Дату ее – их – нож.

Лицо Дага стало суровым. Все еще стоя на коленях, он взял у Фаун нож, вынул его из ножен и хмуро посмотрел на полустершуюся надпись на костяном лезвии.

– Дор считает, что он не сработает, – сказал Даг наконец.

– Я и не думала, что ты его выберешь. Просто держи его при себе... на всякий случай. Если под рукой не окажется другого.

– В моем эскадроне будет дюжина ножей, а то и больше.

– Сколько дозорных с тобой отправляется?

– Семьдесят.

– Этого хватит?

– Кто знает? Достаточно одного, но все остальные могут потребоваться, чтобы этот один оказался в нужном месте в нужное время. Громовержец задержит выезд отрядов, которые должны были отправиться в обычный дозор, и соберет всех, кто будет возвращаться, но он должен думать не только о том, чтобы послать помощь, но и о возможной обороне.

– Мне кажется, что отправка людей на помощь и была бы лучшей обороной.

– В определенной мере. В Рейнтри может сложиться тяжелое положение, но вдруг и в Олеане появится Злой? Поскольку из-за этого переполоха осмотр местности опять будет отставать от расписания, такая возможность делается более вероятной. В этом-то и проблема: заранее неизвестно, где ожидать следующей неприятности. Хорошо, конечно, когда мы месяцами не находим ни одного Злого, но потом они появляются пачками, и мы оказываемся перегружены. – Даг нахмурил брови, медленно вернул нож в ножны и с виноватой гримасой протянул Фаун. – Лучше мне его не брать. Я имею скверную привычку бросаться вперед очертя голову, а на этот раз у меня другие обязанности.

Фаун взяла у него нож и кивнула, хотя сердце у нее болело.

– У меня есть некоторые мысли, – продолжал Даг; его ум явно был занят разнообразными соображениями. – Только мне нужны более свежие сведения, чем те, что сообщила вестница. Она почти загнала своего коня, но все равно ей потребовалось два дня, чтобы добраться до нас. Часть наших потерь на Волчьем перевале была следствием... не столько неверной, сколько устаревшей информации. Впрочем, это слабое утешение: не уверен, что мы могли бы действовать иначе, даже если бы знали, что нам предстоит. Собери мы на перевале больше воинов, мы просто потеряли бы еще больше убитыми, а нас и так было мало. – Губы Дага скривила горькая улыбка. – Тогда ведь подкрепления все равно еще не подошли.

Фаун подумала о том, что Даг не позволит своему эскадрону задерживаться в дороге.

Она так немного могла для него сделать... Носки, стрелы, укладка сумок... Все это казалось таким незначительным – ведь Даг прекрасно справлялся сам многие годы до того, как появилась она и нарушила привычное течение его жизни. Она могла бы принести пользу, если бы уложила его в постель и силой там удерживала: было ясно, что тело Дага нуждается в отдыхе, но так же не приходилось сомневаться в том, что взбудораженный разум не позволит ему уснуть. Фаун подняла руки и стала с нежностью расстегивать его рубашку. Ее внимание привлекли блеснувшие при движении золотые бусины на свадебном браслете. «Ему нужно думать о предстоящем деле, а не обо мне». Но у них оставалось так мало времени...

– Даг...

– М-м?... – Пальцы Дага ласково перебирали кудри Фаун, глядя шелковистые пряди.

– Ты можешь чувствовать меня благодаря свадебному браслету, верно? И все другие женатые Стражи Озера – Мари, Каттагус и остальные – они тоже чувствуют друг друга?

Даг кивнул. Фаун стянула рубашку с его длинного мускулистого торса и положила поверх чистых и старательно починенных штанов для верховой езды. Попозже... когда бы ни наступил тот предрассветный час...

– Ну а я такого не могу, – продолжала Фаун. – Я верю тебе на слово в том, что наши браслеты работают так же, как и у всех других, но почувствовать этого сама не способна.

– Другие чувствуют... и могут рассказать тебе.

– Угу, только не могу же я все время спрашивать – по двадцать раз на день. Каттагус, например, терпеть не может, когда к нему пристают, да у него хватает и своих тревог – насчет Мари.

– Верно, – согласился Даг, внимательно глядя на Фаун. Она выскользнула из собственной одежды; Даг помог ей не столько по необходимости, сколько желая еще раз коснуться ее кожи. Его легкое прикосновение заставило Фаун поежиться.

– Я хочу, чтобы мое сердце было уверено... Неужели нет ничего, что ты мог бы сделать, чтобы я почувствовала тебя? Так же, как остальные?

После мгновенной запинки Даг ответил:

– Так, как остальные, не получится – ты не Страж Озера.

«И никогда не стану...» Однако то, как Даг ответил на вопрос, привлекло внимание Фаун.

– А каким-нибудь другим способом?

– Дай мне немножко подумать, Искорка. Тут потребуется необычное использование Дара.

Раздевшись перед сном, Даг ничуть не испытал возбуждения. Если он хоть наполовину чувствовал себя таким же расстроенным, как она, ничего удивительного в этом не было. Фаун смутно ощущала, что должна была бы перед разлукой показать ему всю свою любовь, но впервые мысль о близости оказалась насильственной и неуместной. Ничего хорошего в этом не было.

– Ты ужасно напряжен. Не лечь ли тебе, а я растерла бы тебе спину? Может, так тебе легче будет уснуть.

– Искорка, ты не обязана...

– И еще могу хорошенько растереть ноги, – добавила Фаун скромно.

Даг растянулся на постели с улыбкой, выражавшей смиренную покорность, и Фаун усмехнулась про себя. Начала она с шеи. Мышцы здесь были напряженными и твердыми, хоть это и не компенсировало вялость в другом месте. Узловатые мускулы начали расслабляться под гладящими, разминающими, ласкающими руками Фаун. Она медленно прошлась до самых пальцев ног, не страстно, а нежно и любовно.

Возможно, сыграло положительную роль то, что она ни на что не рассчитывала; по крайней мере, когда Даг наконец перевернулся на спину, в нем определенно пробудился более живой интерес. Может быть, этой ночью ему еще и удалось бы поспать, но уж никак не сразу. Фаун прижалась к нему и прильнула к его губам долгим поцелуем; его рука скользнула по ее плечу и начала лениво перемещаться по спине. Фаун старалась впитать малейшие оттенки ощущений, удержать их, как нанесенные на кожу рисунки, но поток неудержимо утекающего времени постоянно смывал их.

Даг навис над ней, как облачное ночное небо, опустился, вошел в нее; если это далось нелегко, то все же легче, чем при первых отчаянных попытках их первой брачной ночи. «Действительно, практика много значит», – подумала Фаун и улыбнулась воспоминаниям. Ее кольнуло сожаление о том, что эта ночь не могла оказаться ночью зачатия – время лунного цикла было неподходящим, да и выздоровление ее не закончилось. Чрезвычайные, опасные обстоятельства могли бы заставить ее забыть о необходимости полного излечения, но... ведь было бы плохим знамением зачать их первого ребенка только из-за страха и отчаяния.

«Даг вернется. Он должен вернуться».

Даг подсунул левую руку ей под спину, прижал к себе и перевернул их обоих. Фаун

поерзала и приняла сидячую позу, с любопытством глядя на него сверху вниз. Теперь выражение лица Дага было отсутствующим, хотя и совсем не таким, как раньше, и на мгновение Фаун испугалась, что они утратят обретенную близость, позволив охватить себя холодом завтрашних тревог.

Но нет, определенно нет... Полуприкрыв глаза, Даг смотрел на нее, а его левая рука начала странные движения – коснулась ее свадебного браслета, потом лба, сердца, живота, лона и снова левого запястья.

– Что ты делаешь?

– Не уверен... Пытаюсь нащупать... Немножко поработать с Даром левой руки...

То, что он называл Даром левой руки, Даг не использовал при их близости с тех пор, как смог владеть правой рукой. Фаун не хватало тех призрачных ласк, хотя она упрекала себя за то, что так скучает по ним и радуется, что вышла замуж за черного мага, а не за обычного крестьянина. Однако сейчас, по-видимому, Даг не это имел в виду.

– Я пытаюсь укрепить твой Дар так, чтобы он сочетался с моим в твоём браслете. Чтобы внутри твоего Дара – такого прелестного – появился кусочек моего. Если ты откроешь мне свой Дар, думаю, я сумею воспользоваться естественными каналами... Я не уверен в результате, только...

Фаун открыла перед Дагом глаза, сердце и тело, сделавшись полностью беззащитной.

– Нужна кровь? – выдохнула она.

Фаун не смогла бы сказать, был ли его вздох смехом или рыданием.

– Не думаю. Просто... просто люби меня.

Фаун уловила их общий ритм и взяла на себя инициативу в телесной близости, предоставив Дагу заниматься магией. Его широко раскрытые глаза стали темными – озерами ночной тьмы с вспыхивающими в глубине звездами. Левая рука Дата продолжала перемещаться, более медленно, но с большей интенсивностью. В конце концов она вытянулась поперек его живота как раз в тот момент, когда его спина начала изгибаться. Дат зажмурил глаза, и волна изумительного, ставшего уже знакомым наслаждения прокатилась по разгоряченному телу Фаун, заставив ее задохнуться. Одновременно у Фаун возникло странное, более острое чувство сладкого жара, охватившего ее левую руку, накатывавшего и опадавшего в ритме биения сердца.

– Ох... Ох!

Потом, когда Даг осел под ней и сладкие судороги его тела стихли, Фаун охнула уже от изумления и прижала правую руку к свадебному браслету.

– Он... он пощипывает! Как будто на руку падают снежинки!

– Слишком сильно? Тебе больно? – обеспокоенно пропыхтел Даг, открывая глаза.

– Нет, ничуть. Странно... Ой! Стало немного слабее. Может быть, я теряю способность?..

– Ты должна быть в силах вызвать это ощущение по желанию. Попробуй!

Фаун закусила губу и сосредоточилась. Ощущение тепла ослабевало.

– Нет... нет, о боги! Правильно ли я делаю?

– Не нужно сосредоточиваться – наоборот, расслабься. Открой свой Дар.

– Это, – сказала Фаун через несколько мгновений, – гораздо труднее, чем сосредоточиться.

– Конечно. Не применяй силу, а уговаривай... приманивай.

Фаун сидела на нем верхом, зажмурив глаза и держась правой рукой за браслет... Она представила себе, что молча улыбается, пытаясь привлечь Дага, заставить его поцеловать себя.

«Я так тебя люблю...»

Покалывающее тепло вокруг запястья... нет, внутри него показалось ей ответным шепотом: «Да, я здесь».

– Это ты? Там, в браслете?

– Это та часть меня, что вплетена в тесьму с той ночи в рабочей комнате твоей тетушки

Нетти, – ответил Даг, улыбаясь.

– И ты тоже можешь чувствовать часть меня в своей тесьме?

– Да. – Потом Даг предупредил: – Может быть, это не продлится больше, чем несколько недель, – пока действует подкрепление твоего Дара.

– Годится. – Фаун вздохнула с глубоким удовлетворением и прижалась к груди Дага. Однако, поскольку в такой позе он мог целовать только ее макушку, Фаун неохотно отстранилась и поднялась. Они быстро помылись и снова улеглись, как раз когда свеча догорела. Даг уснул раньше Фаун.

Фаун проснулась в темноте, повернулась на бок, и ее рука обняла пустоту. Сердце ее панически заколотилось. Судорожно ощупывая постель, Фаун нащупала еще теплую подушку Дата. Она стиснула рукой свадебный браслет, постаралась успокоить дыхание и попыталась нащупать мужа с помощью Дара. «Живой!» – сообщило ей обнадеживающее покалывание; ну конечно, он просто отлучился.

«Даг только пошел к отхожей канаве, глупая девчонка», – с облегчением выругала себя Фаун. Она прижала руки к груди, потом поднесла к губам и поцеловала тяжелую дважды благословенную тесьму.

Через несколько минут полотнище входа поднялось. Снаружи темнота была почти такой же непроглядной, как и внутри шатра. Замерзший Даг скользнул под одеяло; они с Фаун обнялись, и Фаун прижалась к мужу, чтобы согреть и помочь снова уснуть, воспользоваться возможностью отдыха, которая ему еще оставалась. Однако дыхание Дага еще не стало сонным, когда кто-то похлопал по входному полотнищу шатра и тихо позвал: «Даг...»

«Это Утау», – подумала Фаун.

– Я не сплю, – пробормотал Даг.

– Девушки Омбы привели наших коней.

– Хорошо. Сейчас иду.

Где-то поблизости тихо фыркнула лошадь, и донесся знакомый сварливый визг Копперхеда. Фаун в темноте натянула на себя рубашку и вышла наружу, чтобы попытаться раздуть угли под серым пеплом и разжечь крохотный огарок в глиняном подсвечнике. Вернувшись в шатер, она обнаружила Дага уже одетым и в последний раз перебирающим свои вещи, чтобы ничего не забыть: вернуться за оставленными вещами возможности не будет. Лицо Дага было усталым и напряженным, но страха, подумала Фаун, на нем не было. По крайней мере – физического страха... Они принялись за ломти кидальника – поспешно и без церемоний... а в случае Фаун и без аппетита.

– А теперь что? – спросила Фаун.

– Эскадрон соберется у штаба. Большинство дозорных прощаются с семьями в своих шатрах.

– Что ж, хорошо...

Даг подцепил крюком свое седло, и Фаун поспешила следом с седельными сумками; они прошли туда, где были привязаны кони. При свете факела, который держал Каттагус, Рази, Утау и Мари уже седлали своих коней, а Сарри держала сумки, готовясь Приторочить их к седлу. На востоке над заливом озера черные силуэты деревьев едва становились различимы на начинающем сереть небе. Над водой стелился туман, и трава под ногами была мокрой от росы.

Каттагус на минуту передал факел Сарри, обнял Мари и пробормотал в ее седые волосы:

– Береги себя, глупая старуха.

Мари тут же ответила:

– Это ты себя береги, глупый старик. – Несмотря на свою одышку, Каттагус помог Мари сесть в седло; рука его на мгновение задержалась на ее бедре, пока она устраивалась в седле.

Дат ткнул Копперхеда коленом в живот, увернулся от щелкнувших желтых зубов и

проверил, хорошо ли затянута подпруга. Повернувшись к Фаун, он стиснул ее руку, а потом крепко прижал к себе обвившую руками его шею жену. Поцеловал он ее не в губы, а в лоб: не прощание, но благословение. Нежность и страх за нее, которые Фаун ощутила в этой ласке, заставили ее сердце сжаться сильнее, чем все переживания этого тревожного утра.

И вот уже Даг садится на Копперхеда... Мерин, явно хорошо отдохнувший на пастбище, не преминул высказать неудовольствие тем, что его заставляют трудиться так рано утром: пошел боком и попробовал брыкаться, однако всадник решительно положил этому конец. Четверо дозорных выехали на дорогу и растворились в темноте; Фаун заметила, как к ним присоединились другие всадники. Провожавшие молча направились к своим шатрам; Каттагус, прежде чем скрыться внутри, похлопал по плечу свою племянницу Сарри.

Фаун и подумать не могла о том, чтобы снова уснуть. Вернувшись в шатер, она стала наводить порядок в своих скромных пожитках – домашние дела при такой бедности не могли отнять много времени – и попыталась придумать себе занятие на день. Прясть, конечно, можно было до бесконечности; Фаун помогала Сарри и с ткацким станком в обмен на часть грубой ткани, из которой Сарри обещала научить Фаун шить штаны для верховой езды, но идти в шатер Сарри было слишком рано. Есть Фаун совсем не хотелось, да и кидальник не вызывал особого аппетита.

Фаун переделалась в юбку и рубашку, надела башмаки и пошла по дороге вдоль берега туда, откуда был бы виден мост. Серый свет делался ярче, на небе начала проглядывать голубизна; только немногие звезды еще светили сквозь ветви деревьев. Фаун обнаружила, что не у нее одной возникла мысль выйти на берег: около дюжины Стражей Озера, мужчин и женщин, старых и молодых, маленькими группами молча стояли вдоль дороги. Фаун попыталась поздороваться с некоторыми соседями, которым они с Дагом доставляли кидальники, и некоторые кивнули ей в ответ, хотя никто не улыбнулся. Впрочем, улыбок вообще не было видно.

Терпение провожающих было вознаграждено: через несколько минут из леса донесся стук копыт. Длинноногие кони дозорных скакали рысью, быстро преодолевая расстояние. Дат ехал впереди рядом с Сауном, внимательно слушая молодого человека, однако оглянулся на Фаун и улыбнулся ей, проезжая мимо, а Саун повернулся в ее сторону и с удивленным видом кивнул. Остальные люди у дороги тянули шеи, чтобы высмотреть своих близких и в последний раз помахать им. Одна из женщин бегом догнала молодую всадницу и сунула ей что-то – забытый сверток с лекарствами, подумала Фаун. Во всяком случае, девушка благодарно улыбнулась и повернулась в седле, чтобы сунуть сверток в седельную сумку.

Фаун не могла понять, каким образом отряд в семьдесят человек может одновременно казаться и таким большим, и таким маленьким. Однако все дозорные были хорошо оснащены: надежная сбруя, прекрасное оружие, хорошие кони.

«И уж в чем нет недостатка – это в добрых пожеланиях».

Фаун подумала, что видит всего десятую часть находящихся под командой Громовержца воинов. Нетрудно было понять, куда уходит богатство, нажитое трудами общины на островах.

Когда последние всадники скрылись за поворотом, провожающие начали расходиться по своим шатрам. Почти самой последней из-за жидкого куста жимолости на другой стороне дороги показалась угловатая фигура... Фаун с изумлением узнала Камбию – в тот же момент, когда старая женщина увидела ее. Фаун вежливо поклонилась своей свекрови и на мгновение понадеялась, что получит шанс начать разговаривать с ней. Ей даже показалось, что это может оказаться легче в отсутствие Дага с его... не раздражительностью, а скорее упертостью. Фаун выдавила улыбку, но Камбия резко отвернулась и быстро пошла прочь, непреклонно выпрямив спину.

До Фаун дошло, что подобные предрассветные сборы в дорогу всегда были делом Камбии. И к тому же муж Камбии когда-то не вернулся из дозора живым – вернулся только как смертоносный костяной клинок... Не был ли это первый случай, когда сын уехал, не

попросившись с Камбией? Фаун не знала, пыталась ли старая женщина спрятаться на другой стороне дороги или хотела, чтобы Даг ее заметил, но в одном она была уверена: в ту сторону Даг не взглянул. Фаун заметила: Дор с матерью не пришел, и задумалась о том, что это могло бы значить.

Фаун свернула на идущую вдоль берега дорогу; лицо ее было печальным. Она положила руку на свой свадебный браслет, пытаясь ощутить ободряющее покалывание.

«Да что ты, глупая, он даже еще мост не пересек».

Но слабое покалывание все равно ответило на ее безмолвный вопрос. Да, он там... Фаун сделала глубокий вдох и пошла дальше.

В колеблющемся свете костров, озаряющем лужайку у дороги, Даг шел вдоль коновязей, осматривая лошадей – и не только при помощи глаз. Только три охромели... не так уж плохо после трех дней отчаянной скачки. Эскадрон сопровождали несколько вьючных лошадей с запасом продовольствия для людей и драгоценного овса. Кони дозорных обычно кормились травой, за исключением редких случаев, когда у крестьян оказывалось возможным раздобыть фураж; однако для того, чтобы пасти лошадей, требовалось время, да и сил коням овес давал больше. За три дня пути запасы сильно уменьшились; завтра утром можно будет спрятать в укромном месте вьючные седла и заменить захромавших коней, так что продвижение отряда не будет замедляться необходимостью ехать верхом по двое. По крайней мере некоторое время.

Даг повел свой эскадрон на север от озера Хикори, чтобы выехать на большак, ведущий на запад, несмотря на уверения Сауна, что, как только они пересекут границы округа Олеана и окажутся в Рейнтри, он сможет показать более короткий путь. По расчетам Дага, теперь от лагеря Боунмарш их отделяло полдня езды на юг. Это было не то направление, откуда могла бы ожидать помощь – а с точки зрения Злого, нападение. Судя по рассказам перепуганных беженцев – Стражей Озера, по большей части женщин с детьми, – которых дозорные встретили вечером третьего дня пути, Злой устроил логово в Боунмарше. Временно, конечно. Даг ждал именно таких новостей. Теперь, когда он получил свежие сведения, пришло время начать осуществлять его план – никаких оправданий, никаких промедлений.

Даг вздохнул и двинулся по лагерю, иногда касаясь плеча того или другого дозорного: «Подойди через несколько минут к моему костру». Среди этих людей были Рази с Утау и, как ни жалел о такой необходимости Даг, Мари и Дирла. Даг хорошо представлял себе возможности воинов из других отрядов – не столько как лучников и фехтовальщиков, хотя все они были достаточно искусными, сколько обладателей Дара. Некоторые выступили в поход вместе с партнерами, хотя по большей части их супруги остались в лагере или отправились в дозор с другими отрядами.

«Им не понравится то, что предстоит». Что ж, хорошо бы, чтобы это оказалось самой худшей из их неприятностей.

Ночное небо тонуло в тумане, и видны были только немногие звезды; земля была пропитана влагой. Весь день накануне эскадрон скакал под непрекращающимся дождем; восточный ветер бросал капли в лицо всадникам. Ближайшие дни, на взгляд Дага, должны были оказаться ясными, хоть он и не был уверен, пойдет ли это на пользу дозорным или наоборот. Дозорные, которых позвал Даг, бесшумно собрались у еле тлеющего костра, подтащив бревна, чтобы не сидеть в грязи, и внимательно смотрели теперь на командира. Всего собралось шестнадцать человек: двенадцать тех, кого позвал Даг, двое командиров отрядов, и сам Дат с Сауном.

– Вот что, – начал Даг, сделав глубокий вдох, – мы сделаем завтра. Нам предстоит иметь дело со Злым, который не только достиг полной силы и стал подвижным, но и наверняка знает уже, что такое разделяющие ножи. Подобраться достаточно близко, чтобы убить его, будет гораздо труднее, чем обычно.

Саун пошевелился и снова замер на своем бревне, и Даг кивнул ему.

– Я знаю, Саун, ты недоволен тем, что мы не послали вести о своем прибытии, но

вестник ненамного опередил бы нас, а мне не хотелось отправлять одного человека через лес, где, возможно, полно глиняных людей. Мы на несколько дней опережаем подкрепления с востока; возвращающиеся курьеры, отправленные за дозорными из других лагерей, тоже отстают от нас, так что никто не знает, что мы уже здесь, – в том числе и Злой.

Даг сдержал желание расхаживать вокруг костра и продолжал стоять, слегка раскачиваясь на носках и стиснув правой рукой крюк за спиной.

– Я однажды видел, как разделались с таким же опасным Злым – на Волчьем перевале в Лутлии. – Молоды дозорные при этих словах насторожились, а немногие из тех кто был в курсе, понимающе закивали и стали слушать особенно внимательно. – Тогда стратегия состояла из двух частей, хотя так получилось отчасти случайно. Пока большинство наших воинов сражались с глиняными людьми и рабами Злого и тем привлекали к себе его внимание, небольшая групп воинов, особенно искусных в том, чтобы скрывать свой Даг пробралась к логову. В той группе было восемь пар дозорных, и у каждой был разделяющий нож. Приказ был такой: если один оказывался повержен, его напарнику не следовало оставаться с раненым, нужно было забрать нож и продолжать атаку. Если неудача выпадала обоим членам пары, то же самое должны были делать соседние пары. – Это, как прекрасно понимал Даг и все его слушатели, отличалось от обычной практики: дозорные никогда не оставляли своих. – Когда воины подобрались достаточно близко к Злому, чтобы рискнуть напасть на него, они так и сделали. – Там, на Волчьем перевале, в живых к этому моменту оставались четверо, как после битвы узнал Даг. – Так и удалось прикончить Злого. – Тем, конечно, дело не кончилось: еще несколько месяцев пришлось очищать окрестности.

– Но если Злой был так силен, разве не было опасности, что он вырвет Дар у тех, кто к нему подберется? – спросила Дирла. Если вопрос и был продиктован страхом, никто не мог этого определить: голос ее не дрогнул, а свой Дар содержала под жестким контролем.

– С некоторыми так и случилось, – прямо, ничего не смягчая, ответил Даг. – Однако я думаю, что мы можем прибегнуть к такой же тактике. Те силы, что собрались сейчас к югу от Боунмарша и пытаются защитить Крестьянскую равнину, будут играть роль отряда на перевале, привлекая к себе внимание Злого, а мы, – Даг обвел рукой лагерь, – нанесем неожиданный удар. Вас я отобрал за то, что вы лучше всех умеете контролировать свой Дар.

– Только не Саун! – возразила Дирла.

Юноша вспыхнул и бросил на нее сердитый взгляд.

– Нет, но он – наша ходячая карта. И еще – кто-то должен остаться с лошадьми. – Даг виновато посмотрел на юношу; тот поморщился, но не возразил.

– А остальная часть отряда? – спросил Обайо Грейхерон, один из командиров отряда.

– Вы дадите нам полдня форы, – повернулся к нему Даг. – К этому времени или все закончится – или командование перейдет к тебе, и ты сможешь попробовать что-нибудь еще, например, отправиться в объезд и соединиться с дозорными из Рейнтри.

Обайо опустил голову, мрачно обдумывая услышанное.

– Ты отправишься с... Ну да, конечно.

«Отправлюсь со скрыто подбирающейся группой», —мысленно договорил за него Даг. Все знали, что Дагу лучше всех в лагере удаются подобные уловки. Это заставляло задуматься – его самого, если не остальных, – потому ли он выбрал такую стратегию, что она давала наибольший шанс на успех, или потому, что в наибольшей степени соответствовала его личным склонностям.

«Что ж, если ты выиграешь, эти тайные сомнения не будут иметь значения. А также если проиграешь... Ты ничего не теряешь, старый дозорный. В определенном смысле».

Саун, который что-то чертил в высыхающей грязи каблуком своего сапога, поднял глаза.

– Немного жестоко в отношении тех, кто с боями отступает к Крестьянской равнине. Они даже не знают, что служат приманкой.

– Не знали этого и те, кто сражался на Волчьем перевале – сухо ответил Даг. И прежде чем Саун смог задать очевидный вопрос: «Откуда ты знаешь?», продолжил: – Саун, Содо,

Варлин – вы все хорошо знаете окрестности Боунмарша. Ну-ка, расскажите нам о них.

Обычная процедура: Даг отступил в тень, предоставив местным дозорным делиться знаниями; остальные принялись задавать им «подробные вопросы, склонившись над драгоценными пергаментными картами, и чертить палками на земле схемы, стирать их и чертить заново. Даг слушал так же или даже еще более внимательно, чем прочие, перебирая в уме тактические подходы; он печально признавался себе, что девять десятых планирования на практике окажется бесполезным.

Собравшимся хватало и мозгов, и опыта, так что Дагу почти не нужно было направлять подробное обсуждение; две неудачные идеи сразу же были отвергнуты Утау и Обайо еще до того, как Даг успел открыть рот, а три удачные, которые Дагу и в голову не приходили, обсуждались, пережевывались и улучшались почти без его участия. Мари, да благословят ее боги, взяла на себя трудную задачу – уговорить отдать разделяющие ножи двоих дозорных, которые не вошли в ударный отряд: иначе у шести пар, отобранных для тайного нападения, было бы всего четыре ножа. Напоследок дозорные по-новому разбились на пары, потом, молчаливые и задумчивые, отправились к своим кострам. Даг пожелал им выспаться лучше, чем это ожидало его самого.

Он вытянулся на спине на своем тонком одеяле, почти не защищавшем от холода и сырости земли, и стал высматривать звезды на затянутом тонкими облаками небе, стараясь успокоить поток мыслей. Не было смысла еще раз перебирать в уме планы на завтра – в десятый, а то и в двадцатый раз. Сегодня он сделал все, что мог, и только уснуть ему не удавалось. Когда Даг сумел изгнать из мыслей заботы об эскадроне, вернулась тоска по Фаун.

Он так привык за эти недели к ее обществу, как будто она всегда была рядом или заполнила какую-то пустоту в его душе, чего он ждал многие годы. Он научился находить наслаждение не только в ее упоительном теле, будившем желания, которые он считал притупленными временем, возрастом и усталостью, но и в сиянии ее широко раскрытых глаз, когда она задавала свои бесконечные вопросы, в решительной складке губ, когда перед ней вставала новая проблема, в ее беспредельном изумлении перед чудесами мира. И если ее жадное стремление все узнать в жизни было для него радостью, то его собственное, вновь пробудившееся, вызывало у него изумление.

Даг тревожно задумался над темной стороной этой блестящей монеты. Не пробудила ли вновь в нем женитьба страх смерти? Неизбежный конец так долго не казался ему ни другом, ни врагом, просто данностью, которую следовало принять и научиться жить с ней, как с отсутствующей рукой. Если человеку нечего терять, никакой риск не вызывает особой паники, а страх не туманит голову. Если такое безразличие превращало его в отточенный клинок, не затупился ли он теперь?

Правая рука Дага скользнула по груди и стиснула тяжелую тесьму, стягивавшую левую руку повыше локтя, вызывая обнадеживающий отзвук живого Дара Фаун. Да, теперь ему было что терять. Благодаря тени, которую отбрасывал его страх, Даг начал яснее видеть собственные желания, любопытство в отношении будущего, которое внезапно перестало быть ограниченным и неизбежным, а стало полным неизвестности, новых мест и людей, о которых он раньше и представления не имел.

«Проклятие, я хочу жить!»

Не лучшее время сделать такое открытие, а? Даг фыркнул с презрением к себе.

Чтобы не позволить своим мыслям снова и снова ходить по кругу, Даг прижал к груди левую руку, как ее бы она могла заменить ему отсутствующую Фаун, и решительно закрыл глаза. Летняя ночь коротка. На рассвете они поскачут на юг.

«Так позаботься о том, чтобы твое тело и твой разум ехали на одном и том же коне, старый дозорный».

«Прошло три дня, – думала Фаун. – Сегодня начнется четвертый». Кончилась ли схватка, да и началась ли, и там ли эскадрон Дага – где бы это «там» ни было? Где-то на западе, да, и он все еще жив – это-то свадебный браслет ей говорил. Лучше, чем полная неизвестность, но совершенно, совершенно недостаточно...

Фаун издали смотрела, как Каттагус усаживается за дощатым столом с ножом, шилом и кусочками оленьей кожи.

Сегодня утром ему предстояло сшить пару новых туфель для своей внучатой племянницы Тези – судя по тому, как та зачарованно сновала вокруг и хихикала, когда старик, примерив ее ножку к куску кожи, пощекотал девчужке пятку. Может быть, его правая рука и совершенно случайно коснулась левого запястья, прежде чем он наклонился вперед и начал кроить...

Фаун потянулась, прислонившись спиной к стволу яблони, и заставила себя снова взяться за вязание. Без двоих детишек Сарри лагерь в эти дни показался бы ей невыносимо тихим. Впрочем, когда они позавчера на несколько часов исчезли, беспокойство никак не помогло Фаун почувствовать себя лучше. Малышей нашел сосед, которого привлекли на помощь в поисках, в лесу почти на противоположном конце острова – они отправились в путешествие с целью найти своих отцов. С детской точки зрения, решила Фаун, Рази и Утау были прекрасными товарищами по играм, исчезающими так же загадочно, как и появлялись, и многократно повторенные объяснения Сарри о том, что мужчины отправились в дозор, были столь же невразумительны для них, как если бы та сообщила, что Рази и Утау улетели на луну.

Месячные Фаун начались на следующий день после отъезда Дага; это не было неожиданностью, но послужило неприятным напоминанием о слишком многих разочарованиях. Сарри показала Фаун, как местные женщины пользуются в таких случаях духом рогоза, набивая им тряпичные мешочки; его потом можно было выкинуть в отхожее место, что делало стирку мешочков не таким утомительным делом. Это, конечно, утешало, но не слишком, и Фаун провела два унылых дня, почти не вставая, прядя пряжу и безуспешно гадая, просто ли ей не повезло с судорогами или они свидетельствуют о каком-то повреждении – следствии нападения Злого; она жалела, что рядом нет Мари, которую можно было бы спросить, но грызущая боль наконец отступила, и страхи прекратились вместе с кровотечением. Сегодня она чувствовала себя гораздо лучше.

Последний ряд. Фаун аккуратно закрыла петли и разложила новую пару связанных из хлопковой нити носков на колене. Они получились хорошо: несколько упущенных петель были вовремя пойманы, пятки оказались на месте, да и вообще даже ее братья не стали бы грозить надеть такие носки на петуха. Фаун улыбнулась, вспомнив, как рассерженная птица разгуливала по двору в бесформенных шерстяных одежках, хотя сама Фаун тогда испытывала еще большую ярость, чем петух.

Фаун проскользнула в шатер, расчесала свои непослушные кудри и завязала их лентой, потом нашла в своем рукоделии кусочек цветной нитки и перевязала ею новые носки, чтобы они в большей мере выглядели как подарок. Расправив плечи, Фаун двинулась по дороге в сторону шатра Камбии Редвинг.

Ночью западный ветер принес дождь, и высокие деревья роняли с ветвей сверкающие капли. Эскадрону Дага, должно быть, пришлось скакать в такую же непогоду, решила Фаун, хотя она и не могла знать, застал ли их ливень на открытой местности или в укрытии. Хотя все еще было сыро, Камбия, как еще издали увидела Фаун, работала снаружи, сидя на кожаной подушке, положенной на неизбежный чурбак около дощатого стола. На ней было не доходящее до колен платье без рукавов, которое, по-видимому, было обычной одеждой здешних женщин летом, – из выцветшей фиолетовой ткани, окрашенной какой-то растительной краской. Худая прямая фигура слегка согнулась, серебряная голова склонилась над работой. На столе перед Камбией лежали пряди длинных волокон кидальника, и старая женщина расчесывала их гребнем с четырьмя зубцами, а потом плела из них прочную и легкую веревку, которыми пользовались все Стражи Озера, Как Фаун и надеялась, ни Дора,

ни Омбы поблизости видно не было – Дор, должно быть, ушел в свою рабочую хижину, а Омба отправилась на остров Кобылы.

Камбия подняла глаза и нахмурилась, увидев приближающуюся Фаун. Впрочем, ее руки, такие же натруженные, как у любой крестьянки, продолжали умело переплетать волокна.

Фаун сделала книксен и сказала:

– Как поживаете? Прекрасное сегодня утро.

Ответом ей было молчание. Ничего хорошего это не сулило, но Фаун и не ожидала, что ей все дастся легко.

– Я связала для Дага пару тонких носков, чтобы он надевал их с сапогами для верховой езды, и они ему очень понравились. Так что я связала пару и для тебя тоже. – Она протянула свой сверточек. Камбия не сделала никакой попытки взять его; если бы Фаун предложила ей протухшее тельце белки, найденное в лесу, выражение лица Камбии было бы таким же. Фаун положила носки рядом с пучками волокон кидальника и отступила на шаг, стараясь удержаться от того, чтобы не повернуться и не обратиться в бегство. Ей нужно было добиться какого-то ответа – не только этого мертвого взгляда. – Я была рада, что ты пришла проводить Дага. Я знаю, ты хотела, чтобы он стал командиром.

Руки Камбии закончили расчесывать пучок волокон, замерли и с резким стуком положили деревянный гребень на стол. Выражение лица Камбии стало еще более недовольным.

Когда она заговорила, казалось, что слова кто-то вытягивает из нее насильно.

– Но не так.

– А как же еще это могло произойти? Мне кажется, предложение очень подошло Дату.

– Все вышло не так. – Камбия шумно выдохнула воздух. – Да с этим мальчишкой иначе и не бывает. Сколько же огорчений и печали он принес мне – с самого начала и до конца – и не сосчитаешь. – Взгляд, который она бросила на Фаун, не оставлял сомнений в том, что Камбия считает последним пунктом этого списка.

«По крайней мере она начала со мной разговаривать».

– Что ж, самые близкие люди обычно и огорчают нас больше всего – насчет других нам было бы все равно. Только Даг и добро творил – хотя бы двадцать семь убитых Злых. Ты должна этим гордиться.

Камбия поморщилась.

– О, в дозоре он отличился, тут ничего не скажешь, но этого успеха он добился к двадцати пяти годам. Вот в лагере он своим долгом пренебрегал, как будто воинские заслуги снимали с него ответственность за все остальное. Если бы он женился, когда это следовало сделать, давным-давно, мы не влипли бы в эти неприятности сейчас.

– Он однажды был женат, – пробормотала Фаун, пытаясь говорить с достоинством. – Как раз вовремя для Стража Озера, как мне кажется. Это обернулось мучительной трагедией, которая все еще его преследует.

– Он не первый и не последний, кому так не повезло. Очень многие потеряли близких от клыков какого-нибудь Злого. – И Камбия тоже из их числа, напомнила себе Фаун. – У него было восемнадцать лет, чтобы утешиться.

– Значит, – Фаун сделала глубокий вдох, – похоже, это ему не удалось, верно? Вы все пытались его утешить, и у вас было много времени. Может быть, теперь пришла очередь кого-то еще.

– Твоя очередь? – фыркнула Камбия.

– Похоже на то. Я вот что скажу: я не отняла у тебя ничего, что тебе принадлежало бы. Когда мы повстречались, у Дага не было другой нареченной, кроме смерти, насколько я могу судить. И если он лишился своей одержимости, так это хорошо!

Камбия выпрямилась, теперь все ее внимание было сосредоточено на Фаун. Такое ощущение не было особенно приятным, но по крайней мере Фаун удалось заставить свекровь перестать притворяться, будто ее вообще не существует.

– Вы оба упрямые, – продолжала Фаун. – Думаю, Даг унаследовал это от тебя, сказать по правде. Кто-то же должен проявить гибкость, прежде чем произойдет беда. – «Например, разобьются сердца». – Прошу тебя, не могла бы ты сделать так, чтобы Дагу не пришлось предстать перед советом лагеря? Добром это не кончится.

– Да – для тебя. – В голосе Камбии, как ни странно, прозвучало скорее равнодушие, чем злорадство.

Фаун подняла подбородок.

– Ты в самом деле веришь в то, что Даг согласится разорвать узы, если его загонят в угол? Что он нарушит слово? Странного же ты мнения о своем сыне, хоть и знаешь его так долго.

– Я думаю, что он в душе будет испытывать облегчение от того, что освободится от своей неуместной клятвы тебе, девушка. Конечно, он будет испытывать смущение и возмущаться – мужчины всегда так себя ведут, когда проштрафятся. Но в конечном счете он будет рад, что его спасли от последствий его ошибки, и еще более рад оттого, что ему не пришлось делать это самому.

Фаун закусила губу.

«Значит, ты думаешь, что твой сын не только лжец, но и трус?»

Вслух этого Фаун не сказала. Ее потрясло смутное ощущение правдоподобия в доводах Камбии.

«Я знаю его пол-года... А она знает его всю его жизнь».

Фаун вцепилась в тесьму на своем левом запястье, чтобы почерпнуть в ней утешение и мужество.

– А что, если он выберет изгнание?

– Не выберет. Ни один Страж Озера такого не сделает. Он вспомнит, каков и в отношении кого его долг.

Даг всегда старался держаться как можно дальше от своей семьи, и Фаун начинала понимать почему. Люди все время покидают родительские семьи – для мужчины, Стража Озера, это так же обычно, как для крестьянской девушки. Иногда это прямой путь к тому, чтобы стать взрослым, как женитьба Дага на девушке из Лутлии; он явно не собирался возвращаться к матери после того, как женился на Каунео. Иногда родительская семья оказывалась невыносимой, и изменить в этом ничего было нельзя, можно было только сбежать от нее, и Фаун начала подозревать, что данное обстоятельство играло роль и при первом браке Дага. Наконец Фаун сказала:

– Кто настаивает на этой разборке в совете – ты или Дор?

– Семья едина в своем стремлении выволить Дага из этой – признаю, выбранной им добровольно – западни.

– Думаю, что Дор понимает, что вы совершаете ошибку. И если он говорит тебе иное, то он лжет.

Камбия посмотрела на Фаун с некоторым изумлением.

– Послушай, крестьянка, я Страж Озера. Я знаю, когда кто-нибудь лжет.

– Значит, он обманывает себя. – Фаун попыталась подойти с другой стороны. – Все это мучает Дага. Я вижу, как он напряжен. Неправильно было отправлять его в поход с таким грузом у него на душе.

Камбия подняла брови.

– Так чья же в том вина? Чтобы разрывать человека на части, нужно, чтобы его тянули в разные стороны двое. Решение очень простое. Отправляйся обратно на свою ферму. Тебе здесь делать нечего. Отсутствующие боги, девушка, ты даже не можешь как подобает держать в узде свой Дар. Ты как будто все время разгуливаешь обнаженной, тебе хоть это известно? Или Даг ничего тебе не сказал?

Фаун поморщилась, и на лице Камбии на мгновение появилось победное выражение. В неожиданном приступе паники Фаун начала гадать, не читает ли свекровь ее Дар с такой же легкостью, как Даг?

«Если так, она сумеет расколоть меня изнутри с такой же легкостью, как топор раскалывает полено».

Камбия склонила голову к плечу и прищурилась; ее следующие слова прозвучали, как прямой ответ на мысль Фаун:

– Какой прок Дагу от такой глупой и невежественной жены? Ты всегда здесь будешь делать не то, что надо, ему постоянно придется тебя стыдиться. Он может быть слишком упрямым, чтобы это признавать, но в душе он будет корчиться. Ты родишь детей со слабым Даром, неспособных выполнять даже самые простые задания. Если, конечно, твое оскверненное чрево вообще окажется способно давать потомство. Что ж, признаю: сейчас ты хорошенькая, но и это ненадолго: ты быстро постареешь, как и весь твой род, станешь глупой и толстой, как любая крестьянка. А Дагу только и останется, что раскаиваться в своей глупости.

«Она прошупывает меня».

Использует не факты, которые и не могут ей быть известны, а пытается использовать собственные страхи Фаун. Тем не менее воображение Фаун издевательски показало ей маму Блуфилд и тетушку Нетти, расплывшихся с возрастом. Полдюжины шпилек, полдюжины метких ударов – нет, Камбия действовала не вслепую.

«И все же я чем-то тоже ее задела, раз она так жестоко контратакует».

Фаун вспомнила слышанное в Глассфордже описание того, как устраивают дуэли свирепые речники. Их запястья связывают сыромятными ремнями, а в оставшиеся свободными руки дают ножи, так что сражающимся приходится кружить вокруг друг друга, не имея возможности отдалиться и оставаясь в досягаемости для удара противника. Их противостояние с Камбией напоминало такую схватку. Доведенная до отчаяния поведением собственной семьи, Фаун не поверила словам Дага о том, что его родственники окажутся еще хуже; если от ее родичей можно было ожидать синяков и подножек, то удары Камбии и Дора рассекали плоть до кости. Может быть, Даг был прав, когда говорил, что лучшее общение с ними – никакого общения.

«Я пришла сюда не для того, чтобы ругаться со старухой, я хочу добиться перемирия. Так почему же я позволяю ей вовлекать меня в войну?»

Фаун сделала глубокий вдох и сказала:

– Даг самый правдивый человек из всех, кого я знаю. Если у нас возникнут трудности, он мне о них скажет, и мы вместе найдем выход.

– Ха! – Камбия откинулась на своем чурбаке. Фаун почувствовала неожиданную и резкую перемену в ее настроении, но это ее не обнадежило. – Что ж, позволь мне сказать тебе правду насчет дозорных, девушка, – я была замужем за одним из них. Я сестра, дочь и мать дозорных, я и сама с ними ездила, когда была в твоём возрасте, тысячу лет назад. Мужчины и женщины, молодые и старые, щедрые и жадные – в одном все они одинаковы. Стоит им увидеть своего первого Злого, и они не расстаются с дозором, если только не становятся калеками или не гибнут. Они не отдают предпочтения перед этим никому и ничему. Мари – любой разумный человек сказал бы, что ей следует оставаться в лагере и ухаживать за Каттагусом, – но она отправляется в поход. И он ей в этом потакает, ведь он и сам такой же. Отец Дага тоже от них не отличался. Да и все они... Не думай, будто я ожидаю от Дага разрыва уз с тобой из уважения ко мне или Дору или кому-то, кто поддерживал его всю его жизнь.

Результат-то один: если Даг не особенно тебя любит, он отправится в дозор; если он любит тебя больше всего на свете – он отправится в дозор, потому что ты в центре того мира, который он должен спасти, и если он не спасет мир, он и тебя не спасет. Когда Громовержец примчался к нему с новостями из Рейнтри, долго ли твой любимый колебался, прежде чем решил уехать и оставить тебя? Совсем одну, без друзей и родственников?

«Не слишком долго».

Вслух этого Фаун не сказала – у нее слишком пересохло во рту.

– И никакой разницы не было бы, будь ты Стражем Озера по рождению или в сто раз

красивее, мучайся ты родами или рыдай у постели умирающего ребенка. Дозорные все равно уезжают. Ты не сможешь удержать Дага. – Камбия бросила на Фаун холодный взгляд, медленно моргая, как змея. – Я тоже не могла. Так что забирай свое дурацкое вязание и убирайся.

Фаун сглотнула.

– Это хорошие носки. Может быть, Омба захочет их носить...

Камбия выпятила вперед подбородок.

– Ты глуховата, девушка, да? – Она схватила маленький сверток и кинула его на тлеющие угли очага в нескольких ярдах от себя.

Фаун чуть не вскрикнула.

«Работа трех дней!»

Она кинулась за носками. Они еще не загорелись, но сухой хлопок начал дымиться на раскаленных углях, а кончик нарядной цветной нитки, которой носки были перевязаны, начал рассыпать яркие искры, а потом свернулся и почернел. Фаун наклонилась и выхватила носки из очага, отряхнула золу и искры с потемневшего края, судорожно втянув воздух, когда ее пальцы ощутили ожог. На ее синей юбке остались грязные пятна там, где ее колени коснулись мокрой земли, и Фаун попыталась оттереть их, с беспомощным гневом глядя на Камбию.

Не только боль от ожога вызвала слезы на глазах Фаун. Она выдохнула:

– Даг так и говорил: бесполезно пытаться с тобой разговаривать.

– Следовало его послушать, не так ли? – сказала Камбия; лицо ее было совершенно лишено выражения.

– Наверное, – коротко бросила Фаун. Ее замечательная теория о том, что если Камбия выговорится, это разрядит атмосферу, теперь казалась ей удивительно глупой. Ей хотелось, уходя, бросить через плечо что-нибудь презрительное, чтобы оставить за собой последнее слово, но ей было слишком больно и ничего придумать не удавалось. Ей хотелось только как можно скорее оказаться где-нибудь подальше.

– Ну так уходи, – сказала Камбия, как будто подслушав ее мысли.

Фаун стиснула в необожженной руке вязанный комочек и пошла прочь. Она не позволила своим плечам поникнуть до тех пор, пока деревья не скрыли ее; к тому же ей пришлось обходить лужи на лесной дороге. Она испытывала тошноту, и остров неожиданно показался ей унылым и чужим, враждебным и тесным, несмотря на яркое утреннее солнце... гнетущим, как дом, превратившийся в тюрьму. Фаун сердито шмыгнула носом, чувствуя себя глупой... глупой... глупой... и вытерла слезы тыльной стороной руки; потом до нее дошло, что соленая влага может охладить ее обожженные пальцы. Покраснели три из них, и на одном, как показалось Фаун, начал вздуваться волдырь. Мама или тетюшка Нетти смазали бы ожоги маслом, утешили бы, может быть, поцеловали. Насчет масла Фаун не была уверена – да и во всяком случае в ее небольшом запасе продовольствия его не имелось, – но остальных целительных составляющих ей ужасно не хватало.

«Никогда мне этого не видать, никогда больше...»

Эта мысль заставила Фаун захотеть завывать гораздо сильнее, чем боль от ожогов.

Она отправилась к Камбии, чтобы попытаться уничтожить сам источник неприятностей с советом лагеря. Чтобы спасти Дата. Ей это не только не удалось, она, наверное, сделала все еще хуже. Камбия и Дор теперь точно узнали, какой легкой добычей является крестьянка – жена Дага.

«И почему я решила, что смогу ему помочь? Какая глупость...»

На ее домашней лужайке – лужайке Мари и Сарри, поправила себя Фаун – Каттагус все еще возился с кожей, держа маленький башмачок у самых глаз и протягивая сырмятные ремешки через отверстия, проколотые шилом. Тези куда-то убежала, но Каттагусу приходилось присматривать за ее братишкой, развлекавшимся в небольшом загоне с двумя перепуганными черепаками: он стучал по панцирям и уговаривал животных вылезти. Когда Фаун вышла на лужайку, Каттагус отложил работу и проницательно посмотрел на нее. Фаун

вспомнила шпильку Камбии – что она разгуливает голой, – и подумала, что, наверное, все ее старания держаться мужественно бесполезны, если любой Страж Озера, взглянув на нее, видит, как она расстроена и растеряна.

К ее удивлению, Каттагус поманил ее к себе. Когда Фаун подошла к столу, Каттагус, опершись на локоть, бросил на нее довольно насмешливый взгляд и пропыхтел:

– И где же это ты была, девонька?

– Ходила, чтобы поговорить с Камбией, – призналась Фаун. – По крайней мере пыталась.

– Пальцы обожгла, да?

Фаун поспешно убрала руку, которую только что лизала, за спину.

– Она кинула в очаг носки, которые я связала ей в подарок. Наверное, мне следовало просто позволить им сгореть, но уж очень жалко мне стало своих трудов.

– Это их ты вязала последние три дня?

– Ну да.

– Хм-м... Ну-ка, посмотрим... Нет, девонька, на ожог, – нетерпеливо добавил Каттагус, когда Фаун протянула его носки. Она показала ему другую руку; старик взял ее в сухие негнущиеся пальцы и слегка склонил свою седую голову. Он, как всегда, был только в обрезанных штанах и сандалиях, своей обычной летней одежде, и до Фаун донесся его запах – слабая смесь запаха старости и озерной ряски, очень типичный для него. Не будет ли так же пахнуть Даг, когда состарится? Фаун подумала, что, пожалуй, научится находить этот запах приятным.

Пока Каттагус массировал ее ладонь, Фаун смотрела на свое отвергнутое вязанье.

– Как ты думаешь, может, эти носки понравятся Мари? Они слишком большие для меня и слишком маленькие для Дага, но их удобно надевать с сапогами для верховой езды. Если гордость позволит Мари принять подарок от глупой крестьянки, – с горечью добавила Фаун, – к тому же отвергнутый Камбией.

– Это обстоятельство может как раз оказаться приманкой, – сказал Каттагус со своим свистящим смехом.

Старик отпустил руку Фаун; пальцы больше не болели. Фаун взглянула на ожог: краснота исчезла, на месте намечавшихся волдырей была розовая кожа.

«Он так же исцеляет Даром, как и Даг», – подумала Фаун.

– Спасибо тебе, – с благодарностью сказала она.

Каттагус кивнул, взял носки и положил их рядом с обрезками кожи, показывая тем самым, что принимает подарок, и у Фаун на глаза снова навернулись слезы.

Она собралась уходить, но повернулась к старику и выпалила:

– Камбия сказала, что, раз я не могу скрывать свой Дар, это все равно что ходить голой.

– Ну, – задумчиво протянул Каттагус, – сама-то Камбия уж очень зажата... полна того, что не хочет показывать другим. Обычно в нашем возрасте люди перестают обращать на это внимание и просто остаются самими собой.

Фаун склонила голову к плечу, обдумывая услышанное.

– На фермах старики тоже так себя ведут – по крайней мере некоторые. Ну, не с Даром, конечно, а в отношении одежды и того, что они делают и говорят.

– Боюсь, Камбия все еще пытается управлять миром. Она была безжалостной дозорной... Слава отсутствующим богам, что она стала мастерицей. – Каттагус впал в задумчивость, должно быть, вспоминая свою молодость и совместные походы с Камбией, и его передернуло.

– А что она изготавливает?

– Веревки, которые не рвутся. Они, понимаешь ли, очень нужны тем, кто плавает на лодках... ну и для других целей.

– Ох... Значит, я прервала ее магию, когда... э-э... явилась?

– Ничего страшного, если и так. Она уже так давно этим занимается, что, когда к ней приходят те, кого она хочет видеть, даже не замедляет плетения.

– Ну, меня-то она видеть не хотела, – вздохнула Фаун. Она заморгала, пытаясь поймать ускользающую мысль. – Так и Стражи Озера живут, не закрывая своего Дара?

– Если они отдыхают или желают в полной мере воспринимать окружающий мир, то да. К тому же у очень многих Дар действует только на коротком расстоянии, так что ты, так сказать, оказываешься вне их поля зрения, стоит тебе хоть немного отойти, даже если ты пылаешь, как пожар. Однако все живущие поблизости, за исключением детей, воспринимают Дар на большом расстоянии.

У Фаун неожиданно возникла ужасная мысль...

– А когда Даг и я... когда Даг открывается передо мной... мы... э-э...

Фаун умолкла, но это не помогло: Каттагус ехидно усмехнулся. Не было ни малейшего сомнения в том, что он очень хорошо ее понял.

– Что касается меня, то я аплодирую Дагу, хоть Мари меня за это и пинает. Женщины из рода Редвингов – суровый народ, скажу я тебе. – Лукаво глядя на залившуюся румянцем Фаун, старик добавил: – Это все одышка – она мешает мне самому делать то же самое. Я мало что теперь могу, кроме как приветствовать более везучих мужчин.

Фаун покраснела еще сильнее, хоть смутно и поняла: Каттагус прибег к этому откровенному признанию, чтобы сравнять счет. Жестокость и доброта – как могло так много и того, и другого уместиться в одно утро?

– Люди есть люди, – глубокомысленно изрекла Фаун.

Каттагус кивнул.

– И всегда ими были и всегда будут. Вот так-то лучше.

Только тут Фаун заметила, что успокоилась; горло у нее больше не перехватывало. Коснувшись тесьмы на левом запястье, она спросила Каттагуса:

– С Мари сегодня утром тоже все в порядке?

– Пока да. – Старик, прищурившись, посмотрел на свадебный браслет Фаун. – Даг что-то сделал с ним? Или... с тобой?

Фаун кивнула, хотя воспоминание о том, при каких именно обстоятельствах это произошло, заставило ее снова покраснеть. Однако Каттагус, хотя он мог быть догадливым и бесцеремонным, не стал выпытывать у нее интимные подробности.

– Я заставила свой Дар войти в браслет Дага при помощи... одной уловки, когда мы плели тесьму, но чувствовать Дар Дага я не могла. Поэтому он что-то сделал с моим браслетом, усилил в нем Дар, что ли, прежде чем уехать. Так хорошо знать, что, если понадобится, я смогу его найти... как и он меня, наверное.

Каттагус открыл рот, собираясь что-то сказать, передумал и только заморгал.

– Как это?

Фаун подняла руку, закрыла глаза и стала медленно поворачиваться. Когда она снова открыла глаза, оказалось, что она повернулась лицом на запад.

– Вон там... Чувство, довольно смутное, но, думаю, если бы я оказалась поближе, я лучше ощущала бы, где он находится. Так и получилось тем утром, когда он еще был поблизости. – Взглянув на Каттагуса, Фаун с удивлением обнаружила, что тот озадаченно поднял брови. – Разве браслет так действует не у всех?

– Нет.

– Ох...

Каттагус потер нос.

– Думаю, не над браслетом он поработал на самом деле. Лучше не говорить никому о таком трюке, пока он не вернется.

– Почему?

– Н-ну... Скажем так: если Даг пожелает еще больше углубить свои противоречия с советом лагеря, пусть уж он сам решает, как это сделать.

В словах Каттагуса явно был какой-то скрытый смысл, но какой именно, догадаться Фаун не могла.

– Хорошо, – послушно согласилась она, но не утерпела и снова повернулась лицом на

запад. – Как ты думаешь, когда они вернутся?

Каттагус пожал плечами.

– Откуда мне знать? – Однако, судя по глазам, он слишком много знал...

Фаун кивнула – не столько соглашаясь с неопределенностью, сколько выражал молчаливую симпатию, – и направилась к собственному шатру. Ей нужно было придумать новое занятие своим рукам. Только не вязание... Солнце стояло в зените, и Фаун пожелала, чтобы оно освещало дорогу Дагу, куда бы та ни вела.

«Мертвая тишина», – подумал Даг; никогда еще это выражение не казалось ему более верным.

Жаркое летнее солнце освещало совершенно зимний ландшафт. Болотистая равнина, открывшаяся взору Дага, выглядела как после недели убийственного мороза. Вместо высоких зарослей зеленого тростника лежали груды поникших и перепутавшихся побуревших стеблей. Посаженные рядком осокори, за которыми укрывался отряд Дага, казались призраками; их пожелтевшие листья один за другим, кружась в неподвижном воздухе, бесшумно падали на землю. Воздух был жарким, влажным и душным, как всегда летом в Рейнтри, но в нем не гудели и не пищали насекомые, не перекликались птицы. Да, это было истинное опустошение, раз даже москиты подошли и теперь плавали среди длинных прядей пожухлых водорослей на неподвижной воде. Среди этого унылого мусора желтели панцири пары мертвых черепах. Синее небо, отражавшееся колышущимися полосами в воде, странно контрастировало с серой пеной.

Мертвая грязь чавкала под ногами Дага, хотя и не высасывала его Дар, как бывало при соприкосновении с почвой, долго подвергавшейся воздействию Злого. Более того: Даг не чувствовал той сухой дрожи в диафрагме, похожей на отзвук сильного удара в живот, которая говорила бы о близости логова Злого. Даг осторожно выпрямился, чтобы лучше рассмотреть развалины стоявшего на берегу селения Стражей Озера, отделенного от отряда четвертью мили открытой воды.

Скорчившись среди увядшего и увядающего камыша, Мари прошипела предостережение.

– Его здесь нет, – выдохнул в ответ Даг.

Мари, хмурясь, кивнула, но все же прошептала:

– А его рабы могут еще оставаться поблизости.

Даг рискнул чуть-чуть приоткрыть свой Дар; ему пришлось сглотнуть, чтобы преодолеть тошноту, вызванную тяжелой нагрузкой на него, которую порождало осквернение земли Злым. Только убедившись, что его не вырвет, Даг приоткрыл Дар немного больше. Ему не удалось обнаружить поблизости ничего живого, кроме нескольких черных дроздов; птицы улетели от опасности, а теперь вернулись и напрасно искали своих супругов или гнезда.

– На милю вокруг нет ничего живого... нет, подожди! – Даг снова опустился на корточки. В сотне шагов от деревни, на сыром берегу что-то задело его восприятие – знакомый сгусток искаженного Дара, словно стекающего к одному месту, как вода, просачивающаяся сквозь землю. Даг прищурился и обследовал окрестности внимательнее.

Мне кажется, там, за селением, питомник глиняных людей. Впрочем, сейчас охраны около него не заметно... но есть кое-что еще.

Мари еще больше нахмурилась.

– Можно было бы ожидать, что уж питомник-то будет охраняться.

Даг обдумал возможность хитро устроенной ловушки. Допустить такое – значило, пожалуй, приписать этому Злому слишком большую проникаемость. Он сделал Мари знак, и та передала безмолвный сигнал остальным. Дозорные стали красться дальше, мучительно медленно, используя любое укрытие; им предстояло обойти эту похожую на озеро часть большого болота, чтобы добраться до развалин покинутой деревни.

Около сотни шатров стояли на берегу изолированными группами, в которых жили

отдельные кланы; до недавнего времени они давали приют тысяче Стражей Озера. Еще не менее тысячи жителей обитали вокруг болота более разбросанно. В селении десятков шатров сгорел дотла, и только недавний дождь погасил тлеющие угли. Всюду были видны следы поспешного бегства, однако, помимо сожженных строений, особых бессмысленных разрушений Даг не заметил. Он не заметил и трупов и не уловил запаха тления, хотя это было слабым утешением: лишенные Дара тела иногда очень медленно разлагались. Все же Даг позволил себе надеяться на то, что большей части жителей удалось спастись и отступить на юг: Стражи Озера знали, как мгновенно сняться с места и бежать. Потом Даг подумал о том, как сейчас выглядит маленький крестьянский городок, рядом с которым, как считалось, вывелся Злой.

«Что стала бы делать Фаун, если бы...» Даг резко оборвал лишнюю мысль.

Он добрался до бревенчатой стены крайнего уцелевшего шатра и нерешительно посмотрел оттуда в сторону заболоченного участка шагах в ста от него. Густая поросль деревьев – ивы, молодых ясеней, зловещего вида колючей тедичии – скрывала что-то темное, что Даг едва мог различить обычным зрением. Он снова воспользовался Даром, поморщился и поспешно восстановил защиту.

– Мари, Кодо, ко мне, – бросил он через плечо.

Мари оказалась рядом тут же; Кодо, самый старший из дозорных, если не считать Мари, через мгновение скользнул вперед и присоединился к ним.

– Там кто-то есть под деревьями, – пробормотал Даг. – Не глиняные люди, не рабы-крестьяне... Думаю, это кто-то из нас. Случилось какое-то ужасное несчастье.

– Живые? – спросила Мари, всматриваясь в тень под деревьями. Полдюжины человеческих фигур не шевелились.

– Да, но... Воспользуйтесь своим Даром. Посмотрим, не увидите ли вы чего-то знакомого. – «Потому что мне кажется, что я узнаю».

Кодо с сомнением посмотрел на Дага из-под седых бровей, молча напоминая ему о неоднократно повторенном приказании не пользоваться Даром без прямого распоряжения командира. Оба они с Мари сосредоточились на загадке – сначала с открытыми, потом с закрытыми глазами.

– Никогда ничего подобного раньше не видела, – пробормотала Мари. – Они без сознания?

– Их Дар заперт?.. – предположил Кодо.

– Ах... да. В этом-то и дело, – сказала Мари. – Но почему они...

Даг снова пересчитал фигуры – шестерых он видел глазами, но Даром воспринимал пятерых. Это означало, что одна из фигур – труп.

– Думаю, они привязаны к тем деревьям. – Он повернулся к напарнице Мари Дирле, встревоженно смотревшей в их сторону. – Все остальные остаются на месте. Кодо, Мари, пойдете со мной.

Между последним шатром и порослью деревьев укрытия не было. Дат решил отказаться от попыток остаться незамеченным и открыто двинулся вперед; Мари и Кодо шли следом за ним.

Стражи Озера из Боунмарша действительно оказались привязаны к самым толстым стволам; кто-то из них лежал, кто-то наполовину висел. Все они были, казалось, без сознания. Трое немолодых мужчин и три женщины, выглядевшие скорее как мастера, а не как дозорные, если Даг правильно оценил их внешность и остатки одежды. На некоторых были следы борьбы – синяки и порезы, на некоторых – нет. Одна из женщин была мертва; Даг заколебался, но все же коснулся ее восковой руки, чтобы определить, наступило ли окостенение, и узнать, давно ли она умерла. Не очень давно, решил он.

«Ты снова опоздал, старый дозорный...»

Кодо яростно зашипел, вытащил нож и потянулся к веревкам, связывавшим пленников.

– Подожди, – остановил его Даг.

– А? – недовольно повернулся к нему Кодо.

– Даг, что это? – спросила Мари. – Ты знаешь?

– Думаю, что да. Злой должен оставаться рядом с питомником глиняных людей, чтобы они продолжали расти, но часть его остается связана с логовом, даже когда он перестает быть неподвижным. Этот Злой стал достаточно силен для того, чтобы... передоверить часть работы. Он оставил этих Стражей Озера – мастеров – заботиться о глиняных людях, пока сам он... отправился в другое место. – Даг обеспокоенно посмотрел на юг.

Кодо выпятил губы и беззвучно свистнул.

– Можем мы разрушить оковы на их Даре? – спросила Мари; глаза ее сузились.

– Не уверен... но подожди. Чего я не знаю – это насколько сильна связь Злого с ними и далеко ли он сейчас. Если мы что-то сделаем с ними, с их Даром, это может выдать наше присутствие здесь.

– Даг, не можешь же ты думать о том, чтобы бросить их, – в ужасе пробормотал Кодо. Мари казалась не столько шокированной, сколько опечаленной.

– Подожди, – повторил Даг и двинулся в сторону болота. Двое дозорных обменялись взглядами и последовали за ним.

В мокрой почве через каждые несколько футов виднелись углубления, похожие на ямки, выкопанные играющими детьми. Из середины каждого торчали носы, отчаянно втягивавшие воздух. Даг узнал мускусную крысу, енота, опоссума, бобра, даже белку и неторопливую холодную черепаху. Все они уже начали терять свою первоначальную форму, как гусеницы, превращающиеся в куколки, но ни одно животное еще не доросло до размера человека. Даг насчитал около сорока будущих глиняных людей.

– Как удачно, – сказал Кодо, глядя на них с зачарованным отвращением. – Мы можем перебить их в их норах. Избавит нас от мороки в будущем.

– Эти твари не будут готовы еще несколько дней, а то и недель, – сказал Даг. – Сначала нужно разделаться со Злым – тогда его будущие подручные подохнут на месте.

– Что ты задумал, Даг? – спросила Мари.

«Я размышляю о том, как мне не хотелось становиться командиром, – из-за решений вроде этого».

Даг вздохнул и сказал:

– Остальной отряд отстает от нас на полдня пути. Думаю, что, если мы сможем напоить этих бедняг, они продержатся до ночи, а тогда их вместо нас освободит Обайо. Так мы не выдадим себя Злому. Даже наоборот: он будет думать, что основной отряд – это и есть все преследователи.

– Как ты думаешь, насколько далеко от нас сейчас Злой? – спросил Кодо.

Даг покачал головой.

– Мы, конечно, поищем следы, но едва ли больше, чем на день пути. Ясно, что Злой собрал все свои силы и поспешил на юг. Мне кажется, это означает, что он собрался напасть.

«Это также означает, по-моему, что особенно оглядываться назад он не будет».

– Ты собираешься его преследовать – со всей доступной нам скоростью, – сказала Мари.

– У кого-нибудь есть лучшая идея?

Оба его спутника печально покачали головами.

Они вернулись к остальным, спрятавшимся между строениями деревни. Даг послал двоих дозорных за Сауном и лошадьми, а нескольким человекам велел поискать следы пребывания в окрестностях Злого. К тому времени, когда Саун и посланные за ним прибыли с конями, Варлин нашла в чаще место, где подручные Злого устроили свое последнее пиршество – кости животных и людей вперемешку, частью обугленные, частью разгрызенные. Судя по останкам, Даг насчитал дюжину погибших, но не больше. Он изо всех сил старался держаться за это «не больше» как хоть за какую-то надежду, но такое ему плохо удавалось. К счастью, никто из дозорных, лучше всех знающих лагерь Боунмарш, не смог среди изуродованных тел узнать знакомых. Даг решил, что похоронить их сможет Обайо и его дозорные.

Передовой отряд Дага отчаянно рвался в бой. Идея о том, чтобы тихо и быстро перекусить, не вызвала одобрения, особенно у тех, кто видел место расправы над пленниками; у Дага тоже не было желания медлить, тем более что яростные споры о том, не следует ли попытаться освободить прикованных к глиняным людям узников, могли начаться снова. Особенно переживал Саун, поскольку узнал среди пленников нескольких знакомых ему по пребыванию в лагере Боунмарш людей.

– Что, если Обайо выберет другой маршрут? – спорил он с Дагом. – Ты же ведь разрешил ему решать самому.

– Как только мы разделаемся со Злым, – устало отвечал ему Даг, – а это будет сегодня или завтра, мы пошлем кого-нибудь обратно. «Да и когда Злого не будет, они вполне смогут освободиться сами.»

На взгляд Дага, этот довод был весьма сомнительным, но Саун его принял – по крайней мере перестал спорить, а больше Дату ничего и не было нужно. Сам он больше всего жалел о потерянном на медленное продвижение пешком времени; как выяснилось, они могли доскакать до селения галопом. Даг опасался, что из-за такой задержки они догонят Злого уже в темноте, усталыми после выматывающего дня. Часть обязанностей командира как раз и состояла в том, чтобы обеспечить: в решающий момент его люди будут в самом лучшем состоянии тела и духа. На этот раз он не сумел рассчитать время...

По крайней мере следовать за Злым на юг трудности не составляло. Сразу за болотом начиналась полоса мертвой земли шириной в сто шагов, которую не мог бы не заметить даже крестьянин, не говоря уже о человеке, хоть в минимальной мере надленном Даром.

«В конце следа мы точно найдем Злого». Теперь это было легко.

«Гораздо труднее не дать Злому обнаружить нас первым». Даг поморщился и пустил Копперхеда рысью; его встревоженные товарищи скакали следом.

11

Еще одно ночное нападение – и на этот раз без помощи Дара...

«Боги, я же слеп в темноте, как обычный крестьянин».

Даг опасался, что вспышки Дара дозорных будут замечены расставленными Злым часовыми, однако перспектива физически напороться на глиняных людей теперь казалась ничуть не меньшим риском. На небе, правда, светила ущербная луна, и когда они выберутся из леса, может быть, удастся лучше рассмотреть местность впереди. Даг взглянул направо и налево; то, какими смутными тенями выглядели его товарищи – Мари, Дирла, Кодо и Ханн, – приободрило Дага: если уж его привыкшие к темноте глаза едва их различают, то и враги не разглядят крадущихся воинов.

Даг позволил себе один осторожный шаг, потом еще и еще, стараясь не думать о том, что все это они сегодня уже проделывали. Его отряд наткнулся на следы основных сил Злого вскоре после полуночи; дозорные снова спешили и оставили лошадей в укрытии, чтобы подкрасться к врагу незаметно. Карт окрестностей, в отличие от Боунмарша, у них не было; Саун тоже мало чем мог помочь. Даг подумал о том, что если остальные так же измучены, как он сам, то его решение нанести удар немедленно, не дав людям отдышаться, было не самым удачным; однако отдыхать здесь было невозможно, а любая задержка грозила тем, что их обнаружат. Отряд выбрался на равнину, где маленькие фермы с отвоеванными у леса полями встречались все более часто. Маленькие покинутые обитателями фермы, похожие на те, что окружали Вест-Блу... Даг надеялся, что жители были предупреждены беглецами из Боунмарша и успели отступить на Крестьянскую равнину.

Лежащие впереди поля давали возможность разглядеть окрестности, но зато не предоставляли укрытия. Отряд достиг кустов, окаймлявших широкое поле, пшеница на котором полегла; к Дагу подползла Дирла и прошептала:

– Ты видишь ту вышку?

– Угу.

На противоположном, конце поля начинался поросший лесом склон невысокого холма. Между деревьями мелькали и тут же исчезали колеблющиеся отсветы факелов. В серебряном свете умирающей луны виднелось угловатое строение, венчающее вершину холма. Грубо сколоченная из древесных стволов башня, поднимавшаяся футов на двадцать, на мгновение стала ясно видна на фоне далекого молочно-белого облака. Разглядеть, что за твари притаились на бревенчатой платформе на вершине башни, Даг не мог: расстояние было слишком велико; однако, как ни закрывал Даг свой Дар, угроза явственно ощущалась – исходящие от Злого флюиды скверны, казалось, проникали в тело Дата с каждым ударом сердца.

– Сторожевой пост? – прошептала Дирла.

Даг покачал головой.

– Хуже. – «Да помогут нам отсутствующие боги!» Этот Злой уже вырос достаточно, чтобы строить башни. Даже тот, с которым Стражи Озера сражались на Волчьем перевале, еще не обрел такой силы. – Можешь ты разглядеть, сколько их на платформе? – Может быть, молодые глаза Дирлы острее, чем его собственные...

– Всего один, мне кажется.

– Значит, он там. Вот туда-то нам и надо. Передай остальным.

Дирла кивнула и бесшумно исчезла. Теперь отряду нужно было незаметно подобраться к башне. Так близко – всего лишь через вытоптанное пшеничное поле и по лесистому склону – и так далеко... Даг предположил, что лагерь пособников Злого – глиняных людей и обращенных в рабов пленников – находится на противоположной стороне холма, у протекающего там, возможно, ручья. Тонкие струйки дыма поднимались от невидимых костров, сливаясь с пеленой тумана; это подтверждало предположения Дага. Ветра почти не было, и Даг пожалел о том, что шелест ветвей не поможет скрыть продвижение отряда; с другой стороны, туман напал на поле, пряча дозорных от вражеских глаз. Теперь уже Дагу почти не требовалось зрение: он чуял вонь лагеря – запахи дыма, навоза, мочи, жарящегося мяса; Даг постарался не думать о том, чье мясо это может быть...

Даг продрался сквозь цепляющиеся кусты ежевики, стискивая зубы, когда в него вонзались безжалостные шипы; добравшись до сложенной из дикого камня стенки, ограждающей поле со стороны холма, он спрятался за ней и, пригибаясь, двинулся вдоль западной стороны ограды. Добравшись до новой заросли ежевики, он осторожно оглянулся. Луна вышла из-за облака, но крадущиеся дозорные ни разу не позволили ей озарить себя своим жидким светом.

«Молодцы, ребята!»

Половину расстояния они преодолели. Даг проскользнул сквозь безжизненные кусты туда, где мрак под деревьями скрывал подножие холма; остальные дозорные, растянувшись цепью, перебежали от тени к тени.

К ужасу Дага, откуда-то поблизости донеслось придушенное хрипение и звуки ударов. Он поспешно двинулся на звук. Кодо и Ханн навалились на фигуру, полускрытую опавшими листьями; Ханн уже вытащил свой боевой нож, но замер и оглянулся, когда Даг положил руку ему на плечо.

Кодо сидел на груди седого человека – раба-крестьянина, стоявшего на часах? – стискивая обеими руками горло брыкающейся жертвы.

– Ханн, скорее! – прошипел Кодо.

Даг коснулся плеча, Кодо и наклонился над пленником. Да, раб-крестьянин в оборванной одежде, с безумными глазами... Может быть, с ближайшей фермы или захваченный по дороге все увеличивающейся армией Злого. Крестьянин не был ни молод, ни силен; у Дага возникло смущающее воспоминание о Сорреле Блуфилде. Даг прицелился и несколько раз ударил пленника по голове; глаза у того закатились, и он перестал вырываться. Сочные удары показались Дагу громкими, как барабанный бой.

– Проклятие, с перерезанным горлом он был бы спокойнее, – пробормотал Кодо, осторожно поднимаясь. – Нож надежнее.

Даг покачал головой и показал вперед. Место было неподходящим для споров, и дозорные молча стали подниматься на холм, однако Даг и без слов понял возражения – взгляд Ханна обжег его даже в темноте. Часовой с перерезанным горлом не мог бы через несколько минут прийти в себя и поднять тревогу.

«Ненавижу сражаться с людьми».

Из всех ужасов их долгой борьбы со Злыми самым жутким было похищение разума людей, которые должны были бы оставаться друзьями и союзниками Стражей Озера. Даже когда дозорные побеждали, они несли потери – вдоль их пути оставались трупы крестьян. «Мы все проигрываем».

Даг потряс ушибленной рукой.

«Это мог бы быть Соррел».

Чей-то муж, отец, свекор, друг...

«Ненавижу сражения! Ох, Фаун, как же я устал от этого!»

Безумные глаза крестьянина ясно говорили о том, что он превращен в раба; Дагу не было нужды своим Даром проследивать хватку Злого. Хотя они и не перерезали горло часовому, его мгновенный испуг мог послужить предупреждением... Нет, решил Даг, Злой скорее заметил бы шок смерти одного из своих рабов, чем его бессознательное состояние, которое можно принять за сон. Многие зависело от того, скольких людей приходилось контролировать Злому, на каком расстоянии они находились, какие задачи выполняли.

«Боги, пусть силы Злого окажутся напряжены до предела!»

Что бы Злой ни делал сейчас на вершине своей башни, Даг чувствовал, как тот высасывает Дар из окружающей природы; поток словно тек в земле под ногами Дага. У него родилась безумная мысль: вцепиться в струящуюся силу своей призрачной рукой и просто позволить ей поднять себя по склону.

Дозорные добрались до края вырубки, усеянной пнями деревьев, пошедших на сооружение башни и срубленных только накануне, как заключил Даг по все еще острому запаху свежей древесины. В тусклом свете луны он различил неповоротливые фигуры по крайней мере четырех глиняных людей у подножия башни. Может быть, бывшие медведи или даже быки – большие, сильные, вонючие. Даг уловил, как пары дозорных, не дожидаясь приказа, выдвигаются вперед. Желудок Дага сжался, ему пришлось преодолеть приступ тошноты.

«Время очистить дорогу».

Из-за какого-то тихого звяканья или шелеста извлекаемого из ножен клинка голова одного из стражей повернулась в сторону дозорных; глиняный человек задрал рыло, с подозрением принохиваясь.

Пора!

Даг не стал выкрикивать команду, он просто выхватил свой боевой нож и рванулся вперед, зигзагом обегая древесные пни. Его мысли сосредоточились на одном: убить глиняных людей, позволить своим вооруженным разделяющим ножами товарищам взлететь на башню – со скоростью смерти. Нет, быстрее! Даг кинулся на ближайшего глиняного человека, уклонившись от удара ржавым мечом, украденным бог знает где; тварь изо всех сил размахнулась снова, но клинок Дага рассек ее горло, и дозорный даже не потрудился уклониться от фонтана брызнувшей крови. Выпущенные другими воинами стрелы с яростным свистом пролетели мимо Дага и вонзились в следующего глиняного человека; впрочем, тот упал не сразу, а, шатаясь, с ревом сделал несколько шагов вперед. Мари, зажав в зубах разделяющий нож, успела добраться до башни и начала карабкаться вверх. Из-за Угла башни метнулся Кодо и тоже полез к платформе. Еще один дозорный оказался у подножия, потом еще один... все двигались в сосредоточенном молчании. Двое оставшихся часовых уже неподвижно лежали на земле, и воины отряда окружили башню, чтобы защитить своих устремившихся наверх товарищей от отчаянно вопящих глиняных людей, которые стали сбегаться на выручку.

Темная фигура наверху зашевелилась и выпрямилась на фоне кобальтового неба, на

котором между освещенными луной облаками сияли звезды. Четверо дозорных уже почти достигли платформы. Внезапно фигура пригнулась и прыгнула; пролетев двадцать футов по воздуху, Злой приземлился на согнутые ноги и тут же выпрямился – легко, как танцор, словно в нем не было семи футов могучих мускулов, жил и костей. Развернувшись, он оказался лицом к лицу с Дагом. Этот Злой был худощав, почти грациозен, и Дага поразило, каким красивым он выглядел в лунном свете. Светлая кожа естественно облегла скульптурный череп; откинутые с высокого лба волосы темным потоком струились по спине. Похожее на человеческое тело Злого было укутано в украденную одежду – штаны, рубашку, сапоги, кожаный жилет Стража Озера, – которая каким-то образом казалась облачением древнего лорда. Как много линек и как быстро должен был претерпеть Злой, чтобы достичь такой человеческой – нет, сверхчеловеческой формы? Его великолепие не давало Дагу отвести глаз, и он почувствовал, как дрогнул его Дар; дозорный изо всех сил закрылся, стараясь не оставить ни щелки...

И тут же широко распахнул свой Дар, увидев, как Утау, выставив вперед разделяющий нож, с криком, шатаясь, рванулся к Злому. Даг почувствовал, как напрягся дозорный, когда тварь вцепилась в его Дар и начала рвать его на части. Даг вытянул левую руку и, в свою очередь, попытался призрачными пальцами вцепиться в Дар Злого. Краем глаза он увидел, как Мари, одной рукой держась за бревно башни, другой кинула разделяющий нож, и тот, вращаясь, полетел в руки Дирлы, рядом с которой в это мгновение не было глиняных людей.

Когда призрачной руке Дага удалось вырвать кусок из Дара Злого, тварь с изумленным криком обернулась. Дагу вспомнился тот момент в шатре целителей, когда он рванул к себе Дар подмастерья Хохарии, но на этот раз ощущение было такое, словно он схватил пылающий уголь. Его охватил ужас, по левой руке разлилась боль. Даг попытался швырнуть вырванный кусок на землю, но он прилип к его Дару, как растопленный мед. Злой, в глазах которого была черная ярость, обеими руками потянулся к Дагу. Даг снова попытался закрыть свой Дар, но не смог. Он чувствовал, как крепнет хватка Злого, и задохнулся от невыносимой боли, которая, казалось, изливалась изнутри и заполняла его целиком; все его кости словно рассыпались на части одновременно.

И тут Дирла, вскочив на пень, вонзила разделяющий нож Мари в спину Злого.

Даг почувствовал, как Дар умирающего смешивается с его собственным израненным Даром, подобно хлынувшей в бурный поток крови, образующей вихрящееся красное облако. На мгновение он полностью разделил сознание Злого. Они были центром, от которого на мили раскинулся Дар всех существ мира, пылающий, как огонь; он увидел рдеющие ряды глиняных людей и рабов. Неразборчивый гул сотен – нет, тысяч – этих мятущихся умов ворвался в гаснущее сознание Злого. На глазах Дага могучая воля Злого покидала несчастных, оставляя после себя темноту и растерянность. Нечеловеческий разум великой твари рвался к сознанию Дага, и Даг понял, что если Злому удастся поглотить его, Злой получит почти все, в чем нуждается, хоть и не освободится при этом от собственных стремлений и желаний.

«Он же совершенно безумен! И чем более острым становится его ум, тем более мучительным становится для него собственное безумие».

Это открытие было любопытным, однако бесполезным: Даг достиг конца своей способности дышать, способности видеть.

Злой вскрикнул; его голос странно взвился ввысь, как песня, достигнув неожиданной чистоты. Прекрасное тело, еще удерживаемое одеждой, начало распадаться, превращаясь в лужу крови и грязи.

Земля нанесла свирепый удар в спину Дага, звезды над головой закружились и погасли..

Фаун проснулась, как от толчка, и села в темноте на своей одинокой постели, лоя ртом воздух. Шок сотрясал ее тело, на нее накатила ужас. Был ли это шум или страшный сон? Никаких отзвуков ее уши не уловили, в уме не было ускользающих видений. Не понимая,

почему так колотится ее сердце, Фаун стиснула правой рукой тесьму на левом запястье. Охватившая Фаун паника была полной противоположностью спокойствию и открытости, благодаря которым она могла чувствовать Дага, но под свадебным браслетом вся рука Фаун горела огнем.

«С Дагом что-то случилось!»

Он ранен? Ранен тяжело?

Фаун поднялась и выбралась из шатра под молочные лучи ущербной луны, казавшиеся такими яркими по сравнению с непроглядной тьмой внутри шатра. Не теряя времени на то, чтобы накинуть что-нибудь поверх ночной рубашки, Фаун пересекла лужайку, морщась, когда сучки и камешки впивались в ее босые ноги. Только это неудобство не давало ей припустить бегом.

Она помедлила у входа в шатер Каттагуса и Мари. После прошедших дождей ночной воздух был холодным, и Каттагус опустил полотнище, служившее навесом. Фаун похлопала по нему, как сделал Утау в тот предрассветный час, когда пришел будить Дага. Она попыталась определить время, оценив, высоко ли стоит над озером луна. Может быть, часа два после полуночи... Изнутри не доносилось ни звука, и она снова похлопала по коже навеса, потом переступила с ноги на ногу, набираясь смелости проскользнуть внутрь и потрясти старика за плечо.

Прежде чем она это сделала, откинулось полотнище над входом в шатер Сарри; и темноволосая женщина выглянула наружу. Она помедлила, надевая сандалии, но, как и Фаун, не стала одеваться; ее ноги быстро прошлепали по земле между двумя шатрами.

– Ты тоже почувствовала? – тревожно спросила ее Фаун – почти шепотом, чтобы не разбудить детей, но тут же выругала себя за глупость – конечно, Сарри не могла ничего почувствовать через тесьму, завязанную на руке другой женщины. – Ты ничего только что не почувствовала?

Сарри покачала головой.

– Меня что-то разбудило, но что бы это ни было, все исчезло к тому времени, когда я проснулась полностью. – Ее правая рука тоже теребила тесьму на левой.

– Рази и Утау?..

– Они живы. Живы. По крайней мере это я знаю. – Сарри бросила на Фаун любопытный взгляд. – Ты разве что-то почувствовала? Ты же наверняка не могла...

Их прервало донесшееся из шатра кряхтенье. Каттагус плечом отодвинул полотнище, хмурясь и завязывая вокруг кругленького брюшка веревку, поддерживающую штаны.

– Что тут за переполох в лунном свете, девоньки?

– Фаун говорит, что она что-то почувствовала благодаря своей тесьме. Это ее разбудило. – Сарри неохотно добавила: – Я тоже проснулась, только ничего не было. Как Мари?

Тот же самый жест – правая рука тянется к браслету на левой... Каттагус безуспешно попытался за раздражением спрятать выражение беспокойства, потом покачал головой.

– С Мари все в порядке. – После недолгого размышления он добавил: – По крайней мере она жива. Что могут эти неугомонные дураки делать глубокой ночью? – Старик посмотрел на запад, как будто его взгляд мог проникнуть на сотню миль и найти ответ; однако такой подвиг был не под силу даже Стражам Озера, в чем Каттагус и признался, раздраженно фыркнув.

Обе женщины смущенно посмотрели в ту же сторону.

– Послушайте, – сказал Каттагус, словно пытаясь в чем-то их убедить, – раз Утау, Рази, Мари и Даг все живы, дела у отряда не могут идти так уж плохо. Вы же знаете, как эта компания умеет первыми вляпываться в любую грязь.

Сарри хмыкнула, приняв это слабое утешение, как подумала Фаун, не только ради собственного успокоения, но и ради Каттагуса.

– Особенно Даг, – себе под нос пробурчал старик. – И о чем только думал Громовержец, когда поставил его во главе...

– Каттагус... – Фаун сделала глубокий вдох и протянула вперед руку, обвязанную тесьмой. – Я чувствую что-то странное. Можешь ты что-нибудь понять по браслету?

Седые брови Каттагуса поползли вверх.

– Вряд ли. – Все же он мягко положил пальцы на запястье Фаун. Губы Каттагуса шевельнулись, словно от изумления, потом сжались, придав лицу более сдержанное выражение. – Ну, жив он, это ясно. Раз жив, значит, Дар у него не вырван.

Еще какой-то секрет Стражей Озера, о котором никто не позаботился ее предупредить?

– Что значит – Дар не вырван?

Каттагус обменялся взглядами с Сарри, но прежде чем Фаун успела обреченно стиснуть зубы, смягчился и сказал:

– То же самое, что Злой около Глассфорджа сделал с твоей дочуркой, как я понимаю. Только взрослый Страж Озера может сопротивляться, может закрыть свой Дар... если Злой еще неподвижен или не очень силен.

– А если силен? – забеспокоилась Фаун.

– Что ж... говорят, это быстрая смерть, только никакого шанса поделиться смертностью. – Каттагус сурово нахмурил брови. – Ты, девонька, не вздумай всю ночь воображать себе всякие ужасы. Твой-то парень жив, ведь верно?

Фаун трудно было представить себе Дага «парнем», но то, что Каттагус назвал Дага «е парнем», согрело ей сердце; она прижала руку со свадебным браслетом к груди.

«Даг мой, да. А не какого-то проклятого Злого».

– Может быть, все уже кончилось, – тихо сказала Сарри. – Надеюсь, что так и есть.

– Когда мы узнаем? – спросила Фаун.

Каттагус пожал своими костлявыми плечами.

– Из Рейнтри хорошие новости дойдут дня за три, плохие – за два. Совсем плохие... ну, об этом мы можем не тревожиться. Ладно, отправляйтесь по постелям, девоньки. – Старик показал пример, нырнув в свой шатер, пыхтя и отдуваясь. Нарочно, подумала Фаун.

Сарри покачала головой, бессознательно копируя своего раздраженного дядюшку, и вернулась к своему жилищу и своим спящим детям. Фаун медленно побрела к тесному шатру Блуфилд.

Она покорно улеглась, но о том, чтобы снова заснуть, нечего было и думать. Повертевшись некоторое время в постели, Фаун снова поднялась, достала веретено и пучок волокон кидальника и вышла наружу, чтобы в лунном свете, усевшись на свой любимый высокий пенек, заняться делом. По крайней мере, так она могла извлечь какую-то пользу из своей бессонницы. Золотые бусины на браслете при движении постукивали ее по руке, и обычно это успокаивало, но сегодня Фаун казалось, что чьи-то пальцы выбивают дробь, вызывая смятение и неуверенность.

Фаун жалела, что не способна наложить защитное заклятие на нить, из которой будет соткана материя для штанов, как это вроде бы умели делать женщины из Стражей Озера. Она могла спрясть крепкую нить, соткать из нее прочную ткань, сделать надежные двойные швы. Она могла вложить в работу всю душу, но это даст всего лишь обычную защиту телу, какую дает любая одежда.

«Недостаточно».

Все те же смятение и неуверенность...

Ох, еще три дня, пока появятся новости.

«До чего же мне не по нраву такое ожидание!»

Бессилие и тревога были гораздо мучительнее, чем Фаун ожидала, она чувствовала себя совершенно выбитой из колеи.

«Сарри и Каттагусу ожидание нравится не больше, чем мне, это ясно, но ведь они не злятся по этому поводу, верно?»

Ее собственное беспокойство было таким угнетающим просто потому, что она к нему не привыкла. Фаун неожиданно почувствовала, что начинает лучше понимать угрюмость Стражей Озера. Заверения, которые она давала Дагу перед его отъездом, казались теперь

неподобающе несерьезными и ну, если не глупыми, раз уж Даг запретил ей так о себе говорить, то несомненными проявлениями невежества.

«И теперь мне приходится учиться... опять. Преодолевать смятение и неуверенность».

Если Даг погибнет в дозоре... Взгляд Фаун скользнул по тесьме у нее на запястье, дававшей уверенность в том, что он еще жив, так что мысль о его смерти была, слава богам, только теоретической, и Фаун могла себе позволить обдумать такую возможность.

«Если с ним что-то случится, что будет со мной?»

Как ни привлекателен был лагерь Хикори, Фаун знала, что корней здесь у нее нет. Хотя соплеменники Дага едва ли вышвырнули бы ее босой и голой, она не сомневалась, что Громовержец немедленно отправит ее обратно в Вест-Блу, да еще скорее всего в сопровождении дозорного, чтобы убедиться в ее прибытии туда. Таково, должно быть, его представление об ответственности. Но теперь и в Вест-Блу у Фаун не было корней: она оборвала их, пусть и с болью и угрызениями совести. Оборвала дважды... Делать это третий раз ей совершенно не хотелось. Если нельзя будет остаться в лагере, а возвращаться домой она не захочет...

То, что эта мысль показалась Фаун не такой уж пугающей, было, пожалуй, показателем того, как изменилась она за последний мучительный год. Существовал же еще и Глассфордж. Существовали Серебряные Перекаты за рекой Рейс, еще более привлекательный город, по словам Дага.

Существовал целый мир возможностей для вдовы, которая не была соломенной, женщины решительной и сообразительной. Фаун была практична. Она теперь знала, как ходить по незнакомым дорогам, – добралась же она до лагеря Хикори. Ей не было нужды цепляться за Дага, как утопающая хватается за единственную ветку, чтобы ее не унесло потоком.

Все, казалось, чего-то хотели от Дага. Громовержец хотел, чтобы он оставался дозорным. Его мать желала, чтобы он доказал превосходство крови его рода, чтобы, наверное, подтвердить собственную значимость. Его брат Дор хотел, чтобы Даг ничем не выделялся, не отвлекал его от работы, покорно следовал правилам, чтобы братом можно было пренебрегать. Фаун не была уверена в том, что ей самой следует добавить к этому списку: она определенно хотела, чтобы Даг стал отцом ее детей, но этого же, похоже, хотел и сам Даг, так что такое желание, может быть, и не следовало считать обузой для него. Неужели никто не хотел, чтобы Даг оставался просто Дагом? Без всяких оправданий его существования, просто чтобы он был, как молочай или водяные лилии или... или летняя ночь, освещенная светлячками.

«Потом, оказавшись в каком-нибудь очень засушливом месте, мне удавалось выжить благодаря воспоминанию о том часе».

Тут Фаун пришлось перестать прятать – мешала серебристая пелена перед глазами. Она провела рукой по горячим векам, чтобы стереть ее. Потом еще раз... Потом Фаун просто позволила слезам капать из глаз, уткнувшись головой в колени и прижимая тесьму ко лбу. Прошло много времени, прежде чем ей удалось успокоить дыхание.

«Сердце мое, мой лучший друг, мое утешение – в какую беду ты попал на этот раз?»

Рука под тесьмой все еще пульсировала, хотя уже слабее. Жив да, однако... Фаун могла быть просто крестьянкой без всякого намека на Дар, она могла быть во всех отношениях глупа; она могла не подозревать о тысячах уловок Стражей Озера, но в одном она была совершенно уверена.

Произошло что-то плохое. С Дагом что-то случилось.

Перед закрытыми глазами Дага плавало что-то красное, а не черное. Где-то снаружи был свет, то ли занимающийся рассвет, то ли согревающий огонь. Любопытства по поводу того, что именно, не хватало для того, чтобы заставить Дага поднять тяжелый груз, в который превратились его веки.

Даг помнил перепуганные голоса, помнил, как подумал, что должен встать и устранить

причину этой паники, в чем бы она ни заключалась. Да, должен... Кто-то что-то кричал про Утау и о том, что Рази – ну конечно, это должен был быть Рази – пытается воздействовать на Дар своего напарника. До него доносился голос Мари, резкий и испуганный: «Постарайся проникнуть! Проклятие, не хватало еще нам потерять командира!» Разве Громовержец здесь? Когда он прибыл? Кто-то еще простонал: «Не могу! Он слишком крепко закрыл свой Дар!», а потом: «Не могу... Боги, как же больно...» – и снова Мари: «Если больно тебе, подумай, каково ему!» В раздраженном голосе Мари не было ни капли симпатии, и Даг посочувствовал ее жертве, кто бы это ни был. Чьи-то судорожные вздохи: «Не могу, не могу, прости...» Тут испуганные голоса стихли, и Даг этому порадовался. Может быть, они все уйдут и оставят его в покое.

«Я так устал...»

Даг вздохнул и пошевелился; его глаза открылись сами собой. Ветви полусохшего дерева четко рисовались на фоне бледной голубизны утреннего неба. Сбоку плясали оранжевые языки большого костра, распространяющего восхитительное тепло. И рассвет, и пламя: вот как решалась загадка. С другого бока между Дагом и небом возникло лицо Мари, и ее сухой голос произнес:

– Пора, пора тебе доложить о готовности нести службу снова, дозорный.

Даг попытался пошевелить губами. Рука Мари легла ему на лоб.

– Я шучу, Даг. Ты просто лежи. – Рука Мари переместилась и стиснула его пальцы – кажется, под одеялом. – Наконец-то ты согрелся. Это хорошо.

Даг сглотнул и наконец нашел куда-то запропавший голос:

– Сколько?

– А?

– Сколько погибло? Прошлой ночью? – Если считать, что схватка со Злым произошла прошлой ночью... Он путался в днях и раньше, в сходных – неприятных – обстоятельствах.

– Ну вот, раз уж ты снова строишь скорбное лицо, скажу тебе: ни одного.

Этого не могло быть. Саун... что с Сауном, который оставался с лошадьми? Даг представил себе, как на мальчишку в темноте напали глиняные люди. Один, окровавленный, окруженный со всех сторон...

– Саун!

– Я здесь, командир. – Над плечом возникло лицо встревоженного, но улыбающегося Сауна.

Значит, то была галлюцинация или сон... а может быть, галлюцинация или сон то, что он видит теперь? Как тут разобраться? Дагу удалось вдохнуть достаточно воздуха, чтобы спросить:

– Что произошло?

– Дирла разделалась со Злым, – начала рассказывать Мари.

– Это я видел. Видел, как ты бросила ей нож. – Нож из кости ее сына... Дагу удалось облизнуть губы. – Не думал, что ты когда-нибудь выпустишь его из рук.

– Ну да. Я вспомнила твой рассказ о том, как ты и та крестьянская девчушка прикончили Злого под Глассфорджем. Дирла была ближе к твари, которая все внимание сосредоточила на Утау. Я воспользовалась подвернувшейся возможностью.

– Утау! – испуганно повторил Даг. Да, ведь Злой пытался вырвать Дар Утау...

Мари сквозь одеяло сжала его плечо.

– Злой задел его, ясное дело, но Рази привел его в чувство. А вот ты – никогда я еще не слышала, чтобы человек выжил после того, как Злой вцепился в его Дар. Никогда не видела, чтобы человек выглядел как труп, но все еще дышал.

– Попьешь? – предложил Саун, просовывая руку под плечи Дага, чтобы приподнять его.

«Ох, прекрасная мысль!»

Пусть это была несвежая вода из бурдука, но она была восхитительно мокрая! Самая мокрая вода, какую он когда-либо пил, решил Даг.

– Спасибо. – Через мгновение Даг спросил: – Скольких мы потеряли?

– Ни одного, Даг, – радостно ответил Саун. Мари нахмурилась. – Продолжай.

– Ну после этого все закончилось, если не считать криков – их-то, как всегда, хватало, – сказала Мари. – Я послала две пары дозорных за Сауном и лошадьми, а остальных поставила на всякий случай охранять лагерь. Четверых недавно отправила отдыхать. – Мари кивнула на грязные неподвижные фигуры, растянувшиеся у костра на одеялах. Даг приподнял голову, чтобы посмотреть на них. Рядом с одним из спящих сидел, скрестив ноги, Рази; он устало улыбнулся, когда Даг слегка помахал ему рукой.

– А что с бывшими рабами – крестьянами?

– Их тут было не так много, как мы думали. Похоже, Злой отправил большинство рабов и глиняных людей через лес, чтобы они на рассвете напали на город на северо-западной окраине Крестьянской равнины. Думаю, сегодня утром там начался переполох. Только боги знают, что эти несчастные подумали, когда рассеялся туман, в который Злой погрузил их разум, а глиняные люди разбежались. Я не особенно присматривала за теми, кого мы нашли здесь, хотя их лагерь мы проверили и посоветовали не пытаться добраться до дому в одиночку; только большинство из них уже отправились искать друзей и родных.

Такое можно понять и даже одобрить... Может быть, это и трусость, но Дагу совсем не хотелось, кроме всего прочего, разбираться этим утром с обезумевшими фермерами. Пусть Стражи Озера из Рейнтри позаботятся о своих подопечных.

Даг нахмурил брови.

– Скольких мы потеряли прошлой ночью?

Мари втянула воздух и наклонилась, чтобы посмотреть Дагу в лицо.

– Даг, ты что, меня совсем не слушал?

– Конечно, слушал. – Даг выпростал левую руку из-под одеяла и помахал крюком. – Сколько пальцев я поднял? – Только оказалось, и это очень встревожило Дату, что ответа на этот вопрос он не знает.

Мари раздраженно закатила глаза. Саун, добрая душа, очень мило смутился.

– Мы все еще ничего не знаем о тех Стражах Озера, которых оставили в Боунмарше, – робко проговорил Саун.

Мари бросила на него гневный взгляд.

– Саун, не смей снова приставать с этим к Дагу.

Да, вот это и был недостающий кусочек головоломки, то, что он так отчаянно пытался вспомнить. Даг вздохнул с облегчением, хоть тревога никуда и не делась.

– Мы пока ничего не слышали от Обайо и его отряда, – сказала Мари, – но для этого еще и времени не было. Они могли уже несколько часов назад добраться до Боунмарша.

– Они могли поехать другой дорогой, – упрямо стоял на своем Саун.

Похоже, наступал ясный день. Люди, связанные и оставленные на солнце в такую жару, без воды и пищи, могли погибнуть удивительно быстро, даже если не считать шока, который вызвало исчезновение власти Злого над их Даром. Если хотя бы одному пленнику удалось освободиться, он наверняка освободил остальных, но что, если никому не удалось... Пульсирующая боль, как в кошмаре, вновь пронзила затылок Дага.

– Нам нужно вернуться в Боунмарш.

Саун горячо закивал.

– Я поспешу вперед.

– Никуда ты в одиночку не отправишься, – резко оборвала его Мари.

– Я оставил их вчера, – пробормотал Даг. – Точно, я сосчитал. А сегодня я могу вернуться. – Да, и как можно скорее. – Что-то было там не так, я это понял, но времени у не было, и это я понимал тоже. Я должен туда вернуться.

«Достаточно жертв для одного Злого, вполне достаточно».

Мари села на пятки и с сомнением посмотрела на него.

– Вот что, Даг, заключим пари: если ты без посторонней помощи взгромоздишь свое глупое тело на своего глупого коня, я позволю тебе ехать. Если нет, ты останешься здесь.

Даг криво улыбнулся.

– Ты prospоришь. Саун, помоги мне сесть.

Юноша снова обхватил его за плечи. Когда Даг поднялся на ноги, у него потемнело в глазах, но ему каким-то образом удалось не подать виду.

– Вот видишь, Мари? Спорю: на мне нет ни единой отметины.

– Ты так зажал свой Дар, что он у тебя занемел. Не говори мне, что ты не пострадал внутри.

– Какие при этом ощущения? – почтительно поинтересовался Саун. – Когда разрывают Дар, имею я в виду?

Даг прищурился, потом решил, что Саун заслуживает честного ответа.

– По правде сказать, чувствуешь себя так, как будто потерял много крови. Ни в одном месте особенно не болит. – Просто болит всюду. – Должен признать, что я не в лучшем виде.

Мари фыркнула.

Если поест, может быть, появятся силы на то, чтобы... поест. Хм-м...

Мари ушла, чтобы заняться менее несговорчивыми дозорными, и Саун, которому так же не терпелось добраться до пострадавших Стражей Озера в Боунмарше, как и Дагу, занялся тем, чтобы привести его в более бодрое состояние. Пока Саун кормил его, Даг договорился с Мари и Кодо о том, чтобы разделить отряд: шестеро должны были отправиться на поиски Стражей Озера из Рейнтри и сообщить им об убийстве Злого, а остальные дозорные могли сопровождать Дага и, если повезет, соединиться с основными силами в Боунмарше.

Даг несколько слукавил и залез на пень, чтобы сесть в седло. Мари, садясь на своего коня, пристально на него посмотрела, но промолчала. Копперхед был слишком измотан, чтобы фокусничать, и это было удачно, потому что бороться с ним у Дата сил не было. Он позволил Сауну скакать впереди; на этот раз они продвигались быстрее, поскольку уже рассвело и не стало необходимости таиться, да и дорога была известна, но все же не очень быстро из-за того, что все были ужасно усталыми. Даг несколько раз терял сознание, но ему удавалось притвориться, будто он просто дремлет в седле, как это было в обычае у дозорных. Утау, тяжело опирающийся на луку, выглядел почти таким же обессиленным, как сам Даг; за ним зорко присматривал Рази.

Даг позволил своему Дару оставаться закрытым, как тому, по-видимому, хотелось; это напомнило ему о том, как идет, скособочившись, раненый, оберегая свою рану. Может быть, как и с потерей крови, исцеление придет просто со временем, если дать себе отдых. Даг попробовал пошевелить своей призрачной рукой, но у него ничего не получилось.

Мысль о привязанных к деревьям мастерах, которых он так безжалостно бросил накануне, не покидала его затуманенный разум. Даг попытался найти в памяти что-то, что могло храниться в сознании Злого, в которое он на мгновение проник, но обнаружил только полную неопределенность. Судьба пленных Стражей Озера висела на тонкой нити, как жестокая месть отсутствующих богов Дагу за то, что он посмел надеяться. Если только...

«Если только мне удастся за время своего начальствования над эскадром никого не потерять, я мог бы остановиться».

Если бы ему удалось уравновесить тяжкий груз Волчьего перевала... Даг не был уверен в своей арифметике смертей.

«В конце концов никого не останется в живых, и ты это знаешь».

Всадники спустились в каменистое ущелье, по которому тек ручей, и позволили коням напиться. Даг мог поклясться, что у этого брода они были меньше двенадцати часов назад, но направлялись в противоположном направлении. Не обращая внимания на головокружение, он направил Копперхеда вперед, сквозь жаркое летнее утро.

Даг понял, что они приближаются к Боунмаршу, по возросшей сырости земли и

воздуха и по замеченному краем глаза блеску воды, когда между деревьев проглянул заливной луг. Весь последний час Даг тупо таращился на жесткие рыжие волосы гривы Копперхеда, но теперь поднял глаза, услышав, как Саун выругался и ударил пятками своего усталого коня, заставив его перейти на галоп. В безжизненную пустошь, в которую превратились окрестности Боунмарша, вернулась некоторая жизнь: несколько стервятников кружили в воздухе – их похожие на пальцы перья на концах крыльев ни с чем нельзя было спутать. Желание последовать за Сауном тут же угасло: ни сам Даг, ни Копперхед сейчас не были способны на большее, чем легкая рысь – тряска была бы невыносима для покрытой синяками спины всадника. И к тому же ему не хотелось видеть... Так что Даг позволил коню трусить, как трусил.

Когда они приблизились к южному краю болота, Даг выпрямился, глядя вперед с настороженной надеждой. Стервятники кружили над лесом за селением, не над болотистой низиной у берега. Может быть, они просто нашли непогребенные остатки пиршества глиняных людей. Может быть...

Остальные дозорные свернули на идущую к берегу тропу, и Даг с колотящимся сердцем вытянул шею, чтобы лучше видеть. К тонким стволам деревьев были привязаны несколько лошадей, и конь Сауна теперь тоже оказался среди них. Значит, отряд Обайо добрался сюда, хорошо! По крайней мере часть воинов... достаточная часть. Даг увидел перемещающиеся в тени фигуры, но тут его сердце снова сжалось: на земле он заметил несколько длинных бугров. Он не мог еще разглядеть, закрыты лица лежащих или нет.

«О боги, пусть это будут свернутые одеяла, а не саваны...»

Может быть, отряд только что прибыл? Наверняка первым делом следовало бы переправить спасенных из этого оскверненного селения в более здоровую местность. Однако Обайо, слава отсутствующим богам, здесь: вон он, идет к ним и приветственно машет рукой.

– Даг! – воскликнул Обайо. – Ты здесь, да будут благословенны отсутствующие боги! – В его голосе прозвучало что-то большее, чем просто радость от того, что он видит Дага живым. Судя по потрясенному выражению лица, Обайо столкнулся с трудностями и теперь отчаянно искал кого-нибудь, на кого можно свалить ответственность.

«Один из нас слишком рано благодарит отсутствующих богов, мне кажется».

Даг постарался открыть оба глаза разом и выпрямить спину. По крайней мере сил, чтобы спешиться, ему хватит, а уж потом он долго, долго не сядет в седло. Даг соскользнул на землю и ухватился за стремя, отчасти чтобы преодолеть головокружение и привыкнуть к стоячему положению, отчасти потому, что не мог вспомнить, что собирался сделать.

Встревоженный голос Сауна вернул его в настоящее.

– Ты должен это увидеть, командир!

Даг повернулся и облизнул губы; ему с трудом удалось выдавить из себя:

– Сколько? Сколько мы потеряли? – Он чувствовал, что вот-вот расплчется, и боялся испугать Сауна своей слабостью. Он хотел объяснить, успокоить парня: «Такое с людьми иногда случается после... Ты со временем привыкнешь...», но Саун продолжал бормотать:

– Все, кого мы нашли вчера, живы. Только теперь возникла новая проблема.

В смутной надежде отсрочить неприятности хоть еще немного, подобно человеку, натягивающему на голову одеяло, когда его будят бесцеремонные товарищи, Даг моргнул и спросил Обайо хриплым от усталости голосом:

– Когда вы сюда добрались?

– Вчера вечером.

– И где теперь все?

– Мы разбили лагерь примерно в миле на восток отсюда. – Обайо показал на далекие зеленеющие деревья. – Я дал ребятам отдых вчера утром и тем временем послал следом за вами разведчиков. В середине дня мы двинулись дальше, чтобы, знаешь ли, на всякий случай сократить расстояние... К вечеру я начал тревожиться: разведчики не вернулись, а дозорные на флангах наткнулись на парочку глиняных людей. Они, конечно, с ними быстро разделались, о стало ясно, что ты не добрался до Злого тогда, когда планировал.

– Нет, не добрался. Это случилось позднее. Часа через два после полуночи, примерно в двадцати милях на юг отсюда.

– Так нам Саун только что и сказал. Только если... Знаешь, тут Грифф, тот разведчик, который это обнаружил... Пусть сам и расскажет.

Растерянный паренек примерно возраста Дирлы вышел вперед и кивнул Дагу. Грифф уже десять лет служил в дозоре и, на взгляд Дага, был рассудительным и надежным, и это делало его взъерошенный и безумный вид тем более тревожным.

– Видят боги, Даг, как же я рад, что ты здесь!

Даг с трудом удержался от того, чтобы не поморщиться, и положил руку на спину Копперхеду, втайне надеясь найти опору.

– Что случилось? Расскажи с самого начала, – предусмотрительно добавил он, заметив еще усилившуюся растерянность молодого дозорного.

Грифф сглотнул и кивнул.

– Мы – две пары разведчиков – добрались до Боунмарша вчера к концу дня. Мы легко проследили путь твоего отряда. Мы решили... точнее, надеялись, что Злой переместился дальше, а вы последовали за ним. Потом мы нашли этих Стражей Озера – мастеров, – привязанных к деревьям... – Грифф бросил взгляд через плечо, – и тут подумали, что вас, может быть, тоже захватили.

«Вы так решили, потому что хорошие дозорные не бросают в беде своих? Ты очень милосерден, Грифф».

– Нет. Мы оставили их связанными и поехали дальше. – признался Даг.

Грифф расправил плечи; к изумлению Дага, на лице его было написано не презрение и ужас, а уважение.

– Как вы узнали про западню? – серьезно спросил парень.

Что? Западню? Даг покачал головой.

– Я ничего не знал; мы принесли их в жертву из чисто тактических соображений. Я не хотел рисковать: если бы мы помогли пленникам, Злой был бы предупрежден о том, что дозорные идут по его следу и уже подобрались совсем близко.

– Ты сказал, что там что-то не так, – хмурясь, поправил его Саун. – И еще велел тщательно закрывать свой Дар, когда мы прикасались к беднякам.

– Это вовсе не было следствием моей догадливости, Саун. Продолжай, Грифф.

– Мы поняли, что Дар пленников скован – иначе и быть не могло. Так что Маллора стала делать то, что делают обычно в таких случаях – потянулась собственным Даром и попыталась вывести их из транса. Только вместо этого получилось наоборот: ее саму затянуло. У Маллоры закатились глаза, и она рухнула на землю. Зародыши глиняных людей в своих ямах, – Грифф показал в сторону низины, – когда это случилось, затрепыхались и стали странно булькать. Мы даже подскочили – уже наступили сумерки, а мы до того момента даже и не замечали, какая вокруг стоит тишина. Напарница Маллоры, Брин, запаниковала, мне кажется; она попыталась привести Маллору в чувство, и ее засосало тоже. Я оттащил своего напарника, Орнига, прежде чем он прикоснулся к Брин.

Даг на всякий случай кивнул, но это не помогло: лицо Гриффа скривилось в гримасе отчаяния.

– Иногда зимой в Лутлии такое случалось, – пробормотал Даг. – Кто-нибудь проваливался под лед, а друзья или родичи пытались вытащить беднягу и проваливались сами... один за другим, вместо того чтобы бежать за помощью или за веревкой. Впрочем, предусмотрительные дозорные зимой всегда носили обмотанную вокруг пояса веревку, так что если кто-нибудь проваливался под лед... ладно, не важно. Труднее всего в таких случаях бывало тому, кто останавливался. Держу пари: старшие дозорные поняли, что к чему.

Грифф сморгнул слезы и благодарно склонил голову. Сглотнув, чтобы справиться с голосом, он продолжал:

– Мы с Орнигом договорились, что он останется, а я отправлюсь за помощью. Как же я мчался! Только лучше бы остался я, потому что когда мы добрались сюда, веревки на

пленниках были разрезаны – Орниг, должно быть, пытался уложить их поудобнее, – но сам Орниг лежал на земле. Он, наверное, попытался что-то сделать... – Помолчав мгновение, Грифф добавил: – Понимаешь, он равнодушен к Брин.

Даг понимающе кивнул и отошел от Копперхеда, чтобы лучше разглядеть: что же происходит среди деревьев. Если бы еще удалось найти ствол, на который можно опереться... не на медицию, конечно, каждая веточка которой ошетилилась грозными тройными шипами. Рука Дага нащупала подходящую ветку молодого деревца дикой вишни. Ухватившись за нее, он огляделся. Между одеялами, расстеленными там, где земля была посуше, двигались трое или четверо дозорных, среди которых Даг узнал лучшую целительницу отряда. Даг насчитал восемь неподвижных тел.

«Все больше наших подвергается опасности...»

Впрочем, кто-то уже разжег костер и что-то кипятил в котелке – воду для питья или целебный отвар.

Все это хорошо, но все равно в открывшейся Дагу картине было что-то неправильное... ох, вот что!

– Почему вы не перенесли их прочь с этой оскверненной земли?

За то время, что Грифф рассказывал, Мари, Дирла и Рази успели спешиться и окружили Дага, внимательно слушая. Рази все еще держал поводья коня Утау; тот щурился от света, с трудом удерживаясь в седле. Даг подумал, что пострадавший дозорный вряд ли воспринимает то, что слышит.

– Мы пытались, – ответил Обайо. – Но только стоит унести кого-нибудь из них больше чем на сотню шагов отсюда, они перестают дышать.

– Ну и затряслись вы, должно быть, когда такое обнаружилось, – сказала Мари.

– Еще бы, – горячо согласился Обайо. – К тому же в темноте, в середине ночи...

– И если убить кого-нибудь из глиняных людей там, в норах, наши начинают стонать во сне, – мрачно добавил Грифф. – Проклятие, такое слушать не слишком-то приятно. Так что мы больше этого не делаем.

– Я-то думал, – сказал Обайо, – что если... когда Злого уничтожат, его власть над Даром лопнет сама собой. Я собирался оставить нескольких человек присматривать за пострадавшими, а отряд вести дальше, как только вернулись бы разведчики и стало ясно, что нужно делать дальше. Только... вы говорите, что и без нашей помощи прикончили Злого, а Дар этих бедолаг все еще скован.

– Злого убила Дирла, – сказал Даг, – разделяющим ножом Мари. Твой первый личный успех, да, Дирла? – Какой позор, что поздравления, которых девушка заслужила, оказались отеснены на задний план этим новым несчастьем...

Дирла рассеянно кивнула. Хмурясь, она смотрела мимо Дага на расprostертые на одеялах тела.

– Может быть, Злых было больше? И поэтому связь с пленниками прошлой ночью сохранилась?

Даг попытался логически обдумать такую ужасную возможность, но его мозг, как ему показалось, успел уже превратиться в кашу. Внутреннее чувство говорило «нет», но объяснить словами, почему это так, Даг не смог бы ни за что на свете.

Ему на помощь пришла Мари.

– Нет, наш Злой обратил бы все силы на борьбу со вторым вместо того, чтобы гоняться за фермерами и Стражами Озера. Злые не объединяются друг с другом – они друг друга едят.

Что ж, это верно.

«Только дело в чем-то другом».

– Я так и думала, – сказала Дирла, – только почему тогда наши не освободились, когда Злой подох, как бывает с крестьянами и глиняными людьми?

Вот это-то и сводит с ума... Стражи Озера... должно быть, дело в том, что все пострадавшие – Стражи Озера.

– Ладно, – вздохнул Даг. – Я вот что думаю. Вчера нам удалось напоить этих бедняг.

Если мы сможем вливать в них воду и какую-то пищу – жидкую кашу, суп, – может быть, нам удастся выиграть немного времени.

– Мы это и делаем, – сказал Обайо.

«Да будет благословенна ваша догадливость».

Даг кивнул.

– Выиграем время на размышления. Пока будем настороже, дождемся возвращения разведчиков – вот тогда и решим, что делать. Может быть, разделим отряд – часть отправим помогать жителям Рейнтри навести порядок, а остальных – сразу же домой, чтобы на Олеану не свалилась такая же беда из-за нехватки у Громовержца людей для дозора.

Ползучая паника из-за этого неестественного положения среди и так уже встревоженных Стражей Озера была явно заразной. Даг и сам не смог бы сказать, вызвано ли его болезненное беспокойство состоянием жертв Злого или ухаживающих за ними дозорных.

– Проклятие, хотел бы я, чтобы здесь была Хохария. Она все время имеет дело с Даром. Может быть, она сообразила бы, что делать. – С тем же успехом Даг мог бы пожелать, чтобы стая стервятников спустилась вниз, подхватила его и отнесла домой. Он вздохнул и окинул взглядом своих измученных унылых товарищей.

– Все, кто участвовал в нападении на Злого, свободны. Отправляйтесь в лагерь – поешьте, отоспитесь, вымойтесь. Утау, ты числишься среди пострадавших, пока я не решу, что ты в норме. – Вот и еще одно основание пожалеть об отсутствии умелого целителя...

Утау нашел в себе силы проворчать:

– Это мне нравится! Хоть Злой и поцарапал меня, тебя-то он поцарапал не в пример сильнее! Я знаю, как плохо мне, и понять не могу, почему ты до сих пор на ногах?

Вникать в этот вопрос Дагу не захотелось бы, даже если бы его голова еще работала. До него только теперь дошло, что Утау оставался единственным, кроме него самого, дозорным, чей Дар был открыт, пусть и не по его воле, в тот момент растерянности и ужаса прошлой ночью, когда Даг и Злой оказались соединены. Что тогда уловил Утау? Явно не безнадежную попытку Дага, в свою очередь, разорвать Дар твари. Даг решил пойти на уступку.

– Пока Рази не скажет, что ты в порядке. – Рази ухмыльнулся и с признательностью помахал рукой; Утау фыркнул. – Я и сам собираюсь вскоре прилечь, – добавил Даг.

– Здесь, на оскверненной земле? – с сомнением протянул Саун.

– Я не хочу оказаться в миле отсюда, если что-нибудь неожиданно изменится.

Мари потянула Сауна за рукав и шепнула:

– Если уж он добровольно соглашается лечь, не спорь с ним по мелочам. – Мари многозначительно кивнула Сауну на Дирлу, и тот, словно внезапно прозрев, подошел к девушке.

– Прошлой ночью я спал больше, чем ты, Мари, – сказал Даг.

– Не знаю, Даг, что было прошлой ночью, когда ты свалился, но сном это уж точно не было. По крайней мере спящего человека можно разбудить.

– Погодите, о чем это вы? – спросил Обайо.

Утау выпрямился, опираясь на луку седла, и насмешливо посмотрел на Дага.

– Прошлой ночью Злой почти вырвал мой Дар. Даг вмешался и заставил Злого переключиться на него.

– Злой тебя порвал? – спросил Обайо, брови которого полезли на лоб.

– Немного, – признал Даг.

– Разве это не похоже на то, чтобы немножко умереть?

– Кажется.

Обайо неуверенно улыбнулся, заставив Дага подумать о том, насколько он сейчас похож на труп. Красавчиком он не выглядит, это уж точно. Сделал бы его вид глаза Фаун все равно счастливыми?

«Бьюсь об заклад: сделал бы».

Ему представилась яркая картина: какая радость расцветет на лице Фаун, когда он подойдет к их шатру после окончания всего этого... Выронит ли она работу из рук, чтобы кинуться в его объятия? Это была первая приятная мысль, посетившая его за последние часы. Да что там часы – дни. Даг подумал, что он, кажется, заснул стоя, но тут чей-то голос разрушил сладкий образ, и тот утек, как вода между пальцев. Даг почти вскрикнул, пытаясь вернуть сновидение... но вместо этого заставил себя глубоко вздохнуть и прислушаться.

– ...Могу послать гонцов с новостями, – говорил Обайо. – Хотелось бы предупредить Громовержца, пока он не отправил новые подкрепления.

– Да, конечно, – пробормотал Даг.

Дирла о чем-то шепталась с Мари; тут она подняла голову и сказала:

– Я хотела бы вызваться для этого добровольцем, сэр. «Ты сейчас не на посту», – хотел возразить Даг, но сообразил, что такое задание позволит Дирле раньше всех вернуться домой. Даже более того – она ведь была свидетельницей гибели Злого, и не только свидетельницей. Если послать Дирлу, Дагу в его затуманенном состоянии не придется писать отчет: она сможет все рассказать Громовержцу.

– Ты разделалась со Злым. Ты можешь делать все, что хочешь, Дирла.

Девушка весело кивнула.

– На это я и рассчитывала.

Обайо, прищурившись, сказал:

– В таком случае я знаю, кого послать в паре с Дирлой: тут у одного парня жена собралась рожать, когда мы уезжали. Если будет на то милость отсутствующих богов, может, она еще не разрешилась от бремени.

«Так Громовержец узнает и о делах второй части отряда. Это хорошо».

– Прекрасно, – согласилась Мари. – Уж этот гонец не станет медлить, а?

– Нужно позаботиться о свежих лошадях... – начал Даг.

– Мы этим займемся, Даг, – пообещал Рази.

– Ладно. Ладно, – все это было рутиной. – Дирла, передай Искорке... скажи всем, что мы скоро вернемся.

– Ясное дело, командир.

Обайо помог Мари снова сесть в седло, и она повела дозорных, за исключением Дирлы и Сауна, к лагерю и обещанному отдыху. Чтобы подбодрить Обайо и Гриффа, Даг притворился, что осматривает все в роще и в болотистой низине, – впрочем, осмотр особой пользы не принес: Дар Дага все еще был надежно закрыт.

– Вчера тут была умершая женщина, – начал Даг, обращаясь к Обайо. Тот понимающе кивнул.

– Мы освободили ее от веревок, завернули в одеяло и отнесли в один из шатров. Я надеюсь, что кто-нибудь из жителей Боунмарша объявится и опознает ее, прежде чем нам придется ее похоронить. Правда, при такой жаре откладывать дольше, чем до завтрашнего утра, не получится.

Даг склонил голову и двинулся дальше.

Смотреть на изуродованных животных в их глиняных колыбелях было так же противно, как и накануне. Пятеро выживших пленников и трое дозорных, попавшихся в непонятную западню, теперь по крайней мере не испытывали физических лишений; их устроили насколько возможно удобно на одеялах в тени, где они не страдали от жары. Остальные дозорные по очереди ухаживали за ними: приподнимали и вливали во рты воду и жидкую пищу; все они, как понял Даг, делали это, крепко закрыв Дар.

Помимо того, что странная ловушка для Дара представляла опасность сама по себе, Даг испытывал непонятное предчувствие: если бы он приоткрыл свой Дар, это было бы все равно что снять повязку с раны в животе – внутренности могли бы вывалиться наружу. Оглянувшись, он заметил, что Саун и Дирла расседлали Копперхеда и расстелили одеяло в сухом местечке, очистив его от мусора. Они не спали так же долго, как и он сам; проклятие, как им удастся оставаться такими бодрыми? Ах, эта молодежь... Как только его зад коснулся

одеяла, Даг понял, что снова не встанет. Он сидел, мрачно глядя на свои зашнурованные сапоги; память перенесла его на кухню той фермы, где они с Фаун оказались после того, как убили Злого.

Он все еще смотрел на сапоги, когда Саун опустился на колени и взялся за один сапог, а Дирла – за другой. Это было явно проявлением... чего-то – раз он им такое позволил.

– Принести тебе чего-нибудь поесть? Или воды? – спросила Дирла.

Даг покачал головой. Еще по дороге он сжевал несколько ломтей сушеного кидальника, полагая, что так решит разом две надоедливые проблемы: утолит голод и не даст себе заснуть. Сейчас ему не хотелось есть. Ему ничего не хотелось. Саун аккуратно поставил рядом его сапоги и, прищурившись, оглядел безмолвное пустынное болото.

– Как ты думаешь, сколько времени пройдет, прежде чем сюда вернется жизнь? Столетия?

– Сейчас все выглядит ужасно, – сказал Даг, – но Злой пробыл здесь всего несколько дней, так что опустошение не проникло глубоко. На выздоровление уйдет самое большее несколько десятилетий. Природа возьмет свое, может быть, не при моей жизни, но при твоей – наверняка.

Саун обменялся загадочным взглядом с Дирлой.

– Принести тебе... Хоть чего-нибудь ты хочешь, командир?

«Я хочу Искорку». Позволить себе такую мысль было ошибкой, потому что она немедленно вызвала почти физическую боль в сердце – как будто в его теле был хоть какой-то орган, который бы не болел... Вслух Даг сказал другое:

– С какой это стати я вдруг стал командиром? Ты обращаешься ко мне «Даг», я к тебе – «Эй, парень!». До сих пор этого было достаточно.

Саун застенчиво улыбнулся, но ничего не ответил. Они с Дирлой двинулись прочь, и Даг уснул еще до того, как они покинули рошу.

Фаун, которой не удавалось уснуть почти до рассвета, проснулась поздно, чувствуя себя так, словно ее избили палками. Чай с мятой и кидальник не особенно оживили ее. Фаун занялась следующим определенным ею для себя делом: стала вязать фитили из нити, которую спряла из волокна кидальника, для восковых свечей, заняться изготовлением которых собиралась Сарри. Через час такого занятия глаза у нее начали слезиться, а пульсирующий жар в левом запястье стал такой же досадной помехой, как и головная боль. Чувствовала ли она собственное сердцебиение или сердцебиение Дага?

« По крайней мере его сердце все еще бьется».

Фаун отложила работу, прошла по дороге до того места, где начиналась тропа, ведущая к рабочей хижине Дора, и остановилась в нерешительности.

«Даг – его брат. Дор не должен остаться равнодушным».

Это обстоятельство Фаун обдумывала, вспоминая собственных братьев. Как бы ни сердилась она на них, разве не отбросила бы она свою досаду, если бы они были ранены или нуждались в помощи? Да, отбросила бы – ведь именно для этого и существует семья, как она считала. Родственники объединялись в случае беды; жаль, конечно, что этого не случилось в остальное время. Фаун расправила плечи и вошла под зеленую сень деревьев.

На краю освещенной солнцем лужайки она снова помедлила. Если она и в самом деле разгуливает с распахнутым для любого взгляда Даром, как обвиняла ее Камбия, Дор должен уже знать о ее приходе. Из-за угла хижины доносились голоса; значит, Дор не погружен в какую-то свою некромантию. Фаун двинулась дальше и нашла Дора сидящим на ступеньке крыльца; рядом с ним сидела пожилая женщина в обычном легком летнем платье с волосами, стянутыми в узел. Дор держал в руке разделяющий нож. Он раздраженно вздохнул и поднял на Фаун глаза, неохотно мирясь с ее приходом.

Фаун прижала к груди левое запястье, словно пытаясь его защитить.

– Доброе утро, Дор. У меня есть к тебе вопрос.

Дор хмыкнул и поднялся на ноги; женщина, бросив на Фаун любопытный взгляд,

встала тоже.

– Что там у тебя? – спросил Дор.

– Это личное дело. Я могу прийти позже.

– Мы как раз заканчиваем. Подожди. – Дор повернулся к женщине и взвесил в руке нож.

– Я за день могу освободить его от заклятия. Если хочешь, приходи вечером.

– Хорошо. Или завтра утром.

– Завтра утром я должен заняться другим ножом.

– Тогда я приду вечером. После ужина можно?

– Годится.

Женщина деловито кивнула и двинулась прочь, но помедлила рядом с Фаун, оглядывая ее с ног до головы. Брови ее поползли вверх.

– Так, значит, ты и есть знаменитая новобрачная – крестьянка?

Фаун, которой не удалось по тону незнакомки понять, как та к ней относится, ограничилась безопасным книксеном. Женщина покачала головой.

– Ну, Дор, твой брат... – С этим туманным высказыванием она ушла.

Судя по недовольной гримасе Дора, он извлек из слов женщины больше информации, чем смогла Фаун. Фаун не обратила на это внимания: у нее в данный момент был более неотложный повод для тревоги. Она осторожно приблизилась к Дору, словно опасаясь, что он ее укусит. Дор положил нож на доски крыльца и насмешливо посмотрел на Фаун.

Фаун слишком нервничала, чтобы сразу приступить к делу; вместо этого она спросила:

– Зачем приходила та женщина?

– Ее дед неожиданно умер во сне несколько недель назад, лишившись шанса создать разделяющий нож. Она принесла его нож, чтобы я его очистил.

– Ох... – Да, конечно, такое должно иногда случаться. Фаун стала гадать, как Дор готовит старый нож к тому, чтобы он был погружен еще в чье-то сердце. Жаль, что они не могут стать друзьями – «или даже родственниками», – тогда бы она спросила.

Впрочем, сейчас не до того. Фаун сглотнула и протянула вперед левую руку.

– Перед тем как Даг отправился в Рейнтри, я спросила его, не может ли он сделать так, чтобы я чувствовала его через свою свадебную тесьму, как он чувствует меня. Он сделал это. – Фаун молила всех богов, чтобы Дор не спросил: как именно Даг выполнил ее просьбу. – Прошлой ночью, часа через два после полуночи, я проснулась – вся рука болела. Сарри тоже проснулась примерно в это же время, но она сказала только, что Рази и Утау все еще живы. И Мари тоже, по словам Каттагуса. Так раньше не бывало... я испугалась... думаю, что Даг пострадал. Можешь ты определить... сказать мне больше?

Фаун не особенно много могла прочесть по лицу Дора, но ей показалось, что в глазах его промелькнула паника. Во всяком случае, он не стал иронизировать, а взял ее за руку и провел пальцами по тесьме. Губы Дора дрогнули и сжались, и он покачал головой – не потому, что потерпел поражение, а скорее раздраженно.

– Отсутствующие боги, Даг, – пробормотал он, – неужели не мог не влипнуть?

– Ну что? – обеспокоенно спросила Фаун.

Дор выпустил ее руку, и она снова прижала браслет к груди.

– Ну... я думаю, что Даг, возможно, получил рану. Сказать, насколько тяжелую, я не могу.

Оскорбленная его безразличным тоном, Фаун бросила:

– Неужели тебе все равно?

Дор развел руками.

– Если он и ранен, это будет не первый случай, когда он возвращается в лагерь на носилках. Я слишком часто видел его в таком состоянии. Признаю, тот факт, что он командует эскадроном, меня немного...

– Тревожит?

– Если угодно. Я не могу понять, как Громовержец... Но ты говоришь, что с

остальными все в порядке, так что они о нем позаботятся. Дозорные своих не бросают.

– Если только он не потерялся, не отбил от остальных или еще что-нибудь. – Фаун могла вообразить сотню «еще чего-нибудь», каждый случай страшнее предыдущего. – Он мой муж. Если он ранен, я должна за ним ухаживать.

– Что ты собираешься сделать? Вскочить на коня и мчаться туда, где идет сражение? Заблудиться в лесу, утонуть в болоте или в реке, быть съеденной первым же встреченным волком – или Злым? Впрочем, если подумать, может быть, стоит попросить Омбу оседлать для тебя коня и отправить в путь. Это наверняка решило бы проблему для моего братца.

Весьма огорчительным было то, что именно такие панические мысли все утро преследовали Фаун. Она нахмурилась.

– А может быть, я вовсе и не заблужусь. Когда Даг поработал над моей тесьмой, он сделал так, что я смогла определить, где он находится. По крайней мере определить общее направление, – честно уточнила Фаун.

К ее смущению, Дор, прищурившись, долго молча смотрел на нее и все сильнее хмурился.

– Никакого отношения к твоему свадебному браслету это не имеет. Даг подчинил часть твоего Дара своему. – Дор, казалось, собирался сказать что-то еще, но неожиданно умолк, и на лице его отразилось сомнение. Через мгновение он добавил: – Я и понятия не имел, что он... Это умелая работа с Даром, признаю, только нехорошая.

– Не понимаю.

– Естественно, не понимаешь.

Фаун стиснула зубы.

– Это означает только, что ты должен больше мне объяснить.

– Вот как? – Насмешливый взгляд вернулся.

– Да, – очень решительно сказала Фаун.

К ее немалому удивлению, Дор пожал плечами, но уступил.

– Это магия Злых, и она запрещена Стражам Озера по очень веским причинам. Злые при помощи своего Дара поработают умы крестьян. Отчасти поэтому крестьяне так же не могут нести дозор, как и собаки – достаточно могущественный Злой способен подчинить их сознание и использовать их против нас.

– А почему такого не случается со Стражами Озера? – ударом на удар ответила Фаун.

– Потому что мы умеем закрывать свой Дар и защищать его от нападения.

Фаун была вынуждена неохотно признать, что Дор, должно быть, говорит правду. Значит, Злой в окрестностях Глассфорджа похитил бы ее разум и волю, если бы имел на это время? Или просто вырвал бы ее Дар, как сделал это с ее малышкой? Теперь уже не узнаешь. Это и в самом деле бросало новый тревожный свет на то, что Фаун до сих пор считала крестьянской клеветой на Стражей Озера и их способность заманивать неосторожных. Но если...

Фаун неожиданно вспомнила о туманных предостережениях Каттагуса.

– Запрещена?

«Насколько строго запрещена и каково наказание за нарушение запрета?»

Уж не вручила ли она только что брату-врагу новое оружие против Дага?

«О боги, я ничего не способна сделать правильно, когда дело касается этих людей!»

– Ну, во всяком случае, не поощряется. Один Страж Озера не в силах применить такой способ к другому, но Дар крестьянина широко распахнут и может быть подчинен достаточно сильным.. – Дор запнулся, но все же договорил: – Мастером. – В голосе Дора неожиданно прозвучало изумление, но он поспешно его скрыл. Глаза Дора сузились, и Фаун очень не понравилась его хитрая улыбка. – Это отчасти объясняет, как Дагу удалось заставить тебя бегать за ним, как потерявшегося щенка.

Фаун охватило смутение, но она, в свою очередь, прищурилась, глядя на Дора.

– А это еще что должно означать? – поинтересовалась она.

– Думаю, что это должно бы быть очевидным. Если нет, то братец – молодец.

Фаун постаралась сдержать раздражение.

– Если ты пытаешься сказать, что твой брат приворожил меня, то это неубедительно. Даг ничего не делал ни с моим браслетом, ни с моим Даром до той ночи перед отъездом.

Дор склонил голову к плечу и сухо спросил:

– Откуда ты знаешь?

Это был страшный вопрос. Может быть, он с такой же легкостью, как Камбия, разбирался в ее Даре, чтобы попасть в самую болезненную точку, подкрепить ее тайные страхи. Сомнения нахлынули на Фаун, как бурный поток, но неожиданно разбились о другое воспоминание – о Санни Сомене, его мерзких угрозах опозорить ее после той ночи на свадьбе его сестры. Тогда уловка прекрасно сработала и заставила ее обратиться в бегство... Однако такое случилось только один раз.

«Может быть, я и простая крестьянская девчонка, но я учусь. Так говорит Дат».

Фаун подняла голову и твердо взглянула в глаза Дору, и неожиданно сомнение отразилось на его лице, а не на ее.

Фаун сделала глубокий вдох и сказала:

– Не знаю, кто из вас использует магию Злых, но точно знаю, кто из вас самый злобный.

Дор отшатнулся.

«Ага, задело, Дор?» Фаун тряхнула головой, развернулась и двинулась прочь, не оглядываясь.

Снова выйдя на дорогу, Фаун повернула было направо, но, неожиданно приняв решение, пошла налево. За время, что потребовалось для того, чтобы пройти вдоль берега милью до штаба дозорных, ее храбрость здорово охладилась. В здании штаба было тихо, хотя в конюшне и в загонах шла суета: то ли какой-то отряд вернулся, то ли должен был вскоре отправиться в путь; могло быть и так, что шла подготовка к отправке нового эскадрона на помощь сражающимся.

«Возможно, Громовержца и нет на месте», – сказала себе Фаун, поднимаясь на крыльцо.

Незнакомый дозорный писал что-то за столом и, не поднимая головы, свободной рукой показал на дверь.

– Если дверь открыта, кому угодно можно войти.

Фаун проглотила приготовленное приветствие, кивнула и прошмыгнула мимо. Будь проклят этот всем открытый Дар! Она заглянула во внутреннее помещение.

Громовержец сидел у своей доски с колышками, положив ноги на другой стул и держа на коленях мелкий деревянный ящик; он передвигал в нем что-то толстым пальцем и хмурился. Еще на двух стульях, стоящих рядом, находились такие же ящики. Громовержец прищурился на доску, вздохнул и сказал:

– Входи, Фаун.

Приободрившись, Фаун подошла поближе. Как и следовало ожидать, в ящиках оказались колышки. Громовержец, решила Фаун, похож на человека, который пытается сообразить, как ему заполнить восемь сотен дырок четырьмястами колышками.

– Я не хочу тебя отвлекать.

– Не так уж ты меня отвлекаешь. – Он наконец поднял глаза и сделал гримасу, которая, наверное, должна была сойти за улыбку.

– У меня есть вопрос.

– Надо же! – Громовержец заметил, как при этих словах Фаун поморщилась, и виновато покачал головой. – Прости. Так вот, отвечаю: нет, от Дага гонцов с момента их отбытия не было, да я и не ожидал бы их еще. Еще слишком рано для новостей.

– Я догадалась. У меня другой вопрос.

Фаун казалось, что она не позволила своему голосу дрогнуть, но Громовержец поднял брови, спустил ноги со стула и выпрямился.

– Ну?

– Женатые Стражи Озера ощущают своих супругов благодаря свадебным браслетам – по крайней мере пока живы. Можно предположить, что ты получаешь такие новости насчет дозорных... ведь люди сразу сообщают тебе, если связь через браслет прекращается.

Громовержец несколько растерянно посмотрел на Фаун.

– Верно. Это Даг тебе рассказал?

– Нет, я сама догадалась. Вот что я хочу узнать: гонцы там или нет, не получал ли ты вестей о гибели воинов из отряда Дага?

– Нет. – Взгляд Громовержца сделался более острым. – Почему ты спрашиваешь?

Вот теперь начиналась самая страшная часть. Громовержец ведь член совета лагеря...

«Только я думаю, что он в первую очередь заботится о дозоре».

– Прежде чем уехать, Даг поработал над моим браслетом... или моим Даром, – чтобы я могла чувствовать, жив ли он. Так же, как это бывает со всеми Стражами Озера, только, думаю, немного иным способом. – Почти так же кратко, как и Дору, Фаун рассказала Громовержцу о событиях прошлой ночи и о своем разговоре в лунном свете с Сарри и Каттагусом. – Поэтому утром я со своим браслетом отправилась к Дору – он самый умелый мастер, какого я знаю. И он признал, что я права, что браслет верно сообщил – Даг прошлой ночью пострадал. – Нет нужды добавлять, решила Фаун, что Дор признал бы правоту крестьянской жены брата хоть в чем-нибудь только в том случае, если бы правота была несомненной.

В глазах Громовержца вспыхнули внимание и тревога, которых Фаун не замечала в Доре. Он протянул руку, потом одернул себя и сказал:

– Прошу прощения. Могу я коснуться?..

Фаун собрала в кулак всю свою смелость и протянула левую руку Громовержцу.

– Да.

Теплые пальцы Громовержца скользнули по коже и задержались на браслете. Дозорный напрягся, на его лице отразились сомнение и беспокойство.

– Ну, что-то тут есть, но... – Громовержец вдруг резко поднялся, подошел к двери и выглянул в соседнюю комнату. В голосе его прозвучала властность, которой Фаун раньше не слышала. – Вион, сбегай в шатер целителей и посмотри, не там ли Хохария. Если она не занята, попроси ее прийти сюда. Есть кое-что, что ей нужно увидеть, и немедленно. – Скрипнул стул, раздалось какое-то бормотание, и входная дверь захлопнулась прежде, чем Громовержец успел договорить. Он виновато объяснил Фаун: – Была причина для того, чтобы я сделался дозорным, а не мастером. Хохария сможет понять гораздо больше, чем доступно мне. Может быть, даже больше, чем увидел Дор.

Фаун кивнула.

Громовержец побарабанил пальцами по спинке стула.

– Сарри и Каттагус сказали, что с их супругами все в порядке, да?

– Да. Правда, Сарри не была вполне уверена насчет Утау, как мне показалось. Но все живы.

Громовержец подошел к столу и стал смотреть на расстеленный на нем лист. Фаун последовала за ним. На стопке других карт была развернута карта северной части Рейнтри. Палец Громовержца скользнул по ней.

– Даг собирался объехать Рейнтри и напасть на Злого с севера. Я полагаю, что раньше сегодняшнего дня добраться туда они не могли. Не знаю, насколько их задержала вчерашняя буря... Так или иначе, они сейчас могут быть где угодно в радиусе пятидесяти миль от Боунмарша.

Фаун левой рукой провела по карте. Указания, которые она получала от браслета, увы, никак не зависели от значков на карте – только от живого Дага. Однако на карту Фаун смотрела с неожиданно проснувшимся новым интересом.

Карты. Карты могли помочь не заблудиться в местах, где ты никогда раньше не бывал. Та, на которую они с Громовержцем сейчас смотрели, была густо покрыта извилистыми

линиями дорог, троп, рек и ручьев; по ней были рассыпаны пометки, говорящие о том, где находятся броды или, более редко, мосты. Дор был прав, предполагая, что если Фаун просто вскочит на коня и поскачет на запад, она скорее всего попадет в беду. Но если она поскачет, имея себе в помощь карту... она, конечно, все равно окажется там, где идет война, а всего двое разбойников раньше легко справились с ней...

«Теперь я была бы более осторожна».

По крайней мере о карте следовало серьезно подумать.

– Что могло случиться с Дагом, как ты думаешь? – спросила она Громовержца. – Только с Дагом и ни с кем больше?

Громовержец пожал плечами.

– Если начинать с наиболее вероятных событий, может быть, его дурак-конь наконец сумел врезаться в дерево. Возможности всяких несчастных случаев бесконечны. Но добраться до Злого они еще не могли.

– Почему?

Голос Громовержца сделался странно тихим.

– Потому что было бы больше погибших. Мы с Дагом прикинули, основываясь на опыте Волчьего перевала, что потери составят примерно половину эскадрона. Вот как я ожидаю узнать, что... – Громовержец умолк и покачал головой. – Обайо Грейхерон возьмет на себя команду. Он хороший воин, хоть и не обладает таким талантом... ах, боги, до чего же я ненавижу это беспомощное ожидание!

– И ты тоже? – широко раскрыв глаза, спросила Фаун.

Громовержец просто кивнул головой. В этот момент кто-то постучал в дверь, и спокойный голос произнес:

– Проблемы, Громовержец?

Громовержец с облегчением повернулся к вошедшей.

– Хохария! Спасибо, что пришла. Иди поближе.

Целительница приблизилась, небрежно помахав Громовержцу и с любопытством посмотрев на Фаун. Даг познакомил их, когда показывал жене шатер целителей, который Фаун показался самым основательным строением в лагере, но с тех пор женщины не обменялись и несколькими словами. На взгляд Фаун, Хохария была женщиной неопределенного возраста, уступавшей ростом другим Стражам Озера, и ее летнее платье вовсе не красило ее плоскую фигуру, но выпуклые глаза на костлявом лице смотрели пронизательно и не без доброты. Как и глаза Дага, они меняли цвет в зависимости от освещения – от серебристого на солнце до серого, как сейчас.

Громовержец поспешно освободил стул у стола с картами и снял ящики с колышками еще с двух. Фаун неловко сделала книксен и села там, куда показал Громовержец, у противоположной стороны стола.

– Расскажи о случившемся, Фаун, – сказал Громовержец, усаживаясь напротив.

Фаун сглотнула.

– Сэр... Мэм... – Справившись с волнением, она повторила свой рассказ, теребя правой рукой тесьму на левой. – Дор обвинил Дага в использовании магии Злых, – закончила она, – но я клянусь: это не так! Даг не виноват – это я попросила его что-нибудь сделать с браслетом. Дор нарочно изображает все в темном свете, и меня это так злит, что я готова плевать!

Хохария выслушала Фаун, склонив голову к плечу и не перебивая, и мягко сказала:

– Что ж, давай посмотрим на твой браслет, Фаун.

Целительница ободряюще кивнула, когда Фаун положила левую руку на стол, и задумчиво надула губы, глядя на тесьму. Ее тонкие сухие пальцы едва коснулись кожи, но Фаун ощутила глубоко внутри дрожь, когда они двинулись по ее руке. Громовержец так внимательно смотрел на Хохарию, что иногда забывал дышать. Наконец целительница откинулась на спинку стула, но понять что-то по выражению ее лица было невозможно.

– Что ж... Для дозорного Даг произвел очень мощное воздействие на Дар. Ты тут

прячешь таланты, Громовержец?

Тот поскреб в затылке.

– Если кто и прячет талант, то это сам Даг.

– Он рассказывал тебе о происшествии со стеклянной чашей и о своей призрачной руке?

Брови Громовержца поползли вверх.

– Нет...

– Хм-м...

– Дор сказал правду, – сглотнув, прошептала Фаун, – это – скверная магия?

Хохария покачала головой, не столько отрицая, сколько предостерегая.

– Нет, но пойми: я никогда не видела вблизи никого, чей разум поработил Злой. Я только слышала о таких людях. Правда, я вскрывала глиняных людей, и это о многом мне сказало. Случившееся больше напоминает мне о воздействии Дара для исцеления, сказать по правде. Это похоже на танец, когда один Дар подталкивает другой. Другое дело – укрепление Дара, когда целитель на самом деле отдает часть своего. Может быть, воздействие на Дар Злого так сильно, что это уже не танец, а принуждение... и тут есть и несоответствие. Я ничего больше не смогу сказать, пока передо мной не окажется Даг.

Фаун тоскливо вздохнула при мысли о том, что Даг мог бы оказаться перед ними, живой и здоровый.

Громовержец, не скрывая изумления, пробормотал:

– Разве сотня миль – не слишком большое расстояние для того, чтобы один Дар влиял на другой, Хохария? Мне приходилось видеть такое, только когда люди оказывались бок о бок.

– Вот тут-то и играет роль «почти». Даг смешал два вида воздействия. Он сумел – очень искусно сумел – укрепить Дар в левой руке Фаун и одновременно заставить свой и ее Дар танцевать вместе в этой тесьме. Все это очень... э-э... изобретательно.

Возможно, заметив растерянность на лице Фаун, Хохария продолжала:

– Дело вот в чем, дитя. То, что крестьяне называют магией, магией Стражей Озера или магией Злых, это всего лишь определенного рода воздействие на Дар. Мастер извлекает Дар, с которым работает, из себя, и должен восполнить его, как восполняют жизненные силы. Злой ненасытно похищает Дар из окружающего мира и ничего не отдает обратно. Представь себе чистый ручеек и разбушевавшуюся реку. Первый напоит тебя в жаркий день, а вторая смое твоей дом и утопит тебя. И то, и другое – вода, но любой разумный человек с легкостью отличит одно от другого. Понимаешь?

Фаун кивнула, хоть и немного неуверенно, чтобы показать, что внимательно слушает.

– Так ранен мой командир эскадрона или нет? – нетерпеливо ерзая на стуле, спросил Громовержец. – Что творится в Рейнтри, Хохария?

Целительница снова покачала головой.

– Ты просишь меня сказать тебе, что я разглядела в осколке зеркала, да еще в темноте. Вижу ли я все целиком или только малую часть? Чему это соответствует? – Она повернулась к Фаун. – Где именно у тебя болит?

Фаун пошевелила пальцами.

– По большей части кисть левой руки. Чем выше, тем ощущение слабее, только меня всю немного знобит.

– Но у Дага нет... – пробормотал Громовержец. Лицо его сморщилось; он явно на мгновение оказался даже более растерян, чем Фаун.

– Как бы это сказать, – неохотно проговорила Хохария. – Если весь его Дар так же напряжен, как та часть, которую я ощутила, его телу пришлось несладко.

– Насколько несладко? – рявкнул Громовержец. Это даже порадовало Фаун, потому что сама она была слишком испугана, чтобы самой закричать на целительницу.

Хохария огорченно развела руками.

– Ну, явно недостаточно, чтобы его убить.

Громовержец оскалил зубы, но тут же мрачно сгорбился на стуле.

– Ну, если я и усну сегодня ночью, Хохария, то это не будет твоя заслуга.

Фаун наклонилась вперед и пристально посмотрела на свою руку.

– Я-то надеялась, что ты скажешь мне: я глупая крестьянская девчонка, которая невесть что себе навоображала. Так все всегда говорят, а вот когда нужно... – Она подняла глаза и обеспокоенно спросила: – Даг не попадет в беду из-за того, что сделал с моим Даром?

– Ну, если... когда он вернется, могу обещать: я кое о чем его спрошу, – горячо откликнулась Хохария. – Но мои вопросы не будут иметь никакого отношения к разбирательству на совете лагеря.

– Во всем на самом деле виновата я, – прошептала Фаун. – После разговора с Дором я боялась рассказывать... но я подумала... подумала, что Громовержец имеет и нужду, и право знать – ради всех дозорных.

Громовержец выпрямился и серьезно сказал:

– Спасибо тебе, Фаун. Ты поступила правильно. Если почувствуешь... какие-то изменения, сразу скажи мне или Хохарии, ладно?

Фаун горячо закивала.

– А что мы теперь будем делать?

– То, что нам всегда приходится делать, крестьяночка, – вздохнул Громовержец. – Будем ждать.

13

К тому времени, когда Даг проснулся, уже давно наступила темнота; он натянул сапоги, не зашнуровывая, и поковылял к отхожему месту. Ночной воздух был неподвижен и влажен, но двое дозорных на посту поддерживали огонь, и костер озарял деревья веселым оранжевым светом. Один из дозорных помахал Дагу, и Даг так же безмолвно ответил на приветствие. Все кругом выглядело обманчиво мирным, как будто бодрствующие Стражи Озера просто охраняли покой спящих товарищей.

Облегчившись, Даг подумал о том, чтобы еще поспать, потому что пронизывающая его до мозга костей усталость никуда не делась. На болоте царили тишина – обычно в этот час ночь была бы полна кваканья лягушек, голосов насекомых и птичьих криков – и странное отсутствие запахов. Туманный воздух должен был бы пахнуть обычной болотной жизнью или смердеть смертью... что ж, разложение, конечно, наступит – через неделю, через месяц или будущей весной, и это, как ни отвратительна окажется вонь, станет первым признаком возвращения жизни, обновления опустошенной земли – гниль обладает собственным вполне живым Даром.

Даг обвел взглядом рощу; костер светил между деревьев, как фонарь. Даг вспомнил свое первое появление здесь – неужели это было только накануне? Если полночь миновала – Даг посмотрел на звезды, чтобы определить время, – можно было бы сказать, что прошло два дня, хотя это ничего особенно не меняло. Задумчиво нахмутив брови, Даг старательно отсчитал две сотни шагов от рощи и уселся на пень, вытянув ноющие ноги. Раз он раньше приоткрывал свой Дар на таком расстоянии, не приведя в действие западню, наверное, можно сделать это снова.

Впервые за много часов приподняв завесу с Дара, Даг даже зашипел от неожиданности. Мари назвала состояние его Дара онемением, но это никак не соответствовало той пульсирующей боли, которую он испытал. Обычно Даг обращал на свой Дар так же мало внимания, как и на тело – они смыкались без всяких усилий. Теперь же, собравшись обследовать пленников Злого, Дар которых все еще оставался скованным, Дар обнаружил, что его внутренние чувства обращены исключительно на него самого.

Дар его правой руки все еще сохранял тепло – последние следы целительного подкрепления, которое Даг то ли вырвал, то ли получил в подарок от подмастерья Хохарии. Со временем это подкрепление медленно растворится, теряя качества Дара донора и обретая

свойства собственного Дара исцеленного – примерно так же, как пища постепенно входит в состав тела. Последние следы этого исчезнут окончательно через несколько недель. Что же касается Дара левой руки...

В настоящий момент призрачная рука отсутствовала. Дар руки был испещрен дюжиной темных пятен, черных провалов, похожих на дырки, прожженные в ткани разлетевшимися искрами. Еще несколько таких же повреждений нашлись на шее и левом боку. Их окружали серые кольца – узкие полосы омертвления. Это не было просто исчезающим следом хватки Злого, какая прихлясь на долю Утау, хотя эхо таких ран Даг ощущал тоже. Пятна были, как понял Даг, ключьями Дара Злого, которые он вырвал в той отчаянной ночной схватке. Ничего подобного Даг раньше никогда не видел, но сразу же опознал. Их совершенное соответствие друг другу казалось странно знакомым.

С другой стороны, он никогда раньше не встречал никого достаточно безумного, чтобы попытаться вырвать Дар Злого. Может быть, он получил объяснение того, почему такой способ не рекомендуется? Увечье или выздоровление тела вело к повреждению или исцелению Дара; лишение Дара или длительное соприкосновение с омертвлением убивали тело. Так какое воздействие оказывает на его тело это загадочное заражение? Ничего хорошего, решил Даг. Руководствуясь такой картой, он мог отследить глубинные источники боли в теле, порожденные повреждениями Дара, хоть они и не слишком отличались от его общего болезненного состояния. Боль обычно говорит о причиненном вреде. Так какого рода был этот вред?

Что происходит? То ли медленное поглощение этой пульсирующей серости Даром Дата, то ли... то ли распространение омертвления? Даг сглотнул и прислушался к себе, но не смог обнаружить различимых перемен.

«Этого и следовало ожидать» – Даг почти услышал голос Фаун. Что сообразительная крестьянская девушка сказала бы по поводу случившегося с ним? Каковы возможные последствия?

Ну что же... Его Дар может медленно исцелить себя, как это происходит с любой раной. Однако возможно, что Дар окажется не способен себе помочь, пока не устранены источники омертвления, так же как плоть не может начать заживать, пока из раны не извлечена стрела. Иногда, хоть и редко, в теле остается острие, которое невозможно извлечь; такая рана закрывается, но бывает, что снова воспаляется. Или... может быть, омертвление распространяется быстрее, чем Дар восстанавливает себя? В таком случае...

«В таком случае я вижу перед собой смертельную рану». Смертность вливается медленно, как загустевший на холоде мед, но неотвратимо, как время.

«Ох нет, Искорка, мы же так недолго были вместе...»

Неожиданное озарение заставило Дага попробовать ухватить призрачной рукой источник скверны, вырвать его и отбросить подальше... только возможно ли разорвать собственный Дар? Однако странная сила не откликнулась на зов Дага. Тогда он стал растирать правой рукой левый бок, приказав Дару руки проникнуть внутрь, но это оказалось так же невозможно, как добиться, чтобы плоть проникла сквозь плоть. Попытка только привела к тому, что левый бок свела судорога.

Перед внутренним взором Дага предстала еще более ужасающая картина. Как говорили, частицы первого Злого разлетелись по всему миру и заразили его. Что, если каждый из попавших в него фрагментов обладает такой же способностью?

«Не могу ли я превратиться в Злого? Или стать кормушкой для зародышей?»

Даг опустил голову на колени и вцепился рукой в волосы, тяжело дыша открытым ртом.

«Ох, отсутствующие боги, неужели вы ненавидите меня настолько сильно?»

Он может породить дюжину Злых... или нет, самый сильный, несомненно, поборет и съест остальных и останется единственным победителем... кого? Как только юный Злой пожрет весь Дар и всю жизнь тела, в котором живет, он предположительно должен умереть... если только не найдет способ вырваться на свободу.

Даг в панике хватал ртом воздух, но через некоторое время сглотнул и выпрямился.

«Почему бы не вернуться к идее смертельной раны?»

Что, если он носит в себе не семя, из которого может вырасти Злой, а каплю крови твари, несущую ядовитый Дар, но неспособную к независимому существованию? Даг осторожно снова направил свои чувства внутрь – и правда, он не ощутил той ауры рождающейся личности, которая окружает даже самого маленького, еще неподвижного Злого. Отрава, конечно, есть. Но он может жить... и быть счастливым с этим...

Даг просидел несколько минут в безмолвной темноте, борясь с ознобом, потом снова заглянул в себя. Никаких перемен. Похоже, он все-таки не рассыплется немедленно в серую пыль. Что ж, это означает, что утром он обречен снова взвалить на себя всю ответственность. Значит... У него ведь было какое-то основание для того, чтобы прийти сюда. Что же это было?

Даг сделал глубокий вдох и очень осторожно стал расширять зону восприятия своего Дара. Окружающая скверна покусывала его, но на это можно было не обращать внимания. Даг нашел засохшие деревья роши, глиняных людей в их сырых колыбелях в низине, дозорных, несущих ночную вахту. Он обогнул пленников, Дар которых оставался скованным, едва коснувшись их своими чувствами. Раньше он обнаруживал поток Дара, устремлявшийся в землю к питомнику глиняных людей и питающий их. Сохраняется ли он?

Нет. Такое благо, по крайней мере, гибель Злого принесла.

Только... так ли? Глиняные люди все еще были живы, хоть и перестали расти. Значит, к ним все еще течет Дар, хоть и медленно. Единственным его источником могли быть пленники, к которым теперь добавились и недавно захваченные дозорные. Даг сомневался, что их изможденные тела способны достаточно быстро воспроизводить Дар, чтобы его хватило надолго. Чем же все кончится, если эти проклятые оковы не удастся взломать?

Самые слабые из пленников умрут первыми; нагрузка на остающихся в живых возрастет, и они тоже, как подозревал Даг, долго не продержатся. Смерть забьет фонтаном: последний Страж Озера умрет очень быстро. Будет ли это концом: проблема разрешит сама себя и исчезнет? Или существуют другие элементы, скрытые от глаз, но продолжающие действовать под прикрытием скованного Дара?

Никто не мог этого выяснить, не прикоснувшись своим Даром к оковам. Никто не мог, похоже, прикоснуться к оковам, не сделавшись тут же пленником. Безвыходная ситуация.

«У меня болит голова. Мой Дар пострадал».

Однако сейчас ничего ужасного не происходит. Даг ухватился за эту мысль, как будто она сулила надежду. Может быть, утро принесет новые знания или даже новых знатоков, которые справятся с делом лучше, чем потрепанный старый дозорный, который ни в чем не может разобраться. Даг вздохнул, с трудом поднялся и поковылял обратно к своему одеялу.

Утро принесло с собой по большей части новые заботы. Вернувшиеся разведчики доложили о том, чего Даг и ожидал: всюду царил хаос, бывшие рабы разбежались, мало что осталось от наскоро сооруженных защитных укреплений, – однако появились и обнадеживающие признаки того, что люди начали приходить в себя, узнав об уничтожении Злого. К середине дня около двух дюжин жителей Боунмарша осторожно приблизились к своему селению. Даг послал дозорных помогать им в самых неотложных делах – опознании и похоронах погибших, в числе которых была и та женщина, Дар которой сковал Злой, и поисках припасов, которые еще годились и могли быть перевезены в другие лагеря Рейнтри: Стражам Озера предстояло принять около двух тысяч оставшихся бездомными беженцев, и их ждала нелегкая зима. Даг порадовался, узнав, что жертв в Боунмарше было сравнительно немного; однако никто еще не знал, как обстояли дела в городке, который Злой захватил первым.

Трое из жителей Боунмарша согласились остаться и помогать в уходе за мастерами, чей Дар оставался скованным, и их неудачливыми спасителями. Вернувшиеся беглецы сообщили Дагу имена пленников Злого и рассказали истории их жизни; впрочем, Даг сомневался, что

это может чем-то помочь. Так или иначе, он отослал выживших в сопровождении дозорных в ближайший лагерь Стражей Озера, передав с ними настоятельную просьбу прислать в Боунмарш любых целителей или других знатоков Дара, кто оказался бы не занят и смог бы помочь разгадать смертоносную загадку. Даг, правда, не ожидал от этого особой пользы: каждый целитель в Рейнтри наверняка был по уши занят лечением своих соплеменников.

Немного больше надежд он возлагал на отряд из двадцати пяти дозорных, которых отправил в лагерь Хикори с сообщением о надвигающихся трудностях: их соседи зимой будут нуждаться в припасах и всяческой помощи; кроме того, Даг послал Хохарии отчаянную просьбу прибыть самой или прислать другого не менее умелого целителя. С собой в Боунмарше он оставил тех дозорных, кто больше всего смыслил в медицине, главным образом женщин-ветеранов – матерей и бабушек, которые умели ухаживать за беспомощными детьми, неспособными ни говорить, ни есть без посторонней помощи: по крайней мере, раз младенцев они выхаживали, можно было надеяться, что сумеют позаботиться и о взрослых.

Вот чего Даг не ожидал – это что они возьмутся заботиться и о нем.

– Даг, – сказала Мари со своей обычной прямоотой, – мешки у тебя под глазами такие черные, что ты похож на какого-то распроклятого енота. Кто-нибудь тебя осматривал?

Даг подумывал о том, чтобы потихоньку увести кого-нибудь из смыслящих в полевой медицине дозорных подальше от роши и попросить себя осмотреть. Мари, мрачно подумал он теперь, не только самая опытная по этой части, но и немедленно выудит все сведения у того, с кем Даг стал бы советоваться. Так что можно не тратить силы понапрасну.

– Пойдем, – вздохнул он, и Мари кивнула хоть и сурово, но удовлетворенно.

Даг отвел ее к тому же пню, на котором сидел прошлой ночью, и осторожно открыл свой Дар. Это длилось всего минуты две, но все равно дело кончилось тем, что он уткнулся головой в колени.

«Все еще больно».

Мари с шипением медленно втянула воздух сквозь стиснутые зубы, и это было не менее пугающе, чем если бы она выругалась.

– Ну, выглядит это не слишком хорошо, – сказала она таким тоном, что сразу было ясно: она недоговаривает. – Что это за черная сыпь?

– Какое-то заражение Дара. Я его заполучил, когда... – Даг хотел сказать: «когда попробовал вырвать Дар Злого», но передумал и договорил: – Когда пытался отвлечь Злого от Утау, он взялся за меня. Ко мне пристали его частицы. Они меня жгли, и избавиться от них я не смог. Тогда я закрыл Дар и отключился.

– Уж это точно. Я-то думала, что у тебя просто разорван Дар... Ха! Только послушайте меня – «просто разорван Дар» – как это случилось с Утау. Оно все еще... болит? Выглядит все так, что болеть должно.

– Угу. – Дат обратил свои чувства на собственный Дар, закрыв на мгновение глаза, чтобы сосредоточиться. Два серых пятна на левой руке, которые накануне были отдельными, теперь слились.

«Мой Дар несет потери». Мари нерешительно спросила:

– Ты хочешь, чтобы я попробовала что-то сделать? Как ты думаешь, что тут может помочь – если я поделюсь своим Даром или если просто подтолкну твой?

– Не уверен. Я совсем не хотел бы, чтобы эта гадость пристала и к тебе. Подозреваю, что она... – «Смертельна», – подумал Дат, но вслух сказал: – Очень вредна. Лучше подождать. Я же ведь не валюсь с ног.

– Но и джигу не пляшешь тоже. Это совсем не похоже на случай Утау – у него Дар поранен и болит, но совершенно ясно, что со временем придет в норму. А у тебя... нет, я тут не разберусь. Тебе нужен настоящий мастер-целитель.

– Вот и я так подумал. Надеюсь, целитель скоро появится... А тем временем я, похоже, ходить все-таки могу. – «Хоть и не плясать джигу». – Если ты воздержишься от того, – поколебавшись, добавил Даг, – чтобы сплетничать о случившемся со мной в лагере, я буду

тебе признателен.

– Случись такое с любым дозорным, – фыркнула Мари, – разве ты тут же не зачислил бы его в больные?

– Командир обладает некоторыми привилегиями, – невесело сказал Даг. – Ты же знаешь это по себе – сама командуешь отрядом.

– Ах вот как? Это что же – привилегия делать глупости? Странно, не припоминаю такого за собой.

– Послушай, если тут появится кто-нибудь, кто сможет распутать этот клубок, можешь не сомневаться: и часу не пройдет, как я уже буду скакать на восток. – Только ведь не удастся ускакать от того, что у тебя внутри, верно? – Понятия не имею, смогут ли ребята из Рейнтри прислать кого-нибудь и когда это могло бы случиться, но думаю, что самое скорое, когда мы можем ждать помощь из дому, – это через шесть дней. – Даг Досмотрел на небо; воздух стал душным и жарким, предсказывая, что к вечеру может разразиться гроза.

Мари бросила взгляд в сторону рощи и тихо сказала:

– Думаешь, эти бедняги продержатся шесть дней?

Даг тяжело вздохнул и поднялся на ноги.

– Не знаю, Мари. А вот что нужно сделать – это соорудить над ними что-то вроде навеса. Ночью будет дождь, тебе не кажется?

– Похоже, – согласилась Мари.

Они молча вернулись в рощу мертвых деревьев.

Даг не знал, говорила ли Мари о нем, и если говорила, то что именно, но тем вечером очень многие сочли своим долгом посоветовать ему прилечь. Он охотно послушался, хотя, ничего не делая и только сидя, скрестив ноги, на своем одеяле и глядя на неподвижные тела пленников Злого, почувствовал, что начинает их ненавидеть. Не будь возни с ними, он мог бы сегодня вместе с остальным отрядом отправиться домой и через три дня прижать к себе Фаун и не отпускать даже для того, чтобы сделать вдох. Усталость, которую принес этот поход, не шла ни в какое сравнение с теперешним удушающим отворачиванием к собственной беспомощности. Спал Даг плохо.

К концу следующего дня двое из пленников – самые старшие – оказались не в силах глотать, а еще один начал задыхаться. Карро, приятельница Мари из отряда Обайо, положила его голову себе на колени, а Даг, опустившись на землю рядом, напряженно следил за его судорожными вдохами. Такое дыхание умирающего обычно служило сигналом к обряду разделения. Но действительно ли этот человек умирал? И что стало причиной его немощи? Редкие волосы мастера были седыми, но назвать его стариком было бы нельзя; до того, как на него свалилось несчастье, он оставался, на взгляд Дага, крепким, жилистым и подвижным. Имя его, которого Дагу вовсе не хотелось знать, было Артин; вернувшиеся соседи говорили о нем как о прекрасном кузнеце и оружейнике. Коснувшись мозолистой руки Артина, Даг догадался о целой жизни, посвященной совершенствованию своих знаний и умений.

Мари обтерла влажной тряпицей лицо и волосы лежавшей рядом женщины, которую она уже несколько минут безуспешно пыталась напоить; женщина вырывалась и давилась.

– Если в такую жару нам не удастся вливать в них воду, Даг, они нипочем не продержатся еще пять дней.

Карро кивнула на человека, которого поддерживала.

– Этот проживет еще меньше.

– Вижу, – пробормотал Даг.

Саун обеспокоенно сновал вокруг. Даг предполагал, что юноша попросится в тот отряд, что должен был отправиться в Рейнтри для помощи беженцам, и действительно, Саун отклонил предложение вернуться в лагерь Хикори; однако молодой воин явно очень серьезно смотрел на свое назначение в помощь Дагу и пожелал остаться с теми, кто ухаживал за жертвами Злого. Ночевал он в обезлюдевшем теперь лагере к востоку от оскверненного селения, но днем вел себя, как левый локоть Дага. Это было бы очень хорошо,

если бы только из-за всех свалившихся на них неприятностей Саун не напоминал блоху на сковородке.

Вот и теперь он обратился к Дагу:

– Нужно же что-нибудь делать! Даг, ты говоришь, что эти мастера все еще питают своим Даром глиняных людей; если это так, не стоит ли освободить их от этой тяжести?

– Обайо и Грифф говорят, что они пытались, – терпеливо объяснил юноше Даг. – Результаты, как я понял, были очень нехорошими.

– Но никто же не умер! Может быть, это как хирургия Хохарии: больно, но исцеляет.

Доводы Сауна были вескими, и возможность действовать привлекала Дага гораздо больше, чем перспектива просто сидеть и смотреть, как люди страдают и умирают.

«Мой эскадрон...» Даг не мог вспомнить, когда он стал смотреть на этих мастеров из Рейнтри как на почетных членов его отряда, но так оно и было. Трое бесчувственных дозорных пока еще были наименее истощенными, но Даг не сомневался, что долго такое положение не продлится.

– Признаю, – медленно проговорил Даг, – я хотел бы сам увидеть, что случится, если уничтожить глиняных людей. – Хотя какие важные изменения он может заметить, не пользуясь Даром, оставалось мучительным вопросом... – Пожалуй, прикончи одного. И тогда посмотрим...

Саун быстро закивал и отправился за своим мечом. Это был тот самый клинок, из-за которого Саун так пострадал в ночной схватке под Глассфорджем; Даг мужественно воздерживался от замечаний о том, что и в этом походе меч оставался мертвым грузом. Однако для того, чтобы разделаться с глиняными людьми в их влажных колыбелях, меч годился не меньше, чем копье, и уж определенно лучше, чем нож.

Вскинув меч на плечо, Саун решительно направился через рощу к болотистой низине; под его сапогами хлюпала грязь, которую породил ночной дождь. Саун замедлил шаги, стараясь найти более сухие места между кочками пожухшей травы и с любопытством и отвращением глядя на ямы в болотистой почве и их обитателей.

Полусформировавшиеся твари выглядели отвратительно: они уже утратили сходство с животными, но были в равной мере далеки от обретения предназначенной им гротескной человеческой формы. Невинные, но обреченные... Даг нахмурил брови. Если... если их превращение будет каким-то образом завершено, теперь, когда Злой мертв, будут ли они обнаруживать рабскую преданность питающим их своим Даром Стражам Озера?

Такая мысль встревожила Дага – как будто его мозг и так уже не был полон тревожных мыслей! Эта встревожила тем более, что была очень соблазнительной. Могучие полулюди – слуги могли бы быть использованы для очень многих отчаянно необходимых дел. Может быть, лорды-волшебники прошлого создавали себе подобных помощников? Злые, похоже, вылуплялись, уже обладая соответствующим знанием, знанием, не пользоваться которым они не могли; это означало, что такое умение было заложено в них в древности; впрочем, глиняные рабы могли оставаться в живых при условии постоянного подкрепления Даром что делало их смертельно дорогостоящими.

Даг был только рад выбросить эти размышления из головы, когда его окликнул Саун:

– С какого начать? С самого крупного?

Мари, с сомнением глядя на женщину, за которой ухаживала, буркнула:

– Лучше с самого мелкого.

– Не думаю, что это имеет значение, – откликнулся Даг. – Выбери любого.

Саун сделал шаг по направлению к ближайшей яме, ухватил меч обеими руками, прищурился и нанес удар. Из ямы донесся визг и плеск, вокруг разлетелись брызги. Саун скривился, попятился и поспешно нанес новый удар.

– Что это было? – спросила Мари.

– Бобер, я думаю, иди лесной сурок. – Саун отскочил от ямы, казалось, его вот-вот вырвет; судорожные движения в болотной колыбели затихли.

От происходящего в низине внимание Дага отвлек крик Карро. Пленники – все Стражи

Озера, Дар которых был скован Злым, – начали метаться на своих подстилках и стонать, как раненные животные, словно испытывая мучительную боль. Двое присматривавших за ними дозорных в панике бросились к своим подопечным. Судороги, скрутившие Стражей Озера, походили на эпилептический припадок, так что Даг начал отчаянно озираться в поисках чего-нибудь, что можно было бы сунуть между зубов страдальцев, но ничего, кроме крюка на левой руке или собственных пальцев, ему на глаза не попало. Неудачная идея...

Артин, дыхание которого и раньше было неровным, стал задыхаться. Карро откинула одеяло и прижалась ухом к груди мастера.

– Даг, плохо дело...

– Хватит, Саун, – поспешно бросил Даг через плечо, опускаясь на землю рядом с Артином. Губы кузнеца приобрели оттенок свинца, веки вздрагивали.

– У него что-то с сердцем, – пробормотала Карро. — Трепыхается, как крылышки куропатки.

«В тот момент, когда лучник выпускает стрелу в летящую птицу, – закончил Даг ее невысказанную мысль. – Сердце старика отказывает. Проклятие!»

Саун бежал прочь от болотистой низины; Даг перевел взгляд с его покрытых грязью сапог на внезапно побледневшее лицо. Губы юноши дрогнули, но не издали ни звука. Впрочем, Дагу не были нужны слова для того, чтобы понять чувства Сауна – сердце парня словно провалилось куда-то под грузом вины и страха.

«Не по силам тебе такая тяжесть, мой мальчик».

Однако кто-то должен взять ее на себя.

«Ох, только не сегодня...» ,

Может быть, помощь близка, нужно только сохранить мастеров живыми до ее прибытия. Любым способом. Дагу почему-то вспомнилось, как он очертя голову кинулся в пещеру Злого у Глассфорджа.

«Любым способом, который подействует, старый дозорный».

– Я хочу попробовать подтолкнуть его Дар, – коротко бросил Даг, придвигаясь ближе к Артину. – Помочь его сердцу танцевать в правильном ритме, если удастся. – Как он однажды сделал с Сауном.

Даг услышал резкий голос Мари: «Даг, не надо!» – но он уже открывал собственный Дар, искал дорогу в другое тело, а Боль добавилась к боли, пульс боролся с пульсом, но танец сердца Дага был сильнее. На Дага нахлынула истинная реальность с ее скверной и великолепием, и он только теперь почувствовал, как ужасно ему не хватало Дара, словно он много дней скитался, лишившись лучшей части собственной личности.

«Потанцуй со мной, Артин!»

Даг удовлетворенно вздохнул, почувствовав, как сердце и легкие кузнеца снова заработали в устойчивом, здоровом ритме. Сейчас Даг не испытывал такой ужасной боли, какую делил с пострадавшим Сауном, но слабость Дара Артина он отчетливо ощущал и понимал, как близок тот к окончательному распаду и смерти. Неужели и остальные пленники так ослабели? Даг расширил сферу действия своего Дара – и испытал потрясение.

Дар каждого из несчастных Стражей Озера был оплетен и пронизан насквозь тонкими серыми нитями, похожими на переплетающиеся щупальца. Нити соединялись, становились темнее и, как струи дыма, тянулись к ямам, в которых находились глиняные люди; их Дар поразил Дага своей странностью: почти черный, мощный, по форме удивительно похожий на человеческий... Плоть животных напрасно напрягалась, пытаясь ему соответствовать, и умирала от истощения в результате остановленного роста.

Пятна, оставленные Злым на Даре Дага, пульсировали в лад с этой сетью, лишившей свободы мастеров, и Даг внезапно ощутил ужас: ему стало казаться, что именно все еще живые остатки Злого, поселившиеся внутри его Дара, и были тем, что удерживало в целостности всю структуру. Не должен ли он умереть, чтобы разорвать эти цепи? Ох, нет... Сходство между нитями, опутывающими пленников, и скверной, поселившейся в Даге, конечно, имелось, но пятна на Даре Дага были бесформенными, как если бы они были результатом его

укрепления, только разрушительного, а не полезного и целительного.

Даг мучительно старался понять, что же он видит. При нормальных обстоятельствах мастер подталкивает и укрепляет Дар предмета, стремясь сделать вещь более самой собой, как в случае старой куртки Дага, защищающей от стрел: обычная прочность кожи делалась защитой от наносимых оружием ран. Целитель дарит свой Дар свободно, не придавая ему форму, чтобы он мог без сопротивления влиться в Дар больного. Подтолкнуть Дар, как Даг это сейчас делал с Артином, означало лишь заставить танцевать его в том же ритме. Порабощение Злым крестьян, неожиданно осознал Даг, было таким же танцем Дара, только невероятно мощным, чтобы подчинять себе столь беспощадно и на большом расстоянии. Однако воздействие должно было оставаться непрерывным, как понял Даг, на мгновение заглянув в сознание Злого во время схватки; поэтому-то власть Злого прекращалась с его смертью; к тому же она действовала на ограниченном расстоянии, из-за чего Злому и приходилось сопровождать свою армию.

Эта же западня для Дара, хоть и распространялась всего на сотню шагов, пережила своего создателя. Она была компактной, могучей, устрашающей... и знакомой.

«Знакомой? Где же я видел что-то подобное раньше?»

Какое воздействие на Дар и переживало своего создателя, и сохраняло его природу, не растворяясь в том, на кого было направлено, даже после своего осуществления?

«Так действует разделяющий нож».

В гораздо меньших масштабах, конечно, но едва ли менее всеохватывающе. Дару освященного ножа его создатель придает сложную форму сосуда для будущей смерти дарителя, и этот растворяющийся Дар, однажды полученный ножом, сохраняется в нем. Согласно воле дарителя, он делается смертельным для Злого.

Должно быть, Дор отдает часть себя каждому ножу, который делает, подумал Даг. Их соплеменникам это известно, поэтому они и окружают мастеров, изготавливающих разделяющие ножи, такой заботой. Сколько же сил требует такое мастерство? Ведь отдавать приходится снова и снова. Неудивительно, что Дор так мало может отвлекаться на любые другие цели.

Даг обратил внутреннее зрение на сотканную Злым сеть. Огромная, пугающая конструкция была сложной, подавляла своим могуществом – ничего подобного сам Даг никогда не мог бы создать... но была ли она при этом выше его понимания?

Интуитивное прозрение далось легко, как полет во сне.

«Я вижу, как ее можно сломать!»

Даг усмехнулся и открыл глаза.

Вернее, попытался усмехнуться, попытался открыть глаза...

Он лишился глаз, лица, тела; его разум стал единым целым с Даром и плавал в пустоте, отрезанный от внешнего мира. Серые щупальца тянулись к нему, как голодные рты, как черви, стремящиеся высосать и поглотить.

«Я угодил в ловушку...»

Фаун аккуратно уложила дюжину новых восковых свечей, которая была ее долей результата дневных трудов, в сундучок Дага, закрыла крышку, вышла из шатра под навес и стала смотреть между деревьями на свинцовые воды озера под обещающим дождем небом. Она рассеянно почесала место, куда ее в голую руку укусил mosquito, и отмахнулась еще от одного, жужжавшего над ухом. Вот и еще одна причина скучать по Дагу, хоть это и казалось глупым и эгоистичным. Фаун вздохнула... и напряглась.

Пульсирующее эхо боли в левой руке и боку, которое было ее постоянным спутником вот уже три дня, как с цепи сорвалось. Фаун окатила волна ужаса, и в первый момент она не могла бы сказать, ее собственный это ужас или Дага, хотя тяжело дышать, несомненно, стала она сама. Ритм сердцебиения, переданный свадебным браслетом, сделался хаотичным, неровным и стал стихать... «Нет, не умирай!»

Ритм послушался, но прежним не стал. «Да защитят нас отсутствующие боги, что это?»

Фаун с трудом сглотнула, опустила навес своего шатра и торопливо пошла по дороге вдоль берега, переходя иногда, пока позволяло дыхание, на бег. Впрочем, ей не хотелось, припустившись испуганным олененком, привлекать к себе удивленные взгляды.

Фаун прошла мимо штаба дозорных, рядом с которым одна из помощниц Омбы выгуливала двух усталых лошадей, покрытых пеной и забрызганных грязью. Только гонцы со срочными известиями так загоняли коней, но Фаун подавила надежду – или страх – узнать новости об эскадроне Дага: ведь Громовержец говорил, что сегодня для этого все равно будет еще слишком рано. Учитывая, что военачальник ожидал получить известия о многих смертях, Фаун не хотела бы, чтобы новости прибыли так быстро.

Она взбежала на крыльцо медицинской хижины – нет, медицинского шатра, поправила себя Фаун, – постояла мгновение, чтобы отдышаться, и толкнула дверь.

Подмастерье Хохарии – кажется, его звали Отан – вышел из комнаты, где хранились травы, и хмуро взглянул на Фаун.

– Что тебе нужно, крестьянка?

Фаун не обратила внимания на его тон.

– Хохария сказала, что я могу прийти к ней... если что-нибудь изменится с моей свадебной тесьмой. Только что что-то произошло.

Отан оглянулся на дверь внутреннего помещения.

– Она работает с Даром. Тебе придется подождать. – Подмастерье неохотно кивнул на свободный стул у стола и вернулся к своим травам. В маленьком очаге готовилось какое-то пахучее варево, отчего в жаркой комнате становилось еще жарче.

Фаун нервничала, сидя на стуле, и терла свою левую руку, хотя прикосновение ее пальцев и не меняло ощущений. Прежняя пульсация была для нее источником страха, но теперь Фаун хотела бы, чтобы она вернулась. И почему горло ведет себя так, словно Фаун не хватает воздуха?

Через несколько минут, которые показались Фаун вечностью, дверь во внутреннее помещение открылась, и оттуда вышла полногрудая женщина, держа на руках мальчика лет трех. Малыш явно лихорадил, глаза у него были осоловелые, он капризничал и сосал палец. Следом вышла Хохария, кивнула Фаун и прошла вместе с женщиной в ту комнату, где Отан возился с травами. Оттуда донеслись тихие голоса – Хохария давала подмастерью указания, потом вышла и жестом пригласила Фаун к себе, закрыв за ними дверь.

Войдя, Фаун молча протянула Хохарии левую руку.

– Сядь, девочка, – вздохнула целительница, указывая на стол с двумя стульями в углу комнаты. Хохария поморщилась, усаживаясь напротив Фаун, и потерла спину.

«Как, интересно, она лечила того малыша?» – подумала Фаун. И дорого ли это обошлось Дару Хохарии? Сможет ли она сейчас помочь Фаун?

Пока целительница, прикрыв глаза, ощупывала руку Фаун, та, заикаясь, рассказала о том, что только что случилось. Собственные слова звучали для Фаун путано и непонятно, и она испугалась, что единственный вывод, который сможет сделать Хохария, – это что Фаун сходит с ума. Однако целительница слушала, не перебивая.

Наконец Хохария выпрямилась и покачала головой.

– И раньше все было странно, а теперь еще страннее; только без дополнительной информации будь я проклята, если могу хотя бы предположить, что произошло.

– Какая от тебя помощь! – это был полуокрик, полустон, и Фаун испугалась, что обидела целительницу, но Хохария только снова огорченно покачала головой, соглашаясь с Фаун.

Хохария открыла было рот, чтобы что-то сказать, но замерла, повернув голову к двери. Через мгновение по крыльцу прогрехотали сапоги и скрипнула открывающаяся входная дверь.

– Громовержец, – пробормотала Хохария, – и еще...

Во внутреннюю дверь постучали.

– Хохария! – донесся голос Громовержца. – Срочное дело!

– Входите.

В комнату протиснулся Громовержец – а за ним высокая Дирла. Фаун охнула и подскочила. Дирла была так же покрыта грязью, как конь, на котором она, должно быть, прискакала; волосы ее были растрепаны, от одежды несло потом, загорелое лицо осунулось от усталости. Впрочем, глаза девушки блестели.

– Они разделились со Злым, – объявил Громовержец, и Хохария так радостно завопила, что Дирла не сдержала улыбки. Громовержец бросил на Фаун загадочный взгляд. – Три ночи назад, примерно через два часа после полуночи.

Рука Фаун легла на ее тесьму.

– Как раз когда... Что случилось с Дагом? Как сильно он пострадал?

Дирла удивленно кивнула и ответила:

– Об этом... э-э... трудно судить.

– Почему?

Громовержец, не сводя глаз с Хохарии, подтолкнул дозорную вперед и сказал:

– Расскажи все еще раз, Дирла.

Когда Дирла начала рассказывать о трудностях, с которыми встретился эскадрон по пути на запад, Фаун поняла: эти двое пришли сюда в поисках Хохарии, а не ее. Так почему?

«Проклятие, Дирла, расскажи наконец, что случилось с Дагом!»

– ...Мы добрались до Боунмарша примерно к полудню, но Злой переместился – на двадцать миль к югу, как потом выяснилось: он затеял нападение на Крестьянскую равнину. Даг не разрешил нам задерживаться ни на минуту, даже чтобы помочь тем несчастным мастерам. Я никогда еще ничего подобного не видела. Злой поработил Дар жителей Боунмарша, каким-то образом заставил их выращивать новую партию глиняных людей, – так, по крайней мере, сказал Даг. Злой оставил их привязанными к деревьям. Воины были очень недовольны, когда Даг приказал оставить бедняг как есть, но его поддержали Мари и Кодо, да и выражение лица Дага было такое, что мы побоялись спорить и просто поскакали дальше.

Фаун принялась уже грызть пальцы, слушая, как Дирла взволнованно описывает тайное продвижение отряда мимо захваченной врагами фермы вверх по холму и отчаянный штурм странной башни.

– Марк, с которой я была в паре, уже почти добралась до площадки наверху башни, когда Злой спрыгнул вниз, – с высоты, должно быть, футов двадцать. Он словно летел... Никогда не думала, что Злой может быть таким красивым. Утау кинулся на него. Я держала свой Дар плотно закрытым, но потом Утау рассказывал, что Злой расколол его защиту, как скорлупу ореха. Утау уже решил, что ему конец пришел, когда Даг – а у него ведь не было разделяющего ножа – с голыми руками... точнее, с голым крюком атаковал тварь. Злой бросил Утау и повернулся к Дагу. Мари закричала и кинула мне сверху свой нож... а что было дальше, я плохо помню. Так или иначе, я вонзила нож Мари в Злого, и его прекрасное тело словно лопнуло. Это было ужасно. Я тогда подумала, что все кончилось, и что мы все вернемся домой живыми, и что это настоящее чудо. Утау зашатался и повис на мне, потом его подхватил Рази... и тут мы увидели Дага.

Фаун раскачивалась на стуле, сгорбившись и крепко обхватив себя руками, – только так ей удавалось не перебить Дирлу... или не завопить.

– Он лежал на земле, – продолжала Дирла, – неподвижный, как мертвец, закрыв свой Дар так плотно, что он его душил, и никому не удавалось пробиться внутрь, чтобы подтолкнуть его Дар или укрепить его, хотя и Мари, и Кодо, и Ханн – все пытались. Несколько часов мы думали, что он умрет. Думали, что Злой растерзал его Дар, как случилось с Утау, только хуже.

– Погоди, – перебила ее Хохария. – А разве телесных ран он не получил?

Дирла покачала головой.

– Может быть, ему и досталось, но ничего серьезного. Так вот, к рассвету он пришел в себя. И встал на ноги. Выглядел он ужасно, скажу я вам, но каким-то образом все же сел на

коня и заставил нас всех мчаться в Боунмарш. Похоже он очень беспокоился о тех пленниках, которых мы оставили позади... и не без основания.

Когда мы добрались до селения, остальной отряд был уже там, но оказалось, что цепи, которые Злой наложил на Дар захваченных Стражей Озера, не распались с его смертью, и никто не мог понять почему. Хуже того: каждый, кто пытался дотянуться до них своим Даром, оказывался захвачен тоже. Обайо таким образом потерял троих дозорных. Даг думает, что все они умирают. Мари не смогла уговорить Дага оставить их, хотя она и считала, что он сам нуждается в лечении, – Даг вел себя словно одержимый. Правда, к тому времени, когда мы, гонцы, выехали из Боунмарша, Дага по крайней мере уговорили поспать. И Утау, и Мари все это ужасно не нравится. Так что... – Дирла посмотрела на целительницу, сложив руки в непривычном для нее жесте мольбы, – Даг говорил, что хотел бы, чтобы там была ты, Хохария, потому что нужен кто-то, кто хорошо разбирается в Даре. Поэтому я прошу тебя от его имени – ведь Даг вытащил нас... Он всех нас вытащил.

Громовержец откашлялся и спросил:

– Ты согласишься выехать в Рейнтри, Хохария?

Хохария растерянно обвела взглядом свою комнату. Фаун подумала, что вполне может представить себе перечень неотложных дел, о которых сейчас думает целительница.

– ...Через час, – безжалостно закончил Громовержец.

– Громовержец! – в ужасе воскликнула Хохария. Потом, после долгой паузы, пробормотала: – А через два часа нельзя?

Громовержец удовлетворенно кивнул.

– Я позабочусь о том, чтобы двое дозорных были готовы тебя сопровождать. Возьми с собой всех, кто может тебе понадобиться.

– Можно мне поехать с тобой? – выпалила Фаун. – Думаю, что я – часть загадки Дага. – Она едва не протянула вперед левую руку в качестве доказательства.

Трое Стражей Озера изумленно – и без особой симпатии – вытаращили на Фаун глаза.

– Там уже не идет война, – поспешила добавить Фаун, – и если я поеду с вами, я не заблужусь, так что не буду вести себя глупо. Я могу быть готова через час... и даже меньше.

– Эта твоя толстая деревенская лошадка не угонится за конями дозорных, Фаун, – сказала Дирла – не презрительно, а с жалостью и добротой, которые были почему-то еще более унижительны.

– Грейс не толстая! – с возмущением возразила Фаун. «По крайней мере не особенно». – Может быть, она и не рысак, но она выносливая. – После нескольких мгновений размышления Фаун сообразила, что можно сказать и иначе: – И разве нельзя дать мне коня дозорных, как Хохарии?

Громовержец слегка улыбнулся, но покачал головой.

– Нет, Фаун. Злого хоть и уничтожили, но северная часть Рейнтри еще многие недели не оправится от разорения. Я обещал Дагу, что присмотрю за тобой, пока он отсутствует, и я сдержу слово.

– Но...

Голос Громовержца сделался безапелляционным, напомнив Фаун голос ее отца в самые тяжелые минуты.

– Дитя, ты не та обуза, которой мне сейчас не хватает. Другим тоже придется ждать возвращения их мужей или жен.

И что на это можно было возразить? «Я не дитя»? Ну да, уж этот довод всегда был безотказным...

– Надо же, восемнадцать лет я обходилась без твоего присмотра и выжила! – «Пусть и едва-едва», – промелькнула удручающая мысль.

Горькая улыбка тронула губы Громовержца.

– Нет, дитя, – пробормотал он, – ты всегда находилась под нашим присмотром. – Фаун вспыхнула и пристыженно опустила глаза. Громовержец удовлетворенно кивнул и продолжал более мягким тоном: – Думаю, Каттагус и Сарри с нетерпением ждут новостей о

гибели Злого. Беги-ка ты домой и порадуй их.

Все было ясно. «Беги-ка ты домой...» Фаун оглядела женщин и не нашла у них поддержки, хотя Хохария и бросила на нее загадочный взгляд. У себя, в медицинском шатре, она была хозяйкой, но в остальном распоряжался Громовержец, и оспаривать его решение целительница не собиралась.

Фаун сглотнула, кивнула и вышла из комнаты. У нее за спиной заскрипели стулья: обсуждение продолжалось. Без нее. Она же не Страж Озера.

Фаун поковыляла по дорожке между шатром целителей и штабом, кипя гневом и растирая левую руку. Пульсация отзывалась в ее сердце, голове, всем теле, доводя до истерики. Так кто она – жена Стража Озера или новобрачная крестьянка? Если первое – она обязана подчиняться дисциплине лагеря, если второе – нет. Нельзя же приклеивать ей то один ярлык, то другой – в зависимости от того, как это в данный момент удобно. Ха, Громовержец, как насчет справедливости?

Уж в одном она была знатоком – в том, как убегать из дому. В этом деле первым правилом было: не давать никому возможности с тобой спорить. Как же она забыла? Фаун стиснула зубы и повернула в сторону штаба.

Двое дозорных совещались у стола и подняли головы, когда она вошла.

– Громовержца здесь нет, – сказал один.

– Я знаю, – уверенно ответила Фаун. – Я только что говорила с ним в шатре Хохарии. – Это же и в самом деле так, верно? Никто потом не сможет обвинить ее во лжи. – Мне нужно ненадолго взять одну из его карт. Я верну ее обратно, как только смогу.

Дозорный пожал плечами и кивнул, и Фаун шмыгнула в комнату Громовержца, поспешно скатала карту, лежавшую поверх других на столе, сунула ее под мышку и вышла, улыбнувшись и помахав дозорным.

Добежав до острова Кобылы, она вошла в ворота у моста и разыскала в сарае одну из помощниц Омбы.

– Мне нужна моя лошадь, – сказала ей Фаун. – Я хочу устроить ей небольшую пробежку. – «Миль сто на север».

– Она в этом нуждается, – согласилась девушка и через мгновение добавила: – Ах, я и забыла: тебе нужно помочь ее позвать. – Девушка фыркнула, сняла с гвоздя узду и вышла на пастбище.

Пока она отсутствовала, Фаун торопливо схватила старый мешок и наполнила его овсом, которого, на ее взгляд, должно было хватить на три дня. Было ли это воровством или она просто взяла то, что ее кобыла и так съела бы за это время? Фаун решила не вдаваться в тонкости морали: трава росла всюду бесплатно, а зерно с большими трудами привозили на остров издалека. Она подумала, не спрятать ли мешок под юбкой, но решила, что тогда ее походка делается уж очень странной, потом вспомнила повадки воришки в Ламптоне и перекинула мешок через плечо, как будто имела на это полное право. Помощница Омбы, когда привела Грейс, и не спросила ни о чем.

Вернувшись к шатру Блуфилд, Фаун привязала лошадь к дереву, нырнула внутрь, быстро переделалась в дорожную одежду и торопливо упаковала седельные сумки. Из сундучка Дага она вытащила разделяющий нож и повесила его на шею под рубашкой; тот стальной клинок, что подарил ей Даг, она сунула за пояс. Наконец, она набила одну сумку кидальниками, так что груз уравновесил мешок с овсом, и затянула пряжки. Такого запаса еды с избытком хватило бы для маленькой крестьяночки для трехдневной скачки без остановок.

Перед тем как отправиться в путь, Фаун нашла в сундучке Дага пузырек с чернилами и перо и на обрывке ткани написала короткую записку:

«Дорогие Каттагус и Сарри, отряд Дага убил Злого, но Даг пострадал, так что я отправляюсь в Рейнтри – я его жена и имею право. Об остальном расспросите Дирлу. Скоро вернусь. С любовью. Фаун».

Она всунула записку в щель навеса; кусочек ткани держался крепко и был заметен.

Потом, встав на пень, Фаун оседлала Грейс, навьючила седельные сумки и села в седло. Через десять минут она пересекла мост, ведущий с острова.

14

К закату Фаун удалилась от озера Хикори миль на двадцать пять. Грейс то бежала рысью, то шла шагом: ее хозяйка старалась найти наилучшее соотношение между скоростью и выносливостью лошади; у самой Фаун было достаточно времени на размышления. К несчастью, чаще всего ее мысли были заняты вопросом: «Не пропустила ли я нужный поворот?» Карта Громовержца оказалась не настолько полезной, как Фаун рассчитывала. То, что, на взгляд Стражей Озера, было дорогой, Фаун представлялось тропой, а то, что на карте было обозначено как тропа, оказывалось почти непролазной чащей. В результате Фаун совсем не огорчилась, услышав стук копыт догонявших ее коней.

Повернувшись в седле, она увидела появившегося из-за поворота здоровяка-дозорного; за ним следовали Хохария, ее подмастерье Отан с двумя вьючными лошадьми в поводу и, наконец еще один дозорный. Фаун не стала пытаться ускакать от них, но и придерживать Грейс не стала тоже. Через мгновение скакавшие галопом всадники окружили ее.

– Фаун! – воскликнула Хохария. – Что ты тут делаешь?

– Выгуливаю свою толстую лошадь, – коротко ответила Фаун. – Мне сказали, что она нуждается в нагрузке.

– Громовержец не разрешил тебе ехать с нами.

– А я не с вами. Я сама по себе.

Хохария закусила губу и задумалась; тут же вмешался Отан:

– Ты должна повернуть лошадь и вернуться. Ты не можешь следовать за нами.

– Я еду впереди вас, – возразила Фаун и добавила: – Впрочем, можете и обогнать меня. Давайте, скачите!

Хохария оглянулась на двоих дозорных, которые теперь ехали рядом позади остальных и с сомнением наблюдали за происходящим.

– Знаешь, я не могу выделить человека, чтобы проводить тебя до дому.

– Никто тебя об этом и не просит.

Хохария сделала глубокий вдох.

– Однако я это сделаю, если ты меня вынудишь.

Фаун натянула поводья и оглянулась на двоих здоровенных серьезных парней. Они выполняют свой долг: на этот счет у Стражей Озера была просто мания. Если она позволит любому из этой мрачной пары нарушить свои планы, ее доставят в лагерь Хикори, и к тому же не особенно любезно. Дозорные не любят расставаться со своими напарниками. Фаун постаралась выиграть время.

– Хохария, пожалуйста, позволь мне ехать с вами. Я вас не задержу, обещаю.

– Дело не в этом, Фаун. Речь идет о твоей собственной безопасности. Тебе нечего делать в Рейнтри.

« Уж я-то знаю, что мне там делать, спасибо тебе большое. Мое место – рядом с Дагом».

Фаун потеряла левую руку и нахмурилась.

– Я не хочу лишать тебя охраны. Если там в самом деле так опасно, воины могут тебе понадобиться. – Фаун сгорбилась и опустила голову. – Ладно, Хохария. Прости меня. Я вернусь. – Фаун прикусила язычок, чтобы ничего больше не пообещать.

«Достаточно простого извинения. И поменьше слов».

Стражи Озера видят Дар, но не читают мысли, – так ей говорил Даг, а у Дара Фаун было множество причин взволноваться и помимо обмана.

Хохария в нерешительности долго смотрела на Фаун, и та затаила дыхание: вдруг целительница все же решит отправить с ней дозорного. Однако наконец Хохария кивнула.

– Ты далеко ускакала. Если твоя лошадь устала и ты не доберешься до дому сегодня

ночью, вполне безопасно заночевать милях в десяти от озера.

– Грейс справится, – рассеянно ответила Фаун, разворачивая лошадь. Пусть ей придется подгонять кобылу, она все равно последует за Хохарией и ее сопровождающими.

Даг с помощью Дара мог обнаружить людей в радиусе мили; едва ли кто-нибудь в отряде Хохарии способен на большее. Тем не менее Фаун отъехала обратно на милю и помедлила – Грейс в это время несколько минут пощипала траву, – прежде чем снова пуститься вдогонку за всадниками. Даже в сумерках отпечатки копыт коней дозорных были явно видны на влажной земле.

«Теперь можно не беспокоиться о том, что свернешь не туда».

Фаун усмехнулась и поскакала дальше, остановив Грейс только тогда, когда темнота окончательно сгустилась. Тогда она спешила, отвела лошадь подальше от дороги и стала дожидаться рассвета.

Напоив Грейс у ручья, Фаун вычистила ее и накормила овсом из мешка, умылась сама, отмахиваясь от moskitov, пожевала ломоть кидальника, раздавила рукоятью ножа клеща и завернулась в одеяло. Голоса мелких ночных существ делали окружающую тишину еще более глубокой. Фаун в полной мере ощутила, насколько эта безлюдная тьма отличается от ее, казалось бы, сходного одиночества во время путешествия по обжитым местам к югу от Ламптона. Здесь в нескончаемых лесах жили волки, медведи и рыси; шкуры всех этих хищников Фаун видела на складе лагеря Хикори. После появления Злого лишившиеся разума глиняные люди вроде того, с которым Даг так умело разделался на ферме Хорсфордов, тоже могли тут бродить. Когда они с Дагом после свадьбы ехали к озеру Хикори, Фаун ни о чем подобном не задумывалась, хотя местность была примерно такой же. Тогда рядом был Даг... Засыпать каждую ночь в его объятиях было все равно что укрываться в ее собственной волшебной крепости. Фаун коснулась стали ножа, который Даг ей подарил, и вздохнула.

К тому времени, когда рассвет окрасил первыми солнечными лучами небо, рыси все же не съели ни Фаун, ни ее лошадь. Фаун выехала на дорогу и снова поскакала по следам отряда Хохарии. Через час ей пришлось остановиться: следы свернули с отмеченной на карте дороги; однако спешившись и присмотревшись внимательнее, Фаун обнаружила, что всадники вернулись и двинулись по дороге дальше – должно быть, они разбивали в чаще лагерь для ночлега.

Свежий лошадиный навоз показал Фаун, что она держится на правильном расстоянии от отряда. Она подхлестнула Грейс с мрачной уверенностью в том, что раньше времени не догонит Хохарию. Впрочем, ее кобыла была нагружена вдвое меньше, чем кони дозорных, так что это могло сыграть более существенную роль, чем предполагалось...

Днем следы Хохарии и ее спутников неожиданно оказались затоптаны копытами гораздо большего отряда, скакавшего в другом направлении. Дозор, решила Фаун, – Стражи Озера из Рейнтри или часть эскадрона Дага, возвращающаяся домой. Отчетливые следы свернули на отходящую от дороги тропу, и Фаун, хмурясь, развернула свою карту и принялась ее разглядывать. Всадники, возможно, свернули к небольшому лагерю Стражей Озера в нескольких милях к югу или осматривали местность, кто знает? В результате тропа, на которую они свернули, стала хорошо заметной, но различить следы отряда Хохарии на истоптанной грязной дороге сделалось труднее. Однако к полудню Фаун добралась до одного из редких деревянных мостов через глубокую быструю речку и смогла еще раз уточнить по карте, где находится. Время от времени она проезжала места, где недавние завалы мертвых деревьев были наскоро расчищены; Фаун стала размышлять о том, не занимаются ли дозорные и такими работами, когда им не нужно сломя голову мчаться на бой со Злым.

К концу дня ноги Грейс стали заплетаться, да и у Фаун тело онемело. Как удастся гонцам и их коням без отдыха преодолевать огромные расстояния? Фаун было спешила и повела кобылу в поводу, но тут же стала жалеть о потере драгоценного светлого времени,

вспомнила рассказ Дирлы и безжалостно воспользовалась прутом, чтобы подбодрить Грейс. Лошадь снова побежала рысью, что заставило Фаун испытать одновременно и удовлетворение, и чувство вины.

Доехав до места, где дорога была особенно сильно взрыта копытами, а над густым кустарником вились стервятники и вороны, Фаун придержала лошадь. Стервятники с шипением отлетели в сторону, вороны подняли недовольный крик. Фаун заглянула в неглубокую низинку, где трава была вытоптана до земли, и с замиранием сердца обнаружила там полдюжины разлагающихся нагих мертвых тел. Фаун рискнула приблизиться достаточно, чтобы убедиться – это были глиняные люди, а не Стражи Озера, – и поспешно снова вскочила в седло. Определить, расправились ли с глиняными людьми дозорные или совсем недавно воины, сопровождающие Хохарию, она не могла – зловоние ни о чем наверняка не говорило. То, что поблизости не было заметно рысей, больше не давало Фаун ощущения безопасности; она гнала Грейс вперед еще долго после наступления темноты – ей было слишком страшно, чтобы сделать привал.

Этой ночью в глубокой тьме Фаун свернулась в испуганный дрожащий комочек, проливая глупые слезы по отсутствующему Дагу. Закрыв лицо одеялом, так что никто ее не увидел бы, Фаун решила, что может выплакаться всласть, хоть и опасалась производить ненужный шум. Оставалось надеяться только на то, что всем хищникам на десять миль в округе хватило легкой добычи, которой стали разбредшиеся после гибели Злого глиняные люди, и они не станут охотиться на крестьянских девчонок и упитанных усталых лошадок. Несмотря на все изнеможение, спала Фаун плохо.

Фаун предположила, что на следующее утро ей придется тяжелее всего, и так оно и оказалось: все ее тело болело. Однако путь в этот день предстоял более короткий, чем накануне, и под конец ее ждала встреча с Дагом. Свадебный браслет все еще говорил ей, что Даг жив; ее рука даже пульсировала сильнее, чем раньше, хотя с каждой милей болела все больше. Не прошло и часа, как Фаун нашла место, где ночевали Хохария и ее спутники; закиданные землей угли костра были еще теплыми. Только ровная дорога и прут в руках Фаун помогли Грейс весь долгий день трусить усталой рысцой.

Когда солнце стало клониться к горизонту, Фаун неожиданно выехала из влажной зелени бесконечного леса на открытое место; сразу стало очень жарко.

«Вот и добралась!»

Теперь вокруг тянулись заливные луга, трава на которых пожелтела и полегла. Поникие кусты роняли свернувшиеся коричневые листья или стояли голыми. Все кругом казалось Фаун странно сонным. Однако впереди она увидела дымок костра, поднимавшийся из-за линии превратившихся в скелеты деревьев, и свинцовую воду болота. Фаун больше не была нужна ее краденая карта; последние два часа ее измученное тело шептало ей: «Там, там, он там». Хохария и ее сопровождающие как раз слезали с коней.

В тот момент, когда Фаун подъехала к ним, из-за деревьев быстро вышла Мари, размахивая руками и отчаянно крича:

– Закройте Дар! Закройте Дар!

Хохария удивленно посмотрела на нее, но кивнула, показывая, что поняла, и повернулась к Отану и дозорным; те, видимо, тоже услышали Мари и послушались. Хохария увидела Фаун, которая, сгорбившись, сидела на совершенно обессиленной Грейс, и нахмурилась, но прежде, чем она успела что-нибудь сказать, рядом с ней оказалась Мари, продолжавшая говорить:

– Вы добрались быстрее, чем я смела надеяться! Это Дирла вас послала?

– Да, – подтвердила Хохария.

– Да благословят ее боги! Вы повстречались с дозорными, которых мы отправили домой?

– Да, примерно в дне пути от озера Хикори.

– О, хорошо. – Тут взгляд Мари упал на Фаун, которая устало опиралась на лук седла.

– А ее ты почему привезла? – Тон вопроса не был враждебным, в голосе Мари прозвучало

искреннее любопытство, как будто она предполагала существование какой-то веской, пусть и неясной причины для того, чтобы Фаун оказалась среди сопровождающих Хохарию.

Хохария поморщилась.

– Я ее не брала. Она сама явилась.

Фаун вскинула голову.

Отан наклонился к ней и прошипел:

– Ты солгала, крестьянка. Ты обещала повернуть назад.

– Я так и сделала, – дерзко ответила Фаун. – Даже дважды.

Хохария выглядела недовольной, но любопытное и проницательное выражение лица Мари не изменилось.

– Ты осмотрела Утау, когда вы встретились с отрядом? – спросила Мари. – Мы отправили его домой под присмотром Рази.

– О да, – ответила Хохария. Она спешила и растирала спину. Все ее спутники выглядели такими же разгоряченными, усталыми и грязными, какой чувствовала себя Фаун. Вот чего стоит все хвастовство Стражей Озера насчет их выносливости! – Самое странное повреждение Дара, какое я только видела. Я так и сказала Утау: шесть месяцев на выздоровление, и никаких.

– Так долго! – огорчилась Мари.

– Скорее всего потребуется меньше, но мое распоряжение по крайней мере месяца три будет удерживать Громовержца, чего, пожалуй, и хватит.

Обе женщины коротко рассмеялись – они хорошо понимали друг друга.

Фаун соскользнула с покрытой потом Грейс, которая стояла, опустив голову и повесив уши, укоризненно глядя на хозяйку затуманенными глазами; ноги кобылы стали такими же негнущимися, как ноги самой Фаун. Из рощи следом за Мари появился Саун вместе с двумя пожилыми женщинами-дозорными. Женщины начали совещаться с Хохарией и Мари, а Саун с изумленным видом обратился к Фаун:

– Ты не должна тут быть! Даг очень рассердился бы!

– А где Даг? – Фаун поверх его плеча смотрела на рощу. «Теперь уже совсем рядом». – Что с ним случилось?

Саун встревоженно пригладил волосы.

– В который раз?

Не слишком обнадеживающий ответ...

– Позавчера, примерно в то время, когда Дирла выехала в лагерь Хикори. Тогда с Дагом что-то случилось, я знаю. Я это почувствовала. – «Что-то ужасное».

Брови Сауна от удивления поползли вверх, однако когда Фаун попыталась прошмыгнуть мимо него, дозорный поймал ее за руку.

– Подожди! Ты же не можешь закрыть свой Дар! Не знаю, не окажешься ли и ты пленницей... Подожди! – Фаун вывернулась и, спотыкаясь, побежала к деревьям. Саун кинулся следом, в отчаянии восклицая: – Проклятие, ты такая же сумасшедшая, как и он!

Под деревьями несколько человек лежали на подстилках под временными навесами из одеял и шкур: четыре женщины под одним и четверо мужчин – под другим. Они были слишком неподвижны, чтобы их можно было счесть спящими, но не настолько неподвижны, чтобы оказаться мертвецами. Немного в стороне в тени одеяла, развешенного на ветках дерева, виднелась еще одна подстилка. Фаун упала на колени рядом с ней и в ужасе вытаращила глаза на Дага.

Он лежал на спине под легким одеялом. Кто-то снял его протез и положил на седельные сумки, сложенные у изголовья. Фаун много раз смотрела на любимое лицо, когда Даг спал, и знала, каким оно бывает в разные моменты. Сейчас сон Дага был таким, какого она никогда не видела. Медная кожа стала тусклой бледной, плоть слишком туго обтянула кости. Ввалившиеся глаза были обведены темными кругами. Однако обнаженная грудь Дата поднималась и опускалась: он был жив.

Саун упал на колени рядом с Фаун и схватил ее за руку, когда она потянулась к Дагу.

– Не смей!

– Почему? – яростно рявкнула Фаун, безуспешно вырываясь. – Что с ним случилось?

Саун принялся рассказывать – путано и виновато – о своей попытке помочь пленникам, разделавшись с глиняным человеком в яме, и Фаун в замешательстве оглянулась на болотистый берег, где находился питомник тварей и куда показывал Саун; понять его рассказ ей удалось только потому, что раньше она слышала от Дирлы описание того, как Злой приковал Дар захваченных Стражей Озера к глиняным людям. Саун говорил о том, как Даг подверг себя непонятной опасности, чтобы спасти человека по имени Артин. Да уж, это было похоже на Дага... Говорил о том, как Дага затянуло в ту же ловушку заклятием или чем там оно было... о том, что Дага уже три дня не удастся разбудить... Фаун перестала вырываться, и Саун, сурово посмотрев на нее, выпустил ее запястья; Фаун, хмурясь, стала растирать их.

– Но я не Страж Озера, я крестьянка, – сказала она, – может быть, на меня это и не подействует.

– Мари говорит – никаких больше попыток, – мрачно ответил Саун. – Нам и так они обошлись в троих дозорных и самого командира.

– Но если не... – «Если не трогать предметы, как можно что-нибудь о них узнать?» Фаун села на пятки и сжала губы. Ну ладно: можно сначала оглядеться, а потом уже пробовать... Дыхание Дага, по крайней мере, не становилось более затрудненным.

Тем временем Мари показала Хохарии и Отану болотистую низину и привела их в рощу для осмотра пленников. Мари заканчивала, как показалось Фаун, более связный рассказ о тех же событиях, что ей описал Саун, когда целители подошли к Дагу и опустились рядом с ним на колени. Рассказ о том, как Даг попытался своим Даром помочь останавливающемуся сердцу Артина, заставил целительницу присвистнуть. Еще больше испугало Фаун описание странных повреждений, оставшихся на Даре Дага после схватки со Злым.

– Хм-м... – Хохария растерла лицо руками, размазав по нему пот и грязь, и огляделась по сторонам. – Ради всего святого, Мари, зачем ты меня сюда вытащила? Ты на одном дыхании просишь меня разорвать эти мерзкие оковы и одновременно настаиваешь, чтобы я не смела использовать свой Дар, чтобы разобраться в деле. Нельзя же бежать разом в двух направлениях.

– Раз Даг попался в ловушку и не смог освободиться, мне это тоже не удалось бы. Насчет тебя я не знаю. Я надеялась, что у тебя найдутся какие-нибудь уловки, Хохария. – Голос Мари сделался тихим. – Я несколько дней пытаюсь распутать этот узел, так что у меня уже ум за разум заходит. Я начинаю думать о том, когда будет пора сдать и подсчитывать потери. Только вот что... все разделяющие ножи скованных мастеров исчезли за то время, что они были в плену у Злого; из всех девяти жертв только у Брин есть незаряженный нож. Не так уж много можно спасти, а цена высока... И я совсем не уверена в том, что получится, если с кем-то из пленников провести обряд разделения... и что будет с ножом, да и что случится с остальными беднягами. Ведь с этими зародышами глиняных людей удачи нам не было.

Саун, который стоял, прислонившись к дереву и сложив руки на груди, поморщился, но кивнул.

Фаун передернуло, когда до нее дошло, о чем, собственно говорит Мари. Перед ее глазами возникла картина: Мари, или Саун, или Хохария – нет, скорее все-таки Мари, она сочла бы это своим долгом командира, – методично вонзает костяные ножи в сердца своих товарищей, двигаясь вдоль ряда неподвижных тел...

«Нет, только не Дагу!»

Фаун коснулась ножа под рубашкой, неожиданно испытыв яростную радость от того, что странное происшествие в Глассфордже по крайней мере сделало невозможным такое жуткое его использование. Хохария хмурилась, но, как показалось Фаун, скорее печально, чем выражая несогласие.

– Должна сказать, – снова заговорила Мари, – что когда в ловушку попался Даг, всем остальным пленникам это придало новые силы, хоть и ненадолго. Самые слабые теперь снова угасают. Не знаю, сколько нам удалось бы поддерживать их жизнь, если бы каждые три дня мы отдавали нового дозорного, – только, конечно, это делало бы проблему только больше и больше. Заметь, себя я не предлагаю. И тебя я тоже не отдам, Хохария, так что пусть у тебя не возникает всяких идей.

Хохария потеряла шею.

– Ну, какие-нибудь идеи у меня наверняка появятся, но только сегодня вечером я и пробовать ничего не буду. Усталость затуманивает взгляд.

Мари согласно кивнула и стала объяснять, как добраться до лагеря, который был разбит за границей опустошенной земли и где все дозорные, не занятые уходом за пострадавшими, ночевали. Когда она сделала паузу, Фаун показала на Дага и спросила:

– Мари, я в самом деле не могу его коснуться?

– Кто знает, – ответила Мари. – Выяснение этого может дорого тебе обойтись.

«Или нет», – подумала Фаун.

– Я ведь проделала весь этот путь...

С усталой симпатией Хохария сказала:

– Мы же говорили тебе, чтобы ты осталась дома, дитя. Ты ничего не сможешь здесь сделать, кроме как убиваться.

– И мешать, – почти неслышно пробормотал Отан.

– Но я чувствую Дага! Все еще чувствую!

На лице Хохарии не появилось надежды, но все же она приподнялась, перегнулась через Дага и стала ощупывать левую руку Фаун.

– Что-нибудь изменилось за последнее время?

– Боль усилилась, когда я подошла к Дату, но определенности не прибавилось, – признала Фаун. – Как странно: Даг проделал все это, чтобы я чувствовала себя увереннее, а я только больше тревожусь.

– Это твоя тревога или Дага?

– Я не могу различить.

– Ну... – Хохария выпустила ее руку и села на пятки. – На мой взгляд, это не помогает нам продвинуться дальше. По крайней мере пока. – С болезненным кряхтением она поднялась на ноги, и все остальные поднялись тоже.

Фаун умоляюще протянула руки к Мари.

– Наверняка ведь есть что-то, что я могла бы делать!

Мари взглянула на нее и вздохнула, но в этом вздохе было понимание.

– Нужно стирать белье и тряпки, которыми несчастных подтирают.

Фаун стиснула руки.

– Уж это-то я могу делать. – И что хорошо: эта работа позволит ей остаться в роще, а не отправляться в изгнание, на милую от Дага.

– Ах, какое важное дело! Ты столько проскакала, чтобы заняться стиркой, крестьянка! – протянул Отан, не заметивший, какой взгляд при этих словах на него бросили женщины-дозорные. Фаун было нетрудно догадаться, кому до сих пор приходилось заниматься стиркой.

– Нельзя сказать, чтобы тряпок была такая уж куча. В этих бедолаг так трудно влить хоть что-то, что и выходит из них немного. Во всяком случае, ты займешься этим не сейчас, Фаун. Ты выглядишь совсем вымотанной, – твердо сказала Мари.

Фаун коротко кивнула, признавая ее правоту. Все начали устраиваться на ночлег, усталых коней, включая Грейс, дозорные отвели в расположенный на востоке лагерь, но Фаун сумела отнести свои седельные сумки и одеяло туда, где лежал Даг. Ее сводил с ума запрет касаться его, но она нашла своим рукам и другие занятия: стала помогать у костра готовить бульон и жидкую кашу, которыми опытные женщины-дозорные кормили бесчувственных пленников.

Хохария еще раз более тщательно осмотрела своих безмолвных пациентов, и на ее лице появилось выражение крайнего огорчения.

– Я с тем же успехом могла бы быть деревенским костоправом, – пробормотала она, опускаясь на колени рядом с Дагом. Фаун едко подумала: может быть, и в самом деле было бы лучше, окажись среди них деревенский костоправ: крестьянским лекарям и повитухам всегда приходилось полагаться на догадки, на косвенные свидетельства. Они, должно быть, со временем делались в этом весьма искусными.

На следующее утро, как только она оказалась в силах подняться и двигаться, Фаун решительно взялась за стирку. По крайней мере эта работа нагружала не те мышцы, которые так перетрудились за предыдущие три дня. Закатав выше колен дорожные штаны, Фаун вошла в прохладную воду, толкая перед собой плотик из стволов погибших деревьев, нагруженный запачканными одеялами и тряпками. Вода для заболоченного озера была удивительно чистой и ничем не пахла, что очень подходило для стирки. К тому же отсюда Фаун была видна длинная тень под ясенем, которая была Дагом, и силуэты Стражей Озера, ухаживавших за пленниками в роще, закрыв свой Дар.

К удивлению Фаун один из Стражей Озера – не дозорный, а кто-то из жителей разрушенного селения – подошел и присоединился к ней, молча отскребая и выкручивая мокрые одеяла.

Единственная произнесенная им фраза была:

– Ты крестьянка – жена Дага Редвинга. – Это было утверждение, а не вопрос, и Фаун оставалось только кивнуть. Выражение лица мужчины было странным – замкнутым и отстраненным, так что Фаун не решалась заговорить с ним и только тихо благодарила, когда тот передавал ей выжатые тряпки. Страж Озера взял на себя самую трудную работу – стал развешивать тяжелые мокрые одеяла на мертвых деревьях; поскольку он был гораздо выше Фаун, ему было легче дотянуться до голых ветвей. Когда они закончили, мужчина только коротко сообщил:

– Видишь ли, кузнец Артин – мой отец.

Хохария то присматривалась к своим пациентам, подойдя плотную и прищурившись, то отходила и смотрела на них издали, то, сев на пень, чертила палкой на земле какие-то линии; потом она принялась кричать, щипать бесчувственные тела, колоть их иголкой, встряхивать полусформировавшихся глиняных людей в их влажных колыбелях; Мари и Сауну с трудом удалось отговорить ее от убийства на пробу одной из тварей. Устав от всех этих безрезультатных действий, Хохария уселась, скрестив ноги, рядом с Дагом и нахмурилась еще больше.

Фаун сидела неподалеку от нее, жуя ломоть сырого кидальника. Она жалела, что не может накормить им Дага – может быть, вкус настоящей еды Стражей Озера напомнил бы ему дом? Но даже если бы Фаун могла коснуться Дага, заставить его жевать она не смогла бы – он воду-то глотал с трудом. Фаун подумала, что смогла бы сварить кидальник, размять и развести до жидкой кашицы, как бы неаппетитно это ни выглядело.

– К какому выводу ты пришла? – тихо спросила она Хохарию.

Та только покачала головой.

– Это не то, к чему могла бы привести преувеличенная связь Дара влюбленных. Какая-то часть Злого все еще сохраняется в пленниках – что-то вроде скрученного спиралью и находящегося внутри подкрепления Дара, раз оно пережило Злого. Загадка в том, что поддерживает существование этой сети... впрочем, не такая уж и загадка: это Дар, то ли глиняных людей, то ли людей, то ли и тех, и других. Скорее всего, конечно, людей.

– Как... как клещ? Или глист? Только сделанный из Дара, – добавила Фаун, чтобы показать, что ей это понятно.

Хохария неопределенно помахала рукой, не отвергая сравнения, но и не соглашаясь с ним.

– Дар изменен – изменен Злым. Должно быть... Ну, можно не сомневаться – тут очень сложная система. Я все еще не могу понять, каким образом она привязана к определенному

месту. Главный вопрос: как долго она просуществует? Растворятся ли постепенно наложенные Злым узы, как это бывает при подкреплении Дара целителем? А если так, что произойдет: оправятся пленники или умрут? Ослабляет ли их только паралич Дара или их изнутри грызет еще что-то?

Когда Фаун тихо ахнула, Хохария оторвала взгляд от Дага и пробормотала:

– Ох, прости. Боюсь, я начала говорить сама с собой.

– Все в порядке. Я хочу знать все.

– Я тоже, дитя, – вздохнула Хохария. Поднявшись на ноги, она отошла в сторону.

Поскольку Саун после ночной вахты отправился отсыпаться в лагерь за пределами оскверненной зоны, кормить Дага в полдень явился Отан. Фаун с завистью смотрела, как он положил голову Дага себе на колени, и морщилась каждый раз, когда ложка ударяла по зубам или Даг начинал давиться, а бульон тек по подбородку. По крайней мере лицо Дага не заросло щетиной: Саун утром его побрил. Фаун тогда удивилась стараниям юноши – ведь Даг все равно ничего не чувствовал, – но все же так он казался менее изможденным. Может быть, бритье было нужно не Дату, а тем людям, которые за ним ухаживали и так о нем тревожились. В любом случае Фаун была Сауну благодарна.

Отан же, со своей стороны, бросал на нее сердитые взгляды.

– В чем дело? – наконец спросила Фаун.

– Ты мешаешь. Нельзя ли отодвинуться? Хорошо бы на полмили.

– Я имею право здесь быть. Даг – мой муж.

– Тут еще ничего не решено.

Фаун коснулась своего свадебного браслета.

– Мы с Дагом все решили. И уже довольно давно.

– Вот увидишь, как все будет, крестьянка. – Отан влил последнюю ложку бульона в рот своего пациента, которую тот с трудом проглотил, и опустил его голову на сложенное одеяло, заменявшее подушку. Фаун подумала о том, что нужно будет набрать сухой травы и набить настоящую подушку. – Даг был хорошим дозорным, – добавил Отан. – Хохария говорит, что он мог бы подняться и выше. Говорят, ты соблазнила его и заставила забыть долг. Жизнь его будет разбита, если совет лагеря не исправит положение.

Фаун с возмущением выпрямилась.

– «Говорят»? Так пусть скажут это мне в лицо, если хватит храбрости. – «Да и вообще, думаю, соблазн был взаимным».

– Так говорит мой дядя-дозорный, а он не трус.

Фаун стиснула зубы, когда Отан – чей Дар был для безопасности закрыт, – отвел прядь мокрых от пота волос со лба Дага. Как смеет он вести себя так, словно Даг – его собственность, просто потому, что он родился Стражем Озера, а она – нет! Этот... этот глупец просто желторотый подмастерье, не старше, чем сама Фаун! Желание заткнуть Отану рот, заставить его выглядеть ничтожеством неожиданно сменилось пониманием: Отан может оказаться источником тех самых сплетен, которые Даг так старательно от нее скрывал. Да и не только... Что говорил Даг в лагере Хикори о недоброжелателях? Фаун вспомнила тот день, когда Даг превратил в дикобраза кидальник, стреляя в него из лука. Наконец Фаун нашла достойный ответ Отану:

– Я – не компания ваших Злых, чтобы разбить чью-то жизнь.

– И вовсе они не «наши» Злые.

Фаун мрачно усмехнулась.

– А вот и ваши. – После мгновенного раздумья она с горячностью добавила: – И никакого «был», если только ты не хочешь сказать, что Даг был хорошим дозорным, а теперь является прекрасным командиром. Благодаря ему, по словам Дирлы, эскадрон прошел сквозь армию этого ужасного Злого, как нож сквозь масло. И добился он этого, несмотря на крестьянку-жену.

– Ну как же – «несмотря», – насмешливо протянул Отан.

К ним подошли Хохария и Мари, и Фаун постаралась взять себя в руки и не позволить

ярости вырваться наружу; Отан тоже перестал кидать на нее уничтожающие взгляды: вскочив на ноги, он с беспокойством посмотрел на целительницу. Хохария была мрачной, а Мари – еще мрачнее.

– Так с которого начнем? – спросила Мари.

– С Дага, – ответила Хохария, – Я много работала с его Даром и хорошо его знаю; к тому же он – последняя жертва, если это хоть что-нибудь значит. А, Отан, ты здесь – это хорошо, – продолжала Хохария без паузы. – Я собираюсь проникнуть внутрь этого клубка и хочу, чтобы ты меня подстраховал.

На лице Отана отразилась паника.

– Ты уверена, Хохария?

– Нет, но я перепробовала уже все, до чего только могла додуматься, а бросать дело я не собираюсь.

– Ты просто оставляешь всю грязную работу мне, – раздраженно пробормотала Мари. Хохария ответила ей не менее раздраженным пожатием плеч: их спор явно продолжался уже давно.

– Мы с тобой установим легкую связь, Отан, – продолжала Хохария, – а я попробую заглянуть внутрь связывающей бедняг сети и тут же отстранюсь от них. Если мне не удастся высвободиться, ты должен немедленно разорвать связь, слышишь? Ни под каким видом не пытайся последовать за мной. – Она сурово посмотрела в глаза своему подмастерью. Отан сглотнул и склонил голову.

Фаун съежилась на куче сухой травы и опавших листьев, обхватив руками колени и стараясь сделаться как можно меньше, чтобы ее не заметили и не прогнали.

Хохария помолчала, потом заговорила снова:

– Мари, мой нож – в седельной сумке, если уж дойдет до такого.

– И когда же до такого дойдет, Хохария? Не заставляй меня принимать еще и это решение.

– Когда начнут умирать самые слабые, на остальных, я думаю, ляжет большая тяжесть, и дело быстрее пойдет к концу. Смерть той бедной женщины, которая умерла еще до прибытия дозорных Дага, не разрушила оковы; скорее узы стали еще более неразрывными. Мне кажется... как только двое или больше из девяти... нет, десяти... умрут, начинай обряд разделения, и тут уж тебе просто придется ориентироваться на то, что при этом случится. – После паузы Хохария добавила: – Начинай, конечно, с меня.

– Ну, – холодно ответила Мари, – тогда будет моя очередь решать.

– Хм-м... – сжала губы Хохария.

– Я не рекомендую все это затевать, Хохария.

– Я тебя слышала.

Слышала, но, очевидно, не услышала: целительница уселась, скрестив ноги, рядом с Дагом и жестом подозвала Отана. Подмастерье опустил на колени. Хохария выпрямилась и на мгновение закрыла глаза, чтобы сосредоточиться, потом левой рукой взяла за руку Отана; за этим, похоже, последовала невидимая для Фаун подготовка Дара. Хохария без колебания коснулась правой рукой лба Дага. Фаун показалось, что Даг, хоть и находился в трансе, поморщился, но точно сказать она не рискнула бы.

Глаза Хохарии широко раскрылись, она рывком вырвала руку у Отана и резко толкнула его в грудь, заставив опрокинуться на спину. Потом глаза целительницы закатились, побледневшее лицо утратило всякое выражение, и она рухнула на Дага.

С неразборчивым восклицанием Отан потянулся к Хохарии, и Мари с проклятием вцепилась в него, обхватив сзади и прижав его руки к бокам.

– Не смей! – рывкнула она ему в ухо. – Слушайся Хохарии! Закрой Дар! Проклятие, парень, закрой Дар!

Мгновение Отан боролся с ней, потом, горестно всхлипнув, сдался.

– Их стало десять, – прорычала Мари. – Вот и все, чего нам тут удастся добиться. Одиннадцати не будет, слышишь? – Она встряхнула Отана.

Подмастерье уныло кивнул, и Мари выпустила его. Опираясь на руки, он в ужасе смотрел на свою бесчувственную наставницу.

– Что ты почувствовал? – спросила его Мари. – Хоть что-нибудь тебе удалось понять? Отан покачал головой.

– Я... по-моему, ничего полезного я не узнал. Мне показалось, что ее Дар утащили прочь от меня, в темноту. – Он с несчастным видом повернулся к дозорной. – Это не я отпустил ее, Мари, клянусь! Она оттолкнула меня!

– Я видела, парень, – вздохнула Мари. – Ты сделал то что мог. – Она медленно поднялась на ноги и теперь стояла, широко расставив ноги и уперев руки в бедра, глядя на два распростертых друг на друга тела. – Мы уложим ее рядом с остальными – она теперь с ними вместе... может быть, ей хоть что-нибудь удастся сделать... изнутри. Только ведь никак не различишь – слабеет эта гадость со временем или нет. Что ж, по крайней мере Хохария дала нам еще три дня времени. – В голосе Мари зазвучала ярость: – Только не хочу я, чтобы у нас появлялось еще время. Я хочу, чтобы все кончилось.

Одеяло для Хохарии постелили под тем же ясенем, под которым лежал Даг. Отан уселся рядом – то ли охранял свою наставницу, то ли просто скорбел. В такой же позе рядом с Дагом расположилась Фаун; они с Отаном старались друг на друга не смотреть.

Перед закатом снова пришла Мари и села между двумя неподвижными фигурами.

– Пропади вы пропадом, – по-свойски обратилась она к бесчувственным Стражам Озера, – за то, что свалили все на меня. Такая работа для командира эскадрона, а я начальствую всего лишь над отрядом. Несправедливо это, мальчик мой Даг. – Мари подняла взгляд и встретилась глазами с Фаун; та приподнялась и вопросительно посмотрела на пожилую женщину. – Брин, – продолжала Мари, ткнув пальцем в сторону женщин, неподвижно лежащих под навесом, – через неделю исполнится двадцать два. Если этот день для нее наступит... Она молодая, и Дар у нее такой, что она далеко видит. Могла бы нарожать кучу ребятишек. Хохарию я знаю дольше. Ей как целительнице цены нет – она могла бы спасти жизни еще дюжине таких девчонок, как Брин. Так как же мне решать, кого из них убить первой? Страшный выбор... Может быть, – вздохнула Мари, – это никакой разницы не составит. Я уж и сама не знаю, чего хотеть.

– Ах, девочка, не обращай внимания на мою болтовню, – продолжала Мари, заметив, какими круглыми глазами смотрит на нее Фаун. – Должно быть, я стала слишком старой. Пойду-ка я спать: скверна этой земли высасывает разум, не только силы – кругом отчаяние и смерть, вот мужества и не хватает. – Мари с трудом поднялась на ноги и поверх лежащего навзничь Дага печально посмотрела на Фаун. – Я знаю, что ты не чувствуешь проклятия этого места напрямую, но на тебе оно тоже сказывается. Тебе следовало бы дать себе отдых на неоскверненной земле.

Фаун покачала головой.

– Я хочу остаться здесь. Рядом с Дагом. – «Ведь неизвестно, много ли времени нам остается».

– Что ж, как хочешь, – пожала плечами Мари и исчезла в мягких тенях сумерек.

Фаун проснулась, когда лунный свет начал просачиваться сквозь голые ветви ясеня. Несколько мгновений она лежала неподвижно, пытаясь вспомнить свои сны в надежде, что в них может содержаться какое-то пророчество. В балладах часто рассказывалось о том, как сны подсказывали людям, что делать; нужно было точно выполнять указания, иначе на человека могли обрушиться несчастья. Однако никаких снов Фаун не вспомнила, да если бы и вспомнила, было сомнительно, чтобы от них была какая-нибудь польза.

Крестьянские сны... Вот если бы она была Стражем Озера по рождению... Фаун бросила сердитый взгляд на Отана, который тихо похрапывал рядом с Хохарией. Уж если кому и будут полезные видения, то скорее ему, чтоб ему пусто было.

Нет, не нужно, чтобы ему пусто было. Это несправедливо. Фаун неохотно признала, что парень проявил мужество, да и Хохария не выбрала бы его из всех своих подмастерьев и

не взяла с собой, если бы он ничего не стоил. Просто Фаун чувствовала бы себя лучше, если бы он оказался круглым дураком, а не проявлял глупость только в отношении крестьян. Тогда он не заставлял бы ее так сомневаться в себе. Фаун вздохнула, поднялась и побрела к отхожему месту на краю рощи.

Вернувшись, она уселась на своем одеяле и стала смотреть на Дага. Пятна лунного света наставляли его неподвижное лицо казаться пугающе мертвым. Темный блеск его улыбающихся глаз все исправил бы, но ввалившиеся глаза оставались закрытыми. Может случиться, подумала Фаун, что он умрет и она уже никогда больше не увидит яркого золота его взгляда. Она проглотила комок страха, сжавшего ей горло. Позволят ли ей коснуться тела Дага после его смерти?

«Я могла бы коснуться его сейчас». – Только что она могла сделать для Дага, чего уже – и с большей безопасностью – не сделали другие...

«Что ж, лучше подождать».

Спирально закрученное подкрепление Дара... Фаун стала обдумывать фразу, словно пробуя ее на вкус. Для Хохарии это явно имело какое-то особое значение, как и для Мари с Дагом. Подкрепление Дара, свернувшееся в спираль, которое не становилось постепенно частью своего нового хозяина... Фаун потеряла руку, гадая, не было ли таким же то подкрепление, которое проделал с ее Даром Даг. Если она правильно поняла объяснения Хохарии, то такая спираль была отделившейся частью Злого, так же как через браслет на нее действовала отделившаяся часть Дара Дага. Вспомнив Злого, которого они убили в окрестностях Глассфорджа, Фаун порадовалась тому, что они с Дагом остановили его прежде, чем у того развились столь ужасные способности.

Фаун нахмурила брови. Видела ли Хохария когда-нибудь Злого так близко, как она сама? Мастера по большей части оставались в лагере, так что, может быть, и не видела. Разделяющие ножи, возможно, и трудно изготавливать, однако пользоваться ими совсем просто – крестьянский ребенок мог бы это сделать, как это Фаун и продемонстрировала. Она улыбнулась, вспомнив отчаянный крик Дага: «Бей острым концом!»

Мысли Фаун падали, как капли воды в неподвижный пруд.

«Разделяющие ножи убивают Злых».

«В Даге, Артине и других пленниках сохраняются остатки Злого».

«Может быть, чтобы полностью их очистить, требуется дополнительная порция смертности».

«...А у меня есть разделяющий нож».

Фаун сделала глубокий вдох; ее охватил озноб. Ведь невозможно предположить, чтобы она придумала что-то, что не пришло в голову ни Дагу, ни Мари, ни Хохарии; должно быть, они по какой-то веской причине отбросили такую мысль, а Фаун слишком невежественна и поэтому не знает... Или все-таки возможно?

С разделяющими ножами связано очень много чувств и традиций Стражей Озера. Эти предметы – жертва во всех смыслах а потому священны. Никому и в голову не придет дурачиться с разделяющим ножом. Фаун сгорбилась и обхватила себя руками; сна теперь у нее не было ни в одном глазу.

Ведь не обязательно же пронзить им сердце, правда? Это необходимо только для незаряженных ножей, которые еще не получили своей дозы смертности. Чтобы высвободить ее, достаточно попасть в любую часть состоящего из Дара тела Злого. Тогда в Глассфордже Фаун могла ткнуть Злого в ногу, и это дало бы тот же потрясающий эффект. А где, интересно, находятся части Злого в телах зачарованных Стражей Озера? Слились они воедино или были разрозненными, они наверняка все соединены между собой, потому что прикосновение к любому из них приводило в действие ту же западню.

Ценность и действенность ее ножа, говорил Дор, сомнительны. Он не обладает сходством...

«Но этот нож – единственный, на который я имею право».

Взгляд Фаун упал на Дага.

«И он – единственный, на кого я имею право. Значит...»

Поспешно, прежде чем решимость изменила ей, Фаун поднялась и, стараясь не касаться Дага, осторожно откинула одеяло. Она увидела его грудь с выступающими ребрами, слишком свободную набедренную повязку, длинные ноги. В лунном свете тело Дага казалось сгустившейся тенью – ужасно худым. Фаун думала, что ей удалось немного откормить его, но теперь от ее успеха ничего не осталось; недели ужасного напряжения сделали Дага еще более тощим.

Не в сердце, не в глаз, не в живот... Чтобы рана не оказалась смертельной, приходилось ограничиваться ногами и руками, старательно выбирая места, где нет больших сосудов или нервов. Фаун знала, что рана под мышкой была бы опасной, так же как под коленом или на внутренней поверхности бедра. Лучше выбрать наружную поверхность бедра или руку ниже плеча. Крепкие мышцы рук Дага показались Фаун слишком тонкими по сравнению с длинным клинком, висющим у нее на шее.

«Значит, бедро».

Фаун склонилась над Дагом.

Если бы Хохария была в сознании, Фаун спросила бы ее; но тогда она ожидала бы помощи от знающей целительницы и скорее всего вообще не додумалась бы до такой отчаянной меры. Теперь же Хохария, как и остальные жертвы, оказалась пленницей магии Злого, и оставался только Отан. Фаун не попросила бы у него и снега зимой, да и едва ли он его ей дал бы. И все-таки...

«Может быть, я опять собираюсь совершить глупость?»

«Думай же, думай!»

Ее замысел может ни к чему не привести, и тогда ей придется, вытерев кровь с клинка, завтра утром объяснять появление на теле мужа ужасной раны. Представив себе это, Фаун потянулась к своим седельным сумкам и вытащила чистую тряпку, в которую был завернут пух рогоза, и тесемку. Ну вот, из этого получится хорошая повязка.

Из ее затеи может получиться то, на что она надеялась.

«Эта затея может иметь ужасные последствия».

Однако что-то ужасное должно было случиться в любом случае. Ухудшить положение было невозможно.

«Что ж...»

Фаун отложила приготовленную повязку, вытащила из-под рубашки мешочек с ножом и достала светлый клинок. Маленькая задержка, связанная с этим, чуть не лишила ее мужества. Фаун села на корточки рядом с левым бедром Дага, стараясь собраться с духом. Ей хотелось бы помолиться, но Даг ведь говорил, что боги ушли. Фаун не на кого было рассчитывать, кроме себя.

Ей с трудом удалось сдержать стон.

«Даг говорит, что ты сообразительная. Если уж ты не можешь доверять себе, поверь ему».

«Бей острым концом. Куда угодно».

Фаун отвела руку, старательно прицелилась в то место, где, как она надеялась, были надежные мускулы, и, все еще не касаясь Дага, вонзила костяной нож так глубоко, что его кончик заскрежетал по кости. Спящий Даг застонал и дернулся. Фаун выпустила из дрожащей руки рукоять; нож остался торчать из худого бедра Дага, окрашенного серебряным светом луны в белые и синие тона.

Из-за плеча Фаун донесся вопль Отана:

– Что ты делаешь, сумасшедшая крестьянка!

Отан схватил Фаун за плечи и грубо отшвырнул, однако она еще успела увидеть, как левая рука Дага взметнулась вверх, словно невидимая кисть стиснула рукоять разделяющего ножа, и услышать тихий знакомый треск расколовшегося костяного лезвия.

Он плавал в сером тумане, где не было времени и где нечего нельзя было различить. Некоторым утешением служило то, что вместе с остальным исчезли страх, желания и боль. Однако вдруг что-то светлое и теплое необъяснимо встревожило его исчезающее восприятие, как будто полярная звезда оторвалась от небес и приблизилась, полная наивного сияющего, смертельного любопытства.

«Не падай, нет, не приближайся, Искорка!»

Тоска и ужас разрывали Дага на части: обрести эту радость значило убить ее.

«Неужели моя судьба – осквернять все, что я люблю?»

Однако жар звезды не коснулся его. Потом в него хлынул поток новой силы, и на короткий миг к Дагу вернулась способность ясно мыслить. В его темницу упал источник света, хорошо ему знакомый. Даг узнал могучий Дар Хохарии со всей его потрясающей энергией – как странно, что такой фонтан силы обитает в хрупком скромном теле... а надежда, которую могло бы принести появление Хохарии, обратилась в прах, когда Даг ощутил ее гнев, ужас и отчаяние.

«Я-то думал, что ты наверняка все разгадаешь, оставаясь снаружи, хоть мне это не удалось, – я ведь более слеп, чем ты, мне нужно было заглянуть внутрь, чтобы увидеть...»

И в ответ до него донесся стон: «Я тоже должна была заглянуть, чтобы увериться... я должна была знать наверняка... ох, Даг, прости меня...»

Потом туман снова затянул все безгласной печалью.

Даг поторопился сделать обход за это короткое украденное мгновение передышки, чтобы пересчитать свой отряд, как и положено командиру. Да, вот Артин; он еле держится, его Дар так истощен, что сделался прозрачным по краям; Брин и Орниг; Маллора; Стражи Озера из Боунмарша; и вот теперь еще и Хохария. Даг вспомнил, что и себя должен сосчитать. Десять человек, умирающих вместе. Опять он завел тех, кто доверился ему, в бесконечную тьму.

«По крайней мере на этот раз я не могу их бросить».

Время снова исчезло. Серые пиявки присосались к Дагу.

Звездное пламя снова придвинулось слишком близко, и Дага, как холодный туман, охватил трепет. Но от небесной искры исходило что-то еще, какой-то еле слышный знакомый мотив; ее ясный свет и песня без слов переплетались. Их совместная красота переворачивала сердце Дага.

«Это – магия живого зеленого мира, и все, что может дать Дар Стражей Озера, не идет ни в какое сравнение с нею...»

И тут боль и песня стали раздирать Дага на части.

Он чувствовал все особенности того кипящего Дара, что вонзился в его бедро. Кость Каунео, его собственная давно засохшая кровь, совершенный сосуд для смертности, созданный мастером в Лутлии. Смерть дочери Искорки, смерть без рождения, перемешавшиеся самосозидание и саморазрушение в чистейшем виде.

Слишком чистые. Они лежали, погруженные в себя, не оскверненные ни желанием, ни движением, ни временем. «У этого Дара нет сходства» – такое утверждение казалось недостаточно глубоким, чтобы описать его неподвижную отстраненность. Никаких привязанностей. Никакой боли.

«Лучше всего делиться тем, что имеешь в избытке. Я могу поделиться болью».

Чувствуя себя невесомым, как никогда раньше, Даг при помощи Дара поднял левую руку, и его кисть – чистый Дар, испещренный пятнами остатков Злого, – сжала рукоять и Дар рукояти. Его собственная засохшая кровь позволила Дагу проникнуть внутрь спирали; он чувствовал, как его Дар следует по давно проложенному ею пути. Схватить, удержать... Даг вспомнил ту ночь, когда Фаун плела свадебную тесьму окровавленными пальцами и таким образом заключила в ней свой Дар. Он вспомнил, и другую ночь, широко раскрытые глаза Фаун и ее беззащитную готовность: «Нужна кровь?» – как будто она была готова тут же вскрыть себе вены и влить живую влагу в его подставленные ладони, ни перед чем не

останавливаясь.

«Как она делает сейчас».

«Не дай ее жертве пропасть, старый дозорный».

Его прикосновение казалось насилием, но Даг скрутил мертвый Дар своими призрачными пальцами так же, как Фаун плела тесьму. В глубине души он ухмыльнулся, представив себе голос возмущенного Дора: «Ты используешь прием плетения свадебной тесьмы на разделяющем ноже?..» Спираль распрямилась и тяжело легла всей своей длиной ему на ладонь. Кость Каунео радостно треснула, этот звук он услышал не ушами, а Даром, и тут же понял, как неверна была теория Дора о том, что смерть маленькой дочери крестьянки вошла в нож по ошибке; впрочем, у Дата не было времени это обдумывать. Он держал в руке смертность, и она не могла ждать.

Нет, смертность была внутри его руки, а не на ней; они были так же нераздельны, как два волокна, переплетенные в крепкой веревке. Сходство... Теперь наконец Даг смог сжать в руке темную сеть, созданную Злым.

Его призрачная рука повернулась и раскрылась; смертность хлынула из нее в серые рты, потекла по голодным нитям, и Даг беззвучно взвыл от боли. Пятна, оставленные Злым на его Даре, оказались вырваны, как будто рывком, и выброшены. Ослепительный огонь пробежал по Дару, выжигая все следы скверны. Серые туманные полосы созданных Злым спиралей запылали по всей роще, оставив после себя тучу красных искр, на мгновение повисшую в воздухе. Когда эта туча достигла плотных голодных форм глиняных людей, они вспыхнули, как шутихи, и завертелись, как водовороты, оставленные веслом в спокойной воде; их яркие отпечатки еще долго плавали перед бесплотными глазами Дага.

Потом все кончилось.

Даг не знал, что тишина может быть такой раскатистой; а может быть, дело было в нем самом. Освобождение от долгого напряжения способно само стать источником боли... Нет, и правда, это болело его тело. Даг думал, что ему не хватало тела, когда разум его плавал в тумане; теперь он не был так в этом уверен. Его страдания неожиданно стали очень отчетливы. Голова, шея, спина, бедра громко кричали, да и мочевой пузырь настойчиво напоминал о себе. Тело оказалось шумным, раздраженным и настойчивым. Однако у Дага были более неотложные дела.

Он разлепил веки, сморгнув слезы и песок, которые, казалось, намертво их склеили. Оказалось, что он смотрит в ночное небо, залитое таким ярким лунным светом, что посеребренные ветви деревьев отбрасывали переплетенные тени. По всей роще раздавались голоса, полные изумления и шока. Паника сменялась триумфом.

В голубом свете луны и красных отсветах костра, в который подбросили сучьев, взгляду Дага предстала поразительная картина. Фаун и подмастерье Хохарии Отан то ли танцевали, то ли боролись. Точно сказать было трудно. Отан громко пыхтел; Фаун обеими руками вцепилась в запястье Отана и повисла на нем, оттягивая руку вниз. Отан топтался на месте, с проклятиями пытаясь ее стряхнуть.

Даг прокашлялся и кротко сказал, хотя голос его прозвучал хрипло и жалобно, как скрип старых ворот:

– Отан, перестань лапать мою жену. Заведи себе собственную крестьяночку.

Противники отскочили друг от друга, и Отан выдохнул:

– Сэр, я не...

Чего он не делал, Даг уже не услышал, потому что, всхлипнув от радости, Фаун кинулась ему на грудь и стала его целовать. Губы Дага, как ему казалось, были жесткими и сухими, как прутья старого птичьего гнезда, но Фаун, как ни странно, не имела ничего против. Левая рука Дага лежала мертвым грузом, правая была ужасно тяжелой, но Дагу каким-то образом удалось ее поднять и направить куда надо: пальцы удовлетворенно погрузились в волосы Фаун.

Он понятия не имел, каким образом Фаун оказалась здесь. Это было чистым везением. Ее теплое тело подтверждало надежду на то, что она ему не мерещится; впрочем, сейчас Даг

не был уверен, что в состоянии различить действительность и галлюцинацию.

Фаун оторвалась от губ Дага, только чтобы выдохнуть:

– Даг, мне так жалко, что пришлось ударить тебя ножом! Я не могла придумать ничего другого. Тебе очень больно?

– М-м... – неопределенно промычал он. Он испытывал скорее онемение, чем страдание, но постепенно начал осознавать пульсирующую боль в левом бедре. Он попытался поднять голову, не сумел и вместо этого согнул ногу. Перед его глазами появилась хорошо знакомая рукоять ножа. Даг растерянно заморгал.

– На фут выше, и я подумал бы, что чем-то не угодил тебе, Искорка.

Ее невольный смех сменился всхлипываниями. Теплые капли стали падать на грудь Дагу; он погладил вздрагивающее плечо Фаун и что-то успокоительно промычал.

Через минуту Фаун сглотнула и подняла голову.

– Отпусти меня.

– Ни за что, – мягко ответил Даг.

– Нужно извлечь костяные обломки у тебя из ноги. Я не знала, какой глубокой должна быть рана, и ударила изо всех сил.

– Старательная, как всегда, я вижу.

Фаун выскользнула из-под слабой руки Дага и отодвинулась, но улыбнулась сквозь слезы, так что все, пожалуй, было в порядке. Даг рискнул немного приоткрыть свой Дар, чувствуя, что с ним что-то очень не в порядке, но не в силах определить точно, что именно; тем не менее ему удалось пересчитать находящиеся в роще. Все были живы. Некоторые оказались очень слабы, но живы были все. Кто-то вскочил на неоседланную лошадь и помчался галопом в лагерь. Отан забыл свое желание побить настырную крестьянку и принялся ухаживать за Хохарией, приподнявшейся на своем одеяле. Даг прекратил свой начальственный осмотр и с усталым вздохом улегся, предоставив всем остальным делать, что им угодно.

Через некоторое время к Дагу подошел Отан с медицинской сумкой Хохарии и с факелом и принялся делать что-то очень неприятное с его бедром. Еле двигающаяся Хохария давала Отану указания, а Фаун заглядывала через его плечо. Даг понимал, что извлекать нож больнее, чем вонзать, но почему это должно повторяться не один раз?.. Голоса что-то бормотали, то приближаясь, то отдаляясь.

– Слишком много крови!

– Это хорошо: рана очистится. Давай тампон... Хохария, да знаешь ли ты, что это за тампон? Отан, ну подумай сам: конечно, я это знаю. Здорово придумала, Фаун. Теперь завяжи тесемку потуже. И не надо трогать тампон, разве только он промокнет насквозь. Он все вытащил?

– Да, посмотри – приложи обломки друг к другу, как части мозаики, и проверь, нет ли недостающих. Все на месте, видишь?

– Да!

– Хохария, его Дар изорван в клочья! Я никогда еще ничего подобного не встречал!

– Я видела, как это произошло. Поразительное зрелище! Теперь главное – остановить кровотечение у Дага и перевезти всех пострадавших с оскверненной земли в лагерь. Добудь мне какой-нибудь еды – тогда мы справимся.

Перемещение больше всего напоминало парад при свете факелов – из лагеря примчались кое-как одетые ликующие Стражи Озера. Тех освобожденных от заклятия пленников, кто мог удержаться на лошади, усадили по двое: они поддерживали друг друга, не давая свалиться; остальных перенесли на руках. Дага, ногами вперед, перевезли на доске, укрепленной на тележке. Мимо него в отсветах пламени проплыло лицо широко улыбающегося Сауна и донесся голос Мари, которая громко жаловалась на то, что пропустила самый волнующий момент. Даг держал за руку Фаун, пока тележка преодолевала мило до лагеря, и отказывался ее отпустить.

Лагерь бурлил до рассвета. Уснула Фаун поздно и проснулась только около полудня; на

ней покоилась откинута в сторону рука Дага. Она некоторое время полежала, наслаждаясь ее приятной тяжестью и сонным дыханием Дага, шевелившим ее кудри. Потом она все-таки осторожно отползла, села и огляделась; то, что Даг не проснулся при этом, как просыпался всегда раньше, показало ей, насколько же он был измучен.

Их постель находилась под своего рода навесом: верхушки нескольких молодых деревьев пригнули друг к другу и повесили на них одеяло. Лагерь располагался на высоком берегу небольшого ручья под сенью зеленых, не задетых скверной деревьев; вокруг суетились двадцать или двадцать пять дозорных: кто носил воду, кто чистил лошадей у коновязи, кто готовил еду на костре. Несколько человек собрались вокруг изможденных мужчин и женщин, которые, несмотря на слабость, настаивали на том, чтобы есть сидя.

Через некоторое время Даг проснулся тоже, и теперь пришла очередь Фаун помогать ему сесть, опираясь на седельные сумки. Она с радостью принялась его кормить. Даг мог и жевать, и глотать и больше не давился; скоро он ожил достаточно, чтобы отобрать у Фаун миску с нарезанным кидальником и жареной олениной и начать есть самостоятельно. Впрочем, его рука все еще слишком сильно дрожала, чтобы он мог пить, не разливая воду. Беспокоило Фаун другое: левая рука Дага не двигалась совсем; к тому же она заподозрила, что повязка на левом бедре скрывает повреждение, вызванное не только ударом ножа. Глаза Дага покраснели и опухли и были скорее тусклыми, чем блестящими, но Фаун все равно наслаждалась их золотым светом и обращенной к ней улыбкой, которая, как ей казалось, никогда их не покидала.

В целом Фаун порадовалась появлению Хохарии, хоть ту и сопровождал Отан. С ними вместе пришла Мари; выражение облегчения на ее лице сменилось озабоченностью, когда она взглянула на Дага. Целительница выглядела усталой, но совсем не такой изможденной, как Даг, возможно, потому, что пробыла под воздействием заклятия меньше всех. Как бы то ни было, острый ум и обширные знания были готовы к применению.

Отан разбинтовал ногу Дага, и Хохария похвалила аккуратный шов, который он наложил на вертикальный разрез; покраснения только следовало ожидать, оно не говорило пока о воспалении, да и к воздействию на Дар Дага Хохария позже собиралась прибегнуть, чтобы предотвратить осложнения. Отан явно порадовался возможности заменить тампон на ране на обычные для Стражей Озера бинты. Пока целители занимались всем этим, Мари доложила:

– Знаю я, о чем ты будешь спрашивать! Так вот: все, кто освободился от заклятия, живы.

Даг благодарно прикрыл глаза.

– Я более или менее был в этом уверен. Артин выкарабкается? Мне кажется, у него слабое сердце.

– Да, но за ним присматривает его сын. Все Стражи Озера из Рейнтри могут быть переправлены к родичам уже завтра... ну, по крайней мере в ближайший лагерь. Там они будут поправляться быстрее, чем здесь, в лесу.

Даг кивнул.

– Как только мы их отправим, наши ребята тоже станут торопиться домой, – продолжала Мари. – Брин и Орниг уже на ногах, да и Маллора, думается мне, от них не особенно отстанет. Молодость, знаешь ли... Не знаю, как тебе, а мне здешние окрестности ужас как надоели. Правда, с такой дыркой в ноге, как у тебя, ясно, что ты еще долго не сможешь ходить. А вот как скоро тебе можно будет сесть в седло – это решать Хохарии.

– На этот вопрос я тебе завтра отвечу, – сказала Хохария. – На самом деле нога – не самое тяжелое его ранение.

– А что у меня с рукой, Хохария? – робко спросил Даг. Голос его все еще звучал хрипло. – Меня беспокоит, что она не двигается, – вроде как это возвращает меня к тем временам, о которых я не слишком люблю вспоминать.

Хохария понимающе поморщилась.

– Я знаю, почему не любишь. – Когда Отан закончил вязку и отодвинулся, Хохария

спокойно добавила: – Пора мне тебя как следует осмотреть. Тебе придется открыть свой Дар, Даг.

– Угу, – вздохнул Даг.

На взгляд Фаун, энтузиазма в его голосе не прозвучало, однако он откинулся на седельные подушки с равнодушным видом, хотя губы его дрогнули. Мари зашипела в ужасе, Хохария громко втянула воздух, а Отан, который не моргнув глазом зашивал кровоточащую плоть, внезапно побледнел.

– Ну, тут кое-что похуже, чем у Утау, хоть его повреждения я сочла весьма впечатляющими, – признала Хохария. – Посмотрим, что я смогу сделать.

– Ты не можешь заниматься подкреплением Дара после всего, через что прошла, – возразил Даг.

– У меня осталось достаточно сил для одной попытки, – ответила Хохария, и на ее лице появилось внимательное выражение. – Я приберегла ее как раз для тебя. Мне кажется...

Фаун дернула Мари за рукав и отчаянно прошептала:

– Что происходит? Что вы все чувствуете? – «На что я не способна...»

– Его Дар слева весь поражен скверной – вроде больших темных синяков, – прошептала Мари в ответ. – Только те жуткие куски Злого, которые я обнаружила раньше, исчезли – и это, по-моему, очень хороший знак. А вот Дар его левой руки весь изорван в клочья. Хохария соединяет их с помощью направленного подкрепления – ох и умело! Я думаю, она поможет разрываю срастись.

Хохария выдохнула воздух – похоже, она задерживала дыхание – и сгорбилась. Даг в глубокой задумчивости смотрел на свою левую руку, которой ему удалось немного пошевелить.

– Стало лучше! – пробормотал он с радостным изумлением.

– Со временем... – сказала Хохария, и голос ее прозвучал так же хрипло, как голос Дага; Даг бросил на нее выразительный взгляд, словно говоря: «Ну и кто из нас перенапрягается?» Хохария, не обращая на него внимания, продолжала: – Со временем все придет в норму, по мере того как твой Дар будет выздоравливать. Медленно выздоравливать, Даг, запомни.

Даг разочарованно вздохнул.

– Угу. – Голос его сделался еще более унылым. – Призрачная рука... я ее лишился, верно? Навсегда. Как левой кисти.

Хохария довольно раздраженно ответила:

– Лишился до выздоровления – уж это точно; но не обязательно навсегда. Я знаю, ситуация тебя тревожила, но лучше бы ты перестал считать эту свою руку проявлением какой-то мерзкой магии! Она была всего лишь выбросом Дара, простым... ну, выбросом Дара, вот и все. Когда твой Дар оправится от всей обрушившейся на него скверны, она к тебе вернется – последней из твоих способностей, я думаю, так что не кипятись и не дергайся.

– Ах... – сказал повеселевший Даг; Фаун готова была стукнуть его за то, как выразительно он ей подмигнул: она чуть не рассмеялась, а объяснить свой смех суровым Стражам Озера она не посмела бы.

– Ну а теперь, – сказала Хохария, выпрямившись и вытирая пот со лба, почтительно наблюдавший за ней Отан тут же протянул ей чистую тряпицу, за что Хохария поблагодарила его кивком, – теперь моя очередь задать некоторые вопросы. Вот что я хотела бы понять: решат ли в случае чего такие же действия сходную проблему? Если так, я должна записать все для шатра, где хранятся летописи, да и, пожалуй, сообщить целителям в других округах.

– Надеюсь, больше такая проблема никогда не возникнет – сказала Мари. – Это значило бы, что появился еще один незамеченный Злой вроде здешнего, который слишком близко подошел к тому, чтобы стать непобедимым. Только, конечно, все записать нужно – никогда ведь не знаешь, как дело обернется.

– Никто не сможет ответить на твой вопрос, – сказал Хохарии Даг, – пока не попробует

такую же меру на практике, только у меня сложилось мнение, что любой заряженный нож, которым ударили бы любого из захваченных Злым Стражей Озера, разрушил бы закруженную им спираль. Нужно только было, чтобы кто-нибудь сообразил – и посмел сделать.

– Такое представляется странным способом принесения жертвы, – согласилась Хохария. – И все-таки... десять за одного. – Все Стражи Озера задумчиво опустили головы, опечаленные такой арифметикой смертей. – А когда ты об этом подумал?

– Практически сразу, как только попал в западню. Я смог все увидеть изнутри.

Взгляд Хохарии скользнул по тесьме на левом запястье Фаун. Фаун, которая к этому времени уже привыкла к тому, что Стражи Озера говорят о ней так, словно ее нет рядом, все же поморщилась от этого неожиданного пристального внимания.

– Должно быть, в этот момент ты и почувствовала перемену в том странном подкреплении твоего Дара, которое проделал Даг, верно, Фаун? Не сопровождалась ли она чем-то вроде принуждения?

Отан тут же насторожился.

– Ну конечно! Этим все и объясняется – иначе откуда бы она знала, что нужно сделать! Может быть, и правда что-то такое было? Фаун с сомнением нахмурила брови.

– Ничего настолько ясного я не ощутила. Хотела бы я, чтобы было иначе.

– Так откуда же ты узнала, – терпеливо продолжала расспрашивать Хохария, – что нужно именно так воспользоваться твоим разделяющим ножом?

– Я... – Фаун помолчала, вспоминая свои переживания накануне ночью. – Я догадалась.

– Каким образом?

Фаун пожала плечами: ей трудно было выразить свои путанные мысли словами – многое ведь предстало ей не в виде слов, а как яркие картины.

– Ну, ты сказала, что узы, сковывающие пленников, – это отделившиеся части Злого, а ведь Злого убивает разделяющий нож. Вот я и подумала: чтобы добить его, требуется дополнительная доза смертности.

– Но ведь твой нож не обладал сходством!

– Что? – Фаун растерянно посмотрела на целительницу.

– Дор был прав насчет этого, – откашлявшись, мягко сказал Даг. – Смертность в твоём ноже была слишком чиста, чтобы иметь сходство со Злым, но мне удалось вклиниться в эту спираль и кое-что добавить. Немножко проявившегося в последнюю минуту мастерства... как ты думаешь, Хохария?

Целительница пристально посмотрела на него.

– Мастерства? Не уверена, что дело обошлось без магии, Даг.

Фаун в ужасе повернулась к Дагу.

– Так это и лишило тебя твоей призрачной руки? Ох, если бы я знала...

– Ш-ш, – успокоительно пробормотал Даг. – А если бы знала, то что?

Фаун опустила глаза на свои стиснутые руки. После долгой паузы она прошептала:

– Я все равно сделала бы то же самое.

– Молодец, – одобрил Даг.

– Значит, – продолжал гнуть свое Отан, – на самом деле ты ничего не знала – ты просто предполагала. – Он с явным облегчением кивнул. – Ну да, удар наобум. К тому же если бы Даг не вмешался в последний момент, у тебя ничего не вышло бы.

Фаун глубоко втянула воздух, обдумывая это неприятное предположение.

– Иногда, – сказала она спокойно, призвав на помощь все свое чувство собственного достоинства, – важно не то, знаешь ли ты правильные ответы, а правильные ли вопросы ты задаешь.

Даг медленно моргнул; лицо его стало странно неподвижным. Однако он тут же улыбнулся Фаун, так что тяжесть свалилась с ее сердца, и одобрительно кивнул.

– Ага, вот это мы в шатре Блуфилд и называем везением, Отан. – Теплый взгляд, который Даг бросил при этих словах на Фаун, заставил ее ощутить удивительную легкость

во всем теле.

В тот же день Саун вырезал из орешника костыль; с его помощью и опираясь к тому же на плечо молодого дозорного, Даг сумел доковылять до отхожего места. Эта прогулка излечила Дага от стремления к каким-либо еще перемещениям: он лежал на одеяле, где рядом с ним иногда примащивалась и Фаун, и просто молча наблюдал за всем происходящим в лагере. Особенно доволен он был возможностью ни с кем не разговаривать. Для того чтобы побудить Фаун рассказать ему о своем поразительном путешествии, ему было достаточно пробормотать всего несколько слов; Даг чувствовал себя виноватым из-за того, что сам в ответ мало что сообщил ей, но тут он мог полагаться на Сауна и Мари, которые были щедры на все подробности, интересовавшие Фаун.

На следующий день вернулись последние разведчики, высланные Мари в окрестности; с ними прибыли и еще несколько жителей Боунмарша, интересующихся судьбой своих живых и мертвых соседей. Теперь, когда рабочих рук стало больше, было решено перевезти бывших пленников Злого в более удобное место, и после полудня местные Стражи Озера покинули лагерь. Оставшимся делать было особенно нечего, и дозорные сообразили, что единственным препятствием к возвращению домой остается их поправляющийся командир. Те несколько воинов, кто был способен принять участие в подкреплении его Дара, вызвались сделать это ради его скорейшего выздоровления. Даг с благодарностью принимал помощь всех желающих, пока наконец левая рука у него не начала дергаться, речь стала неразборчивой, а вокруг всех предметов не появился легкий сиреневый ореол, так что Хохарии, сердито бормочущей что-то о времени поглощения, пришлось прогнать лишних помощников.

Беспокойство и тоска по дому повисли над лагерем, как сырой туман; к вечеру Дагу удалось уговорить Мари и Кодо разделить дозорных и отправить домой Хохарию с большей частью отряда; несколько телохранителей, а точнее, нянек, должны были остаться с Дагом и сопровождать его, как только он сможет снова сесть на коня.

Мари, посоветовавшись с Хохарией так, чтобы Даг их не слышал, назначила себя главой этого эскорта.

– Кто-то же должен наводить порядок, когда тебе станет скучно и ты решишь на три дня сократить срок, назначенный Хохарией, – прямо заявила она Дагу, когда тот напомнил ей о Каттагусе. – Если мы оставим с тобой детишек, ты же не станешь их слушать.

Несмотря на испытываемую боль и слабость, Даг был вполне удовлетворен возможностью спокойно лежать ночью рядом с Фаун в их убежище под одеялом; ему казалось, что он нашел место, где все его потребности удовлетворялись, а никаких действий от него не требовалось. Такое равновесие представлялось ему совершенством. По дому он не скучал. У него вовсе не было желания думать о лагере Хикори и обо всем, что там его ожидало. Нет.. лучше об этом не думать.

«Будь здесь, с ней».

Даг ласкал Фаун, с наслаждением пропуская ее темные шелковистые волосы сквозь пальцы. В своей седельной сумке Фаун привезла свечи собственного изготовления, одну из которых вставила в подсвечник из найденной на берегу ручья гладкой гальки с выемкой. Даг не испытывал возбуждения, да и не мог его испытывать в своем теперешнем состоянии, но, глядя на Фаун в золотом сиянии свечи, испытывал чистое наслаждение, какое дарит вид резвящегося жеребенка, парящий сокол, красочный закат. Он испытывал изумление перед красотой, которую человек мог сохранить для себя только в неуловимых воспоминаниях. Время было грозным противником, который, впрочем, был бессилен в «сейчас», «сейчас», «сейчас»...

Фаун не возражала против того, чтобы свернуться в клубочек на одеяле и обмениваться поцелуями, хотя через некоторое время она все же поднялась, чтобы снять пояс и сапоги: как и остальные дозорные, они спали не раздеваясь, но терпеть ненужные неудобства Фаун не хотела. Задумчиво сведя брови, она сняла и шнурок, на котором висели ножны разделяющего ножа.

– Пожалуй, теперь можно спрятать это в седельную сумку. – Фаун вытащила из ножен рукоять и разложила на одеяле три длинных обломка костяного клинка, пальцем подтолкнув их один к другому.

Даг придвинулся поближе и стал смотреть на них, опершись на локоть.

– Ха! Так вот что Отан выуживал из меня... а то я все гадал.

– Что мы теперь должны сделать с обломками ножа? – спросила Фаун.

– Использованный нож, если его удастся найти, обычно возвращается родичам того, кто даровал для него свою кость, или, если это невозможно, сжигается на маленьком погребальном костре. Прошло двадцать лет, но у Каунео в Лутлии должны быть родственники, которые ее помнят. У меня дома в сундучке все еще хранятся обломки ножа из кости ее дяди, Каунеара, – я не успел заняться ими из-за всего этого переполоха в Рейнтри. Мне следует отправить осколки с гонцом в Лутлию и написать письмо с описанием всего, что было достигнуто ценой такой жертвы. Так, я думаю, будет лучше всего.

Фаун серьезно кивнула, осторожно касаясь пальцем острого обломка.

– В конце концов этот нож сделал больше, чем просто соединил нас, что бы Дор ни говорил о том, что Дар крестьянки бесполезен. Благодаря твоему мастерству он сыграл свою роль.

– Я... нельзя сказать, что рада – радоваться тут нечему, – но удовлетворена, пожалуй. Дор говорил...

Даг потянулся к Фаун и закрыл ее рот поцелуем.

– Не обращай внимания на то, что сказал Дор. Я ведь не обращаю.

– Вот как? – Фаун нахмурилась. – Но разве он не был прав насчет сходства?

Даг пожал плечами.

– Знаешь, было бы странно, если бы в этом он ошибся. Ножи – его призвание. Впрочем, не уверен, что он был прав и в отношении остального.

– Остального?

– Насчет того, как Дар твоей малютки попал в мой нож.

Черные брови Фаун сошлись к переносице.

Даг откинулся на одеяле, поместив правую руку на некотором расстоянии от культи левой, как любой человек мог бы положить две руки рядом.

– Понимаешь, это было мимолетное впечатление, когда я развернул спираль и высвободил смертельный Дар ножа. Доказать я ничего не могу, все исчезло в один миг, и видел это только я один. Только... тогда в Глассфордже Злого поразил не один нож... и существует не одна разновидность сходства. Существовала определенная связь, канал... С одной стороны, ножи были парными, с другой – поразивший Злого клинок нес отпечаток смерти сердца Каунео. Нож не заключает в себе душу, если вообще такая вещь существует, но сохраняет какой-то отпечаток личности того, кто его зарядил. Думаю, Каунео умерла, многого желая и о многом сожалея, и в одном я уверен: она печалилась о том, что у нее не было ребенка. Я не посмел бы сказать это никому другому, но тебе могу поклясться: не Злой загнал Дар твоей дочери в клинок – это Каунео дала ему там убежище.

Губы Фаун приоткрылись от изумления, глаза ее стали огромными и темными; в их влажной глубине танцевали отблески пламени свечи.

– Если это был подарок из могилы, – очень тихо продолжал Даг, – это самая странная вещь, о каких мне только приходилось слышать, но... Каунео любила детей, она спасла бы любого, будь это в ее власти.

– Она не одна такая, – прошептала Фаун, прижалась к Дагу и крепко его обняла; потом, отстранившись, серьезно сказала: – Расскажи мне о ней побольше.

К собственному удивлению, Даг так и поступил.

Казалось, поток прорвал давно сдерживавшую его плотину. Возможность свободно говорить о Каунео, извлечь из-за скрывавшей его боли все богатство воспоминаний была столь же невероятной, как обретение через многие годы похищенного сокровища. Это было таким же чудом, как возвращение потерянной конечности. Слезы Дага, когда они наконец

пролились, были полны не печали, а благоговения.

16

Следующие два дня, к радости Фаун, Даг послушно лежал, как ему было велено, хотя она заметила, что беспокойным и раздражительным он переставал быть только в ее присутствии. В лагере рядом с Боунмаршем оставались Саун и его напарник Грифф; Варлин заменила Дирлу в качестве помощницы Мари. В лагере было не так уж много занятий для Фаун, поскольку за предыдущие дни со стиркой и починкой одежды было покончено; впрочем, она с удовольствием вместе с молодыми дозорными ухаживала за лошадьми. Грейс не охромела, чего опасалась Фаун; кобыла явно набиралась сил быстрее, чем Даг. Фаун заподозрила, что Стражи Озера лечат своих коней, пользуясь магией, – если не в открытую, то уж исподтишка точно.

На третий день удушливую жару сменил грозовой ливень. Ветви деревьев гнулись и стонали под ветром, листья показывали свою серебристую подкладку. Дозорные в конце концов сделали из нескольких навесов один – только какая-то шкура улетела в лес, как обезумевшая летучая мышь, – на тех деревцах, под которыми обитали Даг и Фаун. Ручей вспух и быстро нес коричневую от грязи покрытую желтой пеной воду. Потом гроза ушла, но дождь продолжал лить. По общему молчаливому согласию все просто сидели и смотрели на дождевые струи, передавая друг другу холодную еду: выложенный из камней очаг, в котором раньше горел костер, превратился в серую мутную лужу.

Грифф вытащил деревянную флейту и принялся учить Сауна играть на ней. Фаун узнала примерно половину веселых мелодий. Потом Грифф отобрал флейту у Сауна и начал долгий мрачный дуэт с дождем; Варлин и Саун глухо отбивали ритм палочками по котелку. Даг и Мари задумчиво слушали этот концерт.

Потом все снова принялись жевать. Даг, который с закрытыми глазами сидел, опираясь на седельные сумки, неожиданно выпрямился и спросил Сауна:

– Ты знаешь название городка, рядом с которым, как считается, появился Злой?

– Гринспринг, – рассеянно ответил Саун, безуспешно высматривавший просвет в тучах.

– Ты знаешь, где это? Бывал там?

– Да, пару раз. Это примерно в двадцати пяти милях к северо-западу от Боунмарша. – Саун неопределенно махнул рукой куда-то за полотнище навеса.

Даг надул губы.

– Получается примерно пятьдесят миль за границей очищенных земель?

– Около того.

– Как же поселение возникло в такой дали? В мое время его там не было.

Саун пожал плечами.

– Кто-то там селился на протяжении всей моей жизни: место удобное, пересечение трех дорог и реки. Если я правильно помню, сначала там поставили лесопилку, а потом, когда вокруг появились деревни, и мельницу выстроили. Рядом поселился кузнец и другие ремесленники. Мы несколько раз пользовались кузницей, хотя тамошние жители и не очень приветливо принимают дозорных.

– Почему? – спросила Фаун, готовая обидеться за Стражей Озера.

– Это старая история. Несколько раз, когда крестьяне пытались там поселиться, дозорные из Рейнтри прогоняли их, да только они все равно просачивались обратно. Сгонять фермеров с расчищенной земли хуже, чем корни выкорчевывать. Может быть, как раз потому, что для расчистки им и приходится корчевать корни. В конце концов упрямец-фермеров стало слишком много, так что без кровопролития их было не выставить, и наши ребята махнули рукой и позволили им остаться.

Даг нахмурился.

Саун обхватил колени руками, пытаясь защититься от сырого холода.

– Один парень там мне как-то сказал, что Стражи Озера просто жадничают: хотят такие

замечательные пахотные земли оставить своими охотничьими угодьями; крестьяне будто бы могут при помощи плуга получить с них большой доход, чем мы со своими луками и капканами.

– Они не смогли бы есть добычу, на которую мы охотимся, – проворчала Мари.

– Это был тот самый парень, который говорил мне, что зловредные привидения – просто страшилка, которую Стражи Озера придумали, чтобы не пускать туда крестьян, – мрачно добавил Саун. – Интересно, где он теперь.

Грифф и Варлин только головами покачали. Фаун закусила губу.

Даг накрутил на палец прядь своих отросших волос – давно ему пора стричься, подумала Фаун, если только он не решил по примеру товарищей отрастить их подлиннее.

– Я хочу взглянуть на те места, прежде чем мы отправимся домой.

Грифф нахмурился.

– Это три дня пути в сторону, Даг.

– Может быть, только два – если мы поторопимся и к тому же поедем по большаку. – Подумав, Даг добавил: – Мы могли бы выехать отсюда на два дня раньше и вернуться домой вовремя.

Мари бросила на него подозрительный взгляд.

– Как я и думала – пора тебе начать проявлять нетерпение. Хохария сказала: семь дней покоя для твоей ноги. Мы все это слышали.

– Да брось, ты же знаешь, что она перестраховывается.

Мари не стала этого отрицать, но сказала:

– Да и вообще, зачем тебе туда? Ты и так знаешь, как выглядит пустошь, – она всюду одинакова, это и делает ее пустошью.

– Таков долг командира эскадрона. Громовержцу нужен будет отчет о том, как это все началось.

– Там же не его территория, Даг. Пусть за всем следят парни из Рейнтри.

Даг выразительно прикрыл глаза, дав понять Мари, что спорить не собирается; встретив любопытный взгляд Фаун, он заключил:

– Тем не менее я должен увидеть все, что только можно. И обсуждению это не подлежит – на случай, если кто-то не понял. – В голосе Дата прозвучало железо: таким тоном он пользовался редко. Спорить он не собирался, но и сдаваться тоже.

Мари поморщилась.

– Но почему? Я могла бы в точности описать тебе все, что ты там увидишь, не сходя с места, – да ты и сам мог бы. Картина была бы безрадостной, но точной. Ответы на какие вопросы ты хочешь найти?

– Если бы я знал, мне не нужно было бы туда ехать. – Даг снова принялся тереть волосы. – Мне кажется, ответы мне и не нужны. Я собираюсь найти новые вопросы. – Он посмотрел на Фаун и кивнул ей.

Следующее утро оказалось ясным и теплым, и все занялись просушкой вещей, раскладывая их на солнце или развешивая на ветках. К полудню Даг счел, что все приведено в порядок, и снова заговорил о том, чтобы отправиться в путь – не напрягаясь и небольшими переходами; последнее он подчеркнул, чтобы успокоить встревоженную Мари, с сомнением ворчавшую что-то себе под нос. Впрочем, окрестности Боунмарша надоели ей не меньше, чем всем остальным, так что Даг вскоре добился своего.

Поскольку перспектива вернуться домой, пусть и кружным путем, была заманчивой, молодые воины свернули лагерь за час, и шестеро всадников и вьючная лошадь под предводительством Сауна двинулись на северо-запад. Они объехали стороной мертвое болото, бурое и плоское, которое даже яркий солнечный свет не мог заставить блестеть, хотя путь через пустошь сократил бы дорогу на несколько миль.

На полдороге Мари натянула поводья и поставила лицо порыву влажного ветра.

– Что такое? – окликнул ее сразу насторожившийся Саун.

– Чувствуешь запах? – откликнулась Мари.
– Прилично пованивает, – сморщила нос Варлин.
– Что-то начало гнить, – объяснил Даг подъехавшей к нему Фаун, которая бросила на него вопросительный взгляд. – Это хорошо.
– Нашли чему радоваться... – покачала головой Фаун.
– Надежду подаю даже такие мелочи, – улыбнулся ей Даг и сжал пятками бока Копперхеда, радуясь тому, как улучшилось настроение усталых дозорных.

Как Даг и обещал Мари, через леса Рейнтри они двигались не спеша. Теперь не было нужды закрывать Дар, и Стражи Озера ехали, оглядывая окрестности, хоть и не были формально в дозоре. Такая предосторожность являлась обычной – ведь никогда не знаешь, с чем столкнешься. Сам Даг однажды обнаружил только что вылупившегося Злого и уничтожил его на дальней окраине округа Сигейт, когда ехал в одиночку с поручением к тамошним Стражам Озера. Несмотря на медленное продвижение, отряд к вечеру, когда был разбит лагерь, удался от Боунмарша миль на двенадцать. Этой ночью все спали лучше, даже Даг, заживающая рана которого все еще болела.

На следующий день они выехали пораньше, но двигаться продолжали медленно. Варлин заметила рядом с тропой тела двух глиняных людей, которые, по-видимому, погибли от естественных причин – просто кончилась краденая сила, которой их снабдил Злой; это говорило о том, что опасность, которую могли бы представлять эти твари, существенно уменьшилась. Даже передвигаясь медленно, к середине дня маленький отряд добрался до окрестностей Гринспринга, где уже были заметны следы мертвящего присутствия Злого.

В тени последних живых деревьев, там, где тропа выходила на голые поля, Даг остановился и поднял вверх свой крюк; все дозорные тоже натянули поводья.

– Нет необходимости ехать туда всем. Лагерь можно разбить здесь. Ты лучше оставайся тут с Варлин и Гриффом, Фаун: пустошь такого размера высасывает Дар, даже если ты ничего не чувствуешь, а это вредно. Да и картина там может оказаться неприглядной. – Именно такой она и будет...

Фаун оперлась на луку седла и пристально взглянула на Дага.

– Если это вредно мне, то разве тебе не будет еще вреднее? Ты и так медленно выздоравливаешь, насколько я могу судить.

Мари кисло усмехнулась.

– А девочка-то тебя поймала!

Фаун втянула воздух и выпрямилась в седле.

– Здешнее селение – оно ведь похоже на Вест-Блу, правда?

– Возможно, – признал Даг.

– Тогда... тогда я должна все там увидеть. – Фаун подкрепила свои слова решительным кивком.

Они с Дагом обменялись долгим взглядом; Фаун явно собиралась стоять на своем.

«И чему тут удивляться?»

– Что ж, чем скорее начнем, тем скорее кончим. Мы там долго не задержимся. – Даг махнул рукой Сауну, предлагая ему показывать дорогу.

Сначала они ехали мимо заброшенных ферм; растения на полях были привядшими, потом умирающими, потом мертвыми, потом мертвыми и странно посеревшими... Даг хорошо знал все эти признаки и, как и другие дозорные, держал свой Дар плотно закрытым.

– Чего мы ищем? – спросил Грифф, когда из-за облетевших кустов крушины, которые раньше были чьей-то живой изгородью, показались первые дома городка.

– Для начала я хотел бы найти логово, – ответил Даг, – увидеть, откуда Злой начал продвижение, и понять, как он мог остаться незамеченным.

Это оказалось нетрудным делом: дозорные просто следовали за все более заметным осквернением окрестностей. Впечатление было такое, будто они опускаются в темную пропасть, хотя земля здесь, как и всюду в Рейнтри, была ровной. Пожухлая растительность становилась все более серой, и даже дощатые домики с их покосившимися заборами

выглядели лишившимися всех оттенков цвета. Сухость и отсутствие всяких запахов напоминали пыльную пещеру. Городок, на взгляд Дага, был раза в два больше Вест-Блу: он состоял из трех или четырех улиц. На берегу реки – она заслуживала этого названия и не была просто сделавшим карьеру ручьем – виднелся крепкий причал; русло реки было достаточно глубоким для небольших парусных судов, не говоря уже о многочисленных плотах и плоскодонках, заплывавших сюда с реки Грейс. На рыночной площади обнаружили трактир и кузница; всего в городке насчитывалось домов сто. Еще недавно здесь жила тысяча человек.. теперь же не было никого.

Логово Злого, похоже, находилась в леске на окраине городка. Лошади встревоженно зафыркали, когда всадники захотели подъехать поближе. В склоне неглубокой лощины, промытой в сланце ручьем, виднелась пещера, похожая на ту, что Даг видел в окрестностях Глассфорджа, только меньше. Теперь она была пустой, и камни образовали осыпь, наполовину перегородившую ручей. Вдоль берега тянулись ямы, в каждой из которых мог бы поместиться человек; в некоторых местах их было так много, что земля напоминала пчелиные соты. Должно быть, это был первый питомник глиняных людей, устроенный Злым.

– Вокруг было так людно, – сказал Клифф. – Трудно поверить, что никто не заметил первых признаков появления Злого.

– Может быть, кто-нибудь и заметил, – отозвалась Фаун, – да никто не обратил внимания его их слова. – «Подростка кто же станет слушать». – Рошица ведь принадлежала всем горожанам. Наверняка мальчишки все время играли тут у ручья.

Даг оперся о луку седла и глубоко втянул воздух, стараясь преодолеть тошноту.

«Да. Любимая пища Злого, самая питательная, с доставкой на дом».

Поэтому-то Злой и рос так быстро. Даг вспомнил красоту твари, озаренной лунным светом. Сколько же было линек? Да сколько угодно...

– И никто не сообразил, что нужно спастись бегством? – спросила Варлин. – Или Злой просто слишком быстро рос?

– Быстро, конечно, но все-таки не настолько, – высказала свое мнение Мари. – Некоторым просто не повезло, но другие, я думаю, погибли из-за своего невежества.

– Почему... – начала Фаун и умолкла. Даг, подняв брови, повернулся к ней. – Я собиралась спросить, почему они были невежественными, – продолжала Фаун тихо, – но я сама совсем недавно была такой же, так что я, пожалуй, знаю почему.

Даг, которого кошмарные видения, представшие его умственному взору, лишили слов, только покачал головой и развернул Копперхеда. От лощины всадники двинулись по широкой тропе.

Когда они свернули на главную улицу городка поблизости от причала, Саун неожиданно поднял голову.

– Клянусь, я слышу голоса!

Даг позволил себе чуть приоткрыть свой Дар, но тут же плотно его закрыл, морщась от неприятного ощущения; однако искры жизни он все же заметил.

– Вон там.

Дозорные свернули в боковую улочку, вдоль которой тянулись голые деревья и брошенные дома – некоторые новые, обшитые досками, другие бревенчатые, более старые. В кое-каких строениях виднелись разбитые стекла в окнах, хотя большинство обходилось старомодным пергаментом или сеткой от насекомых – теперь тоже рваными. Мостовая скоро превратилась в грунтовую дорогу с глубокими колеями, выводящую на широкое поле, покрытое серо-коричневой полегшей травой и сорняками. На дальнем конце поля под мертвыми деревьями копошилась дюжина человеческих фигур. Рядом виднелись несколько телег, запряженных понурыми лошадьми.

– Не могут же они пытаться засеять это поле, – в растерянности пробормотал Саун.

– Нет, – ответил Даг, приподнявшись на стременах и прищурившись, – сегодня они сеют не зерно.

– Они могилы копают, – тихо проговорила Мари. – Должно быть, некоторые беженцы

вернулись и ищут своих, как это было в Боунмарше.

Грифф печально покачал головой.

Даг намотал поводья на крюк, хотя его левая рука все еще еле двигалась, чтобы освободить правую, и жестом приказал дозорным двигаться вперед; впрочем, осторожность заставила его остановиться на некотором расстоянии от выживших жителей Гринспринга.

Горожане выстроились неровным строем, сжимая лопаты и мотыги; это напомнило Дагу о том, как Хорсфорды со страхом приближались к нему, мирно сидевшему на их крыльце. Если у Хорсфордов были причины нервничать, то эти люди имели все основания быть полубезумными, а то и совершенно лишившимися рассудка.

После того как горожане, переглядываясь, обменялись несколькими тихими словами, вперед вышел один человек и осторожно приблизился к всадникам; он остановился в нескольких шагах от них, но все же так, что можно было разговаривать, не повышая голоса. Это хорошо. Сочувствие лучше высказывать без крика. Даг поднял руку в приветствии.

– Здравствуйте.

Человек ответил коротким мрачным кивком. Это был измученный заботами старик; его рваная рабочая одежда нуждалась в стирке. Запах пота, такой человеческий, был почти приятен в мертвом, лишенном запахов воздухе. Лицо человека казалось заживо утратившим всякие оттенки – таким серым от усталости оно стало. Даг невольно снова вспомнил Соррела Блуфилда.

– Вам не следовало бы оставаться на оскверненной земле, – начал Даг.

– Это наша земля, – возразил человек, безразлично взглянув на Дага.

– Она отравлена зловредным привидением и станет отравлять и вас, если вы здесь задержитесь.

– Нечего каким-то пожирателям трупов здесь командовать, – фыркнул горожанин.

Даг постарался сдержаться.

– Вы можете, если хотите, похоронить погибших здесь, хотя я вам этого не советовал бы. Только по крайней мере не разбивайте здесь лагерь для ночлега.

– Тут есть где укрыться. – Человек выпятил подбородок и нахмурился. – И мы будем стеречь нашу землю ночью, – предостерегающим тоном добавил он, – если вы вздумаете прокрасться обратно.

Что этот идиот вообразил? Что дозорные явились, чтобы похитить тела мертвых горожан? Даг стиснул зубы, не позволяя вырваться яростным протестам: «Не станем мы творить такую гадость! У нас хватает мертвых тел и своих соплеменников. И кости крестьян, спасибо вам, нам ни к чему, тем более крестьян, из которых Злой высосал весь Дар...» Даг ограничился коротким:

– И все же сделайте, как я говорю.

Горожанин, возможно, смутился от того, что нанес обиду; впрочем, извиняться он не стал, а только объяснил:

– А как еще нам, тем, кто выжил, найти друг друга? Привидение наложило на нас проклятие и разбросало по сторонам...

Может быть, он был в числе захваченных Злым рабов и теперь находился в растерянности? Похоже, так оно и было...

– Неужели никто не догадался обратиться за помощью, когда привидение еще только появилось? Поднять тревогу?

– Да за какой там помощью! – снова надулся старик. – Вы, Стражи Озера, на своих высоких конях на нас и напали. Я же сам все видел. – Голос его упал. – Мы все были не в себе после заклятия привидения, это верно, но все же...

– Они должны были защитить... – начал Даг и остановился. Толпа горожан не опустила свои орудия, превращенные в оружие, и не вернулась к прежнему занятию. Даг искоса глянул на Фаун, тревожно следившую за мужчинами, и потер лоб. – А что, если я слезу со своего высокого коня? – коротко бросил он. – Ты подойдешь и станешь со мной разговаривать?

Пауза, недоверчивый взгляд, наконец кивок.

Даг стиснул зубы, готовясь спешиться. Пристально наблюдавшая за ним Варлин ухватила Копперхеда за узду, а Саун соскочил с собственного коня, отвязал костыль, притороченный к седлу, и поспешил подставить командиру плечо. Нога Дага едва не подвернулась, когда он на нее оперся; Даг слабой улыбкой поблагодарил Сауна, который поспешно убрал руку, вспомнив, должно быть, выговор Дага при нападении на разбойничий лагерь... как же давно это было! Даг крепко ухватил костыль и повернулся к удивленно заморгавшему горожанину: тот только теперь понял, в каком плачевном состоянии его собеседник.

Даг показал на ствол упавшего дерева, и старик снова кивнул. Фаун тут же оказалась рядом с хромящим Дагом и взяла его за руку – еще не поддерживая, но готовая прийти на помощь, если его нога снова подвернется. Даг подумал было, не отправить ли ее обратно к Грейс: ему не хотелось, чтобы Фаун услышала о самых печальных подробностях случившегося. Впрочем, он прогнал свои сомнения – да и было уже поздно что-нибудь делать, – когда они дошли до поваленного дерева.

«Фаун ведь говорит на языке, понятном крестьянам».

С этой мыслью Даг развернулся так, чтобы Фаун села между ним и стариком. Оба мужчины могли видеть друг друга поверх ее головы, и к тому же, раз этот бедняга в последний раз видел Стража Озера как своего врага и преследователя, он, наверное, предпочел бы, чтобы их кто-то разделял.

«Мы оба такое предпочтем».

Даг с облегчением перевел дыхание, заметив, что горожане вернулись к своей работе. Теперь пришла очередь держащих под уздцы своих коней дозорных, сбившись в тесную группу, настороженно следить за действиями Дага.

– Привидение причинило вред всем, – снова начал Даг. – Стражи Озера из Рейнтри понесли урон и лишились жилищ. Лагерь Боунмарш осквернен – он останется заброшенным лет тридцать, на мой взгляд. А здешние окрестности останутся безжизненными еще дольше.

Горожанин хмыкнул, и нельзя было понять, согласен он с этим или нет. Может быть, он просто застонал от боли...

– Многие из вас вернулись? Чтобы найти друг друга? – спросила Фаун.

Старик пожал плечами.

– Кое-кто вернулся. Большинство понимало, что придется только хоронить погибших, но все же кое-кто вернулся. Я нашел свою жену.

– Это хорошо, – с симпатией сказала Фаун.

– Она похоронена вон там, – продолжал горожанин, кивнув на длинную насыпь свежевскопанной земли под деревьями. Братская могила, понял Даг.

– Ох... – выдохнула Фаун.

– Они ждали, когда мы вернемся, – продолжал старик. – Все жены, все дочери... Все парни. Все старики. Похоже на то, что с их телами случилось что-то странное: они не разлагаются даже в такую жару. Как будто они ждали, что мы вернемся и найдем их.

Даг сглотнул и решил, что момент для того, чтобы объяснить самые загадочные проявления скверны, неподходящий.

– Мне так жаль... – тихо прошептала Фаун.

Горожанин пожал плечами.

– Могло оказаться хуже. Вон Дейзи и Купер – они час назад нашли друг друга живыми. – Он показал на мужчину и одну из немногих здесь женщин, сидевших на передке одной из телег, отвернувшись друг от друга и бессмысленно глядя в пустоту.

Маленькая рука Фаун коснулась колена старика.

– А... почему это хуже? – Фаун могла спрашивать о таких вещах; сам Даг не осмелился бы и снова порадоваться тому, что она с ним.

– Дейзи, она ведь думала, что вся их малышня с отцом. А Купер считал, что это она их увела. У них было четверо детишек. – Через мгновение старик добавил: – Мы оставляем

детей напоследок, на случай, если кто из их родственников еще объявится. – Даг проследил за его взглядом; наполовину скрытый засохшими сорняками, под деревьями был виден ряд неподвижных тел. Рядом с ними горожане начали копать длинную яму. Она была длиннее, чем уже засыпанная могила.

– Сирот отвели подальше от оскверненной земли? – спросила Фаун, только отсутствующие боги знали, какие мысли промелькнули у нее в голове: может быть, кто-то взял на себя заботу о том, чтобы потерявшие друг друга родственники встретились...

Старик долго смотрел на Фаун. Должно быть, она показалась ему очень юной, как в свое время и Дагу, потому что ответил он ей очень мягко:

– Здесь нет сирот, мисс.

– Но... – Фаун закусил губу, явно не сразу сообразив, что кроется за этой короткой фразой.

– Мы не нашли ни одного ребенка младше двенадцати. Да и из тех, кто постарше, немногие выжили.

Когда Фаун повернулась к Дагу с таким видом, словно надеялась: он сможет тут чем-то помочь, он тихо сказал:

– После беременных женщин, дети – лучший источник Дара для Злого, готовящегося к линьке. Вот он за ними в первую очередь и охотится. Когда люди спасались из Боунмарша, женщины схватили детей и бежали первыми. Остальные последовали за ними со скотом и теми припасами, которые могли унести, а оказавшиеся в селении дозорные образовали заслон позади них. Детей увели из лагеря в первые же четверть часа после тревоги, да и другие задержались ненадолго дольше. Потери все равно были: кое-кого не удалось предупредить. Те мастера, которых мы освободили от заклятия Злого, задержались, пытались связаться с группой подростков, которые в тот день отправились в лес за орехами.

Фаун нахмурилась.

– Я об этом не слышала. Удалось им предупредить их вовремя?

Даг вздохнул.

– Нет. Вернувшиеся жители Боунмарша потом нашли тела... и похоронили, как и этих бедняг. – Он кивнул в сторону насыпей; горожанин, слушая его рассказ, только ковырял каблуком сухую землю, задумчиво сведя брови.

«Да, – подумал Даг, – бери с нее пример. Крестьяне могут задавать вопросы и получать ответы. Почему бы и тебе не попробовать?»

– Родичи не забрали... – Фаун резко оборвала фразу, вспомнив, что спрашивать в присутствии своих соплеменников о костях, используемых для изготовления разделяющих ножей, нельзя. Она только покачала головой.

Горожанин искоса взглянул на Дага.

– Ты ведь не из Боунмарша.

– Нет. Мой эскадрон прискакал из Олеаны на помощь. Мы теперь возвращаемся домой.

– Отряд Дага и убил ваше зловерное привидение, – с гордостью вставила Фаун. – Проклятие Злого... зловерного привидения как раз тогда и отпустило тебя.

– Ха... – уныло буркнул старик. – Могли бы поспеть и побыстрее.

Оскорбленный несправедливостью, Даг резко бросил:

– Если бы кому-нибудь из вас хватило ума сразу же поднять тревогу, все случилось бы намного быстрее. Мы сделали все, что могли, и сразу же, как только узнали.

Между мужчинами повисло упрямое молчание. Горе и усталость, глубокие, как трясина, не позволяли им ни спорить, ни извиняться. Даг в целом получил представление о событиях. Пожалуй, пора было уезжать.

Из чащи голых деревьев вышли трое горожан – они то ли искали там погибших, то ли просто справляли естественные надобности, – и вытаращились, открыв рты, на дозор. Седой старик резко вскинул голову и, не спуская глаз с Фаун, быстро двинулся к упавшему дереву, все ускоряя и ускоряя шаги. Наконец он не выдержал и побежал; на лице его отразилось страшное волнение; размахивая руками, он закричал:

– Сасси! Сасси!

Даг напрягся, его рука скользнула к рукояти ножа. Сидевший рядом с Фаун горожанин со стоном выпрямился и безнадежным жестом вскинул руки.

Седой старик бежал тем медленнее, чем ближе оказывался; хватая ртом воздух, он тер покрасневшие глаза и присматривался к Фаун. Бесцветным голосом он прошептал:

– Ты не моя Сасси...

– Нет, сэр, – ответила Фаун виновато. – Я Фаун Дага.

Старик продолжал присматриваться к ней.

– Но ты же одна из наших? Тебя привезли обратно дозорные? – Он махнул рукой в сторону всадников, все еще настороженно следивших за происходящим. – Мы можем попытаться найти твоих родных.

– Нет, сэр, я из Олеаны.

– Почему это ты с ними?

– Я замужем за одним из Стражей Озера.

Седой старик растерянно оглянулся и уставился на Сауна, который все еще держал поводья Копперхеда. Старик неприязненно поджал губы.

– Если так тебе сказал тот парень, мисси, то, боюсь, он солгал.

– Это не он... – начала Фаун и умолкла, когда Даг предостерегающе сжал ее руку.

Седой человек глубоко втянул воздух.

– Если захочешь остаться здесь, мисси, мы могли бы найти тебе... – Он умолк, печально озираясь.

– Убежище? – пробормотал его товарищ. – Вряд ли. – Он поднялся с бревна и стиснул плечо несчастного. – Брось, приятель. Она – не наша забота... уж во всяком случае сегодня.

Кинув через плечо разочарованный взгляд, седой старик потащился прочь.

– Надеюсь, он найдет свою Сасси, – сказала Фаун. – Кто она ему? Дочь?

– Внучка, – пробормотал горожанин.

– Ах...

– Нам нужно покинуть эти оскверненные места, Фаун, – сказал Даг, гадая, не счел ли бы горожанин Фаун своей заботой, будь это какой-то другой день. Мысль была неприятной, но опасный момент, если он таковым и был, миновал.

– Ох, конечно! – Фаун тут же вскочила на ноги. – Тебе, должно быть, здесь особенно тяжело. Как твоя нога?

– Ей полегчает, как только я снова окажусь в седле. – Даг тяжело оперся на свой костыль и поднялся. У него уже болело все тело, как при лихорадке. Пока Даг, хромя, ковылял к своему коню, горожанин тащился следом.

На этот раз Саун и Варлин общими усилиями с трудом подняли Дага на Копперхеда. Даг со вздохом поник в седле и даже позволил Сауну вдеть свои ноги в стремяна и забрать костыль. Варлин ловко посадила в седло Фаун, и та благодарно улыбнулась дозорной.

– Готов, Даг? – спросил Саун, похлопав того по ноге.

– Насколько я на это способен, – ответил Даг.

Саун двинулся к своему коню, а брови горожанина поползли вверх.

– Ты и есть ее Даг? – В голосе старика прозвучали удивление и глубокое неодобрение.

– Да, – буркнул Даг. Они несколько мгновений молча смотрели друг на друга, потом Даг начал говорить: – В следующий раз не забудь... – и оборвал себя. Ни час, ни место, ни собеседник не годились для разговора о будущем.

«Да и когда, где и кто окажется подходящим?»

Горожанин поджал губы.

– Вряд ли нам есть еще о чем разговаривать, дозорный.

– Пожалуй. – Даг поднял руку в прощальном приветствии и щелкнул языком, разворачивая Копперхеда.

Фаун на Грейс двинулась следом. Даг опасался, что она все же уловила невысказанный мрачный намек горожанина: на ее лице ясно отражалась борьба между сочувствием горю

жертв Злого и вызванным стариком гневом. Она наклонилась в седле и бросила горожанину:

– Мог бы сказать «спасибо». Должен же кто-то хоть раз поблагодарить дозорных, пока мир не рухнул.

Старик смущенно потупился под ее пылающим взглядом, а потом долго в растерянности смотрел ей вслед.

Когда отряд покинул оскверненный город и выехал на дорогу, идущую по берегу реки, Мари сухо спросила:

– Ну как, удовлетворен тем, что увидел, Даг?

Он только хмыкнул в ответ.

Голос Мари стал более мягким:

– Ты не можешь в одиночку исправить все зло в этом мире.

– Похоже, что так. – Через несколько мгновений он совсем тихо пробормотал: – Может быть, и никто не сможет.

Фаун с тревогой смотрела на поникшего в седле Дага, однако об отдыхе и речи не было: он желал, чтобы между ними и тем, что оставалось позади, оказалось как можно больше миль. Гринспринг... Не окажется ли теперь городок переименован на картах в Мертвую Пристань? Мари была права: Даг совсем не нуждался в новом запасе кошмарных воспоминаний, не говоря уже о том, чтобы нарочно их собирать. Он получил по заслугам. Даже Фаун приумолкла. Ни вопросов, ни ответов – только тишина.

Так, в молчании, они и ехали на север вдоль реки, высматривая тропу, которая вела домой.

17

Через шесть дней после того, как они повернули на север, копыта коней маленького отряда застучали по доскам такого знакомого моста, ведущего на остров. Фаун повернулась в седле, глядя на Дага. Он выпрямился и поднял голову, но, в отличие от остальных, не завопил от радости, и его кривая улыбка каким-то образом заставила его выглядеть еще более измученным, чем раньше. Мари распорядилась, чтобы отряд совершал короткие переходы, не утомляя без нужды усталых лошадей, но все понимали, что она заботится о Даге. Беспокойство Мари пугало Фаун даже сильнее, чем та не похожая на Дага вялость, которая не покидала его всю дорогу. В последние два дня необходимость беречь коней как-то забылась: дозорные торопились к привычной конюшне даже больше, чем их лошади.

Всадники задержались на развилке дорог, и Мари помахала Сауну, Гриффу и Варлин, а потом кивком головы подозвала Дага.

– Думаю, нам стоит отправляться прямо домой.

– Хорошо, – откликнулся Саун. – Помощь нужна?

– Там должны быть Рази с Утау. Да и Каттагус. – Черты строгого лица Мари смягчились, и она с отсутствующим видом улыбнулась. – Ага... – Фаун подумала, что Мари, должно быть, как раз коснулась Дара Каттагуса, чтобы предупредить того о своем прибытии.

Даг встрепенулся.

– Мне первым делом нужно повидаться с Громовержцем.

– Громовержец уже обо всем знает от Хохарии и остальных, – решительно возразила Мари. – А мне нужно повидаться с Каттагусом.

Саун взглянул на своих нетерпеливо ерзающих в седлах спутников, которых ожидали их семьи, и сказал:

– Я по дороге заеду к Громовержцу и сообщу ему, что мы вернулись.

Даг прищурился.

– Это, пожалуй, сгодится.

– Считай, что дело сделано, Даг. Отправляйся отдыхать, ты выглядишь ужасно.

– Спасибо, Саун, – сказал Даг; легкая сухость его тона говорила о том, что благодарит он за первую часть фразы, а не за ее завершение. Саун ухмыльнулся, и молодые дозорные

пустили коней рысью, которая перешла в галоп еще прежде, чем они скрылись за поворотом.

Даг, Мари и Фаун двинулись по идущей вдоль берега дороге, и хотя никто не предложил тоже пустить коней галопом, Мари все-таки подхлестнула своего. К тому времени, когда они добрались до своих шатров, она уже стояла на стременах, глядя вперед.

На поляну высыпали все – Рази и Утау каждый держал на руках по ребенку, Сарри радостно махала руками, Каттагус, несмотря на одышку, торопился навстречу Мари; оказались среди встречающих и новые лица – высокая женщина среднего возраста, мужчина, который мог быть только ее мужем, и шестеро детей – от старшего, ровесника Фаун, до весело подпрыгивающей девочки лет восьми. Женщина, конечно, была старшей дочерью Мари, которая вернулась с другого берега озера вместе со всем своим семейством и с новой лодкой. Все они кинулись к Мари, хотя и уступили Каттагусу первую очередь. Старик крепко обнял жену, как только та спешилась.

– Пора уж тебе было вернуться, старуха, – пробурчал он ей в волосы.

– Ага, ты тут. Это хорошо – не придется разыскивать тебя, чтобы поколотить, – грозно пообещала Мари, не выпуская мужа из объятий.

Рази протянул брыкающегося сына Сарри, и та посадила малыша себе на бедро; Утау отпустил Тези, строго наказав ей держаться подальше от Копперхеда, и двое мужчин помогли Дагу спешиться. Утау выглядел бледным, но достаточно бодрым, нашла Фаун. Зять Мари и Рази быстро расседлали всех трех лошадей и отнесли сумки к шатру, а потом отвели коней на остров Кобылы, прежде чем фыркающий Копперхед сумел укусь или лягнуть кого-нибудь из резвящихся вокруг детей.

Шатер Блуфилд по-прежнему стоял под яблоней, и Сарри с улыбкой подняла и привязала навес. Внутри все выглядело очень опрятно; Фаун попросила Утау сложить их потертые сумки под навесом. Ей предстоит нешуточная стирка, решила она, прежде чем можно будет позволить грязной и пропахшей потом дорожной одежде снова присоединиться к оставшимся дома родичам.

Даг взглянул на постель с ее мягким матрацем из душистого сена, как голодная собака смотрит на кусок мяса, пробормотал «Хоть сапоги снять», упал на чурбак и принялся расшнуровывать сапоги. Подняв глаза, он поинтересовался:

– Пока мы отсутствовали, никаких неприятностей не было?

– Ну, – неохотно начала Сарри, – была тут небольшая стычка с девицами со склада.

– Они пытались украсть твой шатер, эта паршивки, – с возмущением сообщил Утау.

Сарри замахала на него руками; Фаун подумала, что спорят на эту тему они не в первый раз.

– Что? – переспросил Дат, удивленно прищурившись.

– На самом деле воровства не было, – пробормотала Сарри.

– А вот и было, – возразил Утау. – Проклятые проныры!

– Они сказали, что получили приказание вернуть шатер на склад, – продолжала Сарри, заставив Утау умолкнуть. – Они уже протащили его полпути, когда я их поймала. Меня они слушать не хотели, но тут появился Каттагус, начал пыхтеть и отпугнул их.

– Мы с Рази ходили собирать бузину для Каттагуса, – объяснил Утау, – иначе я сам шуганул бы их. Какая наглость: забрать шатер дозорного, пока он сражается!

Фаун нахмурилась, представив себе, какой ошеломляющий эффект это произвело бы, если бы они с Дагом, измученные трудной дорогой, вернулись и обнаружили, что всего лишились. Судя по виду Дага, он тоже такое себе представил.

– Дядюшка Каттагус в ярости так пыхтел, что это оказало нужное действие, – продолжала Сарри. – В таких случаях он багровеет и задыхается, и начинаешь думать, что он сейчас рухнет прямо к твоим ногам. Девчонки испугались и ушли.

– Сбежали, по словам Каттагуса, – довольно сообщил Утау.

– Когда Рази и Утау вернулись, они поставили ваш шатер на место, а потом сходили на склад и кое-что сказали начальнице. Та утверждала, что произошла ошибка.

Утау фыркнул.

– Черта с два это была ошибка! Какая-то приятельница Камбии постаралась сделать мелкую гадость. Ну, я еще поговорил с Громовержцем, тот поговорил с Масап, а она поговорила еще с кем-то, и больше ничего такого не случилось. – Утау решительно вскинул голову.

Даг потер шею с огорченным и отсутствующим видом. Будь у него больше сил, подумала Фаун, он мог бы прийти в такую же ярость, как Утау, но сейчас он просто опечалился.

– Понятно, – только и сказал он. – Спасибо. – Он кивнул Утау и Сарри.

– Фаун, я не собираюсь учить тебя твоей работе, – сказала Сарри, – но мне кажется, что тебе следовало бы уложить мужа.

– Я тоже так думаю, – ответила Фаун. Они вместе с Утау подняли Дага на ноги и отвели в шатер.

Утау, снимая руку Дага со своего плеча, когда они с Фаун опустили его на постель, пробормотал:

– Клянусь, ты выглядишь хуже, чем когда я уезжал из Рейнтри. Так на тебе отразились узы, наложенные Злым на Дар? А нога у тебя не загноилась? Судя по словам Хохарии я думал, что она получше заштопала тебя перед своим отъездом.

– Ему и было лучше, – сказала Фаун, – но потом мы побывали в Гринспринге по дороге домой. Уж очень там оказалась сильна скверна. Думаю, это и вызвало что-то вроде нового приступа. – На самом деле Фаун совсем не была уверена, что именно воздействие безжизненной земли виновато в том, что Даг утратил жизнерадостность, которую испытывал после победы над наследием Злого. Она помнила выражение его лица – а вернее, отсутствие всякого выражения, когда они проезжали мимо горожан, роющих могилу, и ряда маленьких не подверженных разложению мертвых тел.

«Он ведь пересчитал их...»

– Ну, это была глупость – у него и так пострадал Дар, а тут еще добавочное воздействие скверны, – нахмурился Утау. – Тебе следовало быть умнее, Даг.

– Угу, – вздохнул тот, послушно вытягиваясь на постели. – Что ж, теперь мы все дома.

Сарри и Утау ушли, пригласив вернувшихся путешественников попозже прийти к ним на ужин; Фаун с благодарностью приняла приглашение. Она устроила Дага поудобнее, поцеловала его в лоб и оставила не то чтобы дремлющим, а скорее впавшим в забытие. Фаун принялась распаковывать сумки, поглядывая на навес шатра Блуфилд, так недавно оказавшегося предметом спора.

Вот она и дома.

Только дома ли?

На следующее утро Фаун принесла Дату завтрак в постель. Это были всего лишь кидальник и чай, но сдобренные заботой, и по крайней мере заботу Даг нашел восхитительной. Хотя аппетита у него не было, он позволил Фаун уговорить себя немного поесть, а потом устроить на подушках так, чтобы можно было смотреть сквозь дверное отверстие на озеро. Поднимающееся солнце освещало Фаун, на причале стирающую их одежду. Время от времени она махала Дату рукой, и он отвечал ей тем же. Потом Фаун с охапкой мокрых вещей исчезла за деревьями – отправилась, должно быть, развешивать белье на просушку.

Даг все еще смотрел вдаль в умиротворенной апатии, когда чья-то рука решительно похлопала по боку шатра, и внутрь вошла Хохария.

– Вот ты где! Саун сказал мне, что вы вернулись, – приветствовала она Дага.

– А, Хохария! Да, мы добрались вчера к вечеру.

– Я также слышала, что ты не в таком уж хорошем состоянии.

– Бывало и хуже.

Хохария снова была одета в свое летнее платье; впрочем, и в дорожной одежде она не слишком походила на дозорную. Она опустилась на колени, потом уселась, поджав ноги, и

критически оглядела Дага.

– Как твоя нога после всех нагрузок?

– Заживает. Медленно. Воспаления нет.

– Это преимущество глубокой раны и сильного кровотечения. Впрочем, после полученного тобой подкрепления Дара инфекции я и не ожидала. А рука?

Даг приподнял левую руку.

– Все еще очень слаба. – Этим утром он даже не стал надевать протез, хотя Фаун уговорила его переодеться в чистые штаны и рубашку. – Но хуже не становится.

– К настоящему времени должны были бы быть заметны улучшения. Ладно, открой свой Дар.

Даг вздохнул и распахнул перед Хохарией свой Дар. Теперь это не сопровождалось ощущением, напоминающим боль; неприятное чувство было более неуловимым, более всеохватывающим и длительным.

Хохария нахмурилась.

– Куда ты дел все то подкрепление, которое получил на прошлой неделе в Рейнтри? Теперь оно почти незаметно.

– Оно мне помогло. Но на обратном пути мы пересекли еще одну пустошь.

– Не слишком умно. – Глаза Хохарии сузились. – Далеко ли сейчас ты видишь при помощи Дара?

– Хороший вопрос. Я не пробовал... – Даг напряг свое внутреннее зрение. Чтобы обнаружить шумных внуков Мари, с криками носящихся между шатрами, можно было Даром и не пользоваться. Взрослые виделись ему как неясные контуры; в сотне шагов от шатра, в ореховой роще, ярко светилась искорка Фаун... а дальше – ничего. – Вижу на очень ограниченном расстоянии. – Пугающе ограниченном. – Я не был так слаб с тех пор, как потерял руку.

– Что ж, если ты хочешь получить ответ на вопрос «Как я поправляюсь?», то это весьма показательно. Никаких выездов в дозор, командир, до тех пор, пока твой Дар не вернется к своему обычному состоянию.

Даг отмахнулся от предостережения.

– Я же не спорю...

– И это тоже о многом говорит. – Пальцы Хохарии коснулись его бедра, пробежали по руке, по боку; Даг чувствовал ее внимательный осмотр как давление на свой Дар. – После наших с Сауном рассказов Громовержец решил, что твоему колышку место в коробке отсутствующих по болезни. Он хотел знать, надолго ли.

– Да? И надолго?

– Дольше, чем Утау, по крайней мере.

– Громовержцу это не понравится.

– Что ж, мы поговорили и об этом тоже. Насчет тебя. С тобой в Боунмарше случилось кое-что и кроме попадания в ловушку, знаешь ли.

Что-то в тоне Хохарии заставило Дата если не насторожиться, – это ему по-прежнему не удавалось, – то все же сосредоточить внимание. Даг позволил своему Дару снова закрыться. Хохария уселась на плетеной циновке рядом с постелью и обхватила руками колени, холодно рассматривая Дага.

– Ты уже очень давно служишь дозорным, – заметила она.

– Больше сорока лет. Ну и что? Каттагус ходил в дозор почти семьдесят лет, а мой дед еще дольше. Такова наша жизнь.

– А ты когда-нибудь думал о другой жизни? Более оседлой?

– В последнее время не думал. «По крайней мере до этого лета».

Даг не собирался рассказывать о том, в какую растерянность повергла его собственная жизнь со времен Глассфорджа.

– Кто-нибудь предлагал тебе сделаться целителем?

– Да, ты предлагала, только ты этого хорошенько не обдумала.

– Я помню: ты жаловался, что слишком стар, чтобы делаться подмастерьем. Позволь тебе сказать, что срок твоего обучения оказался бы самым коротким из всех известных. Ты уже знаешь все о целебных травах – пользовался ими многие годы, пока ходил в дозор. Ты знаком с экстренной помощью с практической точки зрения – возможно, лучше, чем я сама. Твое умение обращаться с Даром поразительно – выживший Саун готов сообщить об этом любому, кто пожелает слушать.

– Саун, как ты могла заметить, натура увлекающаяся. Я на твоём месте не стал бы принимать его слова слишком всерьёз, Хохария.

Целительница покачала головой.

– Я сама видела, что ты способен делать своим Даром, – мы ведь были одновременно скованы узами Злого; я до сих пор не могу всего понять. Я обследовала Артина после того, как все закончилось. Ты не только смог ему помочь, ты сделал это на совесть, Даг. Многие могут быть дозорными. Гораздо меньше людей способны достичь мастерства и уж совсем мало кто может напрямую работать с Даром. Уж я-то знаю – я каждый год ищу себе подмастерьев.

– Будь разумна, Хохария. Есть у него Дар или нет, но целитель должен иметь две умелые руки для... ну, для разных дел. Мне никто не даст зашить штаны, не то что рану. И этот список можно продолжить.

– Конечно. – Хохария улыбнулась и наклонилась к Дагу. – Только ведь дозорные привычны к тому, чтобы работать парами. Ты все время это делаешь. А мне время от времени попадаются молодые люди, мечтающие заняться медициной, с умелыми руками, но не обладающие необходимым для этого Даром. Ты хорошо управляешься с новобранцами, хоть сначала и пугаешь их до смерти. Вот я и подумала: а не поставить ли тебя в пару с кем-нибудь из них?

Даг заморгал. Искорка? У нее самые ловкие руки, какие он только встречал... и отсутствующие боги свидетели: ей хватает и сообразительности, и решительности. У Дага разыгралось воображение и заколотилось сердце: перед его умственным взором замелькали соблазнительные картины открывающихся возможностей. Они могли бы работать вместе и здесь, в лагере Хикори, и в лагере у Медвежьего Брода. Почетная, нужная работа, которая обеспечит Фаун уважение и место среди Стражей Озера. Он мог бы быть с ней рядом каждый день. И каждую ночь. А когда она всему научится, они смогут делать и больше... Понравится ли Фаун такое предложение? Нужно спросить ее немедленно. Даг улыбнулся Хохарии, и та просияла.

– Как я вижу, ты понял мою мысль, – с удовлетворением сказала она. – Я так рада! Как ты, наверное, догадываешься, у меня есть кое-кто на примете.

– Да.

– Ох, так Отан уже говорил с тобой?

– Прошу прощения?

– Речь идет о его младшем брате, Ошо. Он еще не совсем готов для такого дела, ну так и ты еще не готов. Однако если я буду знать, что он станет работать в паре с тобой, я сразу же начну его учить.

– Подожди, о чем ты? Нет! Я думал о Фаун.

Теперь пришла очередь Хохарии удивленно заморгать.

– Но, Даг... Даже если она... у нее же вообще нет восприятия Дара! Крестьянка не может быть целительницей, да и вообще овладеть мастерством.

– Крестьяне по-своему делают это все время – повитухи, костоправы...

– Безусловно, но нашими способами пользоваться они не могут. Не сомневаюсь, что они обладают ценными умениями, и это лучше, чем ничего, но они просто не могут работать с Даром.

– Это делал бы я. Ты сама сказала.

– Даг... Больные и раненые чувствительны и обидчивы. Боюсь что очень многие не станут доверять Фаун, не примут ее как целительницу. Такая вещь была бы для них слишком

странной. Мне нравится Фаун, но ее присутствие – со всегда широко распахнутым Даром – там, где происходят деликатные манипуляции, может помешать или отвлечь. Нет.

«Меня не отвлекло бы», – хотел возразить Даг, но только откинулся на подушки; вспышка возбуждения была недолгой, и по контрасту упадок сил стал чувствоваться особенно сильно. Вместо того чтобы настаивать на своем, Даг медленно проговорил:

– Почему бы нам не делать больше для крестьян? Нет, я не имею в виду таких сильных мастеров, как ты: вы редки и нужны здесь, – но всем нам? Дозорные бывают в землях, где живут крестьяне, постоянно. Мы знаем и используем множество приемов, которыми могли бы поделиться с ними. Это значило бы больше, чем просто продажа лекарственных трав и снадобий. Со временем возникла бы взаимная благожелательность. – Даг вспомнил рассказ тетушки Нетти о ее вывихнутой ноге. Доброе деяние даже через много лет приносило полезные плоды.

– Ох, Даг, – покачала головой Хохария, – уж не думаешь ли ты, что никто, искушаемый жалостью, не пытался такого сделать? И даже подружиться? Все это звучит прекрасно, но только до тех пор, пока не возникают сложности, – а они возникают неизбежно. Доброжелательность в мгновение ока превращается во враждебность. Тех Стражей Озера, кто пытался оказать крестьянам помощь, забивали до смерти, а то и хуже.

– Если бы... – Голос Дага оборвался. Ему нечего было возразить Хохарии – она была совершенно права. «Должен быть лучший путь» – так сказать легко; гораздо труднее представить себе, каким именно он должен быть. Возвращаясь к прежней теме, Хохария сказала:

– Громовержец не слишком хочет расставаться с тобой, но ради такого дела согласится. Он видит в тебе то же, что и я – он ведь давно к тебе присматривается.

– Я должник Громовержца, – ответил Даг, поднимая левую руку. – Я всем ему обязан. Мой протез – его затея. Понимаешь, он высмотрел что-то подобное в Трипойнте: тамошний ремесленник и костоправ додумались, как помогать людям, потерявшим руки в шахтах или кузницах. Ни у одного из них не было и намек на Дар, но зато им приходили идеи.

Хохария начала что-то говорить, но умолкла и обернулась: через мгновение в двери шатра показалась Фаун, которая казалась одновременно и встревоженной, и обрадованной.

– Хохария! Как я рада, что ты пришла! Как дела у Дага? Мари беспокоится.

Фаун, похоже, не ожидала, чтобы ее собственное беспокойство произвело впечатление на целительницу... «И так ли она ошибается в этом?» Хохария обнадеживающе улыбнулась.

– Ему требуется главным образом время и отдых... ну и еще не делать глупостей.

Даг, неспособный подняться с постели, жалобно протянул:

– Как я могу делать глупости, когда я вообще ничего не могу делать?

Хохария не сочла нужным откликнуться на эту жалобу и принялась давать Фаун наставления; все сводилось в основном к тому, что Даг должен есть, спать и заниматься всякими нетрудными делами, когда окажется в силах. Фаун внимательно слушала и кивала. Даг не сомневался, что она запоминает каждое слово и будет при случае повторять их ему.

Хохария поднялась.

– Через пару дней я пришлю Отана снять швы.

– Я и сам могу это сделать, – возразил Даг.

– Нет, не надо. – Хохария сверху вниз посмотрела на Дага. – Подумай о том, что я сказала. Когда твои ноги – или сердце – станут слишком болеть, если понадобится пройти мило, то ты сможешь принести много пользы, не трогаясь с места.

– Подумаю, – с сомнением откликнулся Даг. Хохария помахала ему рукой и ушла.

Фаун, хмурясь, опустилась рядом с постелью на колени и положила свою маленькую руку на лоб Дагу.

– У тебя брови взъерошены. Нога болит? – Она разгладила морщины на лбу мужа.

– Нет. – Даг поймал ее руку и поцеловал. – Просто устал. – Он поколебался и добавил: – И есть о чем подумать.

– Это те самые твои размышления, когда ты часами сидишь как чурбан, а потом

прыгаешь в сторону, как лягушка?

Даг невольно рассмеялся.

– Разве я так делаю?

– Делаеть.

– Ну, сегодня-то я никуда прыгать не буду.

– Это хорошо. – Фаун поощрила такое похвальное намерение поцелуем, а потом и еще несколькими. В результате у Дага расслабились те мышцы, о которых он и не знал, что они напряжены. Впрочем, одна мышца осталась вялой, что встревожило бы Дага, если бы он не имел опыта выздоровления после ранений.

«Нужно поправляться поскорее».

Следующие три дня Дат провел все в той же вялой неподвижности; с постели его в конце концов подняла не вернувшаяся энергия, а просто скука. Выбравшись наружу из шатра, он неожиданно обнаружил, что в выполнении сидячих работ у него имеются соперники – Каттагус и выздоравливающий Утау. Дат смотрел на Каттагуса, который ходил так же медленно, как и он сам, и думал: вот это и значит быть старым...

Дело кончилось тем, что Дату пришлось ограничиться колкой орехов – в конце концов, для этого у него всегда имелся при себе инструмент; шкур, которые можно было бы выскрести, в настоящий момент не оказалось, а Утау и Рази успели раньше Дага предложить Каттагусу свою помощь в производстве вина из бузины. Сначала, правда, Дату кропотливая работа давалась плохо, но потом он приспособился к ней. Фаун морщила нос, явно считая такое занятие самым скучным на свете, но оно как раз соответствовало настроению Дага; от него не требовалось ничего, кроме ленивых размышлений о различиях в форме орехов и толщине их скорлупы. Орехи... Скорлупа... Снова и снова. – на них можно было положиться. Они могли сопротивляться Дагу, но очень редко нападали – лишь очень немногие орехи оказывались злобными в душе.

Компанию Дагу составляла Фаун, сначала занятая прядением, а потом шитьем двух пар новых штанов для верховой езды из ткани, которую она спряла совместно с Сарри, – одних для Дага, других для себя. Однажды, сидя в тени навеса рядом с Дагом, Фаун заметила:

– Я наделала бы еще стрел, но у всех колчаны и так полны.

Даг возился с особенно несговорчивым орехом.

– Тебе больше нравится делать стрелы, чем шить штаны?

Фаун пожала плечами.

– Это просто кажется более важным. Дозорным ведь нужны стрелы.

Даг обдумал ее слова.

– А разве штаны нам не нужны? Думаю, тут ты ошибаешься, Искорка. В лесах ведь полно ядовитого сумаха, знаешь ли, не говоря уже о крапиве, чертополохе, колючках и кусачих насекомых.

Фаун надула губы, медленно протыкая иглой жесткую ткань.

– Стрелы нужны в бою – когда это важнее всего.

– И все равно я не согласен. Штаны мне необходимы. Вот если на нас ночью нападут, я, проснувшись, первым делом схвачусь за штаны, а только потом за сапоги и лук.

– Но дозорные же спят в походе в штанах, – возразила Фаун. – Правда, иногда они останавливаются на постоянных дворах, – добавила Фаун; воспоминание явно доставило ей удовольствие.

– Вот видишь: это говорит о важности штанов. – Даг с невинным видом захлопал глазами. – Представляю себе: отряд скачет, вооруженный до зубов, и все дозорные с голыми задницами. Ты только подумай, во что превратятся наши самые нежные части от трения о седла! Разве после этого мы справимся со Злым?..

– Ах! Ну и картина! – Фаун согнулась вдвое от смеха. – Ладно, будут тебе твои штаны.

– Я благодарен тебе от всего сердца, – заверил ее Даг. – И от нежных частей тоже. – Фаун снова захихикала.

Даг подумал о том, что давно уже не слышал, чтобы Фаун так смеялась, и эта мысль отрезвила его. Впрочем, он продолжал улыбаться, глядя на снова склонившуюся над шитьем Фаун, и решил, что очень хотел бы отблагодарить ее своими нежными частями, как только они наконец снова будут готовы выполнить свой долг. Даг вздохнул и принялся за очередной орех.

К счастью или к несчастью, пока он выздоравливал, у Фаун начались месячные – болезненные, по-видимому, и тревожно кровавые. Даг забеспокоился и притащил в шатер Блуфилд Мари для консультации. То, что на Мари ситуация не произвела впечатления, обнадежило Дага; старая дозорная выдала, как решил Даг, женский эквивалент страшилок, которые рассказывают у костра в походе, о том, что видела вещи и похуже.

– Не припомню, чтобы у женщин-дозорных в отряде бывали такие же неприятности, – нервно сказал Даг.

Мари бросила на него выразительный взгляд.

– Это потому, что девчонки с такими же неприятностями, как правило, предпочитают не становиться дозорными.

– Ох... Это разумно, конечно...

Мари, смягчившись, признала, что Фаун, должно быть, еще не вполне поправилась, и Даг, вспомнив, как выглядят отпечатки пальцев Злого на ее шее, решил, что так все и обстоит и что через несколько месяцев все уладится; он даже позволил себе слегка подкрепить Дар Фаун, чтобы ускорить выздоровление.

Вспомнив свой короткий брак с Каунео, Даг подумал о том, как существование женатого мужчины подчинялось этим интимным ритмам и как это иногда его раздражало... и как он потом желал бы, чтобы все вернулось. Теперь он безропотно приносил Фаун нагретые кирпичи и уговаривал ее выпить вина из бузины, которое выпросил у Каттагуса; скоро Фаун стало лучше.

Наконец одним ясным тихим утром Даг вытащил из шатра свой сундучок, чтобы использовать его как письменный стол: он взялся за письмо в Лутлию. Сначала он хотел описать все коротко, чтобы не причинять никому боли, – одной фразой просто сообщив, какая кость какого Злого убила. Даг так привык скрывать сложности, возникшие из-за ненамеренной зарядки ножа, что ему казалось невозможным все ясно изложить, да и история Фаун и ее погибшего ребенка представлялась ему слишком личной, чтобы выставлять ее на обозрение чужих глаз. Промолчать было бы легче. И все же... умолчание означало бы, что он отрицает ту роль, которую сыграла крестьянская девушка в уничтожении двух Злых и спасении от заклятия Стражей Озера. Даг в последний раз перед тем, как завернуть их в полотно, сотканное Фаун, взвесил в руке гладкие обломки кости Каунео и решил поступить иначе.

Он написал настолько полный и подробный отчет, насколько был способен, особенно подчеркнув свое представление о том, как Дар малышки нашел в кости Каунео убежище от Злого. Случившееся все еще представлялось Дагу таким невероятным, что он не был уверен – не покажется ли его рассказ невразумительным или бредом безумца, – но он постарался изложить события так, как их себе представлял. Закончив, Даг дал Фаун прочитать письмо, прежде чем его запечатать; она вернула ему лист, коротко кивнув.

– На мой взгляд, все правильно.

Фаун помогла Дагу аккуратно уложить обломки ножей и письмо; поверх полотна она обернула их оленьей кожей и для надежности обвязала ремешком. Даг адресовал письмо родным Каунео; Рази должен был отвезти его в штаб, чтобы передать гонцу. Даг провел пальцем по приготовленному пакету и медленно проговорил:

– Как много воспоминаний... Если души существуют, может быть, они остаются в том времени, которое мы оставляем позади, и не уходят в будущее – поэтому мы и не можем их найти даже с помощью Дара. Мы смотрим не в том направлении.

Фаун в ответ только криво улыбнулась и нежно поцеловала Дага.

– А может быть, они все время здесь, с нами рядом, – прошептала она.

На следующий день заглянул Громовержец. Даг уже ожидал его появления. Мужчины уселись на чурбаках в ореховой роще, там, где их не слышали бы шумные обитатели шатров.

– Рази говорит, что ты чувствуешь себя лучше, – сказал Громовержец, внимательно оглядывая Дага.

– По крайней мере тело снова двигается, – согласился Даг. – Вот с тем, насколько далеко действует мой Дар, дела обстоят не так хорошо. Не думаю, что Хохария права в том, что мне не следует отправляться в дозор, пока это умение не вернется полностью. Наполовину вполне сойдет.

– Речь идет не о том, чтобы тебе отправляться в дозор: тут я больше полагаюсь на мнение Хохарии, чем на твое. Тебя хочет видеть совет лагеря. Я отговаривался тем, что ты еще слишком слаб после Рейнтри, но это становится затруднительным, когда все видят, что ты снова на ногах, так что ты можешь ожидать вызова сразу же, как только совет разберется со склокой по поводу углубления дна у острова Цапли.

– После Рейнтри, – прошипел сквозь зубы Даг, – после всего, что мы с Фаун сделали, они все еще стараются натравить на нас совет лагеря? Хохария, я сам, Брин, Маллора, Орниг – мы все были бы мертвы и похоронены в оскверненной земле Боунмарша, если бы не Фаун. Не считая пятерых искусных мастеров. И все это, и Злой у Глассфорджа – чего еще можно хотеть от крестьянской девушки, что бы наконец признать ее заслуживающей уважения? – Гнев Дага охладила печальная мысль: за сорок лет службы в дозоре он и сам в глазах некоторых не стал достойным уважения. Даг давно уже решил, что дело не в нем, а в этих глазах, и никакие его действия тут ничего изменить не могут. Так почему же в случае Фаун что-то должно быть иначе?

Громовержец почесал ухо.

– Угу, я так и думал, что новости тебя не порадуют. – Он поколебался. – Я должен перед Фаун извиниться – я ведь пытался ее остановить, когда ты попал в ловушку и звал ее. Теперь, оглядываясь назад, я вижу, как это было жестоко. Я и не подозревал, что за ее тогдашним беспокойством стоишь ты.

Даг нахмурил брови.

– Ты беседовал насчет ловушки в Боунмарше с Отаном?

– Я разговаривал со всеми кто там был, пытаюсь составить себе полное представление о тех событиях.

– Ну так вот, знай: вовсе не я надоумил Фаун воткнуть нож мне в бедро, как... как обошелся бы Злой с поработленным крестьянином. Фаун сама все сообразила!

Громовержец поднял руки, признавая поражение.

– Как бы там все ни происходило, нужно подумать, что тебе отвечать на вызов совета. Я тянул дело, как только мог, без того чтобы меня отстранили от участия из-за предвзятости. Поскольку я не собираюсь давать повод для того, чтобы меня выгнали из совета, следующий ход должен сделать ты. Как этому и следует быть, должен я тебе заметить.

Даг сгорбился и устало вздохнул.

– Не знаю, Громовержец... С тех пор, как я вернулся, мозги у меня шевелятся медленно. По правде сказать, мой ум похож на жука, который увяз в меду.

Громовержец бросил на него любопытный взгляд.

– Как ты думаешь: это последствие того странного повреждения Дара, которое причинил Злой?

– Не знаю. Что это последствие чего-то, сомнений нет. — Может быть, всего, что накопилось. Даг чувствовал, как растет в нем нечто, но не мог найти ему имени.

– Не повредило бы, если бы ты больше рассказывал о том, как все было, – сказал Громовержец. – Не думаю, что люди понимают, как много потеряет и этот лагерь, и Олеана, если тебя изгонят.

– Так что, я должен похвалиться? – поморщился Даг. – Тогда мне разрешат сохранить

Фаун, раз я такой замечательный?

– Если ты не хочешь говорить о своих заслугах друзьям, то как ты собираешься явиться на совет и говорить о них врагам?

– Это не мой стиль, и к тому же оскорбление всем, кто выполняет свой долг несмотря ни на что, без фанфар и ожидания благодарности. А вот если ты хочешь, чтобы я настаивал на том, что мне следует разрешить сохранить Фаун, потому что она замечательная, на это я согласен.

– М-м... – промычал Громовержец. Если он и представил себе такую картину, она, похоже, не очень его порадовала.

Даг смотрел вниз, ковыряя сандалией влажную землю.

– Вот что я тебе скажу. Если продолжение существования лагеря Хикори – или Олеаны, или всего мира – зависит всего от одного человека, то мы уже проиграли нашу долгую войну.

– И все же в конце концов уничтожение Злого совершается рукой одного человека, – сказал Громовержец, внимательно глядя на Дага.

– Неверно. На острие разделяющего ножа балансирует весь мир, да, и удар наносит рука одного дозорного, о нож, который она сжимает, – это кость другого человека, сердце третьего, искусство и точность глаза мастера, который нож изготовил. И все дозорные участвуют в том, чтобы этот единственный человек оказался в нужном месте. Мы, дозорные, охотимся стаей. А за спиной дозорных – их лагерь и родичи, те, кто дает им коней и оружие, кто обеспечивает их пищей. И эту цепочку можно продолжить. Так что не один человек, Громовержец; скорее кто-то один из многих.

Громовержец медленно кивнул, соглашаясь. Через несколько мгновений он поинтересовался:

– Кто-нибудь сказал тебе «спасибо» за Рейнтри, командир эскадрона?

– Не припоминаю такого, – сухо ответил Даг, но тут же пожалел о своем тоне, заметив, как поморщился Громовержец. – Надеюсь, Дирла получила свою вечеринку, – добавил он задумчиво.

– Да, в ее честь устроили празднество в Бивер Сае, как я слышал от тех, кто после него остался в живых.

Даг ухмыльнулся.

– Это хорошо.

Громовержец потянулся, и в прохладной тишине его суставы тихо хрустнули. Между темными стволами деревьев была видна блестящая поверхность озера, которую морщил ветерок.

– Мне нравится Фаун, и все-таки... Я не могу не думать о том, как все упростилось бы, если бы ты вернул эту милую крестьяночку ее семье в Вест-Блу и предложил им оставить себе свадебные подарки.

– Это довольно оскорбительно, Громовержец, – сказал Даг, хоть и не уточнил, для кого. Таких оказалось бы много, решил он.

– Ты мог бы сказать, что сделал ошибку.

– Но это не так.

Громовержец поморщился.

– Я и не думал, что ты согласишься, но попробовать предложить тебе такое стоило.

Даг сдержанно кивнул, показывая, что понял резоны Громовержца. Тот говорил так, будто все вертелось вокруг Фаун; и действительно, неприятности начались с ее появлением; однако теперь Даг не был уверен, что дело только в его крестьянке-жене. Проблема стала казаться ему более значительной и более сложной. Когда все началось? В Рейнтри? В Вест-Блу? В Глассфордже? Или еще раньше, а он не замечал?

– Громовержец...

– М-м?..

– Этот год был неудачным для дозорных. Стало ли больше чрезвычайных ситуаций или

они просто сделались более тяжелыми?

Громовержец молча начал загибать пальцы, производя подсчеты, и его брови удивленно поползли вверх.

– На самом деле в этом году Злых было обнаружено меньше, чем год или два назад, но в Глассфордже и в Рейнтри они оказались такими могущественными, что кажется, будто их было много: из-за этих двух мы отстаем от графика.

– Оба самых тяжелых случая произошли в крестьянских землях.

– Да. Ну и что?

– Крестьянские земли теперь стали более обширными. Фермеры расчищают все новые поля... В результате нас ждет еще больше чрезвычайных ситуаций, и не только в Олеане. Ты ведь из Трипойнта, Громовержец, ты знаешь о ремесленниках больше других. Мастеров вроде тех, что сделали мой протез, – Даг поднял руку, – я этим летом видел в Глассфордже: они производят все больше товаров и становятся все более умелыми. Ты слышал о том, что случилось в Гринспринге. Что, если бы жертвой Злого стал большой город вроде Трипойнта или такой, каким становится Глассфорд?

Громовержец сидел неподвижно, слушая Дага, слушая очень внимательно; однако о чем бы он ни думал, на лице его ничего не отразилось.

– Стоит Злому захватить подобный город, – продолжал Даг, – и он не только получит рабов и уничтожит их Дар, он получит знания, инструменты, оружие, лодки, кузницы, мельницы – все, что уже построено, силу и власть, а не только насытится краденым Даром. И чем больше городов построят фермеры – а это непременно случится, – тем скорее вероятность несчастных случаев превратится в неотвратимость.

Громовержец мрачно покачал головой, соглашаясь с Дагом.

– Мы не можем насильно загнать крестьян обратно в безопасные районы – не можем тратить на это силы, их и так не хватает.

– Значит, они останутся там, куда уже проникли, а? Я не предлагаю действовать насильно. Но что, если мы добьемся от них помощи, воспользуемся их силой вместо того, чтобы позволить это делать Злым?

– Мы не должны делаться зависимыми. Мы не должны снова стать лордами. Эта ошибка наших отцов чуть не погубила весь мир.

– А разве нет другой возможности для Стражей Озера и крестьян существовать, не становясь лордами и слугами, Злыми и рабами?

– Да, такая возможность есть: жить порознь, – сказал Громовержец, делая резкий рубящий жест рукой. – Так мы предотвратим опасность.

Даг промолчал; у него перехватило горло.

– Итак, – через некоторое время снова заговорил Громовержец, – как ты планируешь действовать в отношении совета лагеря?

Даг только покачал головой.

Громовержец раздраженно посмотрел на него, потом продолжал:

– Дело обстоит так. Когда я вижу хорошего тактика – а мне известно, что ты именно таковым и являешься, – который сидит и ждет, вместо того чтобы сопротивляться наступающему врагу, я могу предположить одно из двух: или он не представляет себе, что делать, или его враг сам идет ему в руки. Я знаю тебя очень давно... и все-таки, глядя на тебя теперь, я не могу решить, что именно происходит.

Даг отвел глаза.

– Может быть, я и сам этого не знаю.

Последовало тяжелое молчание; потом Громовержец вздохнул и поднялся.

– Что ж, возможно. Я сделал все, что мог. Будь осторожен, Даг. Похоже, теперь мы увидимся на совете.

– Наверное. – Даг поднял руку в приветствии и стал смотреть вслед устало пересекающему рощу Громовержцу.

Рассвет следующего дня был ясным, обещая прекрасный день – теплый и сухой.

Поверхность озера казалась стеклянной. Даг, лежа под навесом, наблюдал, как Фаун плетет шляпы – она нашла водоросли, которые, по ее мнению, напоминали привычную для крестьянки солому и потому подходили для плетения. Фаун, взяв ножницы и забавно высунув кончик языка, осторожно принялась подравнивать торчащие на длину пальца из полей концы растений.

– Ну вот, – сказала она, поднимая готовую шляпу, – эта для тебя.

Даг взглянул на другую шляпу, лежащую рядом.

– А почему у моей края так же аккуратно не заделаны, как у той?

– Дурачок, то шляпа для девочки, а эта – для мальчика. Как же иначе их различить!

– Не хочу подвергать сомнению обычаи твоих соплеменников, но я обычно иначе определяю различия между мальчиками и девочками.

Его слова, как Даг и рассчитывал, заставили Фаун захихикать.

– Ну, соломенные шляпы тоже нужно различать, верно? Зато теперь я могу выходить на солнце, не опасаясь, что у меня носа не станет видно под веснушками.

– Я думаю, что твой нос выглядит очень мило со всеми веснушками. – «Или без них».

– Ну а мне так не кажется. – Фаун решительно тряхнула головой.

Даг откинулся назад, полуприкрыв глаза. Им вновь овладела глубокая, пронизывающая его до мозга костей усталость. Может быть, Хохария была в конце концов права, говоря о том ужасно долгом времени, которое потребуется для выздоровления...

– Придумала! – Фаун вскочила на ноги.

Открыв глаза, Даг обнаружил, что она смотрит на него, задумчиво сведя брови.

– Мы отправляемся на пикник, – безапелляционно заявила она.

– Что?

– Вот подожди, и увидишь. Нет, не вставай. Это сюрприз, так что не подсматривай.

Даг все равно следил за Фаун, пока она суетилась, укладывая в корзину огромное количество еды, ставя туда два глиняных кувшина и сворачивая два одеяла. Потом она скрылась за шатром Каттагуса и Мари и вернулась с веслом. Ошеломленный Даг был препровожден на причал и уложен на подушки на корме лодки, а сама Фаун с веслом в руках уселась к нему лицом.

– Ты умеешь управлять лодкой? – осторожно поинтересовался Даг, устраиваясь поудобнее.

– Э-э... – смутилась Фаун. – Это выглядело совсем просто, когда ты правил. – Через мгновение она добавила: – Но ты же будешь говорить мне, что делать?

– Договорились, Искорка.

После того как Фаун оттолкнулась от причала, обучение заняло минут десять. Их извилистый маршрут сделался более прямым, когда Фаун уловила принцип управления лодкой, и Дагу оставалось только уговаривать ее не спешить, чтобы не выбиться из сил. С этим Фаун тоже скоро разобралась. Даг сдвинул на затылок свою новую шляпу и улыбнулся Фаун. Даже под широкими полями шляпы лицо Фаун сияло в отблесках света, отраженного водой, на фоне глубокой синевы неба.

Даг чувствовал удивительное спокойствие и нежелание двигаться.

– Если бы твои родичи сейчас нас видели, – проговорил он, – они и в самом деле поверили бы рассказам о том, что мужчины – Стражи Озера – лентяи и бездельники.

Даг подумал, что почти забыл, какая очаровательная ямочка появляется на щеке Фаун, когда она улыбается.

Фаун продолжала грести; они обогнули Ореховый остров, задержавшись ненадолго, чтобы полюбоваться жеребцами, грациозно скачущими по пастбищу, потом двинулись по протокам между кустами бузины. Им встретилось несколько лодок: сбор ягод был в самом разгаре. В ответ на свои приветствия Даг и Фаун по большей части получали смущенные взгляды: исключением были Рази и Утау, которые трудились на пользу Каттагусу и в определенном смысле на свою собственную: Каттагус готовил вино в больших глиняных кувшинах, вкопанных в землю, унаследованных им от другого старика, который тоже

получил их по наследству; Даг не знал, как давно существовала эта традиция, но не сомневался, что бузинное вино не моложе кидальников.

Даг и Фаун задержались, чтобы поболтать немного с дозорными. Добродушные насмешки, которые вызвала шляпа Дага, только заставили его еще решительнее ее надвинуть; Фаун вскинула голову, но не перестала улыбаться.

Наконец, как с удовольствием и предвкушал Даг, лодка скользнула в прозрачные воды уединенной заводи, где росли лилии. Он весело наблюдал, старательно скрывая усмешку под весьма удобными для этого полями шляпы, как Фаун озирается, обнаружив, что кое-чего она не учла: все покрытые густой травой участки берега, на которых можно было бы расстелить одеяла, оказались островками, окруженными по крайней мере двумя дюймами воды. Даг слушал ее разочарованное ворчание до тех пор, пока мог делать это, не выдав своей веселости, потом все же уступил более благородным чувствам и предложил устроить пикник в лодке, загнав ее между полузатопленными бревнами в тени ивы. Фаун нацелилась в пространство между ними и, лишь слегка оцарапав борт, причалила к этому импровизированному доку.

Даг и Фаун уселись на дно лодки лицом друг к другу, так что ноги их переплелись; Фаун до тех пор предлагала мужу еду и вино, пока ей не удалось выполнить рекомендации Хохарии: хорошенько его накормить. Потом он задремал, а когда проснулся, обнаружил, что даже фермерская шляпа и тень ивы не спасают от жары, и стал раздеваться и отстегивать протез.

Фаун сонно приоткрыла один глаз, потом встревоженно приподнялась, увидев, что Даг снимает штаны.

– Не думаю, что нам это удалось бы в узкой лодке...

– Ну, на самом деле можно бы, – рассеянно ответил Даг, – но я не это сейчас имею в виду. Я собираюсь нырнуть, чтобы охладиться.

– А разве, если плавать сразу после плотной еды, не начинаются судороги?

– Я не собираюсь плавать. Я хочу полежать на воде – при этом не нужно напрягать ни единого мускула.

Даг выбрал сухое поленце футов трех в длину из груды на берегу, спустил его на воду и повис на нем, почти не шевеля ногами. На поверхности вода была теплой, как в ванне, но более глубокие слои дали ту прохладу, к которой стремился Даг. Струи ласкали его тело, как шелк. Даг закинул руки на импровизированный поплавок, оперся о него подбородком и полностью расслабился.

Через некоторое время Фаун, к его удовольствию – увы, чисто эстетическому, – стянула с себя платье, тоже выбрала поленце и нырнула в воду. Даг с удовольствием висел в воде, глядя как Фаун с юношеской прытью резвится вокруг, не боясь намочить волосы; потом она окунула в воду лицо и нырнула в глубину.

– Эй! – изумленно сообщила она, вынырнув. – Я не могу погрузиться до дна, значит, и утонуть не смогу!

– Ну вот видишь, – проворчал Даг.

Фаун брызнула на него водой, не добилась реакции и тоже повисла на бревне рядом. Даг приоткрыл глаза ровно настолько, чтобы наслаждаться видом ее светлого нагого тела, кажущегося текучим в танцующих в воде солнечных лучах; длинные пряди водорослей ласкали ее. Даг задумчиво посмотрел на желтые листья ивы, качающиеся на волнах у его носа – предвестники скорого листопада.

– Свет стал другим. И звуки тоже. Я всегда замечаю эти перемены – когда лето минует свой пик и начинает клониться к осени. Появляются цикады. Это делает меня... не грустным, а... не знаю, какое слово тут подходит. – Как будто время ускользало, и даже его призрачная рука была не в силах его ухватить.

– Цикады такие громогласные, – пробормотала Фаун, опираясь подбородком о свое поленце. – Я слышала, как они как раз начали свои песни, когда я ехала в Рейнтри.

Они оба долго молчали, прислушиваясь к контрапункту жужжания насекомых.

Коричневая голова ондатры вынырнула из воды и оставила расходящиеся волны на спокойной поверхности, потом с плеском исчезла, когда осторожное животное почувствовало, что на него смотрят. По протоке проплыла голубая цапля, потом застыла, стоя на одной ноге. Утки с зелеными головами дремали в тени, застыв неподвижными силуэтами. Ясный свет казался дышащим, как живое существо.

– Это место – нечто противоположное пустоши, – через некоторое время пробормотала Фаун. – Полная жизни чаша... если ты откроешь свой Дар, не хлынет ли жизнь внутрь, чтобы напитать тебя?

– Я распахнул свой Дар два часа назад, и думаю, так оно и происходит.

– Это что-то объясняет насчет подобных мест, – с удовлетворением сказала Фаун.

Прошло еще какое-то время, и Даг с Фаун с сожалением вылезли из воды и снова забрались в лодку, оделись и отправились домой. Солнце опускалось за деревья на западном берегу озера, когда лодка выплыла из протоки, и оставило только оранжевый блеск на облаках к тому моменту, когда Даг и Фаун поднялись на берег у шатра Блуфилд. В эту ночь Даг спал так спокойно, как ему не удавалось уже давно.

18

На следующее утро Фаун проснулась поздно, судя по тому, как ярко светило солнце в щели у входа в шатер. Воздух внутри еще хранил ночную прохладу, но скоро должна была прийти жара и духота. Лежавший рядом с Фаун Даг вздохнул и пошевелился, потом крепче прижал ее к себе. Что-то твердое ткнулось в ее бедро, и Фаун медленно улыбнулась, поняв, что это не его рука.

«Я так и думала, что пикник пойдет ему на пользу».

Даг уткнулся лицом в волосы Фаун, подтверждая ее весьма приятную догадку, и Фаун извернулась так, чтобы оказаться к нему лицом. Из-под полуопущенных век глаза Дага блестели, и Фаун погрузилась в его полусонную улыбку, как в мягкую подушку. Даг поцеловал ее в висок, в губы, потом скользнул губами по шее. Фаун позволила своим рукам начать блуждать по его телу, даря и получая наслаждение от прикосновения к его теплой коже в первый раз после того, как Даг был вызван в Рейнтри. Он прижал ее к себе еще крепче, радуясь близости ее мягкого тела. Теперь они не нуждались в словах... ни подсказок, ни вопросов больше не было. Чья-то рука трижды громко хлопнула по коже шатра, и резкий женский голос окликнул:

– Даг Редвинг Хикори!

Даг застыл и беззвучно выругался. Он прижал к груди лицо Фаун, словно пытаясь помешать ей что-нибудь сказать, и не ответил на зов.

Хлопки раздались снова:

– Даг Редвинг Хикори! Выходи, я знаю, что ты там.

Даг раздраженно зашипел сквозь зубы. Ощущение твердого предмета у бедра Фаун, увы, исчезло.

– Здесь нет никого, кто носит такое имя, – ворчливо откликнулся он наконец.

Голос снаружи зазвучал раздраженно:

– Даг, не дури, я не в подходящем настроении. Мне это нравится не больше, чем тебе, могу тебе доложить.

– Едва ли такое возможно, – пробурчал Даг, но со вздохом сел, провел рукой по всклокоченным со сна волосам и потянулся за своими короткими штанами.

– В чем дело? – нерешительно спросила Фаун.

– Это Дови Грейхерон. Она заместительница представителя острова Двух Мостов в совете в этом сезоне.

– Нас вызывают?

– Похоже на то.

Фаун натянула платье и последовала за Дагом; тот откинул полотнище входа и стоял,

щурясь от яркого света.

Пожилая женщина, седые волосы которой, как у Омбы, были заплетены в косу, стояла рядом, барабанила пальцами по бедру. На взъерошенного Дага она посмотрела смущенно, на Фаун – с любопытством.

– Слушания совета по твоему делу состоятся в полдень, – объявила она.

Даг вытаращил на нее глаза.

– Сегодня? Не торопитесь же вы с предупреждением!

– Я дважды приходила вчера, но тебя не было. И я знаю, что Громовержец тебя предупреждал, так что не притворяйся, будто это для тебя неожиданность. Ладно, дай мне закончить. – Она расставила ноги, расправила плечи и провозгласила: – Даг Редвинг Хикори, я вызываю тебя на совет в связи с серьезной жалобой, поданной в совет Дором Редвингом Хикори от имени шатра Редвинг; слушание состоится сегодня в полдень в роще совета. Ты слышал и понял?

– Да, – прорычал Даг.

– Спасибо, – сказала женщина. – Вот и все.

– Но я не Даг Редвинг, – спохватился Даг. – Этого человека больше не существует.

– Прибереги это для совета – именно туда следует обращаться с возражениями. – Она замялась, кинув быстрый взгляд на Фаун. – Должна указать, что на совет вызываешься ты, а твоя малышка-жена – нет. На нашем совете нет места крестьянкам.

Даг стиснул зубы.

– Она исключена решением совета? Если это так, нам есть что оспорить еще до слушаний.

– Нет, – неохотно признала Дови. – Но поверь мне: она не поможет тебе выиграть дело, Даг. Все, кто считает, что ты думаешь гениталиями, а не головой, не изменят мнения, увидев ее.

– Спасибо, – со сладким ядом в голосе ответил Даг. – Я тоже считаю свою жену привлекательной.

Дови только покачала головой.

– Как же я буду рада, когда этот день кончится. – Ее сандалии зашлепали по пяткам, когда она двинулась прочь.

– Вот женщина, которая знает, как испортить настроение, – пробормотал Даг, разжимая зубы.

Фаун прижалась к Дагу; его рука обвила ее плечи. Фаун сглотнула и спросила:

– Не родственница ли эта женщина Обайо Грейхерону?

– Он в родстве с ней через жену. Дови – глава шатра Грейхерон на нашем острове.

– И у нее есть голос в совете? Не очень-то это обнадеживает.

– На самом деле она одна из тех, кого я считаю дружественно к нам настроенными. Я с год вместе с ней нес дозор, когда я был молод и еще не отправился в другой отряд по обмену, а она не завела еще семьи.

Если уж эта женщина дружественна, подумала Фаун, то как же будут вести себя враги? Что ж, скоро она это узнает. Да и было ли все таким неожиданным, каким казалось? Пожалуй, нет. Обсуждение на совете было окружено молчанием с тех пор, как Даг вернулся из Рейнтри, и Фаун позволила ему в этом руководить собой. Конечно, Даг к тому же был слишком болен, чтобы в первые дни о чем-то беспокоиться. Но потом?..

«Даг сам не знает, что хочет делать, – поняла Фаун, чувствуя, как в животе сворачивается холодный клубок. – Даже сейчас он этого не знает».

Ведь то, чего он хочет, невозможно, и всегда было невозможно... так какова же альтернатива? Что в таких обстоятельствах может человек поделать?

Они с Дагом оделись, умылись, поели. Даг не стал колоть орехи, а Фаун – пряхсть. Даг принялся бесцельно бродить по берегу и роще, стараясь не встречаться с занятыми утренними делами Мари и членами ее семьи. Когда любители раннего купания ушли с причала, Даг уселся на досках, обхватив колени руками, и долго смотрел в воду. Фаун

подумала, не занялся ли он старой детской игрой, которую ей как-то показывал: заставлял мелких окуньков, обычно прячущихся в тени причала, подняться к поверхности и плавать, образуя какие-нибудь узоры. Солнце поднималось все выше...

Когда тени стали совсем короткими, Даг вернулся к шатру и сел на чурбак рядом с Фаун. Опершись правым локтем на колено, он склонил голову и стал смотреть в землю, потом повернулся к озеру. По его отсутствующему взгляду Фаун не могла определить, пытается ли он запомнить открывающийся вид или не видит того, что у него перед глазами. Фаун вспомнила об их поездке в заводь с лилиями.

«То место питает его душу»..

Будет ли в случае изгнания его дух страдать от голода? Человек может умереть, хоть на нем не будет ни царапины, если его Дар окажется разорван пополам.

Фаун сделала глубокий вдох, выпрямилась и заговорила:

– Любимый... – Даг с усталым видом улыбнулся ей. – Что ты собираешься делать?

– Не знаю. – На мгновение Фаун показалось, что он хочет смягчить свою резкость, обнадежить ее, но потом передумал.

фаун повернулась так, чтобы Даг не видел ее лица.

– Я не собиралась тебе этого говорить, но теперь думаю, что сказать следует. Когда ты только еще отправился в Рейнтри, я связала еще одну пару носков вроде тех, которые так понравились тебе, и отнесла их в подарок твоей матери. Вроде как умиротворяющий дар.

– Ничего не вышло. – Это не был ни вопрос, ни укор; скорее выражение сочувствия.

Фаун кивнула.

– Она сказала... ну, мы много чего наговорили друг другу, это теперь не имеет значения. Но одну вещь я запомнила. Она сказала, что стоит дозорному увидеть Злого, и он – или она – уже никогда не сочтет ни дело, ни человека более важным, чем несение дозора.

– Я иногда думал о том, кто так предал ее и кем был тот дозорный. Мой отец, должно быть.

– Похоже на то, – согласилась Фаун. – Но мне кажется, он изменил ей не с другой женщиной.

– Согласен. Тетушка Мари однажды проговорилась – у нас с Дором была сестра, в детстве трагически погибшая. Дор говорит, что он ничего такого не помнит, так что она, наверное, родилась или раньше его, или когда он был совсем малышом. Как бы то ни было, она оказалась окружена глубоким, глубоким молчанием: отец тоже никогда не упоминал о сестренке.

– Хм-м... – Фаун обдумала услышанное. – Могло быть и так. Но... – Она закусил губу. – Я не дозорная, но Злого я видела, и если в чем твоя мама и права, то как раз в этом. Она говорила, что если ты любишь меня недостаточно, то предпочтешь дозор. – Фаун подняла руку, не позволив Дагу возразить. – И что если ты любишь меня больше всего на свете, ты выберешь дозор, потому что иначе никак не сможешь меня защитить.

Даг не нашелся, что на это ответить. Фаун подняла голову и взглянула в его прекрасные глаза.

– Вот я и хочу, чтобы ты знал, – продолжала она, – что если ты выберешь дозор, я от этого не умру. Для меня благо уже то, что я какое-то время знала и любила тебя. Я все равно буду богаче, чем была, когда ты меня встретил, – хотя бы потому, что у меня теперь есть лошадь, инструменты и знания. Я никогда не думала, что в мире есть столько знаний, которые можно получить. Может быть, оглядываясь назад, я буду вспоминать это лето как чудесный сон... даже те моменты, когда он превращался в кошмар. Если мне не удастся сохранить тебя навсегда, то хоть какое-то время ты был моим... а это чудо для любой крестьянской девушки.

Даг серьезно слушал Фаун, не делая больше попыток прервать ее; он просто пытался разобраться в услышанном.

– Ты хочешь сказать, что устала продолжать бороться?

Фаун пристально взглянула на него.

– Нет. Устал ты, мне кажется.

Даг с горечью фыркнул.

– Может, и так.

– Пойми все правильно. Я люблю тебя и пойду за тобой по любой дороге, которую ты выберешь, но... выбор не за мной. Его должен сделать ты.

– Верно. И очень мудро... – Даг вздохнул. – Я думал, что мы оба сделали выбор в той маленькой душевной комнатке в Вест-Блу. И все же правильность или ошибочность твоего выбора зависит от моего решения. Они зависят друг от друга.

– Да, зависят. Однако имеет место очередность. Вест-Блу все это было до того, как ты или я увидели Гринспринг. Этот городок мог бы быть Вест-Блу, а те люди – мной и моей семьей. Я видела, как шевелятся твои губы, когда ты пересчитывал мертвецов... Есть много такого, с чем я сражалась бы зубами и ногтями, чтобы сохранить тебя. Твои родные, мои родные, другая женщина, болезнь, глупость крестьян – назови что хочешь. Но я не могу сопротивляться Гринспрингу. И не хочу.

Даг быстро моргнул, и на мгновение золото его глаз показалось расплавленным. Он смахнул рукой блестящие капли со щек, наклонился и поцеловал Фаун в лоб – тем же пугающим поцелуем, так похожим на благословение.

– Спасибо, – прошептал он, – ты и представить себе не можешь, как это мне помогло.

Фаун коротко кивнула и сглотнула горячий комок в горле.

Они вошли в шатер, чтобы переодеться; Даг скинул свои короткие штаны и сандалии, Фаун – повседневное платье. Когда, опустившись на колени перед сундучком, Фаун достала самую чистую рубашку Дага, он удивил ее, сказав:

– Нет, достань мою лучшую рубашку – ту, что сшила твоя тетушка Нетти.

Свою свадебную рубашку Даг ни разу не надевал со дня венчания. Удивленная Фаун достала ее, завернутую в другую одежду, чтобы не испачкать и не помять; там же оказалось и ее зеленое нарядное платье.

– О да, надень его, – сказал Даг, оглянувшись через плечо. – Оно так тебе идет.

– Ну, не знаю, Даг... Оно такое деревенское! Не стоит ли мне одеться, как одеваются Стражи Озера?

Даг криво улыбнулся.

– Нет.

В сложившихся обстоятельствах перспектива оказаться перед всеми в свадебной одежде беспокоила Фаун. Она поправила тесьму на своем левом запястье и почувствовала прохладное прикосновение золотых бусин к коже. Предстоит ли им в этот полдень перестать быть мужем и женой, словно проделывая обратный путь из-за того, что они заблудились? Может быть, они и вправду свернули куда-то не туда... Однако, перебирая в памяти звенья цепочки событий, Фаун не могла найти ошибки.

Даг взял с собой свой костыль, так что Фаун решила, что путь до рощи совета неблизкий – Даг уже несколько дней как перестал опираться на костыль, если идти было недалеко. Фаун расправила складки юбки, надела башмаки и вышла следом за Дагом из шатра.

Через некоторое время Даг понял, что прошел мимо, не заметив ничего, что представляло его глазам, и вовсе не потому, что вид был таким знакомым. Его разум словно попал в какое-то пустое пространство, и он не мог определить, готов ли он к действию или просто онемел. Они шли мимо здания штаба, когда Фаун, странно молчаливая все это время, задала свой первый вопрос:

– Так где же эта роща совета?

Даг взглянул на нее. От жары и быстрой ходьбы лицо Фаун покраснелось.

– Уже недалеко, – ответил Даг. – Сразу за медицинским шатром Хохарии.

Фаун кивнула.

– Народу соберется много? Это будет похоже на собрание городского совета?

– Я не знаю, каким бывает собрание городского совета. Вокруг озера Хикори живет

примерно восемь тысяч человек; смысл существования совета и заключается в том, чтобы им не приходилось всем собираться для обсуждения возникающих вопросов. Впрочем, прийти может любой, кому интересно. Все зависит от того, сколько народу или семей или шатров участвует в споре. Сегодня дело касается только шатра Редвинг – и шатра Блуфилд. Придут Дор и мама, но вряд ли многие из их друзей – мои родные не захотят выставлять себя напоказ. Мои друзья по большей части сейчас в дозоре, так что увидеть большую толпу я не рассчитываю. – Даг поколебался, потом взмахнул костью и дернул левым плечом. – Все зависит от того, как совет посмотрит на наши свадебные браслеты. Это касается почти каждого, и интерес может оказаться широким.

– Сколько времени длится совет?

– В начале заседания глава совета зажигает специальную свечу. Совет продолжается, пока свеча не догорит, – а это примерно три часа. Принято говорить, что спор занял одну, две или десять свечей. Понимаешь, разбирательство может длиться и несколько дней. – Сделав еще несколько шагов, Даг добавил: – С нашим делом такого не случится – если это будет зависеть от меня.

– Откуда ты знаешь? – спросила Фаун, но ответа не получила: пора было сворачивать в рошу.

Рощей это называлось ошибочно; место собрания совета было скорее лужайкой – широким кругом на опушке леса, где были выполоты колючие растения, а вокруг посажены цветущие кусты – бузина, форсития, сирень; некоторые из них были такими старыми, что их стволы напоминали деревья. На траве, которую щипала пара кротких овечек, были расставлены чурбаки. С одной стороны лужайки виднелся навес с крышей из дранки – убежище на случай плохой погоды, но сегодня сиденья располагались в тени деревьев опушки. Когда Даг и Фаун прибыли, люди еще только собирались, так что они не опоздали.

Последним пришел Громовержец, который, опустив голову, что-то говорил Мари. На поляне они разошлись в разные стороны; Громовержец занял единственный свободный чурбак в конце ряда сидений, установленных под огромным кустом бузины, усыпанным ягодами. Мари присоединилась к группе дозорных, расположившихся справа от Дага. Даг не удивился, увидев среди них Сауна, Рази и Утау; Саун при виде Мари вскочил и прикатил для нее бревно. Вот кого Даг не ожидал увидеть, так это Дирлу – неужели она ради присутствия на совете гнала лодку с самого Бивер Сая? – и Гриффа из отряда Обайо.

Слева от места, отведенного членам совета, находились только Дор, Камбия и Омба, которой явно было не слишком приятно здесь присутствовать. Камбия подняла глаза от тесьмы, которую плела по привычке или чтобы успокоиться, кинула на Дага единственный взгляд, полный мрачного триумфа – «Видишь, до чего ты меня довел?» – и отвернулась. Этот жест Дагу было нетрудно понять: он сам сделал то же самое, подобно пациенту, который не хочет смотреть, как целитель обрабатывает его рану. Дор выглядел так, словно у него болит живот, и явно, как обычно, винил в этом Дага.

Прямо напротив сидений совета был приготовлен единственный чурбак. Утау что-то шепнул Рази, и тот поспешно прикатил еще один и поставил рядом с первым. Посередине поляны свободными не оставалось и десяти футов – никому не придется кричать... по крайней мере только для того, чтобы быть услышанным.

Фаун, настороженная, как молодой олень, остановила Дага, схватив за руку, там, где их никто не мог бы услышать, и отчаянно прошептала:

– Быстро скажи мне, кто все эти люди.

Громовержец сидел – и, вероятно, не случайно – ближе всего к группе дозорных; рядом с ним расположилась Дови Грейхерон. Даг шепотом ответил Фаун:

– Слева от Громовержца и Дови сидит Пакона Пайк. Она в этом сезоне глава совета. Она из шатра Пайк. – Это была женщина лет девяноста, такая же прямая, как Камбия, и одна из ее ближайших подруг; от нее снисходительной нейтральности Даг не ожидал, но говорить об этом Фаун не стал. – За ней – Ласки Бивер и Ригни Хаук, представительницы острова Бивер Сай. – Восьмидесятилетняя Ласки была главой шатра Бивер и мастерицей по

обработке кожи; это ее сестра делала куртки, непробиваемые для стрел, – ее никто и не подумал отвлечь от такого важного дела ради представительства в совете. Ригни, ровесница Дага, происходила из шатра, специализирующегося на изготовлении лодок и строительстве, и была матерью большого семейства; к тому же, как тетка Дирлы, она могла быть настроена в пользу Дага и Фаун. – За ними сидят Тиока Кеттейл и Огит Маскрет с острова Цапли. Их я знаю не очень хорошо. – Дагу было известно только, что Тиока – целительница и после недавней смерти матери – глава шатра Кеттейл. Огит был бывшим дозорным примерно возраста Камбии, таким же скрягой, как Каттагус, но без его шарма; не обладая никакими умениями, он, как слышал Даг, наслаждался своим положением члена совета. Хоть Огит и не состоял в близких друзьях Камбии, они, несомненно, знали друг друга не один десяток лет. Несмотря на принадлежность Огита к дозорным, Даг не рассчитывал, что старик окажется его союзником.

Фаун заморгала и кивнула, и Даг подумал, что она наверняка запомнит все на будущее. Как бы то ни было, теперь Фаун позволила Дагу подвести ее к чурбакам. Он усадил ее справа от себя, поближе к дозорным, и сел сам, положив у ног свой костыль, потом вежливо кивнул членам совета.

На низеньком чурбаке перед Паконой была укреплена восковая свеча. Женщина сурово кивнула Дагу, зажгла свечу и опустила на чурбак квадратный пергаментный футляр, похожий на абажур, защищающий огонек от ветра. Взяв в руки короткую палочку – жезл, дающий право говорить, – она трижды ударила им по дощатому столу. Все замолчали и обратили взгляды на главу совета.

– Последнее время это дело вызвало много разговоров и сплетен, – начала Пакона, – так что не думаю, чтобы нужно было многое объяснять. Жалобу выдвинул шатер Редвинг против члена того же шатра Дага Редвинга. Кто будет говорить от имени шатра Редвинг?

Даг дернулся, услышав свое имя, но не стал возражать. «Пусть это так и останется. У меня еще будет возможность высказаться».

– Я, – сказал Дор, поднимая руку; сидевшая у него за спиной Камбия кивнула. Будучи главой шатра, она вполне могла бы говорить сама, и Дага несколько озадачило такое решение. Это имело целью подчеркнуть отвержение Дага или она просто не была уверена в том, что сумеет заставить свой голос звучать твердо? Выглядела Камбия как железная, но скрыть своей старости не могла.

– Тогда передайте жезл Дору, – сказала Пакона, и палочка пошла по рукам членов совета. – Выскажи свою жалобу, Дор.

Дор взял жезл, глубоко вздохнул и бросил на Дага решительный взгляд.

– Это не займет много времени. Как все мы знаем, Даг этим летом вернулся из дозора в сопровождении крестьянки-любовницы, которую он именует своей женой на основании того, что они носят свадебные браслеты, изготовленные без свидетелей. Мы утверждаем, что тесьма поддельная и изготовлена мошеннически. Даг нарушил давно установленное правило, запрещающее подобные... потворства своим желанием в пределах лагеря. Шатер Редвинг требует, чтобы совет лагеря и дозорные наложили на него обычное наказание, вернули девушку ее родным любыми потребными для этого средствами и оштрафовали Дага Редвинга за его прегрешения.

Даг застыл от изумления. Надо же, какая умная уловка со стороны Дора – да, Даг не сомневался, что идея принадлежит его брату. Дор совершенно изменил свои требования по сравнению с теми, которыми грозил Дагу перед его отъездом в Рейнтри, – насильственным лишением их свадебной тесьмы или изгнанием. Поднятые брови Громовержца сказали Дагу, что и командира дозорных заявление Дора застало врасплох; он бросил на Дага виноватый взгляд. Даг не знал, давно ли Дор придумал эту уловку, но было ясно: Дор оказался достаточно ловок, чтобы скрыть все от Громовержца.

Даг почувствовал, как семеро членов совета обследуют Дор его и Фаун. Тиока Кеттейл склонила голову к плечу и сказала:

– Прошу прощения, но свадебные браслеты представляются мне совершенно

нормальными. Не могла бы девушка закрыть свой Дар... нет, думаю, она этого не может. Почему ты думаешь, что тесьма фальшивая?

– Она была фальсифицирована при изготовлении, – ответил Дор. – Обмен Даром через браслеты – знак истинного брака, да, но он также – в нормальных обстоятельствах – служит препятствием для любого, в чьих жилах не течет кровь Стражей Озера, при попытке осквернить эти узы. Это, правда, не особенно высокий барьер, он скорее отмечает нижнюю границу Дара. Мы обычно считаем, что любой может совершить такой обряд, но это само по себе говорит о том значении, которое он имел в прошлом.

Я утверждаю, что крестьянка не сама создала свою тесьму, это сделал Даг при помощи трюка, украденного им у мастера, изготавливающего разделяющие ножи: он использовал кровь, чтобы зарядить тесьму Даром. Для этого требуются некоторые знания, ничего больше.

– Откуда ты это знаешь, Дор? – спросил, нахмурившись, Громовержец.

Дор неохотно ответил:

– Мне сказал сам Даг.

– Это не то, что я говорил! – резко возразил Даг. Пакона подняла руку, призывая его к молчанию.

– Подожди, пока получишь жезл, Даг.

– Погодите-ка, – сморщила нос Ригни Хаук. – Мы выслушиваем свидетельства, основанные на слухах, когда перед нами сидят двое непосредственных участников!

– Спасибо, Ригни, – с облегчением выдохнул Громовержец. – Ты совершенно права. Пакона, я думаю, что для рассказа обо всех обстоятельствах жезл должен перейти к Дагу.

– У него есть причины для того, чтобы лгать, – надувшись, заявил Дор.

– Это решать нам, – твердо сказала Ригни.

Пакона взмахнула рукой, и Дор неохотно передал жезл через Омбу Дагу.

– Так как же вы изготовили эту тесьму? – с любопытством спросила Тиока.

– Мы с Фаун делали все вместе, – напряженно заговорил Даг. – Как некоторые из вас, возможно, помнят, в то время моя правая рука была сломана, а левая, – Даг пошевелил своим протезом, – ну, то, что вы видите. Хоть во мне и течет кровь Стражей Озера, я был совершенно не способен плести тесьму. Фаун плела ту тесьму, которую сейчас носит; я сидел позади нее на скамье, положив свои руки на ее, и обычным образом направлял свой Дар в тесьму. Не понимаю, как кто-нибудь в своем уме может утверждать, будто эта тесьма – фальшивая!

Пакона подняла было руку, чтобы оборвать его, но в конце концов только пробормотала:

– Продолжай. Что насчет второй тесьмы?

– Признаю: я пытался помочь Фаун поймать свой Дар и направить его во вторую тесьму. Нам это не удалось, но неожиданно Фаун по своей инициативе надрезала указательные пальцы и стала плести тесьму, пока они еще кровоточили. Ее Дар хлынул в тесьму. Я не оказывал ей большей помощи, чем она мне; скорее, моя помощь была меньше.

– Значит, ты научил ее этому, – сказала Тиока.

– Нет, она сама...

– За несколько дней до этого, – выдохнула Фаун, – мы с Дагом говорили про Дар, и он сказал мне, что кровь сохраняет свой Дар некоторое время после того, как вытекла из тела, потому что она вроде как живет отдельно от человека. Тогда это показалось мне очень странным, и я запомнила сказанное.

– Тебе не разрешается говорить здесь, девушка, – резко сказала Пакона.

Фаун съежилась и испуганно прижала руку к губам. Даг сквозь стиснутые зубы добавил:

– Фаун совершенно права. В ее действиях я узнал способ, который все, кто имеет дело с разделяющими ножами, хорошо знают, но я ей ничего не советовал. Фаун додумалась до этого сама.

– Они использовали технику изготовления разделяющих ножей для свадебной тесьмы,

– оскорбленно бросил Дор.

– Как говорит Хохария, Дар есть Дар, – возразил Даг. – Ты нигде не найдешь правила, которое бы это запрещало.

Тиока заинтригованно прищурила глаза.

– Целителям и в самом деле приходится проявлять... большую гибкость в работе с Даром, чем другим мастерам, – признала она. Слова, которых она не произнесла – «чем изготовителям разделяющих ножей», – повисли в воздухе, хотя сладкий тон Тиоки не оставлял сомнений в том, кого она имела в виду. Даг позволил себе насладиться моментом, видя, как заскрипел зубами Дор.

– Слово одного брата против слова другого, – пробурчал со своего места Огит Маскрет. – Один из них – мастер, другой – нет. Когда дело касается работы с Даром, я знаю, кому из них верить.

Фаун, крепко сжав губы, бросила на Дага умоляющий взгляд.

«Ты же тоже мастер!»

Даг только слегка покачал головой. Он позволил отвлечь себя на посторонние вещи. Дело ведь было не в их свадебных браслетах.

Очень ловкий ход со стороны Дора. Он сумел кинуть в озеро пылающую головню обвинения, грозящего изгнанием, против... как его назвал Громовержец? – заслуженного дозорного. Была ли это уловка Камбии, мучимой сомнениями по поводу поведения сына, несмотря на все горькие слова, сказанные Фаун? Или реакция на признание, которое Даг заслужил своей победой в Рейнтри? Перемена обвинения, несомненно, давала возможность избежать яростных споров по поводу права совета расторгать брачные узы. Если Дору удастся настоять на своем, это все упростит и решит проблему, не принуждая никого ничего менять.

Если же Дор не сможет добиться решения совета в свою пользу, он всегда сможет прибегнуть к другой стратегии. Однако Даг сомневался, что в совете найдется хоть кто-нибудь, кто не отдал бы предпочтения простому решению, – не исключая даже и Громовержца.

– Однако если вы решите, – сказала Ласки Бивер, почесав в затылке, – что тесьма девушки ненастоящая, а тесьма Дага – настоящая, будет ли это означать, что он на ней женат, а она – не замужем? Бессмыслица какая-то.

– Фальшивки – оба браслета, – рявкнул Дор. Пакона с подчеркнутой неподвзятостью адресовала ему такой же укоризненный взгляд, что и Дагу, и Дор умолк.

Пакона повернулась к Дагу и распорядилась:

– Покажи-ка нам свой браслет. Нам нужно получше его рассмотреть. – Неохотно она добавила: – И девушка тоже.

Даг предоставил Фаун закатать мягкую тонкую ткань левого рукава, послушно поднялся и медленно прошел мимо ряда членов совета. Фаун, молчаливая и испуганная, шла следом. Прикосновения – и пальцев, и Дара – были по большей части короткими и вежливыми, хотя руки некоторых женщин, с любопытством коснулись ткани рубашки. Тиока, предположил Даг с уверенностью, обнаружила исчезающие следы того подкрепления Дара, которое он вложил в браслет Фаун перед отъездом в Рейнтри, но ничего не сказала об этом другим. Сидевший в конце ряда Громовержец только махнул рукой:

– Я их видел... и не один раз.

Даг и Фаун вернулись на свои места и снова сели. Даг взглянул на склоненную голову Фаун, расправлявшей складки платья. В своем зеленом платье она напоминала одинокий цветок, который можно найти в лесном пруду, если весна запоздает... очень сильно запоздает.

«Она не твоя награда, старый дозорный, ее нельзя выиграть или заслужить. Она – дар самой себе. Так всегда бывает с лилиями».

Пальцы единственной руки Дата коснулись свадебной тесьмы Фаун, потом отдернулись и стиснули его колено.

– Что ж, давайте голосовать, – сказала Пакона. – Сочтем ли мы такой странный способ изготовления тесьмы законным или нет?

– Нужно учесть вот что, – медленно проговорила Ласки. – Как только станет известно о случившемся, думаю, найдутся желающие повторить этот трюк. Оправдание откроет двери для новых нежелательных браков.

– Но эти браслеты – исправные творения Дара, – сказала Тиока, – такие же, как мой собственный. – Она подняла левую руку с обвивающей ее тесьмой. – Разве браслеты больше не являются доказательством брачных уз?

– Может быть, впредь создание браслетов нужно будет совершать при свидетелях, – сказала Ласки.

Ответом ей было общее унылое «хм-м».

– Предлагаю, – сказала Пакона, – не делать предметом обсуждения на нашем заседании будущие поступки людей которые еще не родились: иначе мы будем спорить до сотой свечи. Мы сегодня должны принять решение, касающееся только этой пары. Мы видели все, что тут можно увидеть, и слышали свидетельства единственных участников. Кому бы ни принадлежала идея – Дагу или этой девушке, – по-моему, особой разницы не составляет. Исход остался тем же самым. Ответ «да» будет означать, что дело закрыто. Ответ «нет»... ну, он этого означать не будет. Дор, удовлетворит ли это шатер Редвинг?

Дор наклонился к своей хмурящейся матери и вполголоса с ней посоветовался. Камбия больше уже не могла плести тесьму и теперь начала теревить ткань платья на своих худых бедрах. Поморщившись, она кивнула. Дор повернулся к членам совета.

– Да, удовлетворит, – сказал он.

– Даг, а тебя?

– Да, – медленно протянул Даг. Он искоса глянул на Фаун, которая тревожно и доверчиво на него смотрела, и ободряюще кивнул ей. – Голосуйте.

Дор, ожидавший возражений, бросил на брата удивленный и подозрительный взгляд. Даг вспомнил слова Громовержца об умелом тактике.

«Да, Громовержец мудрый человек».

Даг стал смотреть на догорающую свечу, а Пакона начала опрос.

– Огит?

– Нет! Никаких крестьянских жен! – Что ж, его позиция была ясна.

– Тиока?

Женщина слегка заколебалась.

– Да. Я не могу заставить свою совесть мастера признать браслеты фальшивкой.

Ригни, когда очередь дошла до нее, жалобно посмотрела на Тиоку и в конце концов сказала «да».

Ласки, явно после внутренней борьбы, сказала «нет».

Сама Пакона сказала «нет» без всяких колебаний и добавила:

– Если мы дадим добро, начнется бесконечная возня, с которой мы никогда не разделаемся. Дови?

Дови оглядела остальных членов совета, пересчитала голоса «за» и «против» на пальцах и смутилась. Если она скажет «нет», все будет закончено, а ответ «да» сделает счет равным и все станет зависеть от Громовержца. После долгой, долгой паузы она откашлялась и пробормотала «да».

Громовержец ответил на ее откровенную трусость долгим неприязненным взглядом, вздохнул, выпрямился и огляделся. На поляне царило молчание.

«Ты же знаешь, что с браслетами все в порядке, Громовержец», – подумал Даг.

Он следил за борьбой честности и практичности на лице командира и восхищался тем, как долго Громовержец сопротивлялся победе последней. Даг в определенной мере хотел бы, чтобы верх одержала честность: по существу дела это роли не играло, а потом Громовержец меньше себя упрекал бы.

– Громовержец? – осторожно спросила Пакона. – Командир дозорных всегда

высказывается последним – таков его долг.

Громовержец отмахнулся, словно говоря: «да знаю я все это», и откашлялся.

– Даг? Ты больше ничего не хочешь сказать?

– Хочу, и довольно многое. Я пойду окольным путем, но в конце концов дойду до сути.

Впрочем, сразу должен сказать что для меня не важно, смогу ли я высказаться до или после того, как ты объявишь свое решение.

Громовержец кивнул Дагу.

– Тогда давай – жезл ведь у тебя.

У Паконы был такой вид, словно она хотела воспрепятствовать этому, но потом решила не раздражать Громовержца, пока тот еще не отдал свой голос. Скрестив руки на груди, она промолчала. Дор и Камбия встревоженно заерзали, но приготовились слушать Дага со всем вниманием.

Собственный ум казался Дагу неповоротливым, голова у него болела, но на сердце было легко, оно словно парило в вышине.

«С высоты можно и упасть. Узнаем, когда ударимся о землю».

Даг отложил жезл в сторону, наклонился, поднял свой костыль и встал во весь рост.

– За исключением тех дозорных, которые недавно вместе со мной вернулись из Рейнтри, многие ли из вас слышали название основанного крестьянами городка Гринспринг?

Почти все члены совета посмотрели на Дага непонимающе, только тетка Дирлы Ригни, взглянув на племянницу, на мгновение подняла руку. Даг ей кивнул.

– Неудивительно, что о нем слышали немногие. Это тот самый городок в Рейнтри, где появился и не сразу был обнаружен последний Злой. Никто не сообщил мне этого названия и тогда, когда нас позвали на помощь западному округу. Отчасти причиной этого послужила неразбериха, всегда сопровождающая подобные происшествия, – но, знаете ли, не только. Никто его не знал и не называл потому, что это всем казалось не важным.

Так многие ли здесь, за исключением моих дозорных, знают, сколько народу погибло в Боунмарше?

Огит Маскрет ворчливо пробурчал:

– Мы все о них слышали. Примерно пять десятков взрослых и около двадцати детишек.

– Такой кошмар... – вздохнула Тиока.

Даг кивнул.

– Девятнадцать, верно. – Громовержец с любопытством смотрел на Дага.

«Нет, я не решил воспользоваться твоим советом и похвастаться, Громовержец. Скорее наоборот. Ты только подожди!»

– А кто знает, сколько было погибших в Гринспринге?

Дозорные, сидевшие справа от Дага, сжали губы, не торопясь с ответом. Большинство членов совета выглядели растерянными. Наконец через некоторое время Пакона сказала:

– Думаю, очень много. Только какое отношение это имеет к вашим поддельным свадебным браслетам, Даг?

Даг не стал возражать против «поддельных свадебных браслетов».

– Я предупредил, что пойду окольным путем. Из тысячи жителей – а это примерно половина населения Боунмарша – Гринспринг потерял триста взрослых и всех – или почти всех – детей, Я насчитал не меньше ста шестидесяти двух тел на кладбище, а потом мы нашли косточки еще по крайней мере троих, съеденных глиняными людьми. Я не стал говорить об этих троих горожанам, занятым похоронами. Тогда это ничему бы не помогло.

Даг взглянул на смотревшую на него Фаун и понял, что оба они гадают, не принадлежали ли те разбросанные кости пропавшей Сасси. Даг надеялся, что нет... Он покачал головой, словно говоря «не знаю», и Фаун кивнула в ответ и съежилась на своем чурбаке.

– Неужели никто, кроме меня, не видит ужасной неправильности в этих двух наборах цифр? – Ответные взгляды были смущенными, на лицах Стражей Озера отразилось сочувствие, даже жалость, но никакого понимания. Даг вздохнул и продолжал: – Ладно,

тогда подумайте вот о чем.

Боунмарш погиб – люди перебиты, животные истреблены, прекрасная земля не избавится от скверны на протяжении жизни целого поколения, – потому что мы не справились в Гринспринге. Если бы Злой был обнаружен и уничтожен там, он никогда не добрался бы до Боунмарша.

Гринспринг погиб не из-за того, что было недостаточно дозорных или они плохо выполняли свой долг. Отряды в Рейнтри так же рассредоточены, как и повсюду, но их сил хватило бы, если бы... Им не хватило чего-то другого. Сообщений. Знаний. Даже дружбы. Так много самых простых вещей, которые могли бы быть иными, которые кто-нибудь мог изменить, но не сделал, этого.

– Ты винишь дозорных из Рейнтри? – взорвалась Мари, не в силах больше сдерживаться. – Я смотрю на вещи иначе. Ведь крестьянам говорили, чтобы они там не селились, а они не стали слушать. – Пакона снова подняла руку, останавливая Мари, но сделала это как-то неуверенно.

– Я не виню одну сторону больше, чем другую, – ответил Даг, – и я не знаю всех ответов. Но я понимаю, что мне они неизвестны, и это меня и остановило. Только видите ли... когда-то я не знал ничего и о дозоре, а половина того, что я о нем думал, была ошибкой. Для невежественных молодых дозорных существует лекарство: мы посылаем их в путешествие вокруг озера. Это превращает их в опытных старых дозорных. Такая система хороша, она работает надежно. Так было на протяжении многих поколений.

Вот я и подумал: может быть, теперь уже недостаточно просто обходить вокруг озера. Может быть, мы – или некоторые из нас, или хотя бы кто-то один – должны обойти вокруг мира.

На поляне установилась глубокая тишина.

Даг сделал глубокий вдох.

– И может быть, этот человек – я. Иногда, если не знаешь, с чего начать, нужно просто начать двигаться и по ходу дела узнать о том, чего ты никогда не узнаешь, оставаясь на месте. Я не собираюсь спорить и не собираюсь защищаться, потому что это выглядело бы, как будто вы просите меня рассказать об окончании того, что я еще даже не начал. Да окончания может и вовсе не оказаться... Так что, Громовержец, можешь голосовать, как тебе кажется правильнее. Завтра мы с женой отправимся в дорогу. Вот и все. – Даг коротко и резко кивнул и снова опустил на чурбак.

19

Фаун шумно выдохнула воздух, когда Даг уселся с ней рядом. Сердце ее колотилось так, будто она долго и быстро бежала. Фаун обхватила себя руками и обвела взглядом круг надменных лиц Стражей Озера.

Со стороны группы взволнованных дозорных до нее долетел шепот Утау:

– Вы все спрашивали меня, как себя чувствуешь, когда из тебя вырывают Дар; вот теперь вы это себе представляете.

Ему вполголоса ответила Мари:

– Заткнись, Утау. Жезл не у тебя.

Рази пробормотал:

– Нет, я думаю, мы все просто получили жезлом по головам. – Мари и ему жестом приказала замолчать.

Пакона и Громовержец сердито посмотрели на дозорных, и те притихли. Громовержец сложил руки на груди и мрачно уставился на свои сапоги.

– Передай это обратно Паконе, Искорка, – пробормотал Даг, протягивая маленькую деревяшку, которую собравшиеся называли жезлом. – Мне он больше не потребуется.

Фаун кивнула, с опаской взяла жезл и прошла через открытое пространство к суровой старой женщине, которая гораздо больше походила на сестру Камбии, чем Мари, ее родная

сестра. Может быть, дело было в одинаковом возрасте... или они все-таки в близком родстве – эти Стражи Озера все между собой родичи. Никто из членов совета не стремился оказаться достаточно близко к другому, чтобы передать жезл из рук в руки. Фаун положила деревяшку на чурбак со свечой и поторопилась обратно, под крылышко Дага. Несмотря на то что ей говорить здесь запретили, Фаун, сглотнув, наклонилась к уху Дага и прошептала:

– Там, под кустом со светлячками, я думала, что если стану любить тебя еще сильнее, то не смогу дышать. Так оно и есть. – Сглотнув еще раз, она села рядом с мужем.

Кривая улыбка Дага была такой нежной, что пронзила ее сердце, как сладкая боль, говорящая: все в порядке. Все не так и все в порядке, так странно перемешалось... Даг крепко обнял Фаун за плечи, и они оба, как и все на поляне, повернулись к Громовержцу.

Громовержец поморщился, поскреб в затылке и наклонился вперед. На губах его играла та его особая улыбка, в ответ на которую улыбаться никому не хотелось. Наконец он сказал:

– Я воздерживаюсь.

По ряду членов совета пробежал встревоженный шепот; Дор возмущенно воскликнул:

– Что?!

– Ты не можешь так поступить! – возразила Дови, поворачиваясь к Паконе. – Так разве можно? – И совсем тихо добавила: – А мне можно воздержаться? – Громовержец только потер лоб и вздохнул, однако ответил Дови:

– Могу воздержаться и воздерживаюсь, хотя и редко. Обычно я предпочитаю, чтобы все было закончено и дело закрыто. Однако если Даг все равно увозит свою жену-крестьянку, я не вижу необходимости решать вопрос в срочном порядке.

– А что насчет требований шатра Редвинг? – требовательно спросил Дор. – Где наша компенсация?

Громовержец склонил голову набок, обдумывая вопрос.

– Шатер Редвинг может поступить так же, как любой участник рассмотрения в случае отложенного решения совета. Обратитесь со своей жалобой к тому совету, который будет избран в следующем сезоне. Остается всего два месяца до переезда в лагерь у Медвежьего Брода.

– Но он же уедет! – взвыла Камбия; она была в таком отчаянии, подумала Фаун, что даже не протянула руку к жезлу, чтобы получить право говорить. Однако в этом случае

Пакона не стала наводить порядок; наверное, ей приходилось унимать дрожь в собственных коленках.

Громовержец покачал головой.

– Вопрос о свадебной тесьме слишком сложен, чтобы его мог решить один человек, даже если дело не терпит. Проблему должно рассмотреть общее собрание лагеря, отрешившись от эмоций, связанных с данным конкретным случаем. Людям нужно тщательно все обдумать и обсудить.

Фаун видела, что этот довод произвел впечатление на членов совета. И еще было ясно одно: для большинства не важно, каким образом избавиться от Фаун, – лишь бы она уехала. Впрочем, на лицах дозорных было написано упрямство, не уступавшее упрямству Дора.

Дор быстро и тихо посоветовался о чем-то с Камбией. Старая женщина покачала головой то ли в гневе, то ли в тревоге, но в конце концов согласилась с сыном.

Дор повернулся к членам совета.

– Шатер Редвинг желает получить жезл.

Пакона кивнула, взяла в руки жезл, но заколебалась.

– Ты, знаешь ли, не можешь настаивать на повторном голосовании по тому же вопросу до собрания в Медвежьем Броде.

– Я знаю. У меня другой вопрос... но тесно связанный с предыдущим.

– И твоя идея насчет расторжения брачных уз – это тоже для общего собрания. Как я тебе говорила раньше, едва ли ты в этом добьешься своего, особенно если она, – Пакона мотнула головой в сторону Фаун, – уже уедет.

– Я не о том буду говорить, – возразил Дор, и Пакона, пожав плечами, передала ему

жест.

– Шатер Редвинг не имеет другого выбора, – нам Дор, – как примириться с проволочкой. – Он бросил яростный взгляд на Громовержца. – Однако для всех ведь ясно что ко времени собрания в Медвежьем Броде Даг давно уже уедет. Наше требование, если собрание его удовлетворит, приведет ко взиманию крупного штрафа в пользу лагеря. Мы просим, чтобы кредит Дага был закрыт до нового разбирательства, чтобы лагерь не понес убытков в том случае, если штраф будет наложен. Это также обеспечит явку Дага на следующий совет.

Пакона и Огит сразу же одобрительно закивали. Ласки и Ригни задумались, Тиока и Дови смутились. На лице Громовержца нельзя было прочесть ничего.

Пакона с облегчением сказала:

– Ну, у такого решения по крайней мере имеется много прецедентов.

Даг улыбался странной сухой улыбкой. Фаун рискнула похлопать его по колену и прошептать ему в ухо:

– Что это значит? Могут они заставить тебя вернуться обратно?

– Нет, – прошептал в ответ Даг. – Понимаешь, бывает, что проигравший дело в гневе забирает все свое имущество, что хранится на общем складе, и прячет его, чтобы не платить штраф. Закрытие кредита предотвращает подобную неприятность. Однако поскольку у Дора не будет никакой возможности обратиться с жалобой к совету в Медвежьем Броде или еще куда-нибудь, потому что ответчика – меня – там не будет, мой кредит окажется закрыт навсегда. Так я окажусь бедняком, хоть и не буду изгнан, и Дору не придется возиться со всем этим непростым делом. У него может выгореть – никто не любит рисковать ресурсами лагеря. Дор ловко придумал только я готов, если придется, уйти и голышом. На этот крючок я не попадусь, Искорка.

– Эти братья... – пробормотала Фаун, поникнув на своем жестком чурбаке.

Губы Дага дрогнули:

– Действительно.

– Требование шатра Редвинг представляется мне разумным, – сказала Пакона, – особенно если учесть, что Даг Редвинг говорил о своем намерении уехать из лагеря.

– Уехать? – встрял Огит. – Ты так это называешь? А я говорю – это просто дезертирство, замаскированное всякой чепухой. Что ты собираешься предпринять, Громовержец? – Старик наклонился вперед, чтобы бросить на командира дозорных злой взгляд.

– Это внутреннее дело дозора, – ответил Громовержец, и железная окончательность его тона заставила замолчать даже Огита, который, хоть и пыхтел, больше ничего сказать не рискнул.

Нарушив свое решение больше не говорить, Даг кивнул Громовержцу и сказал:

– Мне нужно поговорить с тобой после совета. Это мой долг.

Громовержец кивнул в ответ.

– Приходи в штаб. Это тебе по дороге.

– Хорошо.

Пакона постучала костяшками пальцев по чурбаку, на котором стояла свеча.

– Что ж, давайте голосовать. Следует ли закрыть кредит Дагу Редвингу до заседания совета в Медвежьем Броде. «Да» будет означать, что имущество Дага под арестом, «нет» что он волен им распоряжаться. – Было ясно, что она с трудом удержалась, чтобы не добавить: «и растратить на крестьянских любовниц», но дисциплина все же помешала ей. Едва-едва, решила Фаун. – Огит?

– Да. – Тут все было ясно. Последовало еще три «да» – твердых или нерешительных, разочаровавших Фаун; вопрос был решен не в пользу Дага еще до того, как Пакона сказала свое твердое «да». Дови оглядела членов совета, произвела мысленную арифметику и пробормотала безопасное и бесполезное «нет».

Громовержец поморщился и тоже буркнул:

– Нет.

– Требование шатра Редвинг удовлетворено, — подвела итог Пакона. – Совет лагеря постановляет, что Даг Редвинг не может пользоваться кредитом до нового разбора его дела в Медвежьем Броде.

Наступившая тишина была разорвана криком вскочившего на ноги Сауна:

– Проклятое ворье! – Рази и Грифф вдвоем вцепились в молодого дозорного и заставили его сесть. – После Рейнтри! После Рейнтри! – Мари повернулась к нему и нахмурилась, но явно не нашла в себе сил отчитать. Когда она взглянула на своего племянника Дора, ее взгляд мог бы поджарить бекон, подумала Фаун.

Омба уже давно порывалась что-то сказать. Теперь она выхватила жезл из руки своего удивленного мужа, взмахнула им и выкрикнула:

– Заставьте его забрать своего коня! Копперхед – чистое бедствие! Он искусал трех моих девушек, двух брыкнул и так покалечил нескольких лошадей на пастбище, что мне пришлось накладывать швы! Мне нет дела до того, уйдет ли Даг из лагеря без штанов, но я требую, чтобы он забрал этого коня! – Слова Омбы прозвучали очень раздраженно, если не считать того, что она незаметно для Дора подмигнула Дагу.

– Вот ты только представь себе, Искорка, – краем губ пробормотал Даг. – Мы с Копперхедом – он без седла, я без штанов...

Фаун готова была вцепиться в Дага и начать его трясти изо всех сил за то, что он чуть не заставил ее расхохотаться в такой серьезный момент. Ей пришлось зажать рот рукой и опустить глаза в землю, пока она не смогла справиться с собой.

– Мои глаза были бы счастливы! – прошептала она и испытала сладкое чувство мести, заметив, как Даг чуть не давится смехом.

Дор бросил на них яростный взгляд, бессильный помешать им обмениваться шутками. Это оказался лакомый кусочек для Фаун посреди пепла, в который обратилось их благосостояние.

– Откуда у тебя взялся этот конь? – тихо поинтересовалась Фаун.

– Я проигрался в кости, когда однажды ехал в лодке через Серебряные Перекаты.

– Ах, проигрался... Тогда понятно.

Пакона бросила на Дага недружелюбный взгляд.

– Остается вопрос: что входит в имущество, которое должно храниться на общем складе, а что является личными вещами. – Если она и представила себе Дага, нагишом покидающего лагерь, то ее чувства очень отличались от тех, которые испытывала Фаун.

– Лучше не начинай этого, Пакона, – пророкотал Громовержец, – если не хочешь, чтобы среди дозорных вспыхнул бунт.

Саун, все еще подпрыгивавший на чурбаке и удерживаемый только тяжелой рукой Утау, выглядел так, как будто был готов поднять восстание прямо сейчас, и если от Дирлы, Рази и Гриффа не шел пар, то только потому, что они не были мокрыми.

Пакона, подняв брови, посмотрела на командира дозорных.

– Разве ты не можешь держать в узде свою буйную молодежь, Громовержец?

– Пакона, я их возглавлю.

Старая женщина сжала губы, не оценив его черный, но вполне искренний юмор. Однако она поняла, что зашла слишком далеко.

– Хорошо. До совета в Медвежьем Броде дозорный... бывший дозорный может пользоваться своим конем Копперхедом, оружием и тем имуществом, которое сможет увезти. Крестьянка может уехать со всем, что имела по прибытии, – нам до этого дела нет.

– А как насчет свадебных подарков, которые он послал ее родне? – неожиданно спросил Дор.

– Лучше не начинай этого разговора, Дор, – подняла на него глаза Мари. Фаун не была уверена, прибегла ли Мари к голосу, которым командует отрядом, или заговорила, как строгая тетюшка, только Дор сник и даже Пакона не рискнула одернуть Мари.

Пакона выпрямилась и оглядела собравшихся.

– Шатер Редвинг, хотите ли вы еще что-нибудь сказать, прежде чем я закрою совет?

Дор выдавил непослушными губами:

– Нет, мэм. – Решение насчет кредита вызвало у него горькое удовлетворение, но Камбия позади него сидела молча и неподвижно.

– Даг Редвинг?

Даг молча покачал головой.

Пакона протянула руку, и жезл вернулся к ней. Она трижды ударила им, наклонилась вперед и задула свечу.

Закрыв дверь комнаты, Громовержец оставил за порогом возмущенных дозорных, которые выкрикивали все более изобретательные и горячие предложения по поводу того, как отомстить Дору. Даг порадовался относительной тишине. Громовержец жестом предложил им с Фаун сесть, но Даг покачал головой и остался стоять, устало опираясь на свой костыль.

«Мы больше не товарищи по оружию, по-моему».

Кем теперь он был – дозорным Фаун? Даг и сам не знал. Принадлежащий Фаун Даг. Принадлежащий навсегда. Она держала его за руку, встревоженно глядя на Громовержца, и Даг позволил себе слегка опереться на ее хрупкое плечо.

– Мне очень жаль, что все так вышло, – сказал Громовержец, мотнув головой в направлении поляны совета. – Я не ожидал, что Дор меня проведет. Причем дважды.

– Я всегда говорил, что мои родичи невозможные, но никогда не утверждал, что они глупы, – вздохнул Даг. – По-моему, между вами ничья. Я принял решение, когда явился на совет, ожидая, что меня и в самом деле изгонят; раз они этого не потребовали, я решил уехать сам. Я, конечно, подаю в отставку, – добавил Даг. – Мне следовало побывать здесь до совета, и тогда ты не попал бы в трудную ситуацию, но я не был уверен, как все повернется. Если ты сочтешь это дезертирством, я не стану спорить.

Громовержец протянул руку и вытащил колышек Дага из клетки, обозначенной «Отсутствующие по болезни». Выпрямившись, он задумчиво взвесил колышек на ладони.

– Так что ты собираешься делать – там, в крестьянских краях? Я не могу себе представить тебя пашущим землю.

– По крайней мере я буду двигаться, хотя сейчас и хотелось бы посидеть; это настроение пройдет, оно всегда проходит. Я не шутил, когда сказал, что не знаю. – Когда-то он побывал в дальних краях, а теперь совершенно не был уверен в том, что следующее его великое путешествие не будет протекать на одном месте, но заведет его далеко во времени – путь, который он с трудом мог себе представить и уж тем более не мог описать. – Ни один план, который я составлял, не принес мне ни малейшей пользы, а иногда планы мешают увидеть другие открывающиеся дороги. Я хочу некоторое время сохранять ясный взгляд. Выяснить, можно ли действительно научить новым трюкам старого дозорного.

– Ты в последнее время освоил их немало, если верить Хохарии.

– Ну да. Передай ей мои извинения и благодарность, – добавил Даг. – Она почти сманила меня от тебя. Но... такая дорога вела бы не туда. Я многого не знаю, но это мне известно.

– Никаких властителей и подданных, – пристально глядя на Дату, сказал Громовержец.

– Верно, – согласился Даг. – Я хочу найти другую дорогу, которая была бы достаточно широка для всех. Кто-нибудь должен же ее разведать. Может быть, я и не пройду по этой новой дороге, но я ее укажу тому, кто окажется умнее меня, – если буду держать свой Дар открытым и внимательно осматриваться и прислушиваться.

– Нет смысла человеку узнавать новое, – задумчиво проговорил Громовержец, – если он не возвращается, чтобы научить ему других.

Даг покачал головой.

– Перемены необходимы. Однако они не произойдут здесь и сейчас, с этими людьми. Совет лагеря это доказал.

Громовержец вытянул вперед руки и покачал ладонями, как чашками весов.

– Голосование не было единогласным.

– Надежда есть, – признал Даг. – Даже если это произошло главным образом из-за гибкости спины Дови Грейхерон. – Громовержец хохотнул, неохотно с ним соглашаясь.

– Отъезд не был моим первым намерением, — сказал Даг, . – Мы с Искоркой остались бы здесь, если бы нам позволили. Я бы сейчас готовился снова отправиться в дозор.

– Нет. Ты все еще был в списке раненых, – возразил Громовержец и опустил взгляд. – Как нога? Ты, как я заметил, берег ее, когда шел обратно.

– Постепенно заживает. Ее все еще дергает, когда я устаю. Я рад, что уеду на Копперхеде, а не уйду пешком, спасибо Омбе за догадливость. Мне будет не хватать этой женщины.

Громовержец задумчиво посмотрел в окно на сверкающую воду озера.

– Значит... если бы ты мог вернуться к своему изначальному плану... прости, Фаун, теперь даже магия Стражей Озера не могла бы заставить его осуществиться... так вот: если бы можно было, ты бы так и поступил?

Взгляд Громовержца был испытующим, и Даг понял, насколько важен этот вопрос. Он молча склонил голову, несколько раз моргнул и просто сказал:

– Нет. – Взглянув в серьезное лицо Фаун, он на мгновение стиснул ее плечи. – Брось-ка ты мой колышек в огонь. С дозором я покончил.

Громовержец коротко кивнул.

– Что ж, если когда-нибудь передумаешь – или если жизнь снова даст тебе пинка, – ты знаешь, где нас найти. Я все еще буду на месте.

– Ты ведь никогда не сдашься, верно?

– Мне Массап не позволит, – хмыкнул Громовержец. – Она ужасно опасная женщина. В тот день, когда я ее встретил – сорок один год назад, – все мои замечательные планы рухнули в озеро и больше никогда не всплыли на поверхность. Вот и ты держись за свою опасную женщину, Даг. Они редки, найти их нелегко.

– Это я заметил, – улыбнулся Даг.

Громовержец еще раз подкинул колышек на ладони, потом резким движением протянул его Фаун.

– Вот. Думаю, что теперь он твой. Смотри не потеряй.

Фаун посмотрела на мужчин, удивленно подняв брови, потом улыбнулась и стиснула колышек в своей маленькой руке.

– Уж можешь быть в этом уверен, командир.

Даг намеревался уехать с первыми лучами рассвета – отчасти ради того, чтобы проделать хотя бы часть пути по хорошей погоде – день обещал оказаться прохладным и дождливым, – но главным образом для того, чтобы избежать прощаний или споров: желающих отговорить его от принятого решения все еще было достаточно. Они с Фаун упаковали седельные сумки еще с вечера, и Даг раздал то, что не собирался брать с собой: сундучок – Сарри, пику – Рази, меч своего отца – Утау, поскольку совсем не хотел, чтобы он достался Дору. На зимнюю одежду, хранящуюся в лагере у Медвежьего Брода, он, должно быть, теперь рассчитывать не мог – как и на кредит. Шатер Блуфилд он оставил стоять на месте – пусть достанется девушкам со склада, раз уж они так рвались им завладеть.

Даг удивился, когда, вместо того чтобы прислать кого-то из своих помощниц, из тумана вынырнула Омба, ведя в поводу Копперхеда и Грейс. Женщина тепло обняла Дага.

– Прощмыгнула, чтобы попрощаться тайком от родственников? – поинтересовался Даг, в свою очередь обнимая Омбу.

– Ну, и это... а еще мне нужно повиниться перед Фаун.

Фаун, взяв у нее поводья, сказала:

– Ты никогда не делала мне ничего плохого, Омба. Я рада, что имела возможность с тобой познакомиться.

Омба откашлялась.

– Ничего плохого, конечно, только... ну, скорее это случайность. – Она покраснела как с удивлением заметил Даг: на деловитую Омбу такое было совсем не похоже. – Фаун, мне

очень жаль, но я боюсь, что твоя кобыла беременна.

– Что? – воскликнула Фаун и повернулась к Грейс. Кобыла посмотрела на нее ласково и ничуть не раскаиваясь и ткнулась мягкими губами в руку, рассчитывая на угощение. – Грейс! Ах ты плохая девчонка, чем это ты занималась? – Фаун, смеясь, дернула за повод.

– Омба, – сказал Даг, прислонившись к плечу Копперхеда и невольно улыбаясь, – кому это ты позволила соблазнить кобылу моей жены?

Омба тяжело вздохнула.

– Жеребец Рига Кроу Облачко сорвался с привязи и переплыл с Орехового острова на остров Кобылы пять ночей назад. Он здорово поразвлекся, прежде чем мы его поймали. Фаун не единственная хозяйка кобылы, перед которой мне теперь предстоит извиняться, хоть с остальными я еще и не говорила. Не могу сказать, чтобы предвкушала такие разговоры с радостью.

– Хозяева рассердятся? – спросила Фаун. – Они планировали, что их кобыл покروют другие жеребцы? Этот Облачко – он что, плохой конь?

– О, Облачко – прекрасный конь, – заверил ее Даг. – Ты не поверишь, сколько мехов требует – и получает – Риг за случку с этим своим красавцем. Уж я-то знаю. Я в прошлом году очень дорого заплатил за то, чтобы Облачко покрыл Ласточку – после этого и родился Черныш.

– Так что, – сказала Омба, подергав себя за седую косу, – все как можно убедительнее будут кричать о том, как они огорчены, если Риг попытается содрать с них плату. Дело может дойти до разбирательств на совете лагеря.

– Надеюсь, ты простишь меня, если я пожелаю им долгих и нудных препирательств, пока горит не одна свеча, – сказал Даг. – Если Риг будет спрашивать, передай, что я и моя жена просто в ярости. – Даг так зловеще рассмеялся, что Фаун даже удивленно подняла брови.

– Я и упоминать о Грейс не собираюсь, – заверила его Омба. – У меня хватит неприятностей и без этого.

Утау и Рази пришли, чтобы помочь оседлать коней; следом явились Сарри, Мари и Каттагус. С ними Даг обменялся только короткими кивками, за исключением Мари, которую он обнял. Фаун обняла всех по очереди.

– Не надумаешь ли вернуться? – ворчливо пробормотал Утау. – Может, явишься на совет в Медвежьем Броде?

– Ради этого точно не вернусь. В остальном – кто знает? Я навсегда покидал дом по крайней мере четыре раза – Мари может подтвердить.

– Я помню очень эффектный отъезд лет восемь назад, – кивнула Мари. – Сколько крику было! Тогда ты сумел исчезнуть на семнадцать месяцев.

– Может быть, опыт позволит мне на этот раз действовать успешнее.

– Все возможно, – согласилась Мари. – Только я надеюсь, что этого не произойдет.

В конце концов пришло время садиться в седла. Рази посадил Дага и отскочил в сторону: Копперхед принялся за свои обычные штучки, так что Дагу пришлось его сурово отчитать. Утау посадил Фаун на Грейс. Выехав на дорогу, Даг и Фаун оба обернулись и помахали остающимся; те молча помахали им в ответ. Потом туман поглотил расплывчатые фигуры людей, расходящихся по своим шатрам.

Даг и Фаун не разговаривали между собой, пока копыта коней не застучали по длинному дощатому мосту, ведущему с острова. Фаун заметила, что Даг оперся о заднюю луку и через плечо оглянулся назад.

– Я не собиралась, – тихо сказала она, – когда в тебя влюбилась, сжечь твою жизнь до основания.

Даг обернулся к Фаун с грустной улыбкой.

– Я был сухой доской, а они здорово горят, Искорка. Все будет хорошо. – Он посмотрел вперед и больше не оглядывался. Через некоторое время Даг добавил: – Правда, мне действительно жаль, что я лишился всего своего имущества. Я и в самом деле думал,

когда обещал твоим родным позаботиться о тебе, что буду иметь все необходимое для твоей безбедной жизни этой зимой и всеми будущими зимами тоже. Теперь все запасы кидальников в подвалах Медвежьего Брода не про нас.

– Как я понимаю, совсем ты своего имущества не лишился. Оно скорее удерживается до будущих времен, как и мое приданое.

Брови Дага поползли вверх.

– Я не догадался посмотреть на дело под таким углом.

– Да я и не знаю, как бы нам удалось путешествовать, ведя в поводу... сколько – восемь лошадей?

Даг представил себе такую картину.

– Я больше рассчитывал обратить то, чем владею, в золотые тридены Трипойнта или серебряные масселы Серебряных Перекатов. Эти деньги признают всюду и вверх, и вниз по течению Серой реки и реки Грейс. Однако если бы все мои накопления за последние восемнадцать лет перевести в лошадей... средних лошадей, не таких, как Копперхед или Облачко... хм-м, дай-ка я подсчитаю... – Даг из интереса занялся мысленной арифметикой. – Получилось бы примерно сорок лошадей. Слишком много, чтобы вести их всех сейчас в поводу.

– Сорок лошадей! – воскликнула Фаун растерянно. – За цену сорока лошадей можно ферму купить!

– Но я не знал бы, что с ней делать, даже если бы и получил.

– Ну, я-то знала бы... Ах, не важно. Я рада, что вчера этого не знала, – добавила Фаун. – Я была бы гораздо сильнее огорчена.

– Идет против твоих представлений об экономии, да?

– Ну да! И против моих представлений кое о чем еще.

Даг подмигнул Фаун.

– Ты стоишь вдвое дороже, Искорка. Поверь мне.

– Хм-м... – Однако Фаун быстро успокоилась и ударила пятками в широкие бока Грейс, чтобы кобыла не отставала от Копперхеда.

Там, где в миле от моста дорога делилась на три, всадники остановились.

– Итак, куда теперь? – спросил Даг.

– Разве ты не решил?

– Нет. Ну, во всяком случае не на север. Лето ведь скоро кончится. – Солнце согрело воздух, и цикады в полях стали стрекотать громче, но заморозки скоро заставят их умолкнуть. – Куда бы мы ни двинулись, больших переходов делать мы не будем – нужно помнить о деликатном положении Грейс. – Даг решил, что сможет извлечь массу пользы из деликатного положения Грейс, если вспоминать о нем в подходящий момент.

Ничуть не обманутая его словами, Фаун, прищурившись, глянула на мужа и сказала:

– Совершенно с тобой согласна. – Она огляделась. – Так все-таки – по какой дороге? – Внимание Фаун неожиданно привлек какой-то звук, и она повернулась в седле. – Что это?

Даг проследил за ее взглядом и почувствовал, как в животе свернулся холодный комок: к ним во весь опор скакали Саун и Дирла, отчаянно размахивая руками.

«Отсутствующие боги, только не новый Злой! Я не хочу снова переживать все, что связано с отъездом!»

Однако на разгоряченных лицах молодых дозорных, когда они, пыхтя, остановили коней, не было написано паники.

– Я боялась, что мы с вами разминемся, – выдохнула Дирла.

Даг поднял руку в приветствии.

– Рад вас видеть, но я думал, что мы попрощались еще вчера вечером. – Того прощания, конечно, было недостаточно... и все же им следовало ограничиться.

Все еще не отдышавшийся Саун отмахнулся от возражения.

– Дело не в том. Мы привезли вот что. – Он сунул руку за пазуху и извлек кожаный мешочек, в котором что-то звякнуло. – Ребятам из нашего отряда, да и вообще многим

дозорным очень не понравилось, как все вчера обернулось на совете лагеря. Так что мы с Дирлой и Гриффом кое-что собрали. Это мелочь по сравнению с тем, что у тебя, Даг, отобрали, но хоть что-то. – Саун протянул мешочек Дагу, но тот позволил Копперхеду попятиться.

– Спасибо тебе большое, Саун, но я не могу этого взять.

– Не все поучаствовали, на кого я рассчитывала, – раздраженно сказала Дирла, – но по крайней мере проклятый совет лагеря никакого отношения к этому не имел.

Даг был и тронут, и смущен.

– Послушайте, ребята, я не могу...

– Громовержец внес три золотых тридена, – перебил его Саун, – и велел нам не говорить Массап.

– А Массап дала десять серебряных масселов, – добавила Дирла, – и велела не говорить Громовержцу. – Дирла задумчиво покачала головой. – Интересно, что они скажут друг другу, если это выяснится?

– Ты собираешься наябедничать? – заинтересованно спросил Саун.

– Ничего подобного!

Что ж... семейство Кроу – богатое. Даг вздохнул, глядя на серьезные молодые лица. Ясно, что отвертеться ему не удастся.

– Надеюсь, некоторые из тех коней, которых отобрали у меня, достанутся дозорным.

– Наверное, – кивнул Саун.

Даг улыбнулся, признавая свое поражение, и протянул пуку. Саун, ухмыляясь, вручил ему мешочек.

– Постараюсь не забыть ничего из того, чему ты меня учил. Не буду больше размахивать мечом в лесу.

– Ну, для начала хоть это, – согласился Даг. – Нужно еще быстрее отскакивать, ну да этому ты уже и сам научился – так уроки лучше запоминаются. Присматривайте друг за другом, вы двое.

– Дозор заботится о своих, – твердо сказала Дирла. Даг тепло на нее взглянул.

– Дозор заботится о каждом, Дирла. Девушка усмехнулась в ответ, совсем как Искорка.

– Тогда ты все еще остаешься дозорным, Даг, не правда ли? Будь осторожен... командир.

Дозорные попрощались и развернули коней.

Даг дождался, пока Саун с Дирлой перестали оборачиваться и махать, потом подкинул мешочек на руке и заглянул внутрь.

– Ух... неплохо! Что ж, теперь ясно, в каком направлении ехать.

– Как так?

– На юг, – решительно сказал Даг.

– Я уже бывала на юге, – возразила Фаун, – до самого Глассфорджа.

– Искорка, южные края еще даже и не начинаются, пока не доберешься до Серебряных Перекатов. Я вот подумал... в это время года спуститься на плоскодонке по реке обойдется недорого. Мы можем не спеша доехать до Серебряных Перекатов, а потом нанять лодку... такую, куда можно погрузить и Копперхеда с Грейс. Я мог бы увидеть значительную часть крестьянских земель, спокойно сидя в лодке. Очень соблазнительная мысль... Мне всегда хотелось это сделать. Следовать за осенью на юг до моря, чтобы и ты его увидела. Потом не торопясь поехать обратно – можно здорово продлить весну, возвращаясь следом за ней на север. Спорю, что за это время мой Дар исцелится. Что ты думаешь на этот счет?

Фаун только разинула рот, когда на нее обрушилось это неожиданное предложение, показавшееся ей, подумал Даг, совершенно фантастическим. Фаун закрыла рот и сглотнула.

– Когда ты задумываешь путешествие, – сказала она, – ты не мелочишься.

– Ну, по меркам старого дозорного это всего лишь прогулка, – заверил ее Даг. Он повернулся в седле, чтобы сунуть кошель в седельную сумку, потом нахмурился, когда его пальцы нащупали непонятный сверток. Он вытащил его, развернул и изумленно уставился

на уши кидальника.

– Что это? Это ты взяла с собой? – спросил он Фаун.

Она покраснела.

– Э-э... да. Я подумала, что тебе следует иметь привычную еду, где бы мы ни устроили себе дом.

– Мы не едим уши, любимая.

– Я знаю. – Фаун вскинула голову. – Они для посадки. Сарри говорила мне, что даже сухие уши не теряют всхожести года два или три. Прошлой ночью, когда ты уснул, я позаимствовала несколько штук из кормушки коней на острове Кобылы. Может, это и не лучшие, но я старалась выбрать самые крупные.

– Что ты задумала, крестьяночка?

– Я надеюсь, что, может быть, у нас когда-нибудь будет свой пруд. – В ответ на пристальный взгляд Дага она решительно повторила: – Такое может случиться!

Этого Даг отрицать не мог. Откинув голову назад, он расхохотался.

– Контрабанда кидальников! И незаконно зачатый жеребенок! Нет, Искорка, мне теперь все ясно. Нас ждет будущее грабителей с большой дороги!

Фаун смущенно улыбнулась и покачала головой.

– Ладно, поехали, Даг.

Когда они шагом пустили коней по южной дороге, над ними с криком пролетела стая диких гусей, и оба они запрокинули головы, любуясь чудом бьющих крыльев.

– Немного рано они собрались в перелет, – сказала Фаун.

– Может быть, они тоже задумали прогуляться.

– Или заблудились.

– Только не гуси. Мне это кажется скорее указанием. Давай последуем за ними.

Так они и сделали – стремя к стремени.